

МАЙКЛ РОСС
НЕФТЯНОЕ
ПРОКЛЯТИЕ
КАК БОГАТЫЕ
ЗАПАСЫ
УГЛЕВОДОРОДНОГО
СЫРЬЯ
ЗАДАЮТ
НАПРАВЛЕНИЕ
РАЗВИТИЯ
ГОСУДАРСТВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

 VTB24
Большое преимущество

НЕФТЯНОЕ ПРОКЛЯТИЕ

Michael L. Ross

The Oil Curse

How Petroleum Wealth Shapes
the Development of Nations

PRINCETON UNIVERSITY PRESS • 2012

Майкл Росс

Нефтяное проклятие

Как богатые запасы
углеводородного сырья
задают направление
развития государств

Перевод с английского

Юрия КАПТУРЕВСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

МОСКВА • 2015

УДК 338.45
ББК 65.305
Р76

Издание осуществлено при финансовой поддержке
банка ВТБ 24 (ПАО)

Росс, М.

Р76 Нефтяное проклятие: Как богатые запасы углеводородного сырья задают направление развития государств [Текст] / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под ред. Т. Дробышевской. — М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. — 464 с.

ISBN 978-5-93255-428-9

Богатые нефтью страны часто отличаются меньшей экономической стабильностью, а гражданские войны происходят в них чаще, чем в странах без нефти. Чем объясняется это «нефтяное проклятие»? И можно ли от него избавиться? В своей первопродходческой книге профессор политических наук Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Майкл Росс рассматривает, какое влияние запасы углеводородов оказывают на развивающиеся страны. Он связывает возникновение «нефтяного проклятия» с событиями 1970-х годов, когда цены на нефть резко взмыли вверх, а власти развивающихся стран установили контроль над своими нефтяными отраслями. Эта книга показывает, почему нефтяное богатство обычно приводит к более низким показателям экономического роста, чем можно было бы ожидать, почему оно способствует созданию рабочих мест для мужчин, но не для женщин, и почему оно порождает больше проблем в бедных странах, чем в богатых.

© Издательство Института Гайдара, 2015

Copyright © 2012 by Princeton University Press

Все права сохранены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме с помощью каких-либо электронных или механических средств, включая изготовление фотокопий, запись, поиск и хранение информации, без письменного разрешения издателя.

ISBN 978-5-93255-428-9

Оглавление

Предисловие к русскому изданию · 9

Предисловие · 12

Сокращения · 18; Названия стран мира
и их сокращенные обозначения · 19

Глава 1. Парадоксальное богатство народов · 21

Что вызывает нефтяное проклятие? · 27; Место нефти в истории · 31; Нефтяной рубеж · 35; Заглядывая вперед · 39; Приложение 1.1. Замечания о методологии и принципах измерений · 45

Глава 2. Нефтяные доходы
и сопутствующие им проблемы · 62

Масштабы и источник нефтяных поступлений · 63; Что привело к подъему волны национализаций? · 80; Стабильность нефтяных денежных поступлений · 97; Изменение объемов добычи · 105; Секретный характер нефтяных доходов · 112

Глава 3. Больше углеводородов, меньше
демократии · 120

Источники демократии · 121; Почему имеет значение фискальная политика? · 124; Фискальная теория демократии · 128; Обратимся к данным · 136; Советское нефтегазовое государство · 154; Латинская Америка как исключение из общего правила · 158; Действительно ли богатство нефтью идет во вред демократиям? · 160; Снова Россия · 166; Статистический анализ нефти и демократии · 170

Глава 4. Углеводороды увековечивают патриархат · 195

Расширение возможностей женщин: введение · 196; Теория расширения прав женщин · 204; Нефть и женщины в разных частях мира · 210; Статистический анализ нефти и положения женщин в обществе · 228

Глава 5. Нефть и конфликты с применением силы · 248

Гражданская война: к истории вопроса · 249; Теория гражданской войны · 252; Общие правила конфликтов · 265; Механизм воздействия нефти на возникновение конфликтов · 276; Нефть как одна из основ сепаратизма · 281; Насилие, финансируемое нефтью · 291; Статистический анализ нефти и гражданского конфликта · 307

Глава 6. Нефть, экономический рост и политические институты · 321

Действительно ли экономика нефтедобывающих стран растет низкими темпами? · 322; Загадка «нормального» роста · 335; Проблема волатильности · 346; Объяснение причин неспособности нефтедобывающих стран осуществлять правильную экономическую политику · 352; Тайна несостоятельности экономической политики · 365

Глава 7. Нефть — хорошие и плохие известия · 377

Геология и развитие · 378; Нефть приносит различные доходы · 380; Нефтяное проклятие как новое явление · 385; Различия между нефтедобывающими странами · 388; Особенности ближневосточных стран · 392; Что делать? · 398; Сокращение размера доходов от продажи углеводородов · 399; Изменение источника углеводородных доходов · 409; Повышение устойчивости углеводородных доходов · 413; Как приподнять завесу секретности над углеводородными доходами · 418; Разумное расходование денежных поступлений от продажи нефти · 422; Что делать импортерам нефти? · 429

Библиография · 435

Посвящается Тине

Предисловие к русскому изданию

Для меня большая честь, что Институт Гайдара решил сделать мою книгу «Нефтяное проклятие» доступной российскому читателю. До своей безвременной кончины в 2009 г. Егор Гайдар был ведущим мировым мыслителем, уделявшим большое внимание сложным взаимоотношениям между экономическими силами и политической властью, а его выступления и комментарии встречали хороший прием в Европе и Северной Америке. Идеи его книги «Гибель империи», в особенности о роли нефтяного богатства в ослаблении централизованной советской системы, оказали глубокое влияние на мое понимание связей между природными ресурсами и авторитаризмом.

После того как «Нефтяное богатство» впервые увидело свет в 2012 г., в глобальной нефтяной политике произошли серьезные изменения. В 2014 г. неожиданный рост производства нефти и газа в Соединенных Штатах и замедление импорта в Азии привели к резкому падению мировых цен на нефть. Когда цены снижались раньше, Саудовская Аравия стабилизировала рынок, в одностороннем порядке сокращая объемы своей добычи, по сути, жертвуя своей долей рынка ради поддержания стабильных мировых цен. Но на этот раз она предпочла не менять объемы добычи и позволить ценам упасть, возможно, чтобы наказать конкурентов, вроде Ирана, и в конце концов получить еще большую долю мирового рынка.

С июля 2014 по июль 2015 г. мировые цены на нефть упали на 45%. Падение цен сказалось на бюджетах боль-

шинства стран, позволило бесчисленным политикам сколотить состояния или, наоборот, их лишиться, перевернуло мировую энергетическую отрасль с ног на голову и прямо или косвенно повлияло на благосостояние миллиардов людей.

«Нефтяное проклятие» описывает политические недуги и дилеммы, с которыми сталкиваются богатые углеводородами страны. Одна из этих проблем — волатильность: правительства таких стран зависят от доходов от продажи товара, цены на который подвержены непредсказуемым колебаниям. Когда книга только вышла в свет, многие считали, что волатильность — не самая важная вещь: в конце концов, цены на нефть оставались относительно стабильными в 1990-е, а затем постепенно росли в 2000-е. Но резкое падение цен в 2014–2015 гг. напомнило многим наблюдателям, что цены на нефть глубоко нестабильны и что внезапные ценовые шоки никогда нельзя сбрасывать со счетов.

Некоторые правительства, включая российское, хорошо сознавали проблему волатильности и работали над тем, чтобы защитить свои экономики, создавая крупные стабилизационные фонды или накапливая золотовалютные резервы для компенсации неожиданного падения доходов от продажи нефти. Но даже стабилизационные фонды — не идеальное решение: когда цены остаются низкими на протяжении нескольких лет, денег все равно может перестать хватать и правительствам придется урезать расходы, принимая болезненные и непопулярные меры.

В последний раз нефтяные цены падали так глубоко в 1980-х, и это имело серьезные политические последствия для многих стран, включая Советский Союз. Поначалу советское правительство пыталось компенсировать низкие цены, увеличивая добычу, но это оказалось физически невозможно. Затем низкие цены вызвали потребность как в экономической реструктуризации (перестройка), так и в политической либерализации (гласность); когда же эти реформы оказали дестабили-

зирующее влияние, экономика начала разваливаться на части. Тяготы и лишения, которые пережили многие граждане, были поистине огромными.

Никто не знает, какими будут цены на нефть, и потому никто не может предсказать будущую политику богатых углеводородами стран. И все же эта книга объясняет фундаментальные особенности нефтяных государств, которые сохраняются, независимо от цен на нефть: их необычайно большой государственный бюджет и волатильные доходы и расходы; непрозрачные и зачастую коррумпированные государственные нефтяные компании, доминирующие на многих рынках; порождаемую этим концентрацию политической власти; то, как нефтяной экспорт влияет на рынки труда и, соответственно, возможность найти работу для женщин; требования автономии, выдвигаемые в богатых ресурсами регионах, где доминируют меньшинства, и нередкие последующие насильственные конфликты; и вследствие этого невероятную нагрузку на институты государства.

Даже если в краткосрочной перспективе низкие нефтяные цены воспринимаются болезненно, в долгосрочной перспективе они открывают возможности для экономического роста и политического обновления. При высоких ценах у многих правительств нет особенных стимулов бороться с коррупцией или диверсифицировать свою экономику; но когда цены падают, может возникнуть консенсус в поддержку реформ, включая реформы, которые ведут к снижению коррупции, росту инвестиций в сектора, не связанные с природными ресурсами, и могут помочь сформировать общество, основанное на развитии человеческого капитала, а не на добыче и продаже полезных ископаемых. Для страны, вроде России с ее невероятными человеческими ресурсами, это путь в будущее, полный блестящих возможностей.

*Профессор Майкл Л. Росс
Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе
1 июля 2015*

Предисловие

КАЖДЫЙ из тех, кто мечтает об огромном выигрыше в лотерею или о находке древнего клада, надеется, что большая сумма денег сделает его жизнь лучше. Но многие развивающиеся страны, на территории которых были обнаружены ценные природные ресурсы, могут столкнуться с неожиданными, а в некоторых случаях пагубными политическими последствиями таких открытий. В этой книге объясняются происхождение и природа «проклятия» полезных ископаемых и рассматриваются возможности избавления от него.

Я начал исследование этой проблемы в конце 1990-х гг. С тех пор многое изменилось. Первоначально мое внимание было сосредоточено на загадочных бумах сырьевых товаров 1970-х гг., которые принесли огромные деньги, но не смогли обеспечить странам, богатым различными природными ресурсами, устойчивого роста. Начавшийся в 2000-х гг. новый бум сырьевых цен породил новый поток доходов в странах, специализирующихся на добыче полезных ископаемых, что обусловило новый всплеск интереса к отрицательным последствиям ресурсного богатства. Одновременно ученые получили возможность приступить к изучению богатейших данных о взаимосвязях между природными ресурсами, экономикой и политикой государств.

Изменился и политический ландшафт. Во многих странах — экспортерах углеводородного сырья были созданы новые институты, перед которыми была поставлена задача управления непредвиденными доходами. Благодаря давлению неправительственных организаций

(НПО), были заключены новые международные соглашения об отказе от торговли алмазами, добытыми в зонах конфликтов, и об обеспечении прозрачности доходов, полученных в нефтяном и газовом секторах, а также благодаря добыче других полезных ископаемых. Всемирный банк и Международный валютный фонд, подвергнутые мною критике в докладе «Oxfam 2001» («Оксфам 2001») за финансирование проектов в секторе добычи полезных ископаемых, осуществление которых вносит незначительный вклад в борьбу с бедностью, согласились с необходимостью реформ в добывающем секторе.

Приступая в 2005 г. к написанию этой книги, я пересмотрел свои уже опубликованные к тому времени работы, в которых высказывалось предположение о том, что ресурсное богатство отрицательно отражается на уровне демократии в государстве и создает предпосылки для развязывания гражданских войн. Я обнаружил в них немало ошибок, упущений и необоснованных допущений. Благодаря некоторым проницательным скептикам, и прежде всего Майклу Гербу, Стивену Хаберу, Виктору Менальдо, Гэвину Райту, Роберту Конраду, Михаилу Алексееву, Эрвину Бульте и Кристине Бруншвайлер, я решил пересмотреть имевшиеся у меня данные.

Свежий взгляд на проблему позволил обнаружить немало неожиданностей. Допущение, согласно которому нефтяное богатство было связано с медленным экономическим ростом и слабыми государственными институтами, оказалось ошибочным. Другие научные выводы сохраняют свою силу, хотя и в модифицированных формах. Такие матрицы, как отношения между нефтью и авторитаризмом, нефтью и гражданской войной, оказались неполными. Возможно, что нефть оказывает более сильное и более пагубное воздействие, чем другие виды полезных ископаемых. Поэтому я попытался оценить роль факторов, в прошлом остававшихся вне сферы моего внимания, таких как воздействие запасов углеводородов на экономические возможности женщин, имевшее далеко идущие последствия для их политиче-

ских прав, роста численности населения и долгосрочного экономического роста.

Но самым большим сюрпризом для меня стал вывод о том, что ресурсное проклятие, в нашем современном понимании, является новым феноменом. Богатые нефтью страны давно занимают особые позиции; и все же, до начала 1980-х гг., политические различия между нефтедобывающими и остальными странами были относительно невелики. Вероятно, потрясения, происходившие на глобальных энергетических рынках в 1970-х гг., следствием которых стало резкое увеличение объема и повышение степени волатильности доходов нефтедобывающих государств «включили» механизм ресурсного проклятия. В процессе работы над книгой у меня родились новые идеи, позволяющие облегчить понимание этого механизма.

Во время написания этой книги у меня накопилось до смешного много долгов. В 2006 г. я получил щедрый грант от Института «Наблюдение за доходами» (Revenue Watch Institute), что позволило мне в течение года сосредоточиться исключительно на работе над книгой. Но я благодарен Институту не только за предоставление гранта. Участие в деятельности его консультативного совета позволило мне лучше понять вызовы, с которыми сталкиваются богатые природными ресурсами государства, и помогло мне оценить замечательную деятельность этой организации в десятках стран мира. Revenue Watch Institute открыл для меня возможность общения с практиками, учеными и гражданскими активистами, с которыми у меня установились дружеские отношения. Я выражаю искреннюю признательность всем, кто благородно поделился со мной своими знаниями, и прежде всего Карин Лиссакерс, Энтони Рихтеру, Джо Беллу, Энтони Венеиблсу, Бобу Конраду, Антуану Хейти, Чандре Киране, Джулии Маккарти, Ванессе Герриншоу и многим другим.

В течение нескольких лет я имел честь встречаться с учеными, внесшими огромный вклад в изучение рын-

ка сырьевых товаров и политики, включая Билла Ашера, Ричарда Оути, Алана Гельба и Терри Карл. Я надеюсь, что мое собственное исследование основывается на заложенном ими фундаменте. В еще большей степени я обязан ученому Полу Коллиеру. Со студенческой скамьи меня вдохновляли его научные работы, посвященные изучению природных ресурсов, проблемы бедности и политической экономии. В 2000 г. Коллиер пригласил меня провести год в качестве внештатного исследователя Всемирного банка. Благодаря моему наставнику, я в течение многих лет принимал участие в различных научных и политических инициативах. Невозможно переоценить влияние его исследований, щедрости и дружеского отношения на написание этой книги.

В 2009 г. я разослал один из черновых вариантов этой книги своим коллегам и через некоторое время получил от многих из них отзывы. В первую очередь я хотел бы отметить в высшей степени полезные предложения Пьера Энглеберта, Кевина Моррисона, Деши Жиро, Антуана Хейти, Патрика Хеллера, Хироки Такеучи и Рара Торвика.

Я хотел бы выделить особо комментарии двух моих друзей — прекрасных специалистов в области общественных наук и политики в сфере использования природных ресурсов Макартана Хамфриса и Эрика Вибеля. И тот и другой предоставили мне подробные предложения, которые во многом способствовали появлению на свет окончательного варианта книги. Я благодарен Макартану и Эрику за наши дружеские отношения и то время, которое они уделили знакомству с «Нефтяным проклятием» и размышлениям над ней.

Во время работы над книгой я обсуждал отрывки из нее с учеными и студентами различных научных и учебных заведений, таких как Университет Бригама Янга и Джорджтаунский университет, Массачусетский технологический институт и Высшая школа RAND, Калифорнийский университет в Сан-Диего, Пенсильванский и Йельский университеты. Организаторы «Форум-

ма по вопросам национальной безопасности в Штате одинокой звезды», и прежде всего Юджин Гольц, были так добры ко мне, что посвятили разбору моей рукописи одно из утренних заседаний, а подробный ее анализ, представленный Моникой Тофт, заставил меня пересмотреть целый ряд доводов. Вместе со Скоттом Купером из Университета Бригама Янга мы плодотворно обсудили приводившиеся в рукописи основные аргументы.

Начиная с 2001 г. моим интеллектуальным домом стал Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе. На факультете политических наук, в течение последнего десятилетия находившегося под мудрым управлением Майка Лофчи и Эда Келлера, я встретил прекрасных коллег и обрел близких друзей. Я хотел бы искренне поблагодарить Барбару Геддес, Дэна Познера, Дэна Трейсмана и Джеффа Льюиса, ставших моими проводниками на незнакомой территории в то время, когда я продолжал работать над книгой. Кроме того, Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе предоставил мне возможность поработать с лучшими студентами магистратуры. Многие из них оказали мне существенную помощь в проведении исследований, образовавших фундамент книги. Это студенты Мак Баньянунда, Элизабет Карлсон, Паша Махдави, Брайан Мин, Джефф Парис, Ануп Сарбахи, Ани Саркисян и Райса Тоха. Рут Карлиц, Паша Махдави и Эрик Крамон тщательно просмотрели предпоследний вариант рукописи «Нефтяного проклятия» и помогли сделать текст более последовательным и связным.

В течение почти двух десятилетий моим верным другом и «резонатором» был Том Банхоф; его мудрые советы и поддержка помогли мне преодолеть самые трудные стадии написания книги. Ключевые ее части родились во многом благодаря нашим длительным беседам с Андреасом Виммером. Его обширные комментарии черновиков «Нефтяного проклятия» помогли значительно улучшить рукопись. Чак Майерс, редактор книги в Из-

ПРЕДИСЛОВИЕ

дательстве Принстонского университета направлял мои действия, начиная с самой первой ее инкарнации, и любезно отодвигал нарушенные мною сроки сдачи. Дмитрий Каретников мастерски преобразовал хаотичные наборы чисел в диаграммы и графики, а Синди Мильштейн выправила мой не слишком изящный стиль.

Я познакомился с моей женой Тиной вскоре после того, как начал работать над этой книгой. Она не помогала мне ни в исследованиях, ни в написании «Нефтяного проклятия». Если бы мы не встретились и у нас не родился бы прекрасный сын Адам, возможно, я гораздо раньше завершил бы рукопись. Но благодаря Тине моя жизнь превосходит любые мои ожидания. Поэтому я посвящаю книгу моей жене.

Сокращения

АИОС (АИНК)	«Англо-Иранская нефтяная компания» (Anglo-Iranian Oil Company)
EITI (ИПДО)	«Инициатива по обеспечению прозрачности добывающих отраслей» (Extractive Industries Transparency Initiative)
GAM (ДСА)	Движение за свободу Ачеха (Aceh Freedom Movement)
GDP (ВВП)	валовый внутренний продукт (gross domestic product)
GMM (ОММ)	обобщенный метод моментов (generalized method of moments)
IMF (МВФ)	Международный валютный фонд (International Monetary Fund)
ИОС (МНК)	международная нефтяная компания (international oil company)
IPC (ИНК)	«Иракская нефтяная компания» (Iraqi Petroleum Company)
НОС (ГНК)	государственная нефтяная компания (national oil company)
NGO (НПО)	неправительственная организация (nongovernmental organization)
OECD (ОЭСР)	Организация экономического сотрудничества и развития (Organization for Economic Cooperation and Development)
OLS (МНК)	метод наименьших квадратов (ordinary least squares)
ОПЕК (ОПЕК)	Организация стран — экспортеров нефти (Organization of Petroleum Exporting Countries)
PDSVA (ГНГКВ)	«Государственная нефтегазовая компания Венесуэлы»
РЕМЕХ (ПЕМЕКС)	«Мексиканская государственная нефтегазовая и нефтехимическая компания»
PRI (ИРП)	Институционально революционная партия (Мексика) (Institutional Revolutionary Party)

Названия стран мира и их сокращенные обозначения

AUS	Австралия	GIN	Гвинея	ZAR	Демократи- ческая республика
AUT	Австрия	GNB	Гвинея-Бисау	CON	Конго
AZE	Азербайджан	DEU	Германия	COG	Республика
ALB	Албания	HND	Гондурас	CON	Конго
DZA	Алжир	GRC	Греция	PRK	КНДР
AGO	Ангола	GEO	Грузия	KOR	Республика
ARG	Аргентина	DNK	Дания	KOR	Корея
ARM	Армения	DJI	Джибути	CRI	Коста-Рика
AFG	Афганистан	DOM	Доминиканская республика	CIV	Кот-д'Ивуар
BHS	Багамы	EGY	Египет	CUB	Куба
BGD	Бангладеш	ZMB	Замбия	KWT	Кувейт
BRB	Барбадос	ZWE	Зимбабве	LAO	Лаос
BHR	Бахрейн	ISR	Израиль	LVA	Латвия
BLR	Беларусь	IND	Индия	LSO	Лесото
BLZ	Белиз	IDN	Индонезия	LBR	Либерия
BEL	Бельгия	JOR	Иордания	LBN	Ливан
BEN	Бенин	IRQ	Ирак	LBY	Ливия
BGR	Болгария	IRN	Иран	LTU	Литва
BOL	Боливия	IRL	Ирландия	LUX	Люксембург
VIN	Босния	ISL	Исландия	MUS	Маврикий
BWA	Ботсвана	ESP	Испания	MRT	Мавритания
BRA	Бразилия	ITA	Италия	MDG	Мадагаскар
BRN	Бруней	YEM	Йемен	MKD	Македония
BFA	Буркина-Фасо	CPV	Кабо-Верде	MWI	Малави
BDI	Бурунди	KAZ	Казахстан	MYS	Малайзия
BTN	Бутан	KHM	Камбоджа	MLI	Мали
GBR	Великобритания	CMR	Камерун	MDV	Мальдивы
HUN	Венгрия	CAN	Канада	MLT	Мальта
VEN	Венесуэла	QAT	Катар	MAR	Марокко
VNM	Вьетнам	KEN	Кения	MEX	Мексика
GAB	Габон	CYP	Кипр	MOZ	Мозамбик
HTI	Гаити	KGZ	Киргизия	MDA	Молдова
GUY	Гайана	CHN	Китай	MNG	Монголия
GMB	Гамбия	COL	Колумбия	MMR	Мьянма
GHA	Гана	COM	Коморские о-ва	NAM	Намибия
GTM	Гватемала				

НЕФТЯНОЕ ПРОКЛЯТИЕ

NPL Непал	SWZ Свазиленд	UZB Узбекистан
NER Нигер	SEN Сенегал	UKR Украина
NGA Нигерия	YUG Сербия	URY Уругвай
NLD Нидерланды	SGP Сингапур	FJI Фиджи
NIC Никарагуа	SYR Сирия	PHL Филиппины
NZL Новая Зеландия	SVK Словакия	FIN Финляндия
NOR Норвегия	SVN Словения	FRA Франция
ARE Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ)	USA США	HRV Хорватия
OMN Оман	SLB Соломоновы острова	CAF Централь- ноафриканская республика
PAK Пакистан	SOM Сомали	TCD Чад
PAN Панама	SDN Судан	CHL Чили
PNG Папуа — Новая Гвинея	SUR Суринам	CZE Чехия
PRY Парагвай	SLE Сьерра-Леоне	CHE Швейцария
PER Перу	TJK Таджикистан	SWE Швеция
POL Польша	THA Таиланд	LKA Шри-Ланка
PRT Португалия	TWN Тайвань	ECU Эквадор
RUS Россия	TZA Танзания	GNQ Экваториальная Гвинея
RWA Руанда	TGO Того	ERI Эритрея
ROM Румыния	TTO Тринидад и Тобаго	EST Эстония
SLV Сальвадор	TUN Тунис	ETH Эфиопия
SAU Саудовская Аравия	TKM Туркменистан	ZAF ЮАР
	TUR Турция	JAM Ямайка
	UGA Уганда	JPN Япония

ГЛАВА 1

Парадоксальное богатство народов

Это экскременты дьявола. Мы утопаем
в дьявольских экскрементах.

*Хуан Пабло Перес Альфонсо, бывший
министр горного дела и углеводородных
ресурсов Венесуэлы*

Жаль, что ваши люди не нашли воду.

*Идрис I, король Ливии в ответ на сообще-
ние об обнаружении нефти американским
консорциумом*

ПО СРАВНЕНИЮ с 1980 г. развивающиеся страны стали, в общем, более богатыми, демократичными и мирными. Но только те из них, где нет нефти. Нефтедобывающие государства, разбросанные по Ближнему Востоку, Африке, Латинской Америке и Азии, не стали ни более богатыми, ни более демократичными или мирными, чем три десятилетия назад. В некоторых из нефтедобывающих стран положение только ухудшилось. За 1980–2006 гг. доходы в расчете на душу населения уменьшились в Венесуэле на 6%, в Габоне — на 45% и в Ираке — на 85%. Во многих из них (Алжир, Ангола, Колумбия, Нигерия, Судан и вновь Ирак) в течение десятилетий не стихали гражданские войны.

В своей совокупности эти политические и экономические «недуги» образуют то, что принято называть ресурсным проклятием. Если быть более точным, то речь идет о проклятии полезных ископаемых, так как интересующие нас «недомогания» никак не связаны с природными ресурсами других типов, такими как леса, пресная вода или плодородные пахотные земли. Когда мы говорим о полезных ископаемых, то у подавляющего

большинства стран самые серьезные проблемы связаны с углеводородным сырьем, на долю которого приходится свыше 90% мировой торговли полезными ископаемыми. Таким образом, ресурсное проклятие является, прежде всего, нефтяным проклятием.¹

До наступления 1980-х гг. мы не имели достаточных фактических свидетельств, подтверждавших существование ресурсного проклятия. В развивающемся мире нефтяные государства не слишком отличались от не имевших крупных запасов углеводородов стран. И в первых, и во вторых власть принадлежала авторитарным правительствам. И те и другие страдали от бедствий, вызванных гражданскими войнами. Сегодня вероятность того, что нефтедобывающие государства будут управляться автократами на 50% выше, чем в странах, не располагающих запасами углеводородов, а вероятность гражданской войны в первых — в два раза выше. По сравнению с «обычными» странами, нефтедобывающие государства являются более закрытыми, более подвержены финансовой нестабильности и предоставляют женщинам ограниченные экономические и политические возможности. Начиная с 1980-х гг. хорошая геология ведет к плохой политике.

Наиболее серьезные проблемы, вызванные рассматриваемым нами «бичом Божиим» обнаруживаются на Ближнем Востоке. В этом регионе сосредоточено более половины доказанных мировых запасов нефти. В то же время он значительно отстает от остального мира с точ-

1. Говоря о «нефти» я имею в виду и нефть, и природный газ, а также использую как взаимозаменяемые такие выражения, как «нефтяное богатство», «углеводородное богатство», «добыча нефти» и «доходы от нефти». В приложении 1.1 объясняется, как я определяю и измеряю объем добычи нефти и газа в стране. К «производителям нефти» или «нефтедобывающим государствам» я отношу страны, в которых в данном году доходы от продажи нефти и газа в расчете на душу населения составили по меньшей мере \$100 (в долларах 2000 г.). В 2009 г. количество нефтедобывающих государств, расположенных в различных регионах мира, достигло 56 (см. табл. 1.1).

ки зрения продвижения к демократии, гендерного равенства и экономических реформ. Большая часть запасов углеводородов находится в странах, в которых в течение десятилетий не утихают гражданские войны, — в Ираке, Иране и Алжире. Многие обозреватели приписывают свойственные региону недуги традициям ислама или колониальному наследию. В действительности многочисленные экономические, социальные и политические недомогания Ближнего Востока, избавление от которых представляет собой труднейшую задачу для демократических реформаторов, коренятся в его углеводородном богатстве.

Впрочем, нефтяному проклятию подвержены далеко не все страны, в недрах которых находятся богатые запасы углеводородов. Таким государствам, как Норвегия, Канада и Великобритания, с их высокими доходами, диверсифицированными экономиками и сильными демократическими институтами, добывавшим нефть в весьма значительных объемах, удалось избежать большинства углеводородных «болезней». Во многих отношениях были исключением и США, на протяжении большей части своей истории занимавшие ведущие позиции и в добыче нефти, и в ее потреблении. Углеводородное богатство является проблемой не для богатых, промышленно развитых стран, а преимущественно для государств с низкими и средними доходами. В данном случае, к сожалению, возникает ситуация «иронии нефтяного богатства», когда наиболее нуждающиеся страны в наименьшей степени могут рассчитывать на получение выгод от своего собственного геологического достояния.

Для большинства специалистов возникновение ресурсного проклятия стало неожиданностью. В 1950–1960-х гг. экономисты считали, что ресурсное богатство страны должно помогать ей, а не вредить. Считалось, что развивающиеся страны не испытывают недостатка в труде, но ограничены в инвестиционном капитале. Государства, располагающие богатыми природными ресурсами, рассматривались как исключение, потому что

они должны были получать доходы, достаточные для инвестирования в строительство дорог, школ и других объектов инфраструктуры, необходимых для быстрого развития.²

В неоспоримых достоинствах ресурсного богатства были уверены и политологи. Согласно теории модернизации (превалировавшей точке зрения на политическое развитие в 1950–1960-х гг. и пересмотренной в 1990–2000-х гг.), увеличение среднедушевых доходов ведет к улучшению практически всех измерений политического состояния страны, включая эффективность правительства, подотчетность его действий народу и признание прав женщин.³

В 1950–1970-е гг. общепринятая точка зрения более или менее соответствовала действительности. Но в 1970-е гг. в нефтедобывающих странах что-то пошло не так.

Особое значение понимание ресурсного проклятия имеет для стран — экспортеров нефти. Но знание того, что оно собой представляет, необходимо и для государств, импортирующих углеводороды и использующих их как «горючее» для своих экономик. По мнению некоторых наблюдателей, сосредоточение месторождений нефти в репрессивных, конфликтных странах — не более чем досадное недоразумение. По словам бывшего вице-президента США Дика Чейни: «Проблема заключается в том, что всемилостивый Господь не соблаговолил наделить демократические государства запасами нефти и природного газа».⁴ Однако проблема заключается отнюдь не в божественном вмешательстве. Интересующие нас государства страдают от авторитарного правления, конфликтов, сопровождающихся применением насилия, и экономической неразберихи, *потому что* они до-

2. См., например: Viner 1952; Lewis 1955; Spengler 1960; Watkins 1963.

3. См., в частности: Lerner 1958; Lipset 1959; Inkeles and Smith 1974; Adsera, Boix, and Payne 2003; Inglehart and Norris 2003.

4. Цит. по статье Дэвида Игнатиуса «Oil and Politics Mix Suspiciously Well in America», *Washington Post*, July 30, 2000.

бывают нефть, а также потому, что ее приобретают потребители в странах-импортерах.

Добыча углеводородов — крупнейшая мировая отрасль. В 2009 г. стоимостной объем добычи нефти и природного газа достиг \$2,3 трлн на долю продаж нефти, природного газа и сопутствующих их добыче продуктов приходится 14,2% общемировой торговли сырьевыми товарами.⁵ И совокупный спрос на нефтепродукты почти наверняка продолжит расти в грядущие десятилетия, несмотря на очевидное негативное влияние сжигания минерального топлива на климат нашей планеты. Этот спрос способствует распространению добычи нефти на все более бедные страны.

В 2001 г. Специальная группа по энергетике (US Energy Task Force), возглавлявшаяся Д. Чейни, выступила с заявлением о необходимости диверсификации источников углеводородов и сокращения зависимости США от их поставок из ближневосточных стран, столкнувшихся с политическими проблемами. Но поиск новых поставщиков нефти в Африке, Азии или Латинской Америке не позволил добиться повышения уровня энергетической безопасности США. Более того, он привел к распространению ресурсного проклятия на новые страны. Импортёры энергии не способны помочь экспортёрам избежать нефтяного проклятия; они должны помочь решить эту проблему.

В этой книге предлагается комплексный подход к анализу политических и экономических последствий углеводородного богатства, особенно в развивающихся странах.⁶ Анализируя данные о развитии 170 стран

5. ВР 2010; База данных ООН по торговле товарами (UN Comtrade), режим доступа: <http://comtrade.un.org/db/>.

6. В центре нашего внимания находятся не все полезные ископаемые, но углеводородное сырье, так как оно, как представляется, оказывает наиболее сильное воздействие на политику добывающей страны. Вопрос о том, сопровождается ли схожим проклятием извлечение других полезных ископаемых, — важный вопрос, но он выходит за рамки этой книги.

из всех регионов мира за последние 50 лет, мы не нашли достаточно веских подтверждений, свидетельствующих в пользу некоторых звучавших ранее утверждений, например, о том, что добыча нефти ведет к аномальному замедлению экономического роста или к ослаблению государственной власти, выражающемуся в распространении коррупции или снижении эффективности.⁷ На некоторых направлениях, таких как снижение детской смертности, типичное нефтедобывающее государство опережает типичную страну, не имеющую больших запасов углеводородов.

Одновременно в этой книге показано, что начиная с 1980-х гг. нефтедобывающие страны, принадлежавшие к развивающемуся миру, постепенно становились менее демократичными и более замкнутыми, чем схожие с ними государства, не имевшие запасов углеводородов. Первые в большей степени подвержены конфликтам с применением насилия, а женщины, как правило, ограничены в доступе к рынку труда и политическом влиянии. Наконец, нефтедобывающие страны страдают от «недуга» с неясными симптомами: темпы их экономического роста примерно совпадают с темпами развития других стран, в то время как богатство природными ресурсами, казалось бы, открывает возможность ускоренного роста.

Впрочем, геология не есть предначертание. Некоторым нефтедобывающим странам удалось избежать всех перечисленных выше недугов. Нигерия и Индонезия осуществили переход к демократии; в Мексике и Анголе женщины активно участвуют в экономике и государственном управлении; Эквадор и Казахстан избежали гражданских войн; Оман и Малайзия вышли на траекторию быстрого, устойчивого и справедливого роста. Цель этой книги заключается в том, чтобы объ-

7. Как отмечалось в предисловии — *mea culpa*. В некоторых предыдущих исследованиях я приходил к схожим с упомянутыми заявлениями выводам.

яснить, *почему* в большинстве случаев нефть становится проклятием, почему некоторым странам удастся его избежать и каким образом большее количество стран могут превратить свое богатство природными ресурсами из проклятия в благословение.

Что вызывает нефтяное проклятие?

Почему углеводороды оказывают столь странное воздействие на политическое и экономическое «здоровье» государства? Некоторые наблюдатели приписывают его проискам зарубежных сил, вмешивающихся в жизнь богатых нефтью стран и манипулирующих их правительствами. Другие обвиняют международные нефтяные компании, эксплуатирующие богатые ресурсы, в стремлении к огромным прибылям.

В доводах сторонников и первой, и второй точек зрения содержатся крупинки истины, но в целом обе они не выдерживают критики. США, Великобритания и Франция время от времени осуществляли вторжения или поддерживали военные перевороты во многих нефтедобывающих странах. Самый последний случай такого вмешательства — Ирак. Но не менее часто они вторгались и в страны, не имевшие запасов нефти.⁸ В последние десятилетия многие нефтедобывающие страны, такие как Иран, Ливия, Венесуэла, Россия, Судан и Бирма, демонстрировали необыкновенные *способности противостоять* давлению государств Запада, активно отстаивая собственные позиции. Тем не менее они страдают от тех же самых проблем, что и другие, более послушные, хотя и богатые углеводородами, страны.

На протяжении большей части XX в. международные нефтяные компании (в частности, Shell, British Petroleum (BP), Exxon, Mobil) оказывали заметное влияние

8. По этому вопросу см.: de Soysa, Gartzke, and Lin 2009; Colgan 2010b; Sarbahi 2005.

на судьбы нефтедобывающих стран, принадлежавших к развивающемуся миру, и могут быть справедливо обвинены в проблемах, с которыми приходилось сталкиваться этим государствам. Но начиная с 1970-х гг., когда большинство развивающихся стран национализировали нефтедобывающие отрасли, роль международных нефтяных компаний резко снизилась. Если источником проблем были зарубежные компании, то национализация должна была стать лекарством от них. Однако, как показано в этой книге, происходившие в 1970-е гг. события, включая национализацию, лишь усугубили проблемы нефтедобывающих государств.

Большинство специалистов в области общественных наук приписывают нефтяное проклятие деятельности правительств нефтедобывающих государств (это, пожалуй, единственная сфера, в которой ученые достигли согласия). Едва ли не все исследования сосредоточены только на одной из проблем, которые, как представляется, связаны с углеводородами — низкие результаты экономического роста, слабое демократическое развитие или частые гражданские войны. Авторы исследований предлагают различные их объяснения, считая нефть виновной в мнимых связях с коррупцией, погоне за рентой, неравенстве, близорукой политике и ослаблении государственных институтов. В этой книге подробно рассматриваются эти и другие теории. Отметим, что часть теоретических концепций хорошо обоснована, а другие носят преимущественно умозрительный характер.

В «Нефтяном проклятии» утверждается, что политические и экономические проблемы нефтяных государств могут быть отнесены на счет необычных свойств доходов от продажи углеводородного сырья. Безусловно, очень важно, как правительство использует нефтяную выручку — к выгоде нескольких лиц или большинства населения. Но независимо от того, насколько мудро или глупо правительства расходуют денежные фонды, нефтяные доходы имеют далеко идущие последствия для политического и экономического благосостояния страны.

Нефтяные доходы имеют четыре отличительные черты: масштаб, источник, стабильность и секретность.⁹

Масштаб доходов может быть огромным. В нефтедобывающих странах размер государства (как часть национальной экономики) в среднем на 50% выше, чем в «обычных» странах. В странах с низкими доходами открытие месторождений нефти способно привести к взрывному росту государственных финансов. Например, в 2001–2009 гг. в Азербайджане совокупные расходы государства увеличились на 600%, а в Экваториальной Гвинее — на 800%. Огромный объем углеводородной выручки позволяет авторитарным государствам заставить замолчать несогласных. Одновременно эти доходы становятся одной из важнейших причин столь частых в нефтедобывающих странах мятежей и восстаний. Во многих случаях население богатых нефтью регионов страны претендует на получение большей доли крупных денежных поступлений, собираемых центральным правительством.

Впрочем, сам по себе размер денежной выручки от продажи углеводородов не объясняет нефтяное проклятие. Во многих мирных демократических европейских странах государство играет в экономике существенно более важную роль, чем в конфликтных автократических нефтедобывающих странах. Важное значение имеет *источник* рассматриваемых нами денежных поступлений. Деятельность правительств нефтяных государств финансируется не за счет сбора налогов, уплачиваемых гражданами, но из продажи государственного достояния, то есть углеводородных богатств страны. Это помогает объяснить, почему столь многие нефтедобывающие страны не входят в число демократических. Когда деятельность правительства финансируется посредством сбора налогов, граждане налагают на нее значительные

9. Важность углеводородных денежных поступлений подчеркивают и другие ученые, хотя они, как правило, сосредотачивают внимание на различных их качествах. См., например: Karl 1997; Jensen and Wantchekon 2004; Morrison 2007; Dunning 2008.

ограничения; когда основные доходы правительство получает от продажи нефти, его восприимчивость к давлению со стороны общества резко снижается.

Еще одна группа проблем связана со *стабильностью*, или, скорее, непостоянством, денежных поступлений от продажи нефти. Волатильность мировых цен на нефть, увеличение и сокращение национальных резервов способны привести к значительным колебаниям в объемах доступных правительствам финансовых средств. Эта финансовая нестабильность приводит к тому, что обремененные необходимостью решения целого ряда задач правительства нередко выпускают «из рук» рычаги управления, что позволяет объяснить часто встречающуюся расточительность по отношению к ресурсному богатству. Нестабильность доходов усугубляет региональные конфликты, затрудняя урегулирование разногласий между правительством и мятежниками.

И наконец, все эти проблемы объединяются *секретностью* углеводородных доходов государства. Во многих случаях правительства, стремящиеся сохранить в тайне заключаемые сделки, вступают в сговор с международными нефтяными компаниями. В аналогичных целях для того, чтобы не допустить разглашения информации как о доходах, так и о расходах, используются и государственные (национальные) нефтяные компании. Во времена, когда Ирак возглавлялся президентом Саддамом Хусейном, более половины расходов его правительства финансировалось из средств иракской Национальной нефтяной компании (National Oil Company), бюджет которой был засекречен.¹⁰ Секретность — ключевая причина коррупции, возникающей вокруг денежных поступлений от продажи нефти, длительного пребывания у власти нефтяных диктаторов, имеющих возможность сокрытия фактов, свидетельствующих об их алчности и некомпетентности, а также нежелания мятежников сложить оружие (поскольку они не доверяют

10. Alnasrawi 1994.

заявлениям власти о более справедливом разделении углеводородной выручки).

Углеводороды обладают и другими проблемными качествами. Как правило, процесс их добычи сопровождается получением немногочисленных прямых выгод и возникновением множества социальных и экологических проблем для местных сообществ. Создание мощностей по добыче нефти и природного газа влечет за собой крупные безвозвратные издержки, что делает их уязвимыми перед лицом вымогательства. Крупномасштабная добыча нефти способна оказать влияние на обменный курс национальной валюты и вызвать сокращение производства в промышленном и сельскохозяйственном секторах, что, в свою очередь, может привести к ограничению экономических возможностей для женщин. Анализ этих особенностей, возможно, позволит получить новые научные выводы относительно парадоксальных последствий нефтяного богатства, которые мы будем обсуждать в последующих главах книги.

Пока же еще раз отметим, что важнейший политический факт относительно нефти (и причина того, что ее добыча вызывает столько проблем в развивающихся странах) заключается в том, что она дарует правительствам особенно высокие денежные поступления, не связанные с уплатой налогов и подверженные непредсказуемым колебаниям. К тому же эта выручка может быть легко покрыта «завесой тайны».

Место нефти в истории

Нефтяные денежные поступления далеко не всегда обладали перечисленными выше свойствами, а нефтяное богатство не всегда было проклятием.

До начала 1970-х гг. нефтедобывающие страны не слишком отличались от остального мира: не чаще, чем в других государствах, у власти в них стояли диктаторы; гражданские войны случались в них не чаще, чем

в других странах; они предлагали женщинам примерно те же возможности, что и остальные. К тому же нефтедобывающие страны демонстрировали устойчивые и более высокие, чем в мире в среднем, темпы экономического роста. Все изменилось в 1970-х гг.

Трансформация основных характеристик развития была в значительной степени обусловлена переменами, происходившими на глобальных нефтяных рынках в 1960–1970-е гг., которые привели к изменению масштаба, источников и волатильности углеводородных денежных поступлений. До начала 1970 г. в мире нефти доминировала горстка огромных по размерам компаний, широко известная как «Семь сестер», вступивших между собой в сговор с целью установления контроля над мировыми поставками углеводородов.¹¹ Практически во всех нефтедобывающих развивающихся странах «Семь сестер» имели собственные отделения или доминировавшие на рынке местные дочерние компании, занятые добычей и экспортом нефти. Кроме того, они контролировали поставки и маркетинг практически всей мировой нефти, что позволяло поддерживать цены и присваивать большую часть прибылей. Военная и экономическая мощь США и их европейских союзников способствовала сохранению этих обеспечивавших стабильность, но в высшей степени несправедливых соглашений.

С точки зрения богатых нефтью стран, таких как Иран, Ирак, Саудовская Аравия, Ливия, Алжир, Нигерия и Индонезия, позиции «Семи сестер» были недопустимыми, поскольку эти компании лишали государства контроля над национальными богатствами. И дело

11. Имеются в виду компании Standard Oil of New Jersey (впоследствии Exxon), Standard Oil of California (впоследствии Chevron), Anglo-Iranian Oil Company (впоследствии BP), Mobil, Texaco, Gulf и Royal Dutch Shell. К 2010 г. они были консолидированы в четыре компании — Exxon-Mobil, BP, Shell и ChevronTexaco — и оставались в числе крупнейших мировых нефтяных компаний, акции которых торгуются на бирже.

было не только в том, что суверенные страны лишались значительной доли «улетучивавшихся» прибылей. Международные компании принуждали принимающие государства к добыче то меньших, то больших объемов нефти, чем те, которые, как считали их правительства, соответствовали бы национальным интересам.

В 1960–1970-е гг. под воздействием цепочки тесно связанных друг с другом событий произошла существенная трансформация международных рынков углеводородов. Объемы поставок нефти уже не соответствовали растущему спросу, обгонявшему прирост разведанных запасов. Крупнейшие нефтедобывающие страны создали Организацию стран — экспортеров нефти (Organization of Petroleum Exporting Countries, ОПЕК, ОПЕК), в рамках которой началось согласование объемов поставок. Одновременно возрастала зависимость от зарубежных поставок нефти США, поскольку внутренняя добыча нефти снижалась, а потребление увеличивалось высокими темпами. И наконец, потерпела крах Бреттон-Вудская система твердых обменных курсов валют, игравшая важную роль в поддержании стабильных цен на углеводородное сырье.

Важнейшим звеном в рассматриваемой нами цепочке событий стала национализация отраслей по добыче и переработке нефти в подавляющем большинстве стран-экспортеров и создание в них государственных (национальных) компаний.¹² Национализация повсеместно воспринималась как триумф государственности и сопровождалась бурными празднованиями. В Ираке инициатором национализации был Саддам Хусейн, занимавший в то время пост заместителя председателя Совета революционного командования. Осуществлявшаяся под его руководством национализация нефтяной промышленности, позволила С. Хусейну приобрести широкую известность. Одной из первых, еще в 1938 г., осуществила экспроприацию собственности зарубежных

12. Kobrin 1980; Victor, Hults, and Thurber 2011.

нефтяных компаний Мексика, в которой день принятия соответствующих законов до сих пор является общегосударственным праздником.

В некоторых отношениях национализация стала для нефтедобывающих стран гигантским шагом вперед. Они получили возможность установить гораздо более жесткий контроль над национальными богатствами и присваивать значительно бóльшую, чем раньше, долю отраслевых прибылей. В 1970-е гг. перед нефтедобывающими странами открылась возможность повышения мировых цен до рекордных уровней, что привело к беспрецедентному перетеканию богатства от стран — импортеров нефти к странам-экспортерам.

Следствием происходивших событий стала трансформация финансов нефтедобывающих государств. Объем получаемой ими выручки от продажи углеводородов резко увеличился, благодаря национализации и стремительно возросшим ценам. Вместо того чтобы собирать налоги и роялти с зарубежных компаний, правительства могли финансировать свои расходы, продавая нефть с помощью государственных (национальных) нефтяных компаний, что одновременно помогало держать выручку под покровом секретности. Колебания мировых цен на нефть, а, следовательно, и государственных финансов стали непредсказуемыми.

Революция на энергетических рынках означала, что правительства государств, располагавших запасами нефти, стали крупнее, богаче и могущественнее, чем они могли когда-либо себе вообразить. Однако, с точки зрения граждан этих государств, во многих случаях последствия «нефтяного переворота» носили катастрофический характер. Перераспределение могущества от зарубежных корпораций в пользу нефтедобывающих стран означало, что их правительства получили возможность подавлять инакомыслящих и противостоять демократическому давлению. В борьбе за увеличение своей доли в государственных доходах этнические меньшинства, проживавшие в нефтедобывающих ре-

гионах, взялись за оружие. Более того, во многих государствах «приливная волна» выручки принесла с собой новые рабочие места для мужчин, но не для женщин. Если в 1970-е гг. жители нефтедобывающих стран пожинали плоды быстрого экономического роста, то после резкого снижения цен на нефть в 1980-е гг. им пришлось распрощаться с большинством из полученных когда-то выгод.

Нефтяной рубеж

Изменения на глобальных энергетических рынках привели к распространению нефтяного проклятия. В случае если современная политика останется неизменной, в течение ближайших 25 лет глобальный спрос на нефть и другие виды жидкого топлива увеличится примерно на 25%, а на природный газ — примерно на 44%. Если в настоящее время ведущим мировым импортером углеводородов являются США, то большая часть прироста спроса в будущем придется на развивающиеся страны, во главе с Китаем и Индией.¹³

Для того чтобы удовлетворить растущий спрос, компании все чаще начинают вести бурение в странах с низкими доходами. Исторически сложилось так, что впервые нефть была обнаружена в относительно благополучных странах. С самого начала углеводородной эры (середина XIX в.) для богатых стран вероятность того, что они будут добывать нефть, была на 70% выше, чем для бедных. Этот показатель был обусловлен отнюдь не тем, что первые обладали более крупными запасами углеводородов. Просто они имели в своем распоряжении достаточные для разведки и организации

13. По данным Управления по информации в области энергетики Министерства энергетики США (Energy Information Administration 2010).

РИС. 1.1. Прямые иностранные инвестиции в добывающие отрасли в 2007 г.

Объем инвестиций в «добычу нефти, горнодобывающую промышленность и карьерные разработки».

Источник: Рассчитано по данным Конференции ООН по торговле и развитию (United Nations Conference on Trade and Development 2009) и Всемирного банка (World Bank n. d.).

добычи нефти денежные средства.¹⁴ В наши дни богатые демократии Северной Америки и Европы привлекают в горнодобывающую промышленность примерно в 10 раз больший объем прямых иностранных инвестиций в расчете на квадратный километр, чем остальной мир (см. рис. 1.1.).

В новом тысячелетии ситуация начала изменяться: углеводородная граница постепенно сдвигается в сторону вечно бедных стран. После ценовых шоков 1970-х гг.

14. В 1857–2000 гг. на год начала добычи 63% всех нефтедобывающих стран получали средние или превышающие средние доходы. См. приложение 1.1.

ПАРАДОКСАЛЬНОЕ БОГАТСТВО НАРОДОВ

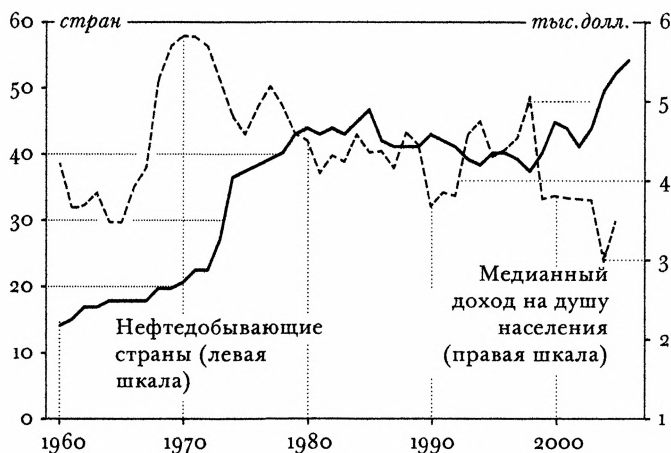

РИС. 1.2. Количество нефтедобывающих стран и уровень доходов в них в 1960–2006 гг.

Государства определялись как производители нефти в том случае, если ежегодный доход от продажи нефти и природного газа в расчете на душу населения достигал по меньшей мере \$100 (в постоянных долларах 2000 г.).

Источник: Рассчитано по данным компании British Petroleum (BP 2010) и Всемирного банка (World Bank n.d.).

количество нефтедобывающих стран оставалось относительно постоянным — в 1976–1998 гг. оно составляло 37–44 государства (см. рис. 1.2). В 1998–2006 гг. количество нефтяных государств возросло с 38 до рекордных 57. При этом почти все новые производители относились к числу стран с низкими и средними доходами. По мере роста количества производителей их медианный доход резко снижался. Если в 1998 г. он превышал \$5200, то в 2004 г. снизился до примерно \$3000. Следовательно, к рассматриваемой нами группе присоединялось все больше стран с низкими доходами.

В январе 1999 г. нефть продавалась примерно по \$10 за баррель; к июню 2008 г. ее цена увеличилась до \$145

за баррель. Благодаря стремительно растущим ценам на нефть компании пришли к выводу, что выгоды от нахождения новых резервов углеводородного сырья перевешивают риски присутствия в бедных, далеких и во многих случаях плохо управляемых странах. Начиная с 2004 г. в число экспортеров нефти и природного газа вошли Белиз, Бразилия, Чад, Восточный Тимор, Мавритания и Мозамбик. В течение нескольких ближайших лет к этому списку, вероятно, присоединятся еще по меньшей мере 16 новых стран, преимущественно африканских. Большинство из них никак не могут похвастаться высокими доходами.¹⁵ В течение нескольких ближайших десятилетий подавляющая часть мировых поставок углеводородов будет приходиться на развивающиеся страны.¹⁶

Это означает, что в некоторых наиболее бедных странах мира вскоре начнут «бить фонтаны» новых углеводородных доходов, что было бы прекрасной новостью (уникальная историческая возможность избавиться от бедности), если бы не ресурсное проклятие. Более того, как представляется, в наибольшей степени оно «ударит» по странам с низкими доходами, отчаянно нуждающимся в деньгах. Если ничего не предпринимать, то эти неожиданные дополнительные поступления лишь навредят людям, живущим на нефтяном рубеже.

15. В ближайшем будущем новыми экспортерами нефти или газа могут стать Куба, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, Гайана, Израиль, Либерия, Мали, Сан-Томе и Принсипи, Сенегал, Сьерра-Леоне, Танзания, Того и Уганда. К ним могут присоединиться Индонезия и Тунис — бывшие экспортеры, со временем превратившиеся в импортеров. О борьбе за нефтяные ресурсы Африки см. работу М. Кларе (Klare 2006).

16. По данным Управления по информации в области энергетики Министерства энергетики США (Energy Information Administration 2010).

Заглядывая вперед

Глава 2 начинается с объяснения причин необычных качеств нефтяных доходов. Некоторые из этих характеристик обусловлены отличительными экономическими особенностями отрасли: государственной собственностью на запасы нефти и природного газа; тем обстоятельством, что эти запасы не бесконечны; огромными предоперационными инвестициями, необходимыми для организации добычи углеводородов; сверхвысокими прибылями, которые они могут приносить; неблагоприятными воздействиями, которые может оказать добыча нефти и природного газа на другие отрасли, поскольку происходит повышение курса национальной валюты; возможность существования как экономического анклава; и чувствительностью нефтяных цен к небольшим изменениям в спросе и предложении.

Многие из этих черт характеризовали нефтяную отрасль еще в XIX столетии. Однако уровень нефтяных доходов формируется и под воздействием относительно недавних событий: ужесточения условий глобальных поставок ископаемого топлива, вызванного тем, что растущее очень высокими темпами потребление начало опережать открытие новых месторождений; крахом Бреттон-Вудской системы твердых обменных курсов валют; и уменьшением мощи международных нефтяных компаний, что привело к образованию в 1960–1970-е гг. ОПЕК и волне национализации. Эти и другие изменения обусловили невиданный прежде рост объемов нефтяных доходов, сопровождавшийся одновременным снижением степени их устойчивости. В то же время они помогают объяснить многие, проявившиеся лишь в 1980-е гг. особенности ресурсного проклятия.

В главе 3 показано, каким образом масштабы, источники и секретность нефтяных доходов помогали авторитарным правительствам оставаться у власти в течение

длительного времени. Специалистам по политологии часть этой истории покажется довольно знакомой. Диктаторам, вынужденным добывать деньги посредством налогов, приходится подчиняться требованиям о подотчетности своих действий, в то время как те, кто находит необходимые средства, продавая принадлежащие государству богатства, такие как нефть и природный газ, способны противостоять давлению в сторону демократизации. К этому стандартному описанию я добавляю несколько новых элементов. В частности, я покажу, что антидемократические свойства нефти стали проявляться только после ценовых потрясений 1970-х гг. Углеводороды демонстрируют тенденцию не только к сохранению у власти авторитарных режимов, но и к падению низкодоходных демократий. Выяснилось, что нефтяные доходы не способны оказывать давление в сторону демократизации. В какой-то степени этот феномен объясняется режимом секретности. И наконец, как ни парадоксально, но авторитарные лидеры, в отличие от демократических, в большей степени склонны к поддержанию внутренних цен на топливо на низком уровне.

В качестве иллюстрации положения о том, что нефть способна помочь оставаться у власти авторитарным правительствам, в главе 3 рассматривается пример СССР. Для того чтобы показать, что в слабых демократиях нефтяные доходы способны привести к «размыванию» ответственности правительств, используется пример постсоветской России. В приложении к главе представлены данные, подтверждающие рассматриваемые в ней статистические отношения.

Некоторые проявления ресурсного проклятия вызывают немалое удивление. В главе 4 объясняется, почему во многих странах с низкими и средними доходами нефтяное богатство ведет к ограничению экономических и политических возможностей женщин (наиболее важными в данном случае представляются примеры Ближнего Востока и Северной Африки). Отчасти это связано с масштабом нефтяных денежных поступ-

лений, когда расходование государственных средств осуществляется таким образом, что женщины утрачивают стимулы к присоединению к рабочей силе. Отчасти причина заключается в том, что добыча нефти ведет к «вытеснению» отраслей, способных предоставлять работу женщинам, и «перекрытию» путей, ведущих к получению женщинами больших экономических и политических прав. Одним из следствий ресурсного проклятия стал существенно меньший экономический и политический прогресс женщин на Ближнем Востоке по сравнению с другими регионами мира. Некоторые наблюдатели перекладывают большую часть вины за это на ислам. Но я покажу, что это не вся правда, поскольку в бедных нефтью странах региона положение женщин лучше, чем в государствах, обладающих значительными запасами углеводородов.

Чтобы проиллюстрировать этот довод, я сравниваю три во многом похожие страны — Алжир, Марокко и Тунис, только одна из которых (Алжир) добывает нефть в значительных объемах. Нефть привела к замедлению экономического прогресса женщин в Алжире, в то время как марокканским и тунисским женщинам быстрее удалось добиться значительных результатов. И вновь статистическое приложение предлагает подробные данные, позволяющие понять особенности этого процесса.

Начиная с 1980-х гг. получение нефтяной выручки, как показано в главе 5, ведет к повышению степени опасности возникновения гражданских войн. Для нефтедобывающих стран с низкими и средними доходами вероятность такой войны более чем в два раза выше, чем для государств, не имеющих запасов углеводородов. Некоторые из подобных конфликтов могут носить ограниченный характер (движение за независимость в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая или Сапатистское национально-освободительное движение в Мексике), другие приводили к огромным человеческим и материальным потерям (военные действия в Анголе, Колумбии и Судане).

В главе 5 утверждается, что все «подпитываемые» углеводородами конфликты могут быть отнесены к одному из двух типов: сепаратистские войны, в которых участвуют ограниченные в гражданских правах меньшинства, проживающие в нефтедобывающих регионах, и конфликты с участием повстанцев, финансирование деятельности которых осуществляется на деньги, полученные от экспорта продукции нефтедобывающей отрасли. Для того чтобы проследить связи между нефтью и гражданскими войнами я обращаюсь к примерам более менее недавних конфликтов в Колумбии, Конго-Браззавиле, Экваториальной Гвинее, Индонезии, Нигерии и Судане. Более подробные данные о статистических связях между нефтью и связанными с насилием конфликтами приводятся в приложении к этой главе.

В главе 6 рассматривается управление нефтяными доходами со стороны правительств различных стран и его экономические последствия. Во многих исследованиях утверждается, что в развивающихся странах эти доходы приводят к существенному замедлению экономического роста, обусловленному тем, что богатство полезными ископаемыми отрицательно отражается на деятельности государственных институтов (наносится ущерб эффективности бюрократии, повышается уровень коррупции, подрывается принцип верховенства закона). Однако в данном случае здравый смысл ошибается: несмотря на то, что показатели экономического роста нефтяных государств отличаются необычно высокой изменчивостью, в долгосрочном периоде они и не опережают, и не отстают от темпов роста остального мира. Не находит подтверждения и тезис, согласно которому следствием нефтяного богатства становится отрицательное воздействие на государственные институты. Противоположные заявления чаще всего основываются на том, что можно назвать «ошибкой деревенщины с Беверли-Хиллз» или «ошибкой незамеченного бремени».

Реальная проблема заключается не столько в медленном экономическом росте нефтедобывающих стран

по сравнению с «нормальными» темпами, сколько в том, что он, учитывая получаемые государствами огромные доходы, должен был бы происходить быстрее «нормального». Неутешительные средние показатели роста могут объясняться двумя факторами: неспособностью нефтяных государств обеспечить расширение занятости для женщин (что привело бы к снижению показателей рождаемости и численности населения и повышению темпов роста доходов в расчете на душу населения) и неспособностью правительств преодолеть значительные трудности, возникающие из-за высокой нестабильности доходов.

В заключительной главе книги обсуждаются долгосрочные последствия нефтяного проклятия. В ней предлагаются новые решения одной из старейших загадок политической экономии. Имеются в виду ответы на вопрос о том, как природные условия воздействуют на формирование государств. Специалисты в области общественных наук приводят множество доводов, подтверждающих, что развитие тех или иных государств во многом зависит от их местоположения на континентах, болезней, обусловленных состоянием природной среды, и доступа к морю. В этой книге показывается, что в определенных условиях направления развития страны может в значительной степени зависеть от богатств, находящихся в ее недрах.

Результаты изучения механизмов действия нефтяного проклятия еще раз напоминают нам, что крупные доходы далеко не всегда означают лучшее, даже для стран с небогатым населением. Все зависит от того, откуда поступают доходы и как они воздействуют на политику государства. Понимание нефтяного проклятия позволяют нам лучше разобраться в ситуации на Ближнем Востоке, в регионе, страны которого имеют огромные запасы углеводородов, но испытывают очевидный недостаток демократии и гендерного равенства. Впрочем, это отнюдь не означает, что движения за демократию и гендерные права заранее обречены на неудачу. Нефть оказывает ог-

ромные по силе воздействия, но они не являются неизменными. Усилия, направленные на изменение векторов нефтяных доходов, поступающих в настоящее время правительствам, а также реформы в управлении нефтяным сектором, способны «поднять шлагбаум» на пути к расширению экономических, социальных и политических прав.

Кроме того, в последней главе рассматриваются возможности, которыми располагают правительства, стремящиеся к смягчению воздействий нефтяного проклятия посредством изменения качеств нефтяных доходов, вызывающих наибольшие трудности. В ней описываются различные стратегии, направленные на изменение размеров, источников, постоянства и секретности нефтяных денежных поступлений, варьирующиеся от самых простых (замедление добычи) до экзотических, включая бартерные контракты, номинированные в нефти займы и частичную приватизацию. Поскольку изменения на доходной стороне «гроссбуха» ограничены, рассматриваются и возможности реформирования способов осуществления государственных расходов.

Мне известно лишь одно универсальное лекарство — это повышение прозрачности сбора, управления и расходования средств, полученных благодаря продаже нефти. Более высокая транспарентность способна заставить правительства действовать ответственнее, направить усилия на предотвращение вооруженных конфликтов и сокращение экономических потерь, вызванных коррупцией. Не менее мощное воздействие могут оказать и аналогичные реформы, осуществляемые в импортирующих нефть странах (предъявляемый ими ненасытный спрос на минеральное топливо является одной из важнейших причин ресурсного проклятия).

Более всего потребность в реформах ощущается в тех случаях, когда страна находится на пике углеводородного бума. Каждый несколько месяцев становится известно о том, что в Африке, Латинской Америке, на Ближнем Востоке или в Азии открыты новые месторождения

нефти или природного газа. Многие из них расположены в бедных, недемократичных странах, правительства которых не умеют управлять крупными денежными поступлениями. Из моей книги граждане этих стран могут узнать о том, какие ошибки допускали нефтедобывающие страны в прошлом и какие из них могут быть исправлены в будущем.

❧ ПРИЛОЖЕНИЕ 1.1 ❧

Замечания о методологии и принципах измерений

В этой книге приводится целый ряд положений относительно воздействий получаемых различными странами денежных поступлений от продажи нефти на их политическое и экономическое развитие. В обоснование предлагаемых аргументов рассматриваются различные количественные и качественные фактические свидетельства, а также доводы, содержащиеся в работах других ученых.

Количественный анализ базируется на данных, полученных во всех государствах в результате наблюдений, осуществлявшихся начиная с 1960-х гг.¹⁷ Относительно причинно-следственных связей, выводы о которых мы можем сделать из данных, полученных в результате наблюдений (особенно сравнительных), существуют важные ограничения. Поскольку в книге рассматри-

17. В книге приводятся данные для 170 стран с населением более 200 тыс. человек. Все они в 2000 г. были самостоятельными государствами. Первые во временном ряду данные относятся либо к 1960 г., либо к первому году после получения независимости. Из выборки исключены страны, исчезнувшие с карты мира в период 1960–2000-х гг. — Южный Вьетнам, Южный Йемен и Восточная Германия. Я рассматриваю Германию, как государство — преемник Западной Германии, Вьетнам — Северного Вьетнама, Йемен — Северного Йемена, а Россию — СССР.

ваются вопросы, с необходимостью предполагающие использование данных, полученных благодаря наблюдениям, я предпринял специальные усилия для того, чтобы смягчить некоторые из проблем, способных поставить под угрозу выводы. Имеется в виду использование каузальных переменных, на которые оказывают воздействие другие переменные модели; статистических процедур, не являющихся с необходимостью комплексными, и недостаточно транспарентных; корреляций, не являющихся устойчивыми, но лишь отражающих случайные данные; произвольные методологические решения или наличие ряда подверженных внешним влияниям наблюдений, а также отсутствие правильного понимания причинно-следственных связей, соединяющих ключевые переменные.

Измерение нефти

Новизна этой книги во многом заключается в том, что в ней используются более точные показатели нефтяного и газового богатства, что позволяет преодолеть эндогенные проблемы прошлых измерений. Отсюда возникает возможность сгруппировать их надежным и транспарентным образом для всех стран и всех лет наблюдений.

В большинстве предшествующих исследований, в которых изучалось ресурсное проклятие, зависимость различных стран от экспорта углеводородов, то есть стоимостной объем вывоза как доля в валовом внутреннем продукте (ВВП), рассматривалась как независимая переменная.¹⁸ Однако ей присущи два ключевых недостатка — один концептуальный, а второй заключается в систематическом отклонении от истинных оценок, что может привести к установлению мнимых корреляций между нефтью и такими проблемами, как авторитарное правление, гражданские войны и плохие экономические результаты.

18. См., например: Sachs and Warner 1995; Collier and Hoeffler 1998; Ross 2001a.

Концептуальный недостаток рассматриваемой переменной заключается в том, что с ее помощью измеряется объем только экспортируемого топлива; при этом довольно трудно понять, почему мы не должны учитывать объем реализуемых на внутреннем рынке углеводородов. Очевидно, что правительство получает денежные поступления и от внутренних, и от зарубежных продаж. Даже если внутри страны топливо продается по субсидированным ценам, необходимо учитывать истинную стоимость этой нефти, а значит и затраты правительства на субсидии.

В более бедных странах показатели измерений могут быть смещены в сторону увеличения, что обуславливает мнимые ассоциации относительно зависимости экспорта нефти и комплекса экономических и политических недугов, тесно коррелирующих с низкими доходами. Для двух стран с равной численностью населения, добывающих одно и то же количество нефти, больший числитель (экспорт нефти) рассматриваемого нами показателя будет у более бедного государства. Как правило, нефтедобывающие государства потребляют часть извлеченной из недр нефти внутри страны, направляя на экспорт излишек углеводородов. Богатые страны будут потреблять большую часть добытой нефти, в то время как бедные — меньшую. Следовательно, большим будет и объем нефти, вывозимой странами с низкими доходами. Например, в расчете на душу населения США добывают больше нефти, чем Ангола или Нигерия, но вторая и третья страны экспортируют нефть в больших объемах, чем Соединенные Штаты. Очевидно, что США богаче Анголы и Нигерии и потребляют всю извлеченную из своих недр нефть внутри страны. Измеряя экспорт нефти, мы косвенным образом оцениваем и размер не-углеводородной экономики страны.

Схожая проблема возникает и со знаменателем. Даже если две страны экспортируют одно и то же количество нефти, беднейшая из них будет иметь меньший ВВП, а значит и более высокое отношение стоимостного объе-

ма нефтяного экспорта к ВВП. Тем самым открывается дверь, ведущая к нескольким эндогенным проблемам. Например, высокий показатель отношения нефтяного экспорта к ВВП может быть причиной низкого экономического роста (или коррупции, или гражданской войны). Но не менее вероятно, что сам показатель является результатом этих болезней общества, вызывающих сокращение показателя ВВП. Отсюда возникают трудности с интерпретацией корреляций между, например, зависимостью от нефтяного экспорта и конфликтом, поскольку и тот и другой могут независимо «подпитываться» бедностью населения страны, в результате чего возникает ложная статистическая взаимосвязь.

Чтобы преодолеть эти проблемы я исчисляю совокупный стоимостной объем добычи нефти и природного газа, а не только экспорт этих углеводородов, а затем отношу его к численности населения страны, а не ее совокупному экспорту или ВВП. Результирующая переменная — *доходы от нефти в расчете на душу населения* — может использоваться для оценки строгого варианта нефтяного проклятия: действительно ли добываемый в стране объем нефти, независимо от того, как она используется и влияет на остальную экономику, оказывает воздействие на политику?

Переменная *нефтяной доход* имеет и в большей степени интуитивно понимаемое значение, чем показатель отношения экспорта нефти к ВВП. Если две страны с примерно одинаковым по численности населением добывают примерно одни и те же количества нефти и природного газа — например, Ангола и Нидерланды, — близкими должны быть и уровни *нефтяного дохода* в расчете на душу населения (в рассматриваемом нами случае около \$500 в 2003 г.). В том случае если бы мы попытались исчислить отношения экспорта нефти к ВВП, то обнаружили бы, что показатель Анголы (0,789) существенно превышает аналогичный показатель Нидерландов (0,056). Дело в том, что Ангола слишком бедна для того, чтобы потреблять значительную часть своей собствен-

ной нефти (что означает увеличение числителя), и имеет значительно более низкий показатель ВВП (что означает существенно меньший знаменатель).

В то же время переменной *нефтяной доход* присущи две важных слабости. Во-первых, распределение значений добычи нефти между странами отличается значительной асимметричностью: большинство из них добывают углеводороды в небольших объемах или вообще не имеют соответствующих запасов, в то время как относительно малое количество государств добывают нефть и природный газ в огромных количествах, что может создать проблемы во время использования данных в регрессиях. Для того чтобы смягчить эту проблему я принял несколько шагов. С целью снижения степени асимметричности распределения значений в рассматриваемых в главе 3 и главе 5 регрессиях (но не в главе 4, по причинам, которые объясняются в приложении 4.1) используется натуральный логарифм нефтяного дохода. Поскольку распределение логарифмических нефтяных доходов тем не менее остается отличным от нормального, я перепроверяю все полученные в главах 3–5 данные, используя дихотомический показатель *нефтяного дохода*, когда страна рассматривается как нефтедобывающая только в том случае, если полученный ею в данном году доход от нефти и природного газа в расчете на душу население составил не менее \$100 (в постоянных долларах 2000 г.). Во всех главах книги я использую сводные таблицы, в которых страны подразделены на нефтедобывающие и не относящиеся к числу нефтедобывающих, так что мои выводы не зависят от экстремальных значений в небольшом количестве случаев.

Второй недостаток заключается в том, что в моей теории понятие *нефтяного дохода* не является идентичным концепту нефтяного богатства, хотя они и тесно связаны друг с другом. Большинство выдвигаемых мною положений основываются на допущении, согласно которому нефть оказывает отрицательное воздействие на политику, поскольку генерируемая ею денежная выручка по-

стует государству.¹⁹ К сожалению, окутывающая эти поступления завеса секретности в высшей степени затрудняет необходимые измерения (в последние годы некоторые страны раскрыли соответствующую информацию). Но даже в том случае, если бы нам была доступна полная и точная информация о выручке от продажи нефти, это никак не избавило бы рассматриваемый показатель от свойственного ему самому по себе недостатка: размер выручки от продажи нефти зависит от государственных институтов и политики, а значит не может быть использован для идентификации причинно-следственной связи между нефтяным богатством и управлением им со стороны правительства. Поэтому в качестве в большей степени экзогенного и доступного для большего количества стран на протяжении длительного периода времени показателя нефтяного богатства я полагаюсь на показатель *нефтяного дохода*.

Начиная с 1960-х гг. исчисление показателей нефтяных доходов для всех стран мира не представляет ни малейших затруднений. Данные о добыче нефти и природного газа в 1970–2001 гг. содержатся на сайте Всемирного банка, в разделе посвященном экономике природопользования и соответствующим показателям, а после 2001 г. — в «BP Statistical Review of World Energy». Данные о добыче нефти и природного газа до 1970 г. и после 2001 г. для стран, не вошедших в публикацию ВР, были получены мною из издания Службы геологии, геодезии и картографии США *Mineral Yearbook*. Данные о добыче

19. Данная проблема имеет значение не для всех частей моей системы доказательств. В нескольких случаях я исхожу из того, что генерируемая углеводородами выручка способна вызвать проблемы независимо от того, получает ее государство или частные компании. Имеется в виду ситуация, когда производимый углеводородами доход ведет к вытеснению отраслей, в которых высока доля работающих женщин (глава 4), или направляется, благодаря использованию мятежниками шантажа и вымогательства, на финансирование незаконных вооруженных формирований (глава 5).

в СССР, не полностью представленные в других источниках, заимствованы из исследований Маршалла Голдмана и Джонатана Стерна, а о ценах на нефть и природный газ — из «BP Statistical Review».²⁰

Эндогенность

Если бы *нефтяные доходы* распределялись между странами случайным образом (тем самым их можно было бы рассматривать как действительно экзогенные по отношению к экономическим и политическим условиям государств), у нас не было бы ни малейших проблем с установлением причинно-следственных связей — наличие статистически значимых корреляций между нефтяными доходами и управлением позволило бы выдвинуть обоснованное предположение о том, что первые являются причиной второго.

К сожалению, распределение *нефтяных доходов* не являются случайным. Поэтому нам очень важно понять, почему они изменяются с течением времени и от одной страны к другой. В качестве переменной *нефтяной доход* представляет собой функцию трех основных факторов: геологических запасов, определяющих физические количество и качество углеводородов, которые могут быть извлечены из недр и использованы; инвестиций в их добычу, от которых зависит объем доказанных запасов и коммерческое использование нефти в каждый данный период времени; а также цены на нефть, определяющей норму извлечения углеводородов и количество денег, которые будут получены в результате продаж. Первые два фактора (геологические запасы и глобальные цены на нефть) никак не зависят от экономических и политических особенностей той или иной страны.²¹ В то же

20. Goldman 2008; Stern 1980.

21. Как исключение может рассматриваться Саудовская Аравия. Благодаря тому, что она играет уникальную роль «компенсирующего производителя», страна, вероятно, способна оказывать

время национальная экономика и правительство будут оказывать влияние на инвестиции, осуществляемые в разработку месторождений нефти. Вероятно, более значительные инвестиции в углеводородный сектор будут привлекать относительно богатые страны, более открытые иностранным капиталовложениям и предоставляющие должную защиту инвесторам.²²

Данные об углеводородных инвестициях на уровне отдельных стран являются ограниченными и ненадежными, в то время как на региональном уровне они доступны и информативны. Известно, что развивающиеся страны занимают около 60% континентального массива нашей планеты (без Антарктиды). При этом на их долю приходится менее 20% прямых иностранных инвестиций в добычу нефти, других полезных ископаемых и карьерные разработки. На долю богатых демократий Европы, Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии приходится всего около 25% поверхности земной суши, но 75% прямых иностранных инвестиций в добычу полезных ископаемых.²³ Это означает, что богатые демократии получают почти в десять раз больше прямых инвестиций в добычу полезных ископаемых всех типов в расчете на квадратный километр, чем развивающиеся страны и государства бывшего СССР и Юго-Восточной Европы (см. рис. 1.1). При этом мы даже недооцениваем инвестиционные преимущества богатых

одностороннее воздействие на глобальные цены, по крайней мере, в краткосрочном периоде.

22. Кристиан Доде и Эрнесто Стейн приходят к выводу, что страны, имеющие «лучшие институты» (что определяется высокими оценками «эффективности правительства» и «качества регулирования»), привлекают значительно большие по объему прямые иностранные инвестиции (Daude and Stein 2007). Замечу, что авторы рассматривают иностранные инвестиции в целом, не выделяя капиталовложения в добычу углеводородов. Рабах Арецки и Маркус Брюкнер показывают, что более высокий уровень коррупции, как правило, ведет к сокращению добычи нефти (Arezki and Brückner 2010).

23. United Nations Conference on Trade and Development 2009.

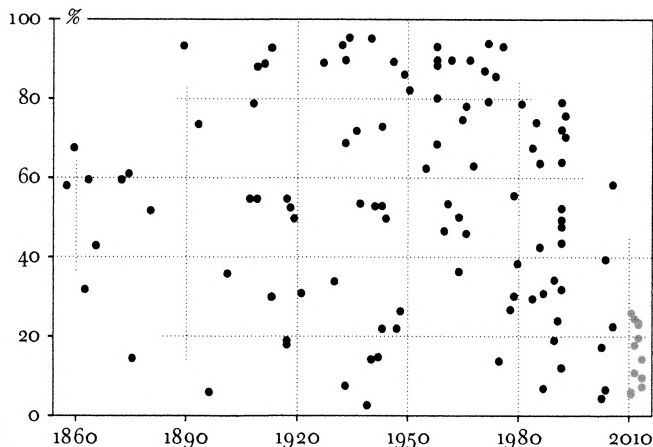

РИС. 1.3. Доходы новых нефтедобывающих стран в 1857–2010 гг.
(в расчете на душу населения, выраженные как процентиль всех суверенных государств в этом году).

- доход, получаемый странами в том году, когда они начали добывать нефть или природный газ;
- ожидаемый доход стран, которые начнут добычу углеводородов в 2010–2015 гг.

Источник: Рассчитано по данным, приведенным в работах С. Хабера и В. Менальдо (Haber and Menaldo 2009) и Э. Мэддисона (Maddison 2009).

демократий. Если с точки зрения развития нефтяного сектора развивающиеся страны очень сильно зависят от иностранных капиталовложений, включая дорогие западные технологии, то богатые демократии имеют доступ к весьма значительным внутренним инвестиционным ресурсам.

Поскольку более благоприятным инвестиционным климатом характеризуются промышленно развитые страны (кроме того, им присущи развитая демократия, миролюбие и активное участие женщин в правительстве), мы можем ожидать, *ceteris paribus*, что более высо-

кие уровни *нефтяных доходов* имеют место также в более демократичных странах. Это также означает, что если более высокие уровни нефтяных доходов коррелируют с авторитаризмом, гражданскими войнами или отсутствием у женщин гражданских прав, эти отношения едва ли будут мнимыми и могут преуменьшить реальный эффект добычи нефти.

Еще один способ проверки на экзогенность заключается в оценке вероятности добычи нефти в богатых или бедных странах *ex ante* в период до начала разработки месторождений углеводородов. На рис. 3.1 представлены данные о первоначальных доходах всех 103 стран, которые начали добычу нефти в 1857–2009 гг., относительно других стран в то же самое время.²⁴ Страны, расположившиеся выше пятидесятого процентиля (ось *Y* рисунка) получали доходы выше медианного. Соответственно, доходы стран, занимавших позиции ниже пятидесятого процентиля, не достигали медианного уровня.

Из имеющихся данных следует, что количество стран, начавших добывать нефть в то время, когда их доходы находились ниже мировой медианы, составило 41; стран, приступивших к добыче во время, когда их доходы находились на уровне мировой медианы — 4; а количество стран, доходы которых превышали медианный уровень — 58. Это еще раз показывает, что вероятность добычи нефти в уже богатых (а значит, и более демократичных и мирных) странах выше, чем в относительно бедных. Положение изменилось лишь в 2000-х гг., когда вероятность начала добычи нефти в странах с низкими доходами превысила вероятность начала ее извлечения

24. Я использую данные о доходах государства, к которому принадлежал добывающий регион на момент начала разработки месторождений, даже если впоследствии его территория перешла к другой стране или на ней было образовано независимое государство. Я хотел бы выразить свою признательность Стиву Хаберу и Виктору Менальдо, предоставившим мне данные об объемах первоначальной добычи.

в странах с высокими доходами, что стало отражением перемещения нефтяной границы в сторону беднейших государств мира. На рис. 1.3 серые кружки отображают страны, которые, как ожидается, начнут добычу углеводородов в 2010–2015 гг. Все они относятся к числу государств мира с низкими доходами (см. также табл. 1.1).

По мнению некоторых скептически настроенных исследователей, авторитарные правители или руководители стран, в которых происходят гражданские войны, возможно, испытывают настоящую потребность в денежных поступлениях, а потому в этих государствах, вероятно, будет добываться больше нефти, чем в более демократичных и мирных странах.²⁵ Впрочем, едва ли кто из специалистов назовет другую, помимо Саудовской Аравии, страну, правители которой были бы способны изменять объем производства нефти исключительно по собственному желанию. Темпы добычи нефти в общем случае определяются геологическими условиями, ограничивающими скорость ее извлечения из земных недр, и ценами на продукт, определяющими возможный для продажи с прибылью объем нефти. Даже если бы правители имели возможность контролировать эти факторы, мы должны были бы ожидать, что демократические лидеры (действующие в условиях конкуренции и вынужденные иметь дело с более высокими дисконтными ставками) будут стремиться к получению выручки от продажи нефти в той же степени, а во многих случаях и более настойчиво, чем авторитарные руководители государств.²⁶

У нас нет оснований рассматривать *нефтяной доход* как действительно экзогенный по отношению к экономическим и политическим характеристикам государства. Однако более демократичные, мирные и стабиль-

25. Haber and Menaldo 2009; Tsui 2011.

26. Гилберт Меткалф и Катерина Вольфрам пришли к выводу, что демократические нефтедобывающие страны демонстрируют тенденцию к более быстрому извлечению запасов углеводородов, чем недемократические государства (Metcalf and Wolfram 2010).

ТАБЛИЦА 1.1. Нефте- и газодобывающие страны в 2000 г.
Оценочная стоимость добытой нефти и природного газа в расчете
на душу населения в 2009 г. в текущих ценах (в долларах 2009 г.)

Страны	Нефтяной доход	Страны	Нефтяной доход
ближний восток и СЕВЕРНАЯ АФРИКА		*Республика Конго	1 940
*Катар	24 940	*Нигерия	370
*Кувейт	19 500	Судан	260
*ОАЭ	14 100	Чад	230
*Оман	7 950	Камерун	100
*Саудовская Аравия	7 800	СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА, ЕВРОПА, АВСТРАЛИЯ и НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ	
*Ливия	6 420	*Норвегия	13 810
*Бахрейн	3 720	*Канада	2 530
*Алжир	1 930	Дания	1 270
*Ирак	1 780	*Австралия	790
*Иран	1 600	*США	730
*Сирия	450	*Нидерланды	670
Йемен	270	Новая Зеландия	430
Египет	260	*Румыния	170
Тунис	250	*Великобритания	150
ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА и ВЕСТ-ИНДИЯ		Хорватия	140
*Тринидад и Тобаго	6 250	юго-восточная азия	
*Венесуэла	2 130	*Бруней	11 590
*Эквадор	820	Восточный Тимор	1 910
Суринам	680	*Малайзия	860
*Мексика	610	Индонезия	140
*Аргентина	530	Таиланд	150
Колумбия	430	Папуа — Новая Гвинея	120
Боливия	270	БЫВШИЙ СССР	
Бразилия	240	*Туркменистан	1 810
Куба	110	*Россия	2 080
АФРИКА ЮЖНЕЕ САХАРЫ		*Казахстан	2 370
Экв. Гвинея	12, 310	*Азербайджан	2 950
*Габон	3 890	*Узбекистан	340
*Ангола	2 400	Украина	110

ные страны должны получать и более высокие доходы. Тем самым они в меньшей степени подвержены нефтяному проклятию.

Транспарентность и надежность анализа

Я попытался проанализировать данные, используя самые простые и прозрачные методы, включая построение диаграмм рассеяния (корреляционные), комбинационных таблиц и критериев, основанных на разности выборочных средних.²⁷ Всякий раз когда это возможно, для того чтобы продемонстрировать соответствие или несоответствие тех или иных стран рассматриваемой модели, я применяю таблицы и графики. Я специально попытался минимизировать использование двусмысленных или плохо понятных терминов. Все использовавшиеся данные доступны для проверки на моем сайте по адресу <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/ross/>. В этой книге утверждается, что транспарентность поощ-

27. По словам Кристофера Эйкена, «что касается важнейших эмпирических обобщений в научной дисциплине, то ни одно из них не было получено благодаря тщательно продуманным, выверенным с точки зрения методологии крупным исследованиям. Напротив, практически все они основывались на изучении графиков и комбинационных таблиц» (Achen 2002, 442). См. также: Shapiro 2005.

К табл. 1.1.

* «Страны, в течение длительного времени добывающие углеводороды». Это означает, что доходы страны от добычи нефти и природного газа в течение, по крайней мере, двух третей времени, прошедшего с 1960 г. составляли не меньше \$100 в расчете на душу населения (в постоянных долларах 2000 г.), или, если страна получила независимость после 1960 г., в течение двух третей времени ее существования как суверенного государства.

Источник: Рассчитано по данным компании British Petroleum (BP 2010), Службы геологии, геодезии и картографии США (US Geological Survey n.d) и Всемирного банка (World Bank n.d.).

ряет правительства к совершенствованию управления денежными поступлениями от продажи нефти; возможно, она побудит специалистов по общественным наукам и к более тщательному анализу.

В приложениях к главам 3–5 для того, чтобы показать, что содержащиеся в них ключевые положения могут быть проиллюстрированы и с помощью более сложных методов, я обращаюсь к регрессионному анализу. Но и в этих случаях я стремился по возможности использовать достаточно простые модели, так как согласен с Кристофером Эйкеном, предупреждавшим, что «в случае использования более чем трех независимых переменных никто не способен осуществить достаточно тщательный анализ данных, который гарантировал бы точную спецификацию модели и соответствие используемых в ней допущений утверждениям исследователя».²⁸

Одними из основных причин ошибочных выводов исследователей являются неполнота данных и игнорирование «неслучайных» наблюдений. Я уделил особое внимание тому, чтобы получить в свое распоряжение исчерпывающий (или практически полный) набор данных. Поскольку во многих случаях я никак не мог получить сведения о всех странах (прежде всего это касается экономических показателей государств с низкими и средними доходами до 1980 г.), в каждой регрессионной таблице приводится информация об отсутствующих данных.

Все полученные мною ключевые результаты были подвергнуты комплексной проверке на предмет надежности с целью выявления эпизодов, когда корреляции зависят от небольшого количества влиятельных случаев, использования специфических наборов данных, пропуска искажающих переменных (по крайней мере, тех, которые можно было легко измерить) или произвольных методологических решений. Поскольку добыча нефти сконцентрирована по большей части на Ближнем Восто-

28. Achen 2002, 446.

ке и в Северной Африке, я сообщаю о том, какое воздействие на результаты моей регрессии оказывает как включение фиктивной переменной для региона Ближнего Востока, так и такой решительный шаг, как исключение из анализа всех ближневосточных стран. Большинство полученных мною результатов выдержали проверку этими испытаниями, но некоторые нет.

Довольно часто политологи сообщают о «существенном воздействии» выбранных ими главных объясняющих переменных на зависимые переменные. Полученные при этом значения имеют силу только в том случае, если мы оцениваем действительно причинно-следственную модель (на что мы не претендуем), с высокой точностью измеряя наши переменные (что мы во многих случаях не можем сделать). Как правило, исчисленные значения демонстрируют чувствительность к изменениям наших основных допущений, в результате чего может возникнуть ложное впечатление о научной точности. Поскольку величина нефтяных доходов уже смещена в сторону более богатых, стабильных и демократичных стран, мои оценки, скорее всего, будут недооценивать имеющее место в реальности воздействие добычи нефти.

Более объективным и транспарентным было бы предоставление информации по каждой отдельно взятой переменной о значительных различиях в показателях нефтедобывающих государств и стран, не имеющих запасов углеводородов, а также о величинах этих различий. В результате читатели получают возможность составить собственное, пусть и довольно общее, представление о характере и величине нефтяного воздействия и избежать ошибочных утверждений.

Понимание причинно-следственных процессов

Начиная с главы 3 и по главу 6 включительно я рассматриваю простые теоретические модели, основная задача которых заключается в том, чтобы прояснить мои выводы относительно каузальных процессов, связываю-

щих между собой нефть и различные исходы. В модели, представленной в главе 3, действуют всего два актора — группа граждан, стремящихся к повышению своего благосостояния, и правитель, единственное желание которого — сохранить свое кресло, — чтобы наглядно продемонстрировать, как денежные поступления от продажи нефти должны воздействовать на способность правителя оставаться у власти. В главе 4 я провожу различие между мужчинами и женщинами как гражданами, и показываю, что рост нефтяных доходов способен стать барьером на пути вступления женщин в ряды рабочей силы, следствием чего становится их экономическая и политическая маргинализация. В рассматриваемой в главе 5 модели население подразделяется на две группы — жителей нефтедобывающего региона страны и жителей других территорий. В соответствии с моделью в случае, когда доходы находятся на низком уровне, нефтяное богатство способно привести к повышению вероятности вооруженного восстания в нефтедобывающем регионе. В главе 6 используются несколько более слабые модели (большинство из которых разработаны другими учеными), предназначенные для того, чтобы выделить факторы, способные оказать влияние на способность правителя к межвременным сопоставлениям, а значит и к управлению изменчивым потоком нефтяной выручки с течением времени.

При эмпирическом изучении причинно-следственных механизмов даже образцовый статистический анализ позволяет нам продвинуться не слишком далеко. Проблема становится еще более трудной в случае, если мы используем наблюдаемые данные, а единицей нашего анализа (очень крупной и трудной для понимания) является государство.²⁹ Поэтому для того, чтобы показать, что ассоциации в межгосударственных данных, о которых я сообщаю, могут достоверно объяснить выводы

29. Важные дискуссии относительно этих ограничений см.: Brady and Collier 2004; King and Zeng 2006; Przeworski 2007.

в отношении отдельных стран, и более пристально рассмотрим к причинно-следственным процессам, связывающим нефтяные доходы и специфические результаты, я также использую короткие конкретные примеры. Они включают в себя рассказы о самых разных странах, таких как Колумбия, Республика Конго, Экваториальная Гвинея, Индонезия, Южная Корея, Судан, СССР и Россия, а также американский штат Луизиана.

В главе 5, в которой обосновывается положение о том, что добыча нефти в стране может оказывать отрицательное воздействие на положение женщин, специально используется метод изучения конкретных примеров. В ней сравниваются три во многом похожих страны (Алжир, Марокко и Тунис), лишь одна из которых добывает углеводороды в значительных объемах. Я показываю, каким образом нефть привела к замедлению экономического прогресса женщин в Алжире, в то время как марокканские и тунисские женщины добились существенного расширения своих прав.

Использовавшимся в этой книге методам количественного и качественного анализа присущи значительные ограничения. Я надеюсь, что мои старания, направленные на повышение степени прозрачности предлагаемого анализа, помогут читателям самостоятельно оценить приводимые автором доказательства и фактические данные.

ГЛАВА 2

Нефтяные доходы и сопутствующие им проблемы

Дух народа, уровень его культуры, его социальная структура, деяния, которые может подготовить его политика — все это и многое другое записано в его фискальной истории в чистом виде, без словесной шелухи. Тот, кто умеет слушать и слышать, различает в этом послании раскаты грома мировой истории отчетливее, чем где-либо еще.

Йозеф Шумпетер, «Кризис налогового государства»

ПОДОБНО тому как человек есть то, что он ест, государство есть то, денежные поступления каких видов оно собирает. Поскольку большинство правительств из года в год получают одни и те же доходы, их значение часто недооценивается. И только тогда, когда величина денежных поступлений резко изменяется, как, например, в случае открытия крупных месторождений нефти, важность государственных доходов становится очевидной.

Денежная выручка от продажи нефти характеризуется исключительно крупными размерами, необычностью источника, неустойчивостью и секретностью. Эти ее свойства отражают как организацию отрасли по добыче углеводородов в прошлом, так и произошедшие в 1960–1970-х гг. революционные перемены, обусловившие трансформацию нефтедобывающего мира.

Масштабы и источник нефтяных поступлений

Нефтедобыча генерирует гораздо больший объем получаемых государством денежных поступлений, чем любая другая отрасль. Тем самым размеры государства в нефтедобывающих странах крупнее, чем его относительное присутствие в экономике стран, не располагающих углеводородами.

Взять хотя бы Нигерию, превратившуюся после завершения в конце 1960-х гг. биафро-нигерийской войны в крупного производителя нефти (см. рис. 2.1). В 1969–1977 гг. объем добываемой в стране нефти увеличился на 380%. Одновременно почти в четыре раза возросли и реальные цены на нефть. За эти восемь лет совокупные денежные поступления, получаемые нигерийскими властями от продажи нефти и из всех других источников, выросли с \$ 4,9 млрд до \$ 21,5 млрд (с учетом инфляции). В то же самое время доля государственных расходов в нигерийской экономике увеличилась примерно с 10% до более чем 25%. И дело не только в быстром расширении размеров присутствия государства в народном хозяйстве; увеличение его размеров происходило быстрее, чем рост национальной экономики в целом.¹

Если обратиться к недавним примерам, то в начале 2000-х гг. крупными экспортерами углеводородов стали такие государства, как Азербайджан и Экваториальная Гвинея. Одновременно происходил рост цен на нефть. В 2001–2009 гг. в Азербайджане государственные расходы с учетом инфляции увеличились на 600%, а в Экваториальной Гвинее — на 800%.²

1. Bevan, Collier, and Gunning 1999.

2. Без учета инфляции расходы правительства Азербайджана возросли в 12 раз, а правительства Экваториальной Гвинее — примерно в 13 раз. Эти оценки основывают на докладах МВФ (статья IV) для каждой из стран за 2005 г. и 2010 г.

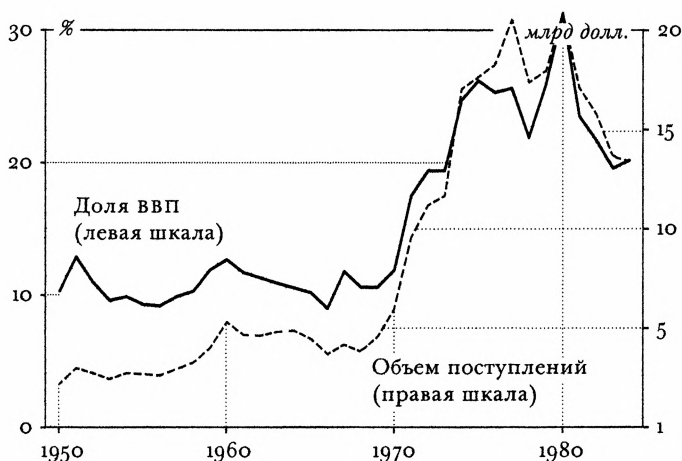

РИС. 2.1. Размеры нигерийского государства в 1950–1984 гг.

Источник: Данные о государственных доходах в долларах представлены в работе Д. Бивана, П. Коллиера и Я. Ганнинга (Bevan, Collier, and Gunning 1999); данные о государственных доходах как доле в ВВП — в работе А. Хестона, Р. Саммерса и Б. Атена (Heston, Summers, and Aten, n. d., table 6.2).

Поскольку государство очень часто скрывает истинный масштаб поступлений от продажи нефти, точно определить его размеры довольно трудно. Но даже не самые надежные данные (определенно недооценивающие реальные размеры государства в нефтедобывающих странах) наводят нас на размышления. На рис. 2.2 отображаются нефтяные доходы 134 стран мира (по горизонтальной оси), а также оценки размеров соответствующих государств, определяемые как доля в национальной экономике (по вертикальной оси). Восходящая кривая линия означает, что чем больше нефти добывается в стране, тем больше размеры государства.

Какую величину к размерам государства добавляет нефть? Мы можем сравнить соответствующие показате-

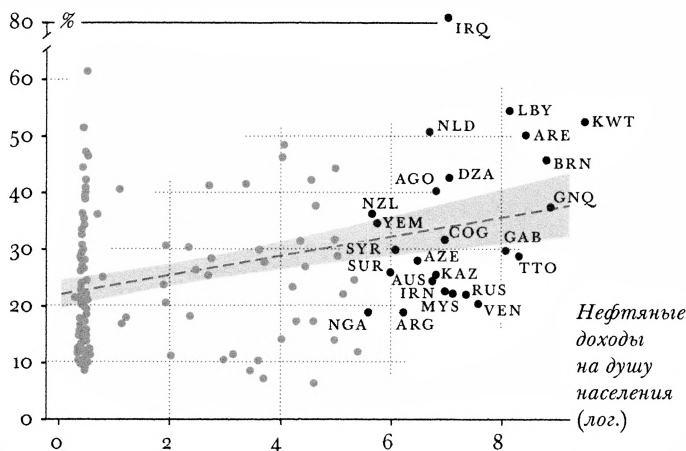

РИС. 2.2. Нефть и размеры государства

По вертикальной оси отображаются размеры государственных доходов как доля в ВВП.

Источник: Данные основываются на докладах МВФ (ст. IV) за самый последний год (между 1997 и 2007 г.) для каждой из стран, по которой есть информация; показатели нефтяного дохода относятся к тому же году.

ли нефтедобывающих стран и их соседей, получающих схожие по объему доходы, но не располагающих запасами углеводородов (см. рис. 2.3). Из этих примеров мы видим, что различия между размерами нефтедобывающих и «обычных» государств варьируются от 16% (Азербайджан и Армения) до 250% (Алжир и Тунис).

Мы можем ответить на тот же самый вопрос и иным образом. Попытаемся сравнить размеры государства в странах, получающих значительные нефтяные доходы (которые я определяю как \$100 в расчете на душу населения в данном году, выраженные в постоянных долларах 2000 г.) со странами с меньшими доходами, используя простую кросс-табуляцию (см. табл. 2.1). И вновь мы видим, что нефтедобывающие страны значительно пре-

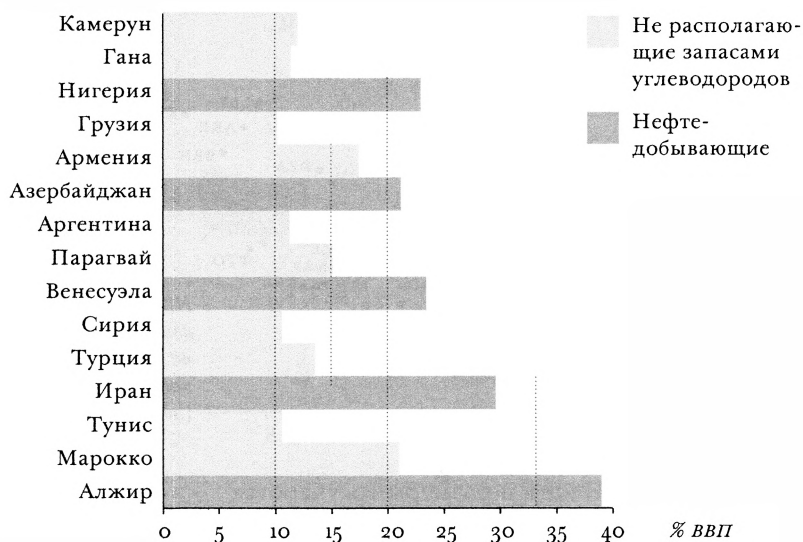

РИС. 2.3. Размеры государства в некоторых странах как доля в национальной экономике

Источник: Данные основываются на докладах МВФ (ст. IV) за самый последний год (между 1997 и 2007 гг.), на который были доступны необходимые сведения.

восходят остальные по размерам государства — в среднем, примерно на 45%.³

Благодаря масштабу этих денежных поступлений углеводородное богатство оказывает мощное воздействие на источник финансирования государственной деятельности. Большинство правительств изыскивают необходимые им денежные средства посредством сбора налогов. Но в том случае, если нефтяное богатство страны возрастает, ее правительство все меньше пола-

3. В этой и во всех последующих сводных таблицах для того, чтобы ответить на вопрос о том, действительно ли нефтедобывающие страны значительно отличаются от государств, не имеющих запасов углеводородов, я использую стандартные тесты, основанные на разности выборочных средних.

ТАБЛИЦА 2.1. Размеры государства, 2003 г.
(совокупные доходы государств как процентные доли ВВП)

	Страны		Разница
	Не имеющие запасов	Нефтедобывающие	
С низким доходом (< \$5000)	21,2	27,7	6,5**
С высоким доходом (> \$5000)	32,8	44,6	11,8*
Все страны	23,5	33,2	9,6**

* значимо на уровне 5%; ** значимо на уровне 1%.

Источник: Исчислено по данным из докладов МВФ (ст. IV) за 2003 г.; для стран, данные о которых отсутствовали, использованы сведения МВФ за ближайший доступный год.

ТАБЛИЦА 2.2. Налоги на товары и услуги, 2002 г.
(процентные доли налогов в государственных доходах)

	Страны		Разница
	Не имеющие запасов	Нефтедобывающие	
С высоким доходом (> \$5000)	29,6	24,1	-5,5*
Все страны	31,6	24,5	-7,1***

* значимо на уровне 10%, по одностороннему *t*-критерию Стьюдента;

** значимо на уровне 5%; *** значимо на уровне 1%.

Источник: Рассчитано по данным Всемирного банка (World Bank n. d.).

гается на налоги, уделяя все большее внимание получению «неналоговых денежных поступлений». Связь между нефтедобывающей отраслью и зависимостью государства от налогов отображается в табл. 2.2. Независимо от того, идет ли речь о странах с низкими или высокими доходами, об автократиях или демократиях, нефтедобывающие государства примерно на 30% менее

зависимы от налогов на товары и услуги, чем страны, не имеющие углеводородов.

То обстоятельство, что правительства нефтедобывающих стран в большей степени полагаются на нефтяные денежные поступления и в меньшей — на налоги, кому-то может показаться ничем не примечательным. Но этот читатель явно недооценивает роль денежных поступлений от продажи нефти. Нефтедобывающая отрасль генерирует бóльшие поступления, чем другие отрасли схожих с ней размеров, и в случае значительного увеличения нефтяных доходов возникает тенденция к уменьшению сбора налоговых поступлений. В результате правительства нефтедобывающих стран не просто зависят от углеводородных денежных поступлений; эта их зависимость является непропорционально сильной. Одновременно государство получает огромную свободу, избавляясь от необходимости сосредоточения усилий на сборе налогов.⁴

Если доходы правительства формируются благодаря всем отраслям пропорционально их вкладу в национальную экономику, то государственные финансы служат своеобразным зеркалом ее структуры. В этом случае, например, если четверть дохода страны формируется за счет нефти, то и денежные поступления от ее продажи должны были бы составить четверть государственных доходов. В реальности все обстоит иначе. Обратимся к рис. 2.4, на котором представлены данные о положении с государственными доходами в 31 ведущей стране, из числа обладающих значительными запасами углеводородов. В этой группе доля нефтяного сектора составляет в среднем 19% экономики, но благодаря ему формируется 54% государственного бюджета.

4. См.: Bornhorst, Gupta, and Thornton 2009; McGuirk 2010. Это означает, что если бы правительства нефтедобывающих стран собирали бы налоги на «нормальном» уровне, размеры государства в них были бы еще больше.

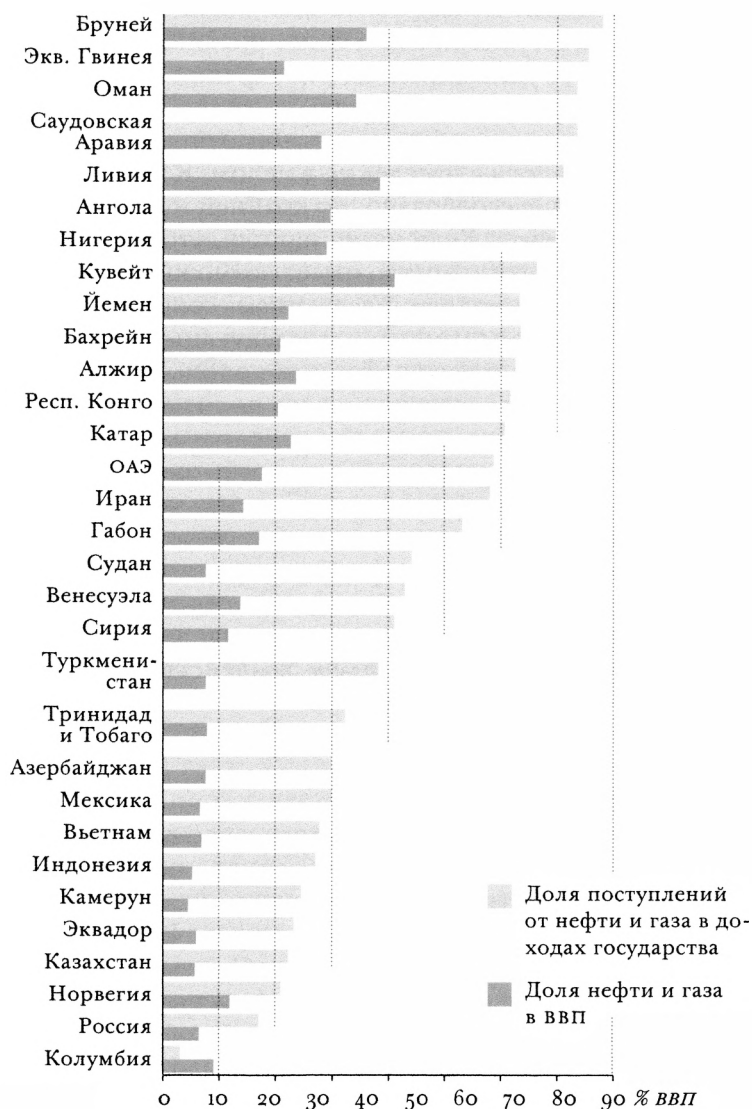

РИС. 2.4. Доля углеводородов в экономике и в государственных доходах в 2007 г.

Источник: Bornhorst, Gupta, and Thornton 2009.

Наличие связи между более высокими нефтяными денежными поступлениями и более низкими доходами едва ли вызовет удивление. С точки зрения любого правительства, бюрократически гораздо проще и политически более популярно собирать часть выручки нефтяного сектора, чем налоги с населения в целом. К тому же это экономически целесообразно; по крайней мере, до определенного момента. Если казна наполняется потоками нефтяных денег, государство имеет возможность «поделиться» частью доходов с населением, сокращая налоги. Впрочем, как мы увидим в последующих главах, зависимость государства от нефтяных поступлений имеет далеко идущие последствия для его политики и национальной экономики.

Отличительные размеры и источник нефтяных доходов обусловлены рядом необычных черт углеводородного мира. К ним относятся государственная собственность на запасы нефти и природного газа; экстраординарные прибыли, большая часть которых, начиная с 1970-х гг., достается государству; а также относительно незначительное *прямое* воздействие отрасли на остальную экономику.

Государственная собственность

Практически во всех странах мира, запасы нефти принадлежат государству. Государственная собственность оказывает воздействие и на размеры, и на источник денежных поступлений от продажи нефти. В результате государство имеет возможность требовать получения значительно большей части отраслевой выручки. При этом, поскольку денежные поступления собираются непосредственно, исчезает потребность в обложении налогом компаний частного сектора.⁵

5. Исходя из целей эвристики, я отталкиваюсь от того, что государство собирает нефтяные денежные поступления посредством неналоговых инструментов, таких как роялти, концессионные

Государство стремилось присвоить право на добычу полезных ископаемых, по крайней мере, со времен Древнеримской империи, в которой недра и все их содержимое объявлялось государственной собственностью по праву завоевания. Древнеримская традиция государственной собственности «пустила корни» в Европе Нового времени, в основном благодаря целой серии королевских указов: в Германии она было объявлена в XII в. императором Священной Римской империи Фридрихом I; в Англии в конце XII — начале XIII вв. королем Ричардом I и Иоанном Безземельным, а также подтверждена в 1689 г. парламентским законом; в Испании в 1383 г. указом короля Альфонсо XI. Во Франции недра издавна считались государственной собственностью. Данное положение было закреплено принятым по инициативе Наполеона Бонапарта законом в 1810 г.

Историческое наследие напоминает о себе и в наши дни. Его носителем выступает, например, термин «роялти». Согласно «Оксфордскому словарю английского языка» он означает «прерогативы, права или привилегии» монарха, а также «платежи, осуществляемые... компанией, добывающей полезные ископаемые, нефть или природный газ, собственнику данного участка земли».

В первые годы XX столетия в начальный период современной эпохи нефтедобычи государственная собственность на недра получила в Европе самое широкое распространение. К тому времени английская корона провозгласила суверенную собственность на месторождения золота и серебра. В 1918 г. с принятием Закона о нефтедобыче Англия объявила государственной собственностью и все месторождения нефти. Позднее, при посредстве колониального права, европейский прин-

платежи и перечисления средств от национальных нефтяных компаний. В действительности еще одним инструментом получения государством денег из нефтяного сектора является налогообложение частных компаний, занятых в углеводородном бизнесе. Мы вернемся к этому вопросу в главе 7.

цип суверенной собственности вошел в законодательство многих стран мира.⁶

В наши дни частная собственность на месторождения нефти широко распространена только в одной стране мира — США.⁷ Когда во время «золотой лихорадки» 1849 г. в Калифорнию начали стекаться старатели со всех концов страны, в США отсутствовали законы регулировавшие добычу полезных ископаемых. Для того чтобы защитить свои права и урегулировать разногласия старатели должны были установить собственные правила. Постепенно эти местные требования и правила получили признание в законах штатов и на федеральном уровне. В результате было кодифицировано право каждого, кто начал добычу полезных ископаемых, приобрести у государства титул собственности на месторождение по разумной цене. Этот «восходящий» процесс привел к формированию системы, в высшей степени благоприятствующей частной собственности и являющейся уникальной для крупнейших нефтедобывающих стран.⁸

6. Elian 1979; Bunyanunda 2005.

7. В США не все нефтяные месторождения находятся в частной собственности. Государству принадлежат все морские месторождения, на которых добывается примерно четверть всей нефти. Месторождения, которые находятся на общественных землях, также могут быть государственной собственностью.

П. Джонс Луонг и Э. Вайнталь подчеркивают, что между разными странами существуют значительные отличия в моделях собственности (Jones Luong and Weinthal 2010). Мы вернемся к вопросу о собственности и приватизации в заключительной главе книги.

8. Об эволюции американских законов, регулирующих добычу полезных ископаемых см. работу Г. Либекана (Libecap 1989). Как подчеркивают Гэвин Райт и Джесс Челуста, это отнюдь не означает, что в США была создана хорошо отлаженная система прав на полезные ископаемые:

«В США значительная часть богатейших месторождений полезных ископаемых перешла в частные руки с нарушением процедур, установленных федеральным законом. Например, в 1873–1906 гг. под видом сельскохозяйственных земель было приватизировано около 6 млн акров территорий, под которыми находились месторождения угля. Большинство месторо-

Порождение ренты

Государственная собственность сама по себе имеет важное значение, но она совсем не обязательно ведет к получению крупных неналоговых денежных поступлений. В некоторых случаях государству принадлежат предприятия, которые несут убытки (металлургические комбинаты или автомобильные заводы). Однако благодаря возможности получения экстраординарных прибылей, или ренты, государственная собственность на нефть является удивительно прибыльной.

В большинстве отраслей фирмы зарабатывают «нормальную» прибыль, размер которой определяется законами спроса и предложения. Если прибыли каких-либо фирм значительно меньше нормального значения, то часть из них выходит из отрасли, что ведет к увеличению прибылей оставшихся компаний. Если прибыли фирм существенно превышают нормальный показатель, то в отрасль входят новые компании, вступающие в конкуренцию за исключительно высокие нормы прибыли. В результате отраслевые прибыли снижаются до нормальных уровней. В то же время в нефтедобыче компании могут получать ренту — прибыль, превышающую издержки производства, включающие в себя нормальную норму возврата на инвестированный капитал.

Известно два основных условия порождающих ренту в нефтедобыче или в любой другой отрасли добывающей промышленности. Одно из них — благоприятное географическое положение, предоставляющее некоторым нефтяным компаниям доступ к более дешевой нефти и нефти более высокого качества, чем та, которую извлекают их конкуренты. Некоторые месторождения позволяют извлекать нефть относительно низкого качества по высокой цене и получать только нормальную

ждений железа в Миннесоте и Висконсине были мошеннически захвачены под прикрытием закона о гомстедах» (Wright and Czelusta 2004, 11).

прибыль, в то время как на других добывают высококачественную нефть с низкими издержками, что порождает присваиваемую их владельцами «дифференциальную ренту».⁹ Поскольку предложение залежей нефти высокого качества, затраты на добычу которой невелики, ограничено, новые компании, входящие в нефтедобычу, не имеют возможности легко и просто получать ренту этого типа.

Кроме того, в случаях, когда спрос на нефть временно опережает предложение, нефтяные компании могут получать ренту по «редкости». Теоретически предложение нефти в конечном итоге сравняется со спросом, или спрос в конце концов упадет до уровня предложения. Однако процессы такого рода приспособления могут занять годы, либо в силу растущей нехватки предложения, либо, в случае отсутствия дефицита, в силу относительно низкой эластичности предложения по цене (добывающим компаниям необходимо время для того, чтобы увеличить поставки нефти в ответ на увеличение цен).

На рис. 2.5 представлены данные о размерах ренты для одиннадцати ведущих стран — экспортеров нефти в 2008 г. Темные отрезки отображают средние издержки добычи одного барреля нефти, а светлые — его примерные цены на мировом рынке в зависимости от различий в качестве нефти, поставляемой каждой страной. В конце 2008 г. средние издержки добычи нефти в расчете на один баррель варьировались от US\$1,8 в Саудовской Аравии до US\$31,4 в Канаде, а цены — от US\$38 на канадскую нефть до US\$53 на нигерийскую. Разница между значениями издержек и цены и образует ренту, изменяющуюся от US\$6 за баррель в Канаде до US\$42 в Нигерии.¹⁰

9. Иногда ренту этого типа, порождаемую естественными различиями в качестве или издержках производства товара, называют «рикардианской» (впервые она была описана в XIX в. экономистом Давидом Рикардо).

10. Это очень грубые оценки величины ренты; они основываются на данных Кирка Гамильтона и Майкла Клеменса (Hamilton and Clemens 1999) и обновлены с учетом инфляции.

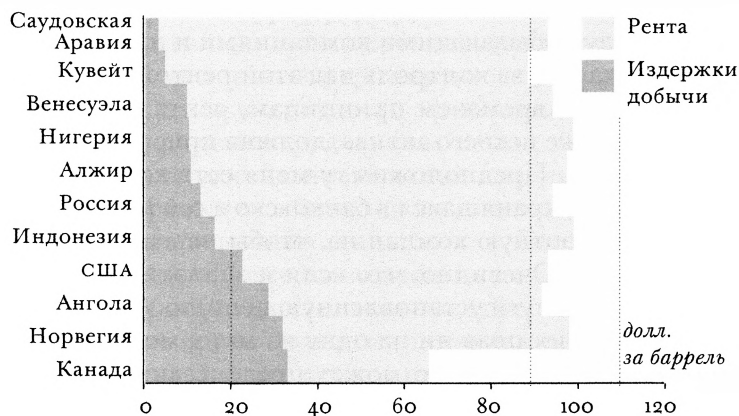

РИС. 2.5. Цены на нефть и нефтяная рента в ряде нефтедобывающих стран в 2008 г. (Цены на экспортируемую каждой из стран нефть в январе 2008 г.)

Источник: Данные о ценах на нефть доступны на сайте Управления информации в области энергетики Министерства энергетики США: <http://www.eia.doe.gov> (режим доступа на 25 января 2009 г.); данные об издержках добычи нефти, скорректированные для публикации, заимствованы из работы К. Гамильтона и М. Клеменса (Hamilton and Clemens 1999).

Академические ученые с давних пор увлечены исследованиями ренты. Джон Стюарт Милль в «Принципах политической экономии» предполагал, что концепция ренты

...это одно из основных учений политической экономии; и пока она не была понята, нельзя было дать ни одного основательного объяснения многих, более сложных промышленных явлений. Ее справедливость будет проявляться со все большей ясностью.¹¹

11. Mill [1848] 1987, 16:3. По мнению многих обществоведов, в стремлении к получению ренты лежит корень зла самых разных отрицательных явлений, таких как экономическое расточительство,

Основы нефтяной политики формируются в процессе борьбы между добывающими компаниями и правительствами государств за контроль над этой рентой. Согласно освященным временем принципам, рента, получаемая при продаже некоего актива, должна присваиваться его владельцем. Предположим, у меня есть коллекция золотых монет, хранящаяся в банковском сейфе. Я могу нанять транспортную компанию, чтобы перевезти коллекцию домой. Очевидно, что если я заплатил за предоставляемые услуги установленную цену, то компания не имеет никаких прав ни на одну из моих монет. Схожим образом, государство может предоставить компании право на извлечение нефти из принадлежащих ему месторождений, но это не означает, что фирма временно получает право и на присвоение хотя бы части нефтяной ренты.

До начавшихся в 1960–1970 гг. изменений национальные правительства практически не имели возможности собирать по праву принадлежавшую им ренту, что было обусловлено размерами присваивавших ее нефтяных компаний и их способностями вступать в сговор друг с другом. Теоретически государство с целью принудить компании платить ренту могло бы использовать рыночную конкуренцию — например, с помощью продажи концессионных прав на аукционах по наивысшей цене. Но на практике крупнейшие нефтяные компании отказывались соперничать друг с другом, не оставляя правительствам принимающих стран другого выбора, кроме подписания невыгодных для государства контрактов.

Нефтяные компании владели еще одним преимуществом. Имеется в виду, что их размеры и установление режима секретности открывали возможность использования бесчисленного количества способов сокрытия от государства данных об объеме денежных поступле-

коррупция и насилие. См. Например: Krueger 1974, Buchanan, Tollison, and Tullock 1980; Colander 1984. Впрочем, создавать теории о ренте, гораздо проще, чем проверять их.

ний от продажи нефти. Крупнейшие компании являются вертикально интегрированными структурами. Это означает, что они контролируют все стадии добычи, распределения и продажи нефти: одна и та же корпорация извлекает сырую нефть из-под земли в той или иной стране, доставляет ее в самые разные страны мира, перерабатывает ее в бензин и в итоге заливает в бензобак автомобиля конечного потребителя. Поэтому компании имеют возможность относительно легко скрывать добавочные прибыли, используя трансфертное ценообразование. Последнее позволяет передавать полученную денежную выручку из рук компании, которая находилась под юрисдикцией принимающего государства в руки другого хозяйствующего субъекта, действующего в соответствии с законами совсем иной страны.

Тем самым крупнейшие нефтяные компании имели возможность получать исключительно высокую норму прибыли на инвестиции, осуществлявшиеся в не-Западных странах. Согласно одной из оценок, в середине 1950-х гг. чистая прибыль крупнейших нефтяных компаний на инвестиции в Восточной Азии и на Ближнем Востоке *после* всех платежей правительствам принимающих государств достигала 60–90%. В соответствии с данными исследования Министерства торговли США, в 1960 г. нормы возврата американских нефтяных компаний (прибыль после уплаты налогов, отнесенная к объему инвестиций по балансовой стоимости) составили на Ближнем Востоке 50%, а в Венесуэле — 29%.¹² По любым меркам операции этих компаний в развивающихся странах приносили им экстраординарные прибыли.

Захват ренты

В 1950-х гг. в странах развивающегося мира номинально была установлена государственная собственность на нефтяное богатство, но большинство из них получали лишь

12. Hartshorn 1962.

небольшую долю от соответствующей ренты. Во многих случаях правительства этих стран не имели возможности хотя бы контролировать объем добывавшейся нефти и ее экспортных поставок. Положение изменилось в результате волны национализации, прокатившейся по глобальной нефтяной отрасли в 1950–1970-х гг.

Впервые нефтедобывающая отрасль была национализирована в 1910 г. в Аргентине, а вслед за ней — в России (1918 г.), Боливии (1937 г.) и Мексике (1938 г.). Впрочем, в период предшествовавший началу Второй мировой войны, национализация была редкостью. Еще в 1950 г. «Семь сестер» контролировали 98% мировых продаж нефти (без учета США и стран, входивших в Коммунистический блок).¹³

В 1950–1970-е гг. произошло резкое изменение баланса сил между нефтяными компаниями и правительствами принимающих стран. В 1976 г. экономический историк Эдит Пенроуз писала:

Были пересмотрены (неизменно в пользу принимающих государств) выданные в прошлом концессии на геологоразведку и производство; там, где концессии распространялись на очень крупную долю перспективной с точки зрения добычи углеводородов территории, она была уменьшена в размерах; были введены более жесткие правила относительно требований к бурению, хранению добытой нефти и по многим другим такого рода вопросам; в пользу принимающих государств были изменены и финансовые соглашения всех возможных типов.¹⁴

Изменение баланса власти между корпорациями и правительствами принимающих стран в пользу вторых достигло кульминации во время волны экспроприаций, пики которой пришлось на 1971 г. и 1976 г. (см. рис. 2.6). К 1980 г. почти во всех развивающихся странах была осуществлена

13. Levy 1982.

14. Penrose 1976, 198.

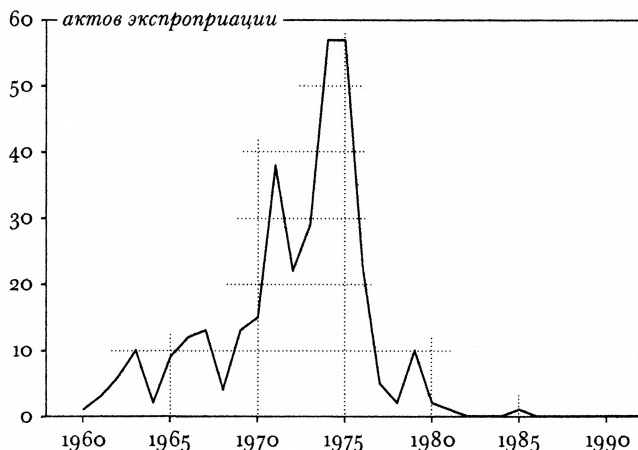

РИС. 2.6. Экспроприация нефтяных компаний различными государствами в 1960–1993 гг.

Линия отображает количество различных «актов экспроприации», имевших место в разных странах мира в течение каждого календарного года, определяемых как «формальная экспроприация, принудительная продажа, повторные контрактные переговоры и незаконное вмешательство в дела» нефтяных компаний. Отдельно взятая компания могла быть субъектом нескольких актов экспроприации, осуществлявшихся в течение некоторого времени.

Источник: Kobrin 1980; Minor 1994.

национализация отраслей по добыче нефти, а для управления ими были созданы национальные нефтяные компании (ННК, НОС). Как замечает Стивен Кобрин: «Конечным результатом стала революционная трансформация международной нефтяной отрасли».¹⁵ После 1985 г. количество новых экспроприаций значительно сократилось, не только в связи с изменением настроений, но и потому, что правительства не-западных стран уже захватили большую часть доступных в нефтяном секторе активов.

15. Kobrin 1980, 17. См. также: Jodice 1980; Minor 1994.

Национализации 1960–1970-х гг. позволили правительствам получать большую, чем прежде долю нефтяной ренты. В 1950-е гг. большинство крупнейших нефтедобывающих стран и международные нефтяные компании имели соглашения «пятьдесят на пятьдесят», по которым каждая из сторон получала половину прибылей от продажи нефти. Однако, благодаря своим размерам и вертикальной интеграции, компании имели возможность без особых усилий скрывать получаемые доходы от принимающих стран. Правительства последних никогда не знали, действительно ли компании полностью выполняют взятые на себя обязательства. По данным, полученным в ходе одного из исследований, экспроприации привели к увеличению доли государства в нефтяных прибылях с 50% (начало 1960-х гг.) до 98% (1974 г.).¹⁶

Установление контроля над нефтяной отраслью означало, что государство получает возможность влиять и на объемы добычи. В частности, «Семь сестер» более всего ограничивали добычу в нефтяной отрасли Ирака. Несмотря на значительные запасы нефти, уступавшие по размерам только Саудовской Аравии, и такие же низкие как в Саудовской Аравии издержки ее добычи, принадлежавшая иностранным владельцам *Iraqi Petroleum Company (IPC)*, жестко ограничивала объем добычи, чтобы не допустить падения мировых цен. После национализации IPC в 1972 г. в течение последующих семи лет добыча нефти компанией возросла более чем в два раза.

Что привело к подъему волны национализаций?

Одним из факторов был сопровождавший деколонизацию 1950–1960-х гг. подъем националистических настроений в развивающемся мире. Такие настроения смешивались с отрицательным отношением к зарубежным

16. Mommer 2002.

фирмам, местные отделения и дочерние компании которых во многих случаях были созданы еще во времена колониального правления и тесно с ним ассоциировались. Эти обстоятельства обусловили популярность национализации иностранных нефтяных компаний.

В Мексике, например, экспроприация зарубежных нефтяных компаний в 1938 г. была встречена с таким энтузиазмом, что 18 марта, день в который произошло это событие, и в наше время является общегосударственным праздником. В 1951 г. премьер-министр Ирана Мохаммед Мосаддык был вынужден (после убийства его предшественника, выступавшего против национализации) принять решение о передаче в государственную собственность британской Anglo-Iranian Oil Company (АИОС). Это событие сопровождалось всенародными торжествами, и в честь него был учрежден особый общенациональный праздник.¹⁷

В некоторых случаях политики, связанные с национализацией зарубежных компаний, приобретали огромную известность. В Ираке захват ИРС был организован Саддамом Хусейном, занимавшим в то время пост заместителя председателя Совета революционного командования. Национализация способствовала формированию в обществе его положительного имиджа и росту народной поддержки партии «Баас». Согласно одному из биографов, национализация ИРС открыла Хусейну «ворота к славе».¹⁸

При всей популярности эти национализации были бы невозможны без второго условия — ухудшения переговорных позиций крупнейших нефтяных компаний. До начала 1960-х гг. правительства лишь нескольких стран-экспортеров осмеливались бросить вызов крупнейшим нефтяным компаниям, жестко контролировавшим международную торговлю углеводородами. Любое государство, которое осмелилось бы установить кон-

17. Yergin 1991, 463.

18. Coughlin 2002, 108.

троль над нефтедобывающей отраслью не смогло бы продать ее за рубежом, так как «Семь сестер» контролировали практически всё международное распределение нефти и маркетинговые каналы. Правительствам стран, которые национализировали нефтедобывающие отрасли, пришлось заплатить за это высокую цену. После мексиканской национализации в 1938 г. международные компании бойкотировали предлагавшуюся страной сырую нефть, отказывая в предоставлении танкеров и поставках тетраэтилсвинца, без которого невозможно было этилирование бензина.¹⁹ После национализации Ираном в 1951 г. АИОС, на добываемую страной нефть было наложено мировое эмбарго. Через два года правительство Мохаммеда Моссадыка, не желавшее подчиняться диктату, было свергнуто в результате переворота, подготовленного спецслужбами США и Великобритании. После реставрации монархии и прихода к власти шаха активы и рычаги управления АИОС были возвращены прежним владельцам компании.²⁰

Но в 1950–1960-е гг. крупнейшие нефтяные фирмы постепенно утрачивают господствующие рыночные и переговорные позиции. Одним из факторов этого процесса стало увеличение количества «независимых» нефтедобывающих компаний, что привело к сокращению долей рынка его крупнейших игроков. В число первых входили Getty Oil, Standard Oil of Indiana, итальянская государственная компания ENI, японский консорциум Arabian Oil и СССР. Не менее важную роль сыграло появление и увеличение количества относительно небольших по размерам компаний, которые могли предложить правительствам нефтедобывающих стран различные специализированные услуги по геологоразведке, бурению и инженерному обеспечению. В прошлом такие услуги предоставляли исключительно «Семь сестер».

19. Krasner 1978.

20. Mahdavi 2011.

Еще одним фактором стало образование в 1960 г. ОПЕК. Первоначально входившие в эту организацию государства лишь делились друг с другом секретной прежде информацией о своих контрактах с нефтяными компаниями. Однако со временем они перешли к разработке скоординированных переговорных стратегий, что в конечном итоге позволило странам — членам ОПЕК добиться значительного улучшения договорных условий.

Нельзя не отметить и то обстоятельство, что ведущие страны Запада (США, Франция и Великобритания) все менее охотно использовали вооруженные силы для защиты собственных зарубежных экономических интересов. Одним из главных их успехов стала проведенная в 1953 г. совместная англо-американская операция по свержению в Иране правительства М. Моссадыка. Но в последующие годы и десятилетия страны Запада потерпели целый ряд унижительных военных поражений (Франция во Вьетнаме и в Алжире, Англия и Франция в 1956 г. во время Суэцкого кризиса и США во Вьетнаме и Камбодже). В конце 1960-х гг. государства Запада практически полностью отказались от практики отправки армейских частей и подразделений в зарубежные страны для защиты дружественных или свержения находившихся у власти враждебных режимов.

И наконец, упрочению позиций принимающих стран способствовали специфические качества нефтедобычи как отрасли. Условием извлечения нефти является осуществление крупных предварительных инвестиций, необходимых для приобретения особых активов, таких как концессии, бурение скважин, строительство насосных станций и трубопроводов. Такие активы невозможно легко и просто переместить в другие места или использовать не по первоначальному назначению. Если компания осуществила такого рода инвестиции, выход из дела будет стоить ей слишком дорого, поскольку в этом случае она должна будет навсегда распрощаться с вложенными средствами.

В данном случае компании сталкиваются с тем, что экономисты называют проблемой «временной состоятельности». До осуществления первоначальных инвестиций компании находятся в сильной переговорной позиции и имеют возможность заключить в высшей степени выгодные контракты с правительствами принимающих стран. Однако после того, как они осуществили инвестиции, компании теряют значительную часть своей переговорной силы — принимающая сторона имеет возможность отменить любые контрактные условия, не слишком опасаясь, что компании отзовут свои инвестиции.²¹

До тех пор пока крупнейшие нефтяные компании сохраняли в своих руках исключительный контроль над транспортировкой и распределением нефти, а за их «спинами» стояла вся военная мощь стран происхождения, они имели возможность принуждать принимающие государства к заключению и исполнению контрактов. С появлением и увеличением количества независимых нефтяных компаний, означавшим разрушение олигополии «Семи сестер», а также в связи с растущим нежеланием правительств наиболее влиятельных стран Запада использовать вооруженные силы за рубежом, постепенно исчезают и факторы, удерживавшие правительства принимающих государств от разрыва контрактов с основными игроками нефтяной отрасли и замещения их собственными национальными нефтяными компаниями.

Начиная с 1970-х гг. в глобальном предложении углеводородов доминирующие позиции принадлежат национальным нефтяным компаниям (ННК, НОС). Несколько государств (прежде всего, Мексика и Ливия), выдворив зарубежные компании и иностранных рабочих, управляют отраслями по добыче нефти, пользуясь незначительной международной помощью. Но в боль-

21. Раймонд Вернон рассматривает эту проблему как «изнашивающееся соглашение» (the obsolescing bargain) (Vernon 1971).

шинстве стран по-прежнему присутствуют международные нефтяные компании (МНК, ИОС). Эта их роль определяется обладанием МНК техническими навыками и умениями, а также доступом к капиталу и международным маркетинговым сетям.

В наши дни отношения между ННК и частными компаниями принимают самые разнообразные формы.²² В некоторых, преимущественно ближневосточных, странах ННК осуществляют повседневный операционный контроль над отраслью, обращаясь к услугам международных компаний (по сервисным контрактам) только для решения специфических задач. Правительства большинства других стран заключили договора о предоставлении концессий, разделе продукции или создании совместных предприятий с зарубежными компаниями, получившими возможность в большей степени контролировать повседневную операционную деятельность.

Сегодня основная добыча нефти осуществляется благодаря своеобразной комбинации ННК, частных фирм и гибридных компаний со смешанной, государственной и частной собственностью. Размеры и сложность большинства из них значительно осложняют задачу установления их истинной стоимости. Размеры компаний, акции которых котируются на бирже, могут быть измерены по рыночной стоимости находящихся в обращении ценных бумаг. В соответствии с этим показателем, в 2005 г. крупнейшими в мире нефтяными фирмами были Exxon Mobil, BP и Royal Dutch Shell (см. табл. 2.3). Однако фирмы, полностью принадлежащие государству, не относятся к числу официально зарегистрированных на фондовой бирже. Если мы используем альтернативный показатель, такой как размер доказанных балансовых запасов нефти компании, то первые 9 из десяти мест в верхней

22. Обсуждение различных контрактных форм см.: Johnston 2007. Согласно предположению П. Стивенса, ресурсный национализм развивается циклически, особенно на Ближнем Востоке (Stevens 2008).

ТАБЛИЦА 2.3. Крупнейшие по рыночной капитализации нефте- и газодобывающие фирмы мира в 2005 г.

Место	Компания	Собственность	Рыночная капитализация (в млрд US\$)
1	ExxonMobil	Частный сектор	349,5
2	BP	— » —	219,8
3	Royal Dutch Shell	— » —	208,3
4	«Газпром» (Россия)	Гибридная	160,2
5	Total	Частный сектор	154,2
6	Petrochina	Контрол. гос-вом	146,6
7	Chevron	Частный сектор	127,4
8	Eni	— » —	111
9	ConocoPhillips	— » —	80,7
10	Petrobras (Бразилия)	Гибридная	74,7
11	«Лукойл»	Частный сектор	50,5
12	Statoil (Норвегия)	Гибридная	50,3
13	Sinopec (Китай)	Контрол. гос-вом	48,7
14	«Сургутнефтегаз» (Россия)	Гибридная	45,8
15	ONGC (Индия)	Контрол. гос-вом	37,2

Источник: PFC Energy, доступно на сайте: <http://www.pfcenergy.com>.

части списка займут ННК (см. табл. 2.4). Согласно данным исследования, проведенного в 2003 г., ННК контролировали около 80% мировых запасов и 75% мирового производства нефти.²³

И до наступления волны национализации 1950–1960-х гг. правительства нефтедобывающих стран накапливали значительные, а в некоторых случаях даже колоссальные углеводородные доходы. Изменение баланса в пользу государственной собственности позволило им заполучить полный контроль над нефтедобывающими отраслями и инициировать с выгодой для себя резкое увеличение цен на нефть в 1970-е гг.

23. McPherson 2003.

ТАБЛИЦА 2.4. Крупнейшие по доказанным запасам нефте- и газодобывающие фирмы мира в 2005 г.

Место	Компания	Собственность	Запасы нефти (в млрд баррелей)
1	Saudi Aramco	Контрол. гос-вом	262
2	National Iranian Oil Co.	— » —	125
3	Iraqi National Oil Co.	— » —	115
4	Kuwait Petroleum Corp.	— » —	101
5	Abu Dhabi National Oil Co.	— » —	98
6	PDVSA (Венесуэла)	— » —	77
7	Libya NOC	— » —	39
8	Nigerian National Petroleum Corp.	— » —	35
9	«Лукойл»	Частный сектор	16,1
10	Qatar Petroleum	Контрол. гос-вом	15,2
11	«Роснефть» (Россия)	— » —	15
12	Pemex (Мексика)	— » —	14,6
13	Sonatrach (Алжир)	— » —	11,8
14	ExxonMobil	Частный сектор	10,5
15	BP	— » —	9,6

Источник: EIA Annual Energy Review 2007, доступно на сайте: <http://www.eia.doe.gov, company reports>; представлены приближенные данные о запасах, незначительно варьирующие в зависимости от источника.

Нефть и частный сектор

Добыча и продажа нефти могут способствовать повышению доходов государства. Однако почему рука об руку с увеличением нефтяных денежных поступлений идет более быстрый, по сравнению с остальной экономикой, рост размеров государства? Почему не происходит столь же быстрый рост частного сектора? В популярных в 1950–1960-х гг. теориях предполагалось, что ресурсный бум обычно ведет к формированию диверсифици-

рованной модели роста частных предприятий.²⁴ В действительности основные выгоды нефтяных бумов для частного сектора, особенно в странах с низкими доходами, связаны прежде всего с увеличением государственных расходов. Понимание причин этого помогает объяснить, почему следствием добычи нефти становится рост государства *относительно* частного сектора: углеводороды значительно увеличивают государственные доходы, но приносят гораздо меньше пользы (если не наносят вред) другим отраслям частного сектора.

Эта необычная модель формируется под воздействием трех сил. Первая из них — государственная собственность на запасы нефти. Если бы подземные активы страны находились в частной собственности, то добыча углеводородов в большей степени обогащала бы частные компании, а государство — в меньшей. Суверенные права государства на месторождения нефти ограничивают воздействие добычи углеводородов на частный сектор.

Второй силой является «анклавный» характер большинства нефтяных проектов. Даже в тех случаях, когда государство контролирует добычу, переработку и транспортировку углеводородов, у нас все еще остаются основания ожидать, что эти виды деятельности будут стимулировать рост в других частях национальной экономики.

Но добыча углеводородов, как правило, осуществляется в анклавах. В некоторых случаях компании буквально осуществляют свои операции в географических анклавах — изолированных, замкнутых областях, как в случае добычи нефти с морских нефтебуровых установок. Но не всегда. Иногда оборудование для добычи «растягивается» на сотни и тысячи километров. Согласно данным одного из исследований, в 2006 г. в Нигерии насчитывалось 5284 наземные и морские скважины, 275 контрольно-замерных станций промысловых распределительных систем, 10 газоперерабатывающих за-

24. Spengler 1960; North 1955; Watkins 1963.

водов, 10 экспортных терминалов, 4 нефтеперегонных завода, 3 завода по сжижению газа, а длина трубопроводов составляла 7000 км.²⁵ И тем не менее в общем случае добыча нефти осуществляется в *экономическом* анклав, оказывая ограниченное прямое воздействие на остальную экономику.²⁶

Чтобы лучше понять эту проблему, обратимся к другому виду экономической деятельности — обрабатывающей промышленности. Развитие этого сектора будет, по крайней мере, тремя путями стимулировать рост остальной экономики: занятые в обрабатывающей промышленности будут приобретать товары и услуги, производимые другими фирмами («эффект занятости»); работники будут приобретать навыки и умения, которые пригодятся им в будущем (эффект «обучения в процессе труда»); и компании сектора будут приобретать товары, произведенные другими фирмами, чтобы использовать их для выпуска собственной продукции (эффект «связей с поставщиками»). Проводившиеся в самых разных странах исследования подтверждают масштабы и важность этих побочных эффектов.²⁷

Но в нефтяном секторе все три эти «дороги» используются далеко не на полную «пропускную способность». Тому есть две причины.

Во-первых, геологоразведка и добыча нефти отличаются экстраординарной капиталоемкостью: в этих видах деятельности используется значительное количество дорогого оборудования при относительно не-

25. Lubeck, Watts, and Lipschutz 2007.

26. Впервые эта проблема, а также необходимость «фискальных связей», замещающих отсутствующие «связи с поставщиками и покупателями» между добывающей промышленностью и остальной экономикой, была сформулирована А. Хиршманом (Hirschman 1958).

27. Javorcik 2004; Moran 2007. Теоретически компании создают и связи с покупателями, предоставляя недорогие входные ресурсы для предприятий других отраслей, что способствует повышению их конкурентоспособности. Но, согласно данным исследований, эффект такого рода связей не слишком велик.

большом количестве рабочей силы.²⁸ Крупнейшим в мире поставщиком углеводородов является Саудовская Аравия. На нефть и газ приходится около 90% ВВП этой страны. В то же время в нефтяном и добывающем секторе занято всего лишь 1,6% активной рабочей силы, что составляет 0,35% общей численности населения страны.²⁹ Постепенный переход к морскому бурению ведет к еще большему повышению капиталоемкости отрасли. Стоимость строительства одной морской глубоководной платформы достигает более \$500 млн, а плата за ее использование — свыше \$200 млн в год. Но если платформа установлена на точке бурения и добычи нефти, обслуживанием ее оборудования занимается менее 200 человек, по преимуществу иностранных специалистов, постоянно проживающих на борту.³⁰

Один из способов измерения капиталоемкости предполагает отнесение инвестиций компании в здания, сооружения и оборудование к количеству нанятых для работы на нем сотрудников. Согласно данным одного из недавних исследований, посвященных изучению зарубежных операций американских фирм, инвестиции текстильных компаний в расчете на одного работника составляют \$13000. Это самый низкий показатель в промышленности. Соответствующий показатель нефтяных и газовых компаний достигает \$3,2 млн в расчете на одного работника. Тем самым нефтяная отрасль да-

28. Это одна из причин, обусловивших в 1950-х гг. «победу» нефти над углем в борьбе за звание основного источника топлива. Добыча угля отличается высокой трудоемкостью, и в отрасли довольно часто вспыхивали забастовки, приводившие к срывам поставок продукции. Поэтому в послевоенный период многие промышленные потребители угля в США и Европе, учитывая широкое стачечное движение шахтеров, переключились на потребление нефти, так как в этой отрасли было занято значительно меньшее количество рабочих, и она была не столь уязвима перед лицом забастовок. См.: Yergin 1991, 543–545.

29. International Labor Organization 2005.

30. Williams 2006.

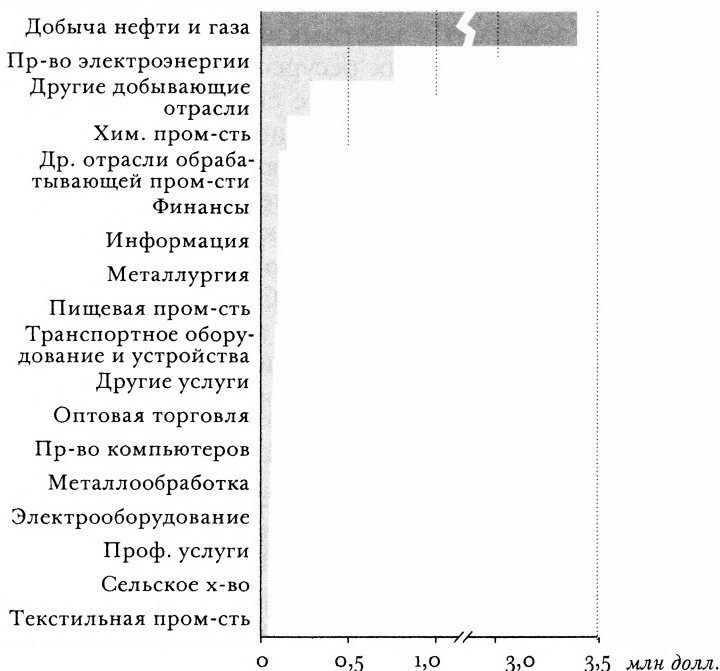

РИС. 2.7. Показатели капиталоемкости в важнейших отраслях (количество денег в расчете на одного работника, инвестированных американскими компаниями, осуществляющими операции за рубежом).

Источник: Schultz 2006.

леко обгоняет другие капиталоемкие группы однородных предприятий (см. рис. 2.7).³¹

Поскольку нефтяной сектор создает на местах относительно небольшое количество рабочих мест, то и эффект занятости, и эффект обучения в процессе труда являются незначительными.

31. Schultz 2006.

Во-вторых, компании, специализирующиеся на добыче нефти закупают у местных фирм относительно небольшой объем входных ресурсов, следствием чего становятся относительно слабые связи с местной экономикой. Нефтяные компании используют большое количество различного оборудования. Но оно преимущественно является узкоспециализированным и производится в странах с высокими доходами. Например, значительная часть установок для глубоководного бурения изготавливается в Сингапуре или Южной Корее. Для многих нефтяных компаний основной и едва ли не единственной местной «покупкой» становится право на добычу нефти, приобретаемое непосредственно у правительства страны.

Благодаря этим двум особенностям, добыча нефти (и нефтяные компании) оказывает на удивление незначительное воздействие на частный сектор, особенно в странах с низкими доходами. Например, в Республике Конго в течение многих лет доля добычи нефти в экономике составляла около одной трети. Но, согласно недавнему исследованию МВФ, в период 1960–2004 гг. нефтедобыча не оказывала прямого воздействия на рост остальных отраслей экономики страны.³²

В своей книге *Crude World* («Мир сырой нефти») журналист Питер Маас описывает посещение завода по переработке природного газа в Экваториальной Гвинее. Стоимость этого предприятия, построенного и управлявшегося компанией *Marathon Oil* (со штаб-квартирой в Хьюстоне), составляла около \$1,5 млрд, а его штат был почти полностью укомплектован иностранными рабочими:

С точки зрения выгод, предлагавшихся местному бизнесу, этот завод, как и многие другие нефтяные предприятия в развивающемся мире, находился все равно, что на Луне... *Marathon* не стала заключать контракт на покупку цемента с местной компанией из Мала-

32. Bhattacharya and Ghura 2006.

бо, так как не имела гарантий своевременных и бесперебойных поставок. Поэтому прямо на строительной площадке появился свой собственный цементный заводик, все сырье для которого импортировалось. Планировалось, что по окончании строительства производственное оборудование будет демонтировано. В качестве стандартного жилья (для иностранных рабочих) использовались передвижные дома, при создании которых не применялись ни местные материалы, ни труд местных рабочих. На заводе функционировала собственная спутниковая сеть телефонной связи, объединенная с аналоговой сетью *Marathon* в Техасе. Абонент, которому необходимо было связаться с вами, должен был набирать телефонный код Хьюстона. Если же вы хотели позвонить в Малабо, то звонок рассматривался как международный. Завод имел собственную электростанцию, а также системы очистки воды и канализации. Он вообще не был подключен к местным коммунальным сетям.³³

И наконец, во многих случаях неспособность нефти подтолкнуть рост частного сектора обусловлена «голландской болезнью». Впервые это понятие было использовано в публикации журнала *Economist* (номер за ноябрь 1977 г.), в которой описывались последствия экспорта природного газа для экономики Нидерландов. Впрочем, лежащий в основе этого «недуга» синдром впервые был отмечен еще в XIX в., во времена золотых лихорадок в Калифорнии (1849 г.) и Австралии (1851 г.).

По мнению банкира Уильяма Ньюмарча (по иронии судьбы, он время от времени публиковал статьи в *Economist*), и тот и другой бумы добычи золота должны были стимулировать другие сектора американского и австралийского хозяйств. В ответ ирландский экономист Джон Эллиот Кэрнс выступил с удивительным предсказанием: золотая лихорадка не только не окажет стимулирующего воздействия на остальную экономику (вследствие, как мы можем предположить, анклавно-

33. Maass 2009, 35–36.

го эффекта), но и нанесет ей ущерб, который выразится в спаде производства. Дж. Кэрнс оказался прав, а экономисты получили возможность заняться изучением феномена, который впоследствии получил известность как «голландская болезнь».³⁴

Иногда журналисты используют понятия «голландской болезни» и «ресурсного проклятия» как взаимозаменяемые, для того чтобы охарактеризовать все проблемы, которые могут быть связаны с экспортом ресурсов. Но для экономистов первый термин имеет более узкое определение. Под «голландской болезнью» понимается процесс, вызывающий бум в секторе добычи природных ресурсов в национальной экономике, следствием которого становится спад в ее сельскохозяйственном секторе и обрабатывающей промышленности.

Этот спад является результатом двух эффектов. Первый из них известен как «эффект перемещения ресурсов»: быстрый рост ресурсного сектора происходит за счет привлечения труда и капитала из сельскохозяйственного сектора и обрабатывающей промышленности, что обуславливает повышение в них издержек производства. Второй эффект — «эффект расходов»: поступление в экономику денег из переживающего бум ресурсного сектора ведет к повышению реального курса национальной валюты. Более высокий курс означает, что импортируемые сельскохозяйственные и промышленные товары обходятся дешевле, чем произведенные внутри страны.

В результате конкуренции с более дешевым импортом может сократиться доля обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства на внутреннем рынке. Увеличению же их доли на мировых рынках препятствуют более высокие издержки производства и реальный курс национальной валюты. Товары и услуги, которые невозможно экспортировать (т. е. «неторгуемые блага», такие как строительство, безопасность и образование),

34. Bordo 1975.

защищены от воздействий рассматриваемых нами эффектов, а значит и от какого-либо ущерба. Следовательно, быстрый рост экспорта природных ресурсов приведет к снижению относительных размеров сельскохозяйственного сектора и обрабатывающей промышленности, при неизменности положения во всех других сферах.³⁵

Поставить под сомнение реальность «голландской болезни» едва ли возможно. После быстрого роста экспорта углеводородов в 1970-х гг. она нанесла немалый вред сельскохозяйственным секторам и обрабатывающей промышленности многих нефтедобывающих стран, включая Алжир, Колумбию, Эквадор, Нигерию, Тринидад и Тобаго и Венесуэлу.³⁶ В Нигерии «голландская болезнь» стала причиной снижения объема сельскохозяйственного производства с начала 1970-х гг. до середины 1980-х гг., а также разорения отраслей, основывавшихся на экспорте какао, пальмового масла и каучука.³⁷ В Алжире резкий рост экспорта нефти дважды приводил к сокращению вывоза промышленной продукции — один раз в конце 1970-х гг., второй — на рубеже XX–XXI столетий.

С чисто экономической точки зрения «голландская болезнь» является не столько серьезным заболеванием, сколько недомоганием. Согласно теории сравнительных преимуществ, увеличение экспорта нефти и газа *должно* привести к ограничению вывоза других товаров, поскольку оно означает изменение сравнительного преимущества страны. Если прирост дохода, порождаемого в нефтяном секторе, выше, чем снижение доходов в обрабатывающей промышленности и сельском хозяйстве (так и происходит в действительности, согласно простейшим экономическим моделям), то страна становится еще богаче.³⁸

35. Corden and Neary 1982; Neary and van Wijnbergen 1986.

36. Gelb and Associates 1988; Auty 1990.

37. Bevan, Collier, and Gunning 1999.

38. Matsen and Torvik 2005.

В то же время наносимый «голландской болезнью» вред усугубляется в тех случаях, когда добыча нефти сопровождается отрицательными побочными эффектами, или сельскохозяйственное производство и функционирование обрабатывающей промышленности приводило к возникновению положительных побочных эффектов, не идентифицируемых посредством простого экономического анализа. В этом случае страна, имеющая более крупный нефтяной сектор и меньшие по размерам сельское хозяйство и обрабатывающую промышленность, может понести урон по другим направлениям, таким как более высокая степень экономической нестабильности, менее развитая демократия, ограниченные возможности для женщин и большее количество конфликтов, связанных с применением насилия. Как только мы принимаем во внимание эти проблемы, оказывается, что «голландская болезнь» является существенно более опасной, чем представлялось первоначально.

Пока же перейдем к рассмотрению того, как «голландская болезнь» воздействует на размеры государства как части экономики. Поскольку в общем случае сектор добычи нефти находится в ведении государства, нефтяное богатство ведет к увеличению его размеров в экономике; поскольку сельское хозяйство и обрабатывающая промышленность, как правило, находятся в частных руках, снижение прибыли в этих сферах хозяйства обуславливает сокращение размеров частного сектора. Таким образом, «голландская болезнь» способствует изменению баланса в экономике страны в пользу государственного сектора.

Что происходит при этом с еще одним важным сектором экономики — сферой услуг? В большинстве случаев нефтяные бумы способствуют ее процветанию. Поскольку сфера услуг обеспечивает экономику благами, которые довольно трудно импортировать (строительные услуги, здравоохранение, розничная торговля), повышение курса национальной валюты не наносит ей ущерба. В обладающих исключительно высокими запасами углеводородов

странах большую часть частного сектора составляют компании, принадлежащие к сфере услуг. Согласно данным Всемирного банка за 1990 г. (последний период, на который доступны относительно полные сведения), в странах — членах ОПЕК в сфере услуг было занято 56% рабочей силы, а в странах, не входящих в эту организацию — в среднем 40%.³⁹ В нефтедобывающих странах во многих случаях эти сервисные компании зависят от контрактов с различными государственными учреждениями и организациями (например, они могут участвовать в таких финансируемых государством проектах, как строительство дорог, мостов и больниц), или они предоставляют услуги предприятиям нефтедобывающей отрасли.

Короче говоря, следствием «голландской болезни» становится уменьшение размеров некоторых отраслей национальной экономики (сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности) и повышение степени их зависимости от помощи государства, и увеличение размеров других отраслей (сферы услуг), частично благодаря контрактам с государственными учреждениями и организациями. Совместно с анклавным эффектом «голландская болезнь» помогает объяснить, почему нефтяное богатство оказывает на удивление незначительную помощь другим частям экономики, и почему сохранившиеся частные компании начинают во все большей степени полагаться в осуществлении своей деятельности на государство.

Стабильность нефтяных денежных поступлений

Третьей чертой денежных поступлений от продажи нефти является их неустойчивость, способность к неожиданным взлетам и падениям. Эта волатильность определяется воздействием трех факторов: изменений

39. World Bank 2004.

в ценах на нефть, изменений в объемах добычи и контрактами между государством и нефтяными компаниями, которые могут обуславливать сглаживание или усиление рассматриваемых нами флуктуаций.

Изменения цен

В январе 1861 г., примерно через год после открытия месторождения нефти вблизи американского городка Титусвилля (Пенсильвания), она продавалась по цене 10 долларов за баррель. В течение следующих двенадцати месяцев цена нефти снизилась на 99%, до 10 центов за баррель.⁴⁰ С тех пор цена на нефть непрерывно колеблется.

Значительная часть этой волатильности цен объясняется простым экономическим обстоятельством: в краткосрочном периоде и предложение нефти, и спрос на нее являются неэластичными по цене. Это означает, что ни поставщики, ни потребители не имеют возможности быстро приспособиться к ценовым вариациям посредством изменения поставляемых или потребляемых объемов нефти. Например, если происходит рост цен на нефть, то для увеличения объема ее поставок добывающими компаниями может потребоваться несколько лет — объем предварительных инвестиций очень высок, а для сбора «плодов», которые они приносят, требуются годы и годы.⁴¹ Схожим образом, потребителям требуется от нескольких месяцев до нескольких лет для сокращения объема используемого топлива (например, им необходимо будет улучшить теплоизоляцию жилья или приобрести более экономичные устройства).⁴²

40. Yergin 1991.

41. Возможность быстро обеспечить дополнительные поставки нефти на рынок возникает в том случае, когда нефтедобывающие компании располагают простаивающими мощностями. Но даже в этом случае наличие «узких мест» в переработке и транспортировке приводит к тому, что для увеличения объема рыночного предложения требуется несколько месяцев.

42. Smith 2009.

Благодаря этой неэластичности малейшие изменения в спросе или предложении могут оказать очень сильное воздействие на цены. Небольшое падение в предложении нефти (например, вызванное вооруженными конфликтами в Ираке, Ливии или Нигерии) способно породить взлет цен на нее. К схожим последствиям может привести и относительное слабое повышение спроса. Ценовые колебания вызывают не только реальные события, но и ожидания изменений в спросе или предложении. Это обусловлено результирующими покупками или продажами рыночных спекулянтов. Цена на нефть является более волатильной, чем цены на 95% всех производимых в США продуктов.⁴³

И на рынках нефти бывали периоды стабильности. На рис. 2.8 отображены ежегодные изменения цен за баррель нефти (с учетом инфляции) в 1861–2009 гг. В течение первого века существования отрасли цены постепенно становились все более устойчивыми. Наибольшей стабильностью характеризуется период 1835–1969 гг., когда реальная цена нефти увеличивалась или уменьшалась в среднем на 5,9% в год. За рассматриваемый период лишь в 1947 г. цены изменились более чем на 20%. Но начиная с 1970 г. цена на нефть изменяется в *среднем* уже на 26,5% в год. До наступления 1970-х гг. никого не заботили прогнозы цен на нефть, поскольку если эти цены и изменялись, то незначительно. После 1973 г. предсказание нефтяных цен стало широко распространенным предприятием, хотя и не слишком удачным.⁴⁴

Возвращение ценовой волатильности в 1970-х гг. стало результатом воздействия трех факторов.

43. См.: Killian 2008; Regnier 2007.

44. Согласно предположениям некоторых экономистов, начиная с 1973 г. значения цен на нефть приближаются к «случайным блужданиям», когда наилучшим прогностическим фактором цены следующего года является ее значение в текущем году. Но даже этот прогноз нельзя рассматривать как сколько-нибудь точный. См.: Engel and Valdes 2000; Hamilton 2008.

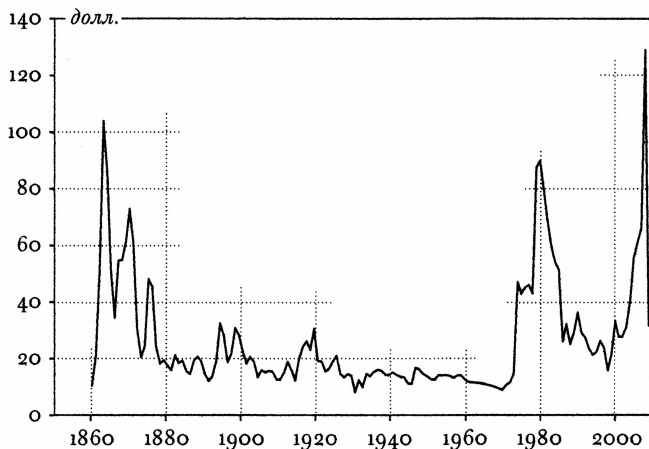

РИС. 2.8. Цены на нефть в 1861–2009 гг.
(в постоянных долларах 2005 г. за баррель)

Источник: BP 2010.

Первым из них была волна национализаций, прокатившаяся по нефтедобывающим странам в 1960–1970 гг. В 1930–1960 гг. доминировавшие в международной нефтяной торговле компании имели возможность поддерживать определенный уровень мировых цен, увеличивая или сокращая добычу в соответствии с изменениями в спросе.⁴⁵ В период изобилия нефти на мировом рынке в 1960-х гг. они ограничивали производство в Персидском заливе, прежде всего, в Ираке, соглашаясь на снижение прибыли ради того, чтобы не допустить ценового коллапса. Но произошедшее в 1960–1970-х гг. изменение баланса сил в пользу правительств нефтедобывающих стран означало утрату этими компаниями рычагов контроля над глобальными поставками углеводородов, а значит и способности к поддержанию стабильных цен.

45. Levy 1982.

Национализации 1960–1970-х гг. привели к тому, что углеводородная отрасль впервые за столетие стала *менее* вертикально интегрированной. Международные компании, контролировавшие глобальные поставки и маркетинг, утратили контроль над добычей нефти. Государственные компании, которые теперь контролировали добычу, получили возможность продавать углеводороды тому, кто назначит наиболее высокую цену, используя преимущество нового «спот-рынка», на котором инвесторы покупают и продают индивидуальные отправки нефти.⁴⁶ Поскольку цены на нефть во все большей степени стали определяться не долгосрочными контрактами, а рыночными силами, начались их свободные флуктуации, отражающие сдвиги в спросе и предложении.

Вторым фактором стал крах Бреттон-Вудской системы твердых валютных курсов. В течение нескольких десятилетий после окончания Второй мировой войны эта система ограничивала изменения в стоимости национальных валют и помогала ослаблять колебания цен на сырьевые товары, обычно выражавшихся в долларах. После отмены в 1971 г. системы твердых обменных курсов валют, начались флуктуации стоимости доллара, следствием чего стало значительное повышение степени непредсказуемости международных товарных цен.⁴⁷

И наконец, повышение изменчивости стало результатом усиливающегося недостатка в предложении нефти. В 1940–1960-х гг. открытие крупных новых месторождений нефти (преимущественно на Ближнем Востоке) обеспечивало соответствие роста глобальной добычи росту глобального потребления. Но к 1970 г. в отрасли замедлилось расширение добывающих мощностей, несмотря на происходивший бум спроса.

46. Пожалуй, лучшее описание процесса создания рынка немедленных поставок и платежей содержится в работе Леонардо Маугери (Maugeri 2006).

47. Cashin and McDermott 2002.

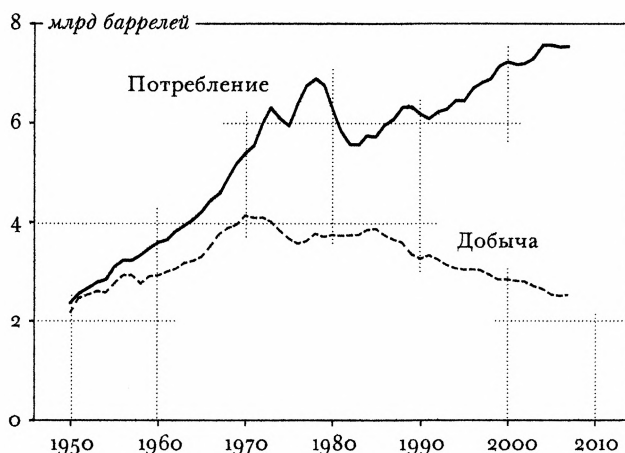

РИС. 2.9. Добыча и потребление нефти в США в 1947–2007 гг.

Источник: Управление информации в области энергетики Министерства энергетики США, доступно по адресу <http://www.eia.doe.gov> (режим доступа на 15 января 2009 г.).

В данном случае особенно важной была позиция США. Начиная с 1860-х гг. и до середины 1970-х гг. США были ведущей нефтедобывающей страной мира и одновременно основным ее потребителем.⁴⁸ Но, достигнув исторически наивысшего значения в октябре 1970 г., показатели добычи нефти в США начали неуклонно снижаться, в то время как ее потребление быстро возрастало (см. рис. 2.9). В результате начал увеличиваться импорт нефти (в 1969–1973 гг. объем ввоза удвоился). До начала 1970-х гг. во всем мире имелось достаточное количество свободных мощностей, что позволяло удовлетворять постепенно возраставший спрос; в 1970-е гг. нефтедо-

48. Согласно М. Голдману, за исключением 1898–1901 гг., когда царская Россия на короткое время обогнала США по производству нефти (Goldman 2008).

бывающие компании утратили возможность увеличения производства в ответ на рост спроса. Вместо этого они начали повышать цены на продукцию.

В 1973–1974 гг. имело место совместное воздействие всех перечисленных выше факторов, что привело к утроению реальной цены на нефть. В 1978–1979 гг. цена на нефть вновь увеличилась, теперь в два раза. В текущих ценах она возросла с \$1,8 за баррель в 1970 г. до более чем \$36 в 1980 г.

По мнению современных наблюдателей, основной причиной нефтяного шока 1973–1974 гг. стал бойкот, объявленный входившими в ОПЕК арабскими странами в ответ на начавшуюся между Израилем и соседними с ним странами войну Судного дня. Но это объяснение является неполным. Два предыдущих бойкота со стороны арабских стран — один после Суэцкого кризиса 1956 г., а второй был объявлен в 1967 г. после Шестидневной войны — оказали незначительное воздействие на глобальные цены. Отличие нефтяного бойкота 1973–1974 гг. заключалось в том, что международные нефтяные компании утратили к тому времени возможности, необходимые для резкого увеличения добычи на контролируемых ими месторождениях, а США — позицию мирового компенсирующего производителя.⁴⁹

В 1970-е гг. многие высокопоставленные политики были уверены в том, что мир вступил в новую эру хронически высоких цен на нефть. Согласно прогнозам, опубликованным в 1972 г. в докладе «Пределы роста», подготовленным Римским клубом, в ближайшие десятилетия степень ограниченности доступа к первичным сырьевым товарам должна была непрерывно увеличиваться, что поставило бы богатые природными ресурсами страны в привилегированное положение в международной системе.⁵⁰ По мнению экономиста Джона Льюиса, доклад Римского клуба «привлек неви-

49. Tetreault 1985.

50. Meadows et al. 1972.

данное никогда ранее внимание мировой общественности». В то время казалось, что высказывавшаяся в начале 1960-х гг. некоторыми экономистами точка зрения, согласно которой странам, обладающим большими запасами полезных ископаемых, присущ ряд черт, затрудняющих их экономическое развитие, была полностью опровергнута.⁵¹

Эпоха, первоначально воспринимавшаяся как новая эра более высоких нефтяных цен, обернулась новой эрой ценовых колебаний. Да, в 1970-е гг. произошел резкий взлет цен, но в 1980–1986 гг. реальные цены на нефть снизились более чем на две трети. Причиной тому стало сокращение потребления в странах Запада и резкое увеличение добычи Саудовской Аравией.

На протяжении 1986–1999 гг. цены на углеводороды оставались относительно стабильными. Некоторые наблюдатели даже высказывали мнение, согласно которому нефтяные шоки 1970-х гг. и крах начала 1980-х гг. были не более чем аберрациями. В 2000 г. два ведущих аналитика писали, что «долгосрочные тенденции указывают на пролонгацию периода нефтяного избытка и низких цен на нефть в течение последующих двух десятилетий».⁵² Но начало нового тысячелетия ознаменовалось еще одним ценовым бумом. Цены на нефть возросли с \$10 за баррель в январе 1999 г. до более чем \$145 за баррель в июле 2008 г. И это еще не конец истории. Всего через пять месяцев баррель нефти стоил уже меньше \$40.⁵³

51. Lewis 1974, 69. См. например: Prebisch 1950; Singer 1950; Nurske 1958; Levin 1960; Hirschman 1958. Обзор этих и других исследований содержится в работе М. Росса (Ross 1999).

52. Jaffee and Manning 2000.

53. Приведены цены спот-рынка на нефть марки «Брент» в текущих ценах, согласно данным, опубликованным на сайте Управления информации в области энергетики Министерства энергетики США по адресу: <http://www.eia.doe.gov> (режим доступа на 13 апреля 2010 г.).

Изменение объемов добычи

Размеры нефтяных доходов государства могут колебаться и под воздействием изменений в объеме добыче. Начало добычи нефти или газа в той или иной стране обуславливает быстрый рост государственных доходов. Во многих случаях скорость их увеличения заметно опережает способности правительства разумно использовать дополнительные средства (см. главу 6).

Очевидно, что объем добычи нефти может не только расти, но и снижаться. Поскольку запасы углеводородов в стране ограничены, в долгосрочном периоде количество баррелей извлекаемой нефти будет сокращаться. Впрочем, далеко не у каждого богатого углеводородами государства есть основания беспокоиться об исчерпании месторождений в обозримом будущем. К числу стран с наиболее крупными запасами, которых точно хватит для получения доходов в течение многих десятилетий, а может быть и столетий, относятся Саудовская Аравия и Кувейт, Иран и Ирак (см. рис. 2.10). Но большинство нефтедобывающих стран обладают меньшими по размерам запасами, и их истощение может привести к падению доходов. С наибольшей опасностью сталкиваются государства, доходы которых уже сейчас невысоки, и при этом они во многом зависят от денежных поступлений из углеводородных секторов. В 1980–1990-х гг. значительную часть запасов углеводородов исчерпали такие страны, как Индонезия, Эквадор и Габон, хотя каждая из них получила определенную передышку благодаря открытию новых месторождений. Ожидается, что в ближайшее время подойдут к концу запасы углеводородов в Сирии, Бахрейне и Йемене.

С одной стороны, изменения в объемах добычи нефти менее опасны для рынка, чем ценовые флуктуации, поскольку они оставляют время для соответствующей подготовки, а значит не сопряжены со слишком высокой неопределенностью. С другой стороны, не следует недооце-

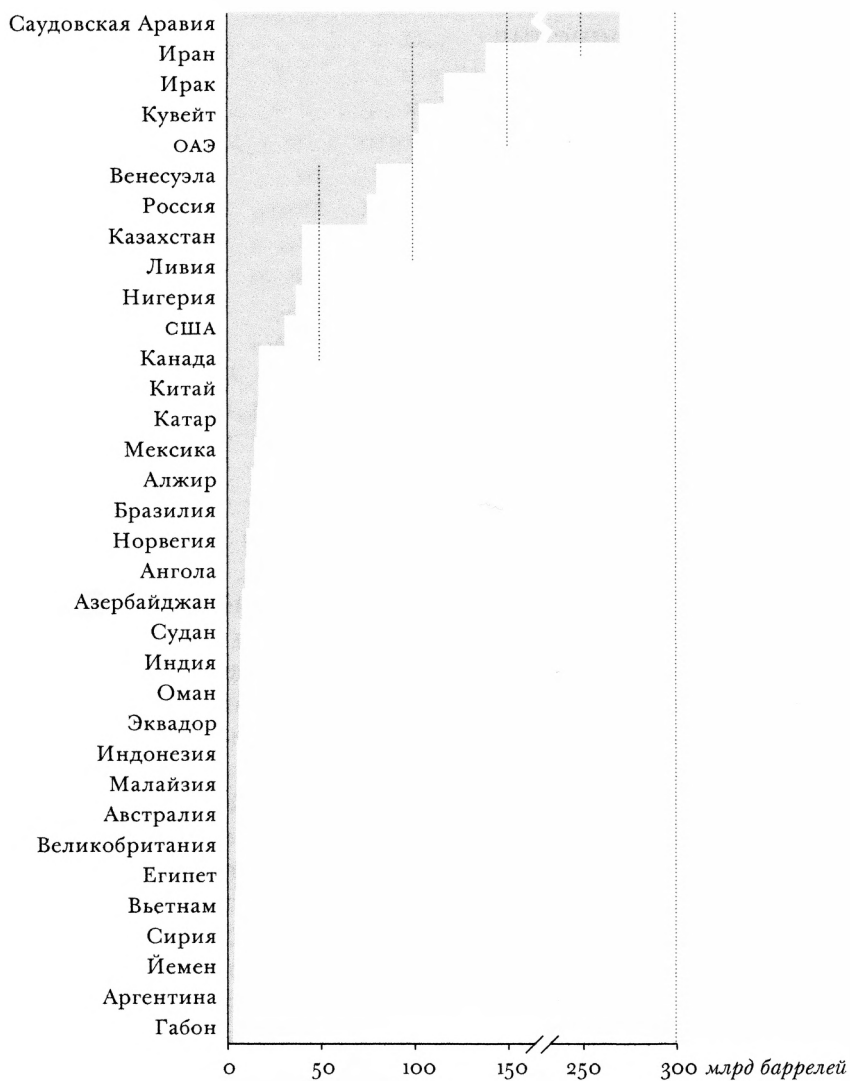

Рис. 2.10. Доказанные запасы нефти в разных странах мира в 2005 г. (без учета природного газа).

Источник: ВР 2010.

нивать их опасность, так как снижение уровня добычи означает, что государство сталкивается с дополнительной проблемой истощения полезных ископаемых как активов.

По сравнению со странами, получающими доходы от производства товаров и предоставления услуг, государствам, извлекающим доходы из истощающихся природных ресурсов, приходится иметь дело с принципиально иным процессом. Чтобы лучше понять различия между ними, было бы полезно провести различие между доходом и богатством. Доход отдельных людей формируется из получаемой ими заработной платы, а богатство — из денег, которые они сберегают. Под доходом страны, в свою очередь, понимается совокупная стоимость товаров и услуг, которые произведены в ней в данном году, в то время как под богатством — накопленные активы.

Национальное богатство любой страны подразделяется на четыре группы: капитал в материальном выражении (физический), включающий в себя дороги, здания и другие инфраструктурные объекты; человеческий капитал, характеризующийся размерами, качеством и уровнем образования рабочей силы; социальный капитал, состоящий из общих для населения страны ценностей, норм и гражданских организаций; а также природный капитал — земли, леса и полезные ископаемые.⁵⁴ Капитал в материальном выражении, человеческий и социальный капитал относятся к возобновляемым ресурсам. В случае должной заботы они способны порождать доход неопределенно долгое время.

В то же время практически единственным источником доходов от нефти является природный капитал страны.⁵⁵ Некоторые его виды, такие как земля и леса, в случае со-

54. Эти четыре категории приблизительно соответствуют классическому разделению факторов производства на «землю» (природные ресурсы), «труд» (человеческий и социальный капитал) и «капитал» (капитал в материальном выражении).

55. Строго говоря, денежные поступления от продажи полезных ископаемых должны рассматриваться не как доходы, а как выручка от продажи активов. Весьма поучительный анализ этой

блюдения определенных правил их использования, могут приносить пользу в течение длительного времени, практически бесконечно. Однако такой ресурс, как нефть, является ограниченным и не обладает свойством самовосстановления. Когда страна добывает и продает нефть, происходит уменьшение совокупного запаса ее природного капитала. В случае если расходуемый актив, не будет замещен другими формами капитала (например, дорогами и школами), исчерпание запасов нефти неизбежно приведет к снижению дохода страны.

Дестабилизирующие контракты

Отчасти нестабильность денежных поступлений от продажи нефти объясняется изменениями цен и объемов производства. Но мы не должны забывать и о контрактах, которые правительства разных стран подписывают с нефтяными компаниями. Именно они определяют пропорции распределения денег, полученных от продажи нефти, между правительством принимающей страны и частными компаниями, непосредственно осуществляющими добычу, переработку и транспортировку углеводородов. Эти контракты способны либо сглаживать, либо усиливать волатильность, вызванную изменяющимися ценами и объемами добычи нефти.⁵⁶

Для того чтобы более глубоко понять, какую роль играют эти контракты, полезно рассматривать цены на

проблемы, а также связанных с ней противоречий, содержится в работе Дж. Хила (Neal 2007).

56. Рассматриваемые нами договора представляют часть общего налогового режима государства — комплекса налогов, роялти и других платежей, взимаемых правительством страны в процессе сбора денежных поступлений. Налоговый режим играет важную роль в обеспечении устойчивости доходов государства: налоги на имущество, а также налоги, рассчитываемые от стоимости товара, или адвалорные налоги позволяют относительно стабилизировать поток денежных поступлений; налоги на прибыль и доход создают более волатильный денежный поток (Barma, Kaiser, Le, and Viñeula 2011).

нефть, как величины, образуемые постоянной и переменной составляющими. Представим себе, что в течение некоего периода времени цена на нефть колеблется в диапазоне от \$ 20 до \$ 120 за баррель, а ее среднее значение составляет \$ 70. Постоянный компонент цены равен \$ 20, поскольку она никогда не уменьшается до более низких значений, в то время как ее переменная составляющая варьируется от 0 до \$ 100, а среднее значение равно \$ 50.

Предположим, что в контракте предусмотрено разделение дохода от продажи нефти на эти две составляющие. Тогда субъект, получающий постоянный компонент никогда не сталкивается с ценовой волатильностью, в то время как доход субъекта, получающего переменный компонент, целиком и полностью зависит от изменений цены на нефть. Более того, получатель переменной составляющей окажется даже в большей зависимости от волатильности, чем это можно было бы предположить, исходя из ценовых колебаний. Действительно, если цена на нефть может измениться в шесть раз (от \$ 20 до \$ 120), то переменный компонент — в 100 раз (от \$ 1 до \$ 100). В долгосрочном периоде переменный компонент порождает больший доход, чем постоянная составляющая, поскольку его среднее значение равно \$ 50, однако его волатильность может обойтись слишком дорого.

До начала 1950-х гг. правительства принимающих стран получали, в соответствии с контрактами, более или менее постоянную часть денежных поступлений от продажи нефти, а международные компании — большую по размерам, но и в большей степени изменчивую часть. Да, компании присваивали значительную часть выгод от добычи, но они же несли и большую часть рисков, включая те из них, которые были связаны с ценовыми флуктуациями. Например, согласно заключенному в 1948 г. договору между компанией Getty Oil и Саудовской Аравией, правительство страны получало постоянные роялти в размере 55 центов за баррель

нефти, независимо от мировой цены, которая в то время составляла примерно \$ 2 за баррель.⁵⁷ Саудовское правительство получало постоянный предсказуемый доход, но в случае повышения цен не могло рассчитывать на крупные непредвиденные прибыли. В свою очередь, компания *Getty Oil* в некоторых случаях получала крупные разовые прибыли, но обязана была нести риски ценовых флуктуаций. То обстоятельство, что крупнейшие компании несли большую часть издержек, ассоциировавшихся с ценовыми флуктуациями, и было одной из главных причин тех огромных усилий, которые они прикладывали для стабилизации цен посредством увеличения или сокращения добычи нефти.

После национализации нефтедобывающих секторов в 1960–1970-х гг. условия контрактов между принимающими государствами и нефтяными компаниями претерпели значительные изменения. Сегодня зарубежные компании получают относительно постоянную часть нефтяных прибылей, а правительства — относительно большую, но изменчивую. В соответствии с данными одного из исследований, в котором изучались нефтяные контракты Анголы, увеличение цены на нефть на 50% должно было привести к росту доходов государства на 82%, в то время как денежные поступления международной нефтяной компании возрастали на 9%. Но и при падении цены на нефть государственные доходы сокращались бы в значительно большей степени.⁵⁸ Таким образом, в случаях резкого роста цен на рынке, государство получает непропорционально высокие доходы, а в случаях ценового коллапса оно несет непропорционально высокие потери.⁵⁹

57. Yergin 1991.

58. Shaxson 2005.

59. Данное положение было обосновано много лет назад Майклом Шафером, проанализировавшим разрушительные последствия национализации отраслей по добыче меди в Замбии и Демократической Республике Конго (Shafer 1983).

Впрочем, мы не должны забывать и о других аспектах воздействия контрактов на стабильность денежных поступлений от продажи нефти. В случае согласования договора правительства часто сразу же получают «премию за подписание», сравнимую по своему воздействию с разовым непредвиденным денежным поступлением. Компании возмещают издержки, связанные с подобными бонусами и другими начальными инвестициями, благодаря тому, что в первые годы после начала добычи углеводородов они платят меньшие по размерам налоги или роялти. Таким образом, после выплаты премии за подписание контракта государство может в течение нескольких следующих лет получать меньшие по размерам денежные поступления от продажи нефти. Вследствие этого первоначальный резкий рост доходов государства сменяется их спадом, даже если цены на углеводороды и их производство остаются стабильными.

Правительства нефтедобывающих стран не способны целиком и полностью контролировать цены на нефть, но они играют решающую роль в определении условий контрактов с нефтяными компаниями. Однако вместо того, чтобы направить усилия на подготовку таких договоров, которые обеспечивали бы устойчивость получаемых государством доходов, в настоящее время правительства большинства стран заключают контракты, которые, как представляется, ведут к дальнейшей дестабилизации получаемых ими денежных поступлений.

В своей совокупности изменения цен, объема добычи и дестабилизирующие контракты обуславливают необычайно высокую степень изменчивости доходов нефтедобывающих государств. На рис. 2.11 проводится сравнение государственных доходов богатого нефтью Ирана и бедного запасами углеводородов Египта. В 1970 г. правительство каждой из этих стран собрало денежные поступления на сумму примерно \$12 млрд (в постоянных долларах 2009 г.). Впоследствии доходы Ирана росли быстрее, но с более высокой, по сравнению с Египтом, волатильностью — в 1972–1974 гг. доходы более чем

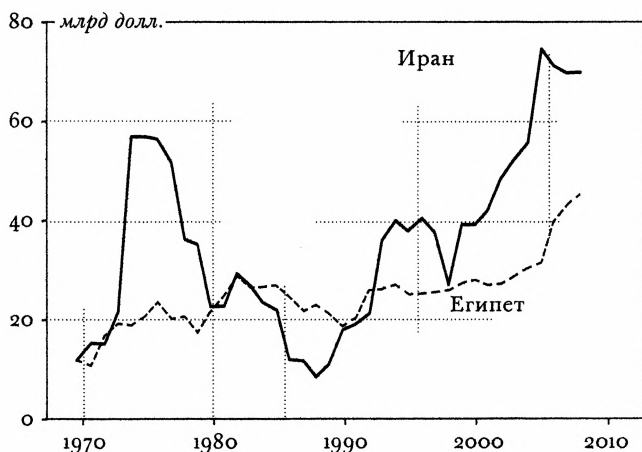

РИС. 2.11. Государственные доходы в Иране и Египте в 1970–2009 гг.

Источник: годовые отчеты Центрального банка Египта; годовые отчеты Центрального банка Ирана.

утроились, однако в 1974–1988 гг. сократились более чем на 80%, а в 1989–2005 гг. они быстро, но неравномерно росли. В рассматриваемый период увеличились и доходы Египта. Однако они возрастали довольно равномерно и более низкими темпами.

Секретный характер нефтяных доходов

Правительство любой страны способно очень легко скрыть истинный размер денежных поступлений от продажи нефти, но во многих демократических государствах данные о нефтяных доходах являются достоянием общественности. В числе образцов транспарентности с точки зрения нефтяных поступлений можно назвать Бразилию и Новую Зеландию, Норвегию и американ-

ский штат Аляска.⁶⁰ В то же время большинство недемократических нефтедобывающих стран, а также частично демократические государства, такие как Иран и Венесуэла, используют преимущество того, что нефтяные денежные поступления по самой своей природе не отличаются устойчивостью, чтобы вывести их из сферы общественного внимания. В частности, некоторые аналитики приходят к выводу о том, что «в добывающих отраслях секретность носит настолько всеобщий характер, что до самого последнего времени ни государства, ни компании не считали необходимым приводить хоть сколько-нибудь убедительные аргументы в ее защиту».⁶¹

Измерить уровень секретности сложно уже в силу самой ее природы. Простых и легких способов документирования объема денежных средств, утаиваемого правительством от общественности, не существует. До сих пор результаты большого количества исследований на уровне государств свидетельствуют о том, что достоверные сведения о финансовом состоянии богатых ресурсами стран окутаны необычайно плотной завесой тайны.⁶² Недавний анализ положения дел в Камеруне, например, показал, что в 1977 г. в государственный бюджет было перечислено 46% денежных поступлений от продажи нефти. Данные о том, куда были направлены и как использовались остальные 54% нефтяной выручки, отсутствуют.⁶³

60. См.: Revenue Watch Institute 2010.

61. Rosenblum and Maples 2009, 12.

62. О поддержании режима секретности и злоупотреблениях в использовании нефтяных поступлений в Анголе, Камбодже, Конго-Браззавиле, Экваториальной Гвинее, Казахстане и Туркменистане см. доклады базирующейся в Лондоне неправительственной организации «Глобальный свидетель» (Global Witness), опубликованные на ее сайте по адресу: <http://www.globalwitness.org>. Материалы, посвященные аналогичным проблемам в Чаде и Нигерии, переданные гласности другой неправительственной организацией — «Обнародуй, сколько заплатил» (Publish What You Pay) — представлены по адресу: <http://www.publishwhatyoupay.org>.

63. Gauthier and Zeufack 2009.

В 2010 г. был опубликован обзор бюджетной политики, авторы которого проанализировали положение в 94 государствах мира. Согласно полученным данным, в странах, доходы которых в значительной степени зависели от продажи углеводородов, транспарентность государственных бюджетов была значительно меньшей, чем в странах, обделенных этими ресурсами.⁶⁴

О принятой в нефтедобывающих странах исключительной секретности свидетельствует и использование ими неучтенных внебюджетных счетов. Во многих случаях богатые нефтью государства осуществляют с таких счетов значительную часть расходов. Кроме того, в случае необходимости сокрытия государственных средств, они могут оставаться на счетах национальных нефтяных компаний, поскольку общественность не имеет возможности получить достоверную информацию об их финансовом положении. Например:

- До отстранения от власти в 1998 г. президент Индонезии Сухарто использовал для тайного распределения денежных средств между своими сторонниками национальную нефтяную компанию *Petramina*. На пике добычи нефти *Petramina* контролировала около одной трети денежных поступлений в государственный бюджет; при этом общественность не имела доступа к информации о финансах компании.⁶⁵
- Во время правления С. Хуссейна более половины государственного бюджета Ирака формировалось благодаря компании *Iraqi National Oil*, сведения о финансовом положении которой считались секретными.⁶⁶
- В Азербайджане около половины государственного бюджета «проходит» через национальную нефтяную

64. International Budget Partnership 2008. Более подробно положения этого обзора будут рассматриваться в главе 3.

65. Crouch 1978.

66. Alnasrawi 1994.

компанию SOCAR. И вновь, данные о реальных перечислениях денежных средств являются секретными.

- Значительная часть государственного бюджета Анголы проходит через национальную нефтяную компанию *Sonangol*. Данные об объеме денежных поступлений никогда не публиковались, но в докладе МВФ за 1995 г. высказывалось предположение, что благодаря поступлениям от продажи нефти осуществлялось около 40% совокупных расходов государства.⁶⁷
- Находившаяся у власти в Мексике 1929–2000 гг. Институционно-революционная партия (ИРП) в огромной степени полагалась на денежные поступления от продажи нефти, добывавшейся национальной нефтяной компанией *Petróleos Mexicanos* (РЕМЕХ).⁶⁸ По имеющимся сведениям, во время выборов 2000 г. при посредничестве профсоюза нефтяников РЕМЕХ направила на финансирование избирательной кампании ИРП более \$100 млн.⁶⁹ Выборам предшествовало внезапное увеличение необязательных расходов РЕМЕХ на «гражданские ассоциации, школы, фонды, сельскохозяйственные общины, рыболовецкие кооперативы, профсоюзы и муниципальные органы власти» в политически важных регионах Мексики.⁷⁰
- После того как в начале 2011 г. в Ливии разразилась гражданская война, международное сообщество ввело санкции, направленные против режима полковника Муаммара Кадаффи. Последнему пришлось использовать для финансирования верных ему войск и привлечения дополнительных наемников «десятки миллиардов» хранившихся в Триполи наличных денег. Согласно сообщениям газеты *New York Times*, по заявлениям официальных представителей раз-

67. Human Rights Watch 2004.

68. Ascher 1999; Greene 2010.

69. Schroeder 2002.

70. Даже после перехода Мексики к демократии в 2000 г. в годы выборов денежные пожертвования РЕМЕХ по-прежнему резко увеличивались (Moreno 2007).

ведки, граница между активами правительства Ливии, включая средства фонда национального благосостояния, и активами семьи Кадаффи практически отсутствовала.⁷¹

Да, авторитарные государства являют нам вопиющие примеры внебюджетного финансирования. Но аналогичный синдром может возникнуть и в частично демократических государствах. В частности, правительство Ирана перечисляет значительные средства, полученные от продажи нефти, различным политически влиятельным фигурам, используя *бонияды* — полугосударственные предприятия, которые формально находятся вне сферы контроля со стороны государства и одновременно не обязаны раскрывать общественности информацию о своей деятельности.⁷²

Весьма показательным является и пример Венесуэлы. В 1980–1990-х гг. венесуэльская *Petroleos de Venezuela S.A.* (широко известная по своему акрониму — PDVSA) была одной из самых политически независимых и хорошо управляемых национальных нефтяных компаний. В начале 2000-х гг. президент страны Уго Чавес лишил PDVSA независимости и заменил высших руководителей компании своими сторонниками. Теперь компания должна была финансировать новый комплекс социальных программ, тесно связанных с политической машиной. К 2004 г. две трети расходной части бюджета PDVSA были связаны не с добычей нефти, а с осуществлением социальных программ. По мере увеличения этих расходов уровень транспарентности PDVSA неуклонно снижался. После 2003 г. компания резко ограничила публикацию информации о своем финансовом положении, а независимым наблюдателям стало все труднее отслеживать ее деятельность.⁷³

71. Risen and Lichtblau 2011.

72. Brumberg and Ahram 2007; Mahdavi 2011.

73. Mares and Altamirano 2007; International Crisis Group 2007.

Не менее коррумпированными могут быть ННК и в демократических странах Запада. В середине 1990-х гг. в результате целой серии аудиторских проверок выяснилось, что французская национальная нефтяная компания *Elf Aquitaine* выступала важным источником финансирования политических партий, и прежде всего, голлистского Объединения в поддержку республики. Как замечает Джон Хейлбруннер,

прокуроры обнаружили свидетельства того, что несколько менеджеров Elf ответственны за растрату приблизительно 400 млн евро, направленных на финансирование кампаний, подкуп зарубежных политиков и собственное обогащение. В 2003 г. к участию в судебных слушаниях, посвященных этому скандалу, были привлечены 37 человек. В их число входили несколько бывших министров правительства Франции и президент Конституционного совета страны, а также бывший канцлер Германии Гельмут Коль, президент Габона Омар Бонго и президент Конго Дени Сассу-Нгессо.⁷⁴

Возможность сокрытия информации о денежных поступлениях от продажи нефти определяется двумя, упоминавшимися нами выше, особенностями отрасли. Поскольку месторождения нефти являются государственной собственностью, доступ к ним может быть получен только в том случае, если компании заключают детально прописанные контракты с правительством (во многих случаях контрагентами государства выступают национальные нефтяные компании). Как известно, такие контракты носят комплексный характер, но их конечное предназначение — согласование величины будущих платежей компаний.⁷⁵ Условия подобных договоров традиционно держатся в секрете. Поэтому наблюдатели не имеют возможности получить информацию

74. Heilbrunn 2005, 277.

75. Johnston 2007; Radon 2007.

о величине этих платежей. Международные компании могли бы информировать общественность о платежах, осуществляемых в пользу правительств принимающих государств. Но такого рода сведения публикуются довольно редко.⁷⁶ Если бы запасы нефти не находились в государственной собственности, то в переговорах между компаниями и правительствами не было бы никакой необходимости. Компании просто приобретали бы права на нефть точно так же, как они приобретают права на землю. Соответственно, нефтяные компании подчинялись бы тому же самому налоговому законодательству, что и фирмы других отраслей.

Второй особенностью нефтедобывающей отрасли является преобладание в ней начиная с 1970-х гг. национальных нефтяных компаний. До начала 1980-х гг. большое количество государственных предприятий функционировали в самых разных отраслях — в сельском хозяйстве, в обрабатывающей промышленности, в сфере услуг. Но в 1980–1990-е гг. большинство стран приватизировали значительную часть принадлежавших государству компаний, поскольку в то время возобладало мнение, что они являются неэффективными, коррупционными предприятиями, «специализировавшимися» на присвоении государственных ресурсов. В странах с низкими доходами доля государственных предприятий в совокупной занятости снизилась с 20% в 1980 г. до 9% в 1997 г.; в странах со средними доходами аналогичный показатель сократился с 13 до 2%.⁷⁷

Одной из обойденных приватизацией отраслей стала нефтедобывающая промышленность. Более того, сложившиеся в 2000-е гг. высокие цены на нефть обусловили новую волну национализации предприятий отрасли в Венесуэле, Боливии, Эквадоре и России.⁷⁸ Во многих

76. Transparency International 2008.

77. Guriev and Megginson 2007.

78. Guriev, Kolotilin, and Sonin 2010; Duncan 2006; Kretzschmar, Kirchner, and Sharifzyanova 2010.

недемократических государствах бюджеты ННК выведены из сферы надзора парламентов. Конечно, в этих странах роль высшего представительного и законодательного органа и так ограничена. Тем не менее большинство авторитарных правительств регулярно представляют на утверждение парламентов и для ознакомления общественности проекты бюджетов. При этом бюджеты ННК, чаще всего, либо исключены из проектов государственных бюджетов, либо соответствующие данные представлены в самой общей форме, что не позволяет составить представление о финансовом положении компаний.

Если бы у руля государственной машины стояли филантропы, то необычные качества денежных поступлений от продажи нефти не имели бы значения. Но нет. Государственные дела вершат своекорыстные политики, действия которых в огромной степени зависят от имеющихся в их распоряжении денежных средств. Государства, доходы которых велики по объему, нестабильны, непрозрачны и формируются не из налоговых поступлений, обладают странными свойствами.

ГЛАВА 3

Больше углеводородов, меньше демократии

Проблема заключается в том, что всемилостивый Господь не соблаговолил наделить демократические государства запасами нефти и газа.

Ричард Чейни, бывший вице-президент США, 2000 г.

В ЯНВАРЕ 2011 Г. по Ближнему Востоку прокатилась волна уличных протестов, участники которых выступили против авторитарных режимов. В течение десятилетий в регионе было значительно меньше демократии и гораздо больше нефти, чем в любой другой части мира. И это отнюдь не простое совпадение. Правители экспортирующих углеводороды государств в течение многих лет использовали нефтедоллары для укрепления собственной власти и блокирования демократических реформ. Протестующие выходили на улицы и площади городов едва ли не во всех арабских странах. Но оказалось, что гораздо проще отрезать от власти руководителей бедных нефтью стран, таких как Тунис и Египет, чем правителей обладающих огромными запасами углеводородов Ливии, Бахрейна, Алжира и Саудовской Аравии.

Нефть далеко не всегда была препятствием на пути развития демократии. До начала 1970-х гг. нефтедобывающие государства были не менее и не более демократическими, чем остальные. Начиная, примерно, с конца 1970-х и вплоть до окончания 1990-х гг. по миру прокатилась демократическая волна, в результате которой свободу получили множество стран в разных частях Земли, за исключением богатых нефтью государств

Ближнего Востока, Африки и бывшего СССР. В 1980–2011 гг. демократический разрыв между нефтяными и не имеющими запасов углеводородов странами становился все шире и шире.

В этой главе объясняется, почему в течение долгих лет нефть помогала оставаться у власти автократическим правителям, позволяя последним увеличивать государственные расходы, сокращать налоги, покупать преданность вооруженных сил и скрывать собственные коррупцию и некомпетентность. У нас нет оснований рассуждать о *неизбежности* углеводородной блокады демократических свобод: несколько богатых нефтью развивающихся стран находятся на стадии перехода к демократии (самыми последними на этот путь встали Мексика и Нигерия). В то же время нефтяные государства (как ближневосточные, так и другие), вставшие на путь демократического развития, остаются большой редкостью. Смешать нефть и демократию не легче, чем нефть и воду.¹

Источники демократии

Ни одна из тем не привлекает большего внимания политологов, чем демократия. При этом ученым так и не удалось достичь согласия по многим ключевым вопро-

1. Изучающим политические течения на Ближнем Востоке, хорошо известно о разрушительном воздействии, которое оказывает нефть на подотчетность правительства страны ее гражданам. В числе важнейших исследований, посвященных изучению влияния нефти на авторитарное правление, входят следующие работы: Mahdavy 1970; Entelis 1976; First 1980; Skocpol 1982; Beblawi and Luciani 1987; Crystal 1990; Brand 1992; Anderson 1995; Gause 1995; Chaudhry 1997; Vandewalle 1998; Okruhlik 1999; Herb 1999; Lowi 2009. Отметим, что в течение многих лет в крупнейших и наиболее влиятельных исследованиях глобальной демократии почти ничего не упоминается о роли нефти, а тема государств Ближнего Востока обходится стороной. См., например: O'Donnell, Schmitter, and Whitehead 1986; Diamond, Linz, and Lipset 1988; Inglehart 1997; Przeworski et al. 2000.

сам, включая причины, заставляющие диктатуру переходить к демократии, а демократию — к диктатуре. Широко обсуждаются даже такие простые вопросы, как определение сущности демократии и способы измерения уровня ее развития.

В то же время ученые придерживаются общего мнения по целому кругу ключевых вопросов.

Большинство вероятно согласится с Адамом Пшеворским и его коллегами относительно того, что демократическая страна должна удовлетворять по меньшей мере четырем условиям: необходимо, чтобы глава исполнительной власти, будь то президент или премьер-министр, занимал пост в соответствии с результатами выборов; по результатам выборов должна формироваться и законодательная власть государства; в стране обязаны быть, по крайней мере, две политические партии, свободно конкурирующие на выборах; и, по крайней мере, одно уже побывавшее у власти правительство должно потерпеть поражение на выборах, когда ему на смену приходит новый состав кабинета министров.²

Ученые согласны и с тем, что со временем количество демократических государств возросло (см. рис. 3.1). В 1970-е гг. в мире на каждое демократическое государство приходилось три диктатуры. К началу 1990-х гг. количество и тех, и других сравнялось. Сегодня доля демократических государств в общем количестве стран мира достигает 60%.

Объяснить тенденцию к демократии довольно трудно. В исследованиях, посвященных изучению этого вопроса, ученые делают акцент на различные причины. Оставляя в стороне вопрос о нефти, в качестве ключевых факторов чаще всего выделяют:

- *Более высокие доходы.* Согласно данным большого количества исследований повышение доходов в автори-

2. Przeworski et al. 2000.

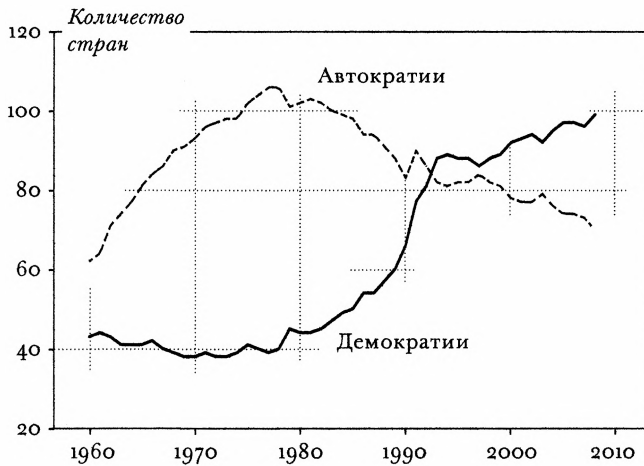

РИС. 3.1. Количество демократических и авторитарных государств в мире в 1960–2008 гг.

Источник: Рассчитано на основе данных, представленных в работе Х. Чейбуба, Дж. Ганди и Дж. Вреланда (Cheibub, Gandhi, and Vreeland 2010).

тарных государствах ведет к повышению степени вероятности их перехода к демократии.³

- *Медленный экономический рост.* По мнению некоторых исследователей, вероятность перехода авторитарии, столкнувшейся с экономическим кризисом, к демократическому политическому режиму является более высокой.⁴
- *Географическая и временная близость.* Согласно знаменитому наблюдению Сэмюэла Хантингтона, демократические переходы носят «волновой» характер: во многих случаях соседние государства в одно и то же время все вместе либо переходят к демократическому правлению, либо отходят от него. Достаточно напо-

3. Lipset 1959; Londregan and Poole 1996; Epstein et al. 2006.

4. Haggard and Kaufman 1995; Przeworski et al. 2000; Epstein et al. 2006.

мнить о странах Латинской Америки в 1980-е гг. и государствах Африки, Центральной и Восточной Европы в 1990-е гг., а также о различных частях Ближнего Востока в наши дни. Современные исследования позволили подтвердить справедливость и дополнить объяснения этих кластерных эффектов. При прочих равных условиях переход той или иной страны к демократии ведет к повышению степени вероятности аналогичных изменений в соседних государствах.⁵

- *Исламская культура.* Согласно мнению многих исследователей, исламская культура и традиции являются препятствиями на пути к демократии. Этим объясняется, почему почти все страны Ближнего Востока и Северной Африки в течение длительного времени остаются недемократическими.⁶

Мнение о том, что перечисленные выше факторы действительно имеют значение, разделяют далеко не все исследователи. В недавно опубликованных книгах Карлеса Бойса, а также Дарона Асемоглу и Джеймса Робинсона подчеркивается важная роль неравенства; в исследовании Асемоглу, Робинсона и их коллег Саймона Джонсона и Пьера Яреда большое внимание уделяется качеству колониального управления и накоплению исторических идиосинкразий.⁷ Исследования этой актуальной и полной противоречий проблемы продолжаются.

Почему имеет значение фискальная политика?

Даже с учетом всех перечисленных выше факторов мы не имеем права забывать об углеводородах: чем больше нефти добывается в авторитарном государстве, тем ме-

5. Huntington 1991; O'Loughlin et al. 1998; Gleditsch and Ward 2006.

6. Salamé 1994; Hudson 1995; Midlarsky 1998; Fish 2002.

7. Boix 2003; Acemoglu and Robinson 2005; Acemoglu et al. 2008.

нее вероятен его переход к демократическому развитию. В главе 2 было показано, что добыча нефти имеет важные положительные последствия с точки зрения уровня доходов государства. Однако должны ли эти денежные поступления отрицательно воздействовать на подотчетность правительства гражданам страны? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нам необходима теория демократии, в которой учитывалась бы роль фискальной политики государства.

Благодаря исследованиям политических бюджетных циклов обществоведы и социологи располагают достаточными данными об используемых политиками способах манипулирования государственными финансами, а также реакции на них граждан. В соответствии с результатами большого количества исследований фискальные политики демонстрируют тенденцию к колебаниям в одной «упряжке» с выборами, поскольку для привлечения избирателей политические деятели, как правило, стремятся к увеличению государственных расходов и сокращению налогов. Исследования такого рода циклов проводились в самых разных демократических государствах, включая США, промышленно развитые и латиноамериканские страны. Бюджетные циклы имеют место и в авторитарных государствах — даже если выборы не являются конкурентными, в это время автократы стремятся к повышению уровня своей популярности.⁸

В совокупности данные научных исследований позволяют предположить существование тенденции, заключающейся в том, что граждане поддерживают те правительства, которые имеют крупные бюджеты и устанавливают низкие налоги. Возникает вопрос: учитывая сказанное выше, как это отражается на демократизации?

8. О бюджетных циклах в США см. работы: Tufte 1978; Hibbs 1987. О промышленно развитых странах в общем см.: Alesina, Roubini, and Cohen 1997. О государствах Латинской Америки см.: Ames 1987. Об авторитарных государствах см.: Block 2002; Magaloni 2006; Blaydes 2006.

Некоторые дополнительные подсказки мы можем почерпнуть в исследованиях, авторы которых связывают сбор налогов с зарождением демократических правительств. По мнению некоторых ученых, повышение налогов в автократическом государстве во многих случаях инициирует народные требования по формированию представительного правительства.⁹ Фактические данные, подтверждающие существование этой связи, приводятся историками. Специалисты по истории предполагают, что впервые представительные правительства возникли в Европе в начале Нового времени, когда правившие Англией, Францией, Испанией, Австро-Венгрией и Нидерландами монархи были вынуждены уступить часть своих властных полномочий парламентам, в обмен на право облагать поданных новыми налогами.¹⁰

Большинству граждан США хорошо знаком другой пример. Катализатором движения за независимость тринадцати английских колоний, впоследствии образовавших США, стало нежелание платить налоги британской короне, и прежде всего, оппозиция Закону о гербовом сборе (1765 г.), вводившему налоги на все торговые сделки, оформление любых документов, выпуск книг, газет и игральных карт. Уже через год этот закон был отменен. Но то обстоятельство, что король Георг «обложил нас налогами без нашего согласия», как отмечалось в принятой в 1776 г. Декларации независимости США, стало одним из важнейших поводов для недовольства восставших и в конечном счете привело к основанию суверенного государства на демократических принципах.¹¹

9. Brennan and Buchanan 1980; Bates and Lien 1985; North 1990.

10. См.: Schumpeter [1918] 1954; Hoffman and Norberg 1994; Morrison 2009.

11. См.: Morgan and Morgan 1953; Bailyn 1967. Несмотря на то, что лозунг «Нет налогов без представительства» неразрывно связан с Американской революцией (в наши дни его штампуют на автомобильных номерах в столице США Вашингтоне), вы не найдете его ни в Декларации о независимости, ни в Конституции США. Джон Адамс использовал это выражение в на-

В проведенном в 2004 г. исследовании я показал, что описывавшаяся выше динамика, пусть и в модифицированном варианте, сохраняет силу и в наши дни. В соответствии с исходным положением, граждане озабочены исключительно тем, чтобы уровень налогообложения оставался низким, а диктатор, повышающий налоги будет вынужден пойти на демократизацию. Рассмотрев уровни налогов во всех странах в 1971–1997 гг., я не обнаружил фактов, свидетельствующих в пользу приведенного выше утверждения. Однако проведенный статистический анализ позволил выявить фактические данные, подтверждающие модифицированное положение, согласно которому граждане выражают протест против введения более высоких налогов в тех случаях, *если они не влекут за собой получение соизмеримых выгод*.

Данное положение основывается на предпосылке, согласно которой граждане питают интерес и к налогам, и к получаемым ими от государства выгодам. Нельзя сказать, что они стремятся исключительно к минимизации налогового бремени, независимо от предоставляемых государством выгод. И точно так же граждане отнюдь не желают максимизации приобретаемых благодаря государству выгод, вне зависимости от того, какие налоги им приходится платить. Граждане одновременно стремятся к минимизации уплачиваемых налогов и максимизации получаемых от государства выгод. Если налоги были повышены, а получаемые от государства выгоды остались прежними, или наоборот,

правленной против Закона о гербовом сборе публикации, впоследствии получившей известность как «Braintree Instructions» («Инструкции из Брейнтри»). Однако известно, что этот лозунг уже был весьма популярным в Ирландии на протяжении жизни, по меньшей мере, одного поколения (McCullough 2001). По иронии судьбы, в 1820 г. Верховный суд, рассматривая дело *Loughborough v. Blake*, признал ошибочным положение, в соответствии с которым «нет налогов без представительства». Согласно решению суда, федеральное правительство имело полное право вводить налоги на принадлежащих США, но не имевших представительства в конгрессе, территориях.

если эти выгоды снизились, а налоги остались на прежнем уровне, в стране начинаются протесты.

Следовательно, граждане заинтересованы не столько в минимальном по размерам, сколько в эффективном государстве, таком, которое способно предложить им самое большое «ожидаемое за свои деньги». Вероятность того, что авторитарное государство сумеет избежать демократического перехода, наиболее высока в том случае, если оно поддерживает низкий уровень налогов, определяемый как *выраженная в процентах их доля в государственных расходах*.¹²

Идея, согласно которой повышение налогов относительно расходов государства способно привести к восстаниям, направленным на демократизацию, тесно связана с представлением о политическом бюджетном цикле. И та и другое исходят из того, что граждане будут поддерживать правительство, которое предоставляет им больше выгод и устанавливает более низкие налоги, и будут пытаться сменить руководство государства, экономящее на выгодах и не знающее удержу в налогах. Если эти налоговые мятежи начинаются в условиях диктатуры, они могут стать первым шагом на пути перехода к демократии.

Фискальная теория демократии

Упомянутые выше исследования могут многое сказать нам о воздействии нефтяного богатства на демократию. Нефть способствует резкому увеличению государственных доходов, следствием чего, как правило, становит-

12. Ross 2004a. Брайан Джонс и Уолтер Уильямс показывают, что данное правило распространяется и на современные США: избиратели выражают большую поддержку правительству в том случае, когда соотношение выгод и налогов повышается; в результате возникает тенденция, выражающаяся в происходящем по инициативе политиков росте дефицита государственного бюджета (Jones and Williams 2008).

сы расширение круга предоставляемых государством выгод. Благодаря тому, что их источник необычен (денежные поступления никак не связаны с налогами), государство имеет возможность поддерживать налогообложение на низком уровне. Важное значение имеет и секретность нефтяных денежных поступлений. Однако, прежде чем мы приступим к изучению ее роли, давайте пристальнее взглянем в логику, связывающую нефтяное богатство страны и подотчетность ее правительства.

Чтобы более наглядно представить взаимосвязи нефти и демократии, представляется полезным использовать неформальную модель, позволяющую описать эти отношения так, как они выглядели бы в упрощенном воображаемом мире.¹³ В ней присутствует группа коллективно действующих граждан (мы рассматриваем ее как единичного актора) и стоящий во главе государства правитель. В трех последующих главах книги эта модель будет расширяться, так как мы будем использовать ее для того, чтобы показать, что денежные поступления от продажи нефти способны приводить к различным исходам, таким как гражданские войны, ограничение возможностей для женщин и неадекватная экономическая политика.

Предположим, что во главе государства стоит правитель, основная цель которого заключается в сохранении собственной власти. Для ее достижения и в целях завоевания политической поддержки правитель опирается на налогово-бюджетные возможности — накапливаемые в бюджете денежные средства используются на поддержку населения и предоставление бюджетных благ, а также на поддержание низкого уровня налогообложения. Если ему не удастся заручиться необходимой поддержкой, во главе государства становится претендент на место правителя. В демократической стране это

13. Более формальный подход к этому вопросу, в некоторых аспектах значительно отличающийся от представленной здесь точки зрения, описывается в работе К. Моррисона (Morrison 2009).

происходит по результатам выборов, в условиях диктатуры — в результате народного восстания.

Для граждан страны приоритетным является их текущее и будущее экономическое благосостояние. Соответственно, поддержка ими правителя определяется воздействием государства на получаемые доходы. Граждане благоволят правительству, которое забирает у них не слишком много (в форме налогов), отдавая взамен существенно больше (в форме патронажа и общественных благ). Если государство обеспечивает гражданам значительные выгоды и низкие налоги, они будут поддерживать правителя; если круг выгод ограничен, а налоги высоки, граждане попытаются добиться смены руководства.¹⁴

Принимая эти условия, попробуем ответить на вопрос: что произойдет с авторитарным правительством в стране, не располагающей запасами нефти? Пока мы будем исходить из предположения, что правительство способно управлять страной в условиях равновесного бюджета (ни излишка, ни дефицита). Источником доходов государства являются исключительно налоги. Это означает, что собираемые налоги и распределяемые выгоды соотносятся как один к одному. Предположим, что в условиях растущей экономики государство способно предоставлять достаточно значительные выгоды и поддерживать налоги на относительно низком уровне. Это позволяет ему сохранять народную поддержку. В условиях экономического спада государство вынуждено сокращать предоставляемые выгоды или повышать налоги, следствием чего становится утрата популярности.

Если наша воображаемая страна принадлежит к числу демократических государств, ее граждане имеют воз-

14. В большинстве случаев в центре внимания теорий демократии и авторитаризма находится распределение патронажных ресурсов. См.: Gandhi and Lust-Okar 2009; Bueno de Mesquita and Smith 2010. В некоторых из них рассматривается и не учитываемый мною фактор возможности обращения автократа к насилию и репрессиям. См.: Wintrobe 2007.

можность сместить правительство, участвуя в выборах. Если она относится к автократиям, у граждан отсутствует конституционная возможность отстранения от власти неугодных правителей. В этом случае они обращаются к забастовкам, демонстрациям и, в крайнем случае, к восстанию.

Свержение диктатора отнюдь не означает автоматического перехода страны к демократии. Однако если мы предположим, что граждане способны заглядывать в будущее, они могут направить усилия на поиск путей позволяющих отстранять от власти и другие, столь же непопулярные правительства. Другими словами, граждане могут задуматься о демократических реформах и приступить к их осуществлению. Еще одна возможность начала демократических преобразований состоит в том, что оказавшийся несостоятельным диктатор, стремясь продлить свое пребывание во главе государства, соглашается на ограничение своей власти. С течением времени «привычка» граждан избавляться от автократов, не способных добиться высоких результатов, и настроенное отношение к плодам деятельности будущих авторитарных правителей, должна привести к пониманию необходимости процесса демократизации.¹⁵

Рассмотрим происходящее в случае, когда «на сцене» появляются углеводороды. Добыча нефти ведет к росту неналоговых денежных поступлений, что позволяет государству обеспечить гражданам получение выгод в большем объеме, чем в тех случаях, когда доходы формировались исключительно за счет сбора налогов. В странах, не имеющих запасов углеводородов (или других источников неналоговых доходов), правительства, предоставляя совокупные выгоды, имеют возможность «подняться» над совокупными налогами только

15. Возможны и другие объяснения того, как свержение непопулярного диктатора может привести к демократическому переходу. Например, вследствие отсутствия альтернативной фигуры, пользующейся достаточной народной поддержкой, или неспособности восстановить диктатуру силой (см. Olson 1993).

за счет возникновения и роста дефицита бюджета. В период выборов эта стратегия может оказаться действенной, но в долгосрочном периоде она, чаще всего, ведет к дестабилизации финансового положения государства. Правительства нефтедобывающих стран, вне всяких сомнений, могут предоставлять гражданам выгоды, объем которых превышает собираемые с них налоги, что позволяет сохранять народную поддержку и не допускать демократических восстаний. В то время как автократии, не имеющие углеводородов, постепенно становятся демократическими, автократии, располагающие запасами нефти, остаются автократическими.¹⁶

Одной из основных «опор» рассматриваемой нами модели является допущение, в соответствии с которым граждане весьма пристрастно относятся к вопросу о том, как государство использует налоговые поступления, но безразличны к расходованию вырученных от продажи нефти средств. Так ли это? Любому, кто знаком с жизнью стран, в значительном объеме добывающих углеводороды, известно, что их граждане проявляют огромную заинтересованность в получении справедливой доли нефтяных поступлений. В главе 2 отмечается, что население богатых нефтью стран активно поддерживало национализацию иностранных нефтяных компаний, так как не желало оттока нефтяной ренты за границу. В главе 5 мы увидим, что в некоторых случаях, граждане, стремящиеся получить более крупную долю поступлений от продажи нефти, готовы отстаивать свои права

16. Кому-то может показаться странным, что граждане воздают хвалу или наказывают правителей за результаты событий (повышение или снижение цен на нефть), находящихся вне сферы контроля государства. Тем не менее результаты недавних исследований позволяют утверждать, что поведение избирателей далеко не всегда соответствует законам логики. Кристофер Акен и Ларри Бартельс показывают, что после засух, наводнений и нападений акул, уровень поддержки должностных лиц, демонстрируемый американскими избирателями, непременно снижается. При этом очевидно, что чиновникам неподконтрольны такого рода события (Achen and Bartels, 2004).

на них с оружием в руках. Анализируя положение в монархиях Персидского залива, Майкл Герб подчеркивает:

В некоторых случаях высказываются предположения, согласно которым граждане нефтяных монархий, испытывают чувство благодарности к своим правителям, обеспечивающим им получение денег. Эта благодарность, якобы, трансформируется в политическую поддержку. Да, конечно, как не поблагодарить за подарок? Но население стран Персидского залива уверено, что нефть принадлежит ему, а не правящим династиям... Немногие будут благодарить за получение того, что принадлежит им по праву рождения.¹⁷

Как представляется, большинство населения нефтедобывающих стран уверено в своем полном праве на получение выгод от продажи полезных ископаемых. Поэтому утверждения о том, что их граждане не интересуются тем, как расходуются соответствующие денежные поступления, представляются необоснованными.

Возможно, граждане этих стран с пристрастием следят не столько за соотношением государственных расходов и *налоговых доходов*, сколько за пропорцией расходов и *денежных поступлений от нефти*. В странах, не имеющих запасов углеводородов, все доходы государства формируются из налоговых поступлений. В этом случае соотношение расходов и доходов государства идентично соотношению расходов и налоговых поступлений, и исходная модель остается неизменной. Но гражданам нефтедобывающих стран известно, что их правительства имеют дополнительный источник денежных поступлений, и их немало заботит вопрос о том, как будут расходоваться полученные доходы. Если население будет убеждено, что государство предоставляет слишком мало услуг с учетом размера получаемых доходов, ждите бунта.

Впрочем, есть одна загвоздка. В главе 2 объясняется, что государство имеет возможность скрыть денежные

17. Herb 1999, 241.

поступления от продажи нефти «маскировочной сеткой» из секретных контрактов или внебюджетных счетов. Гражданам известно, что правительство получает *какие-то* доходы от продажи углеводородов, но они не знают, *сколько именно* денег поступает в распоряжение государства.

До сих пор мы исходили из допущения, что граждане располагают всей «полнотой информации» о правительстве и имеют представление о том, какие расходы оно осуществляет. Это предположение выглядит правдоподобным, так как граждане, с одной стороны, наблюдают за тем, как исполняются государственные программы и проекты, а с другой — имеют полное представление о собираемых налогах (ведь они сами должны их уплачивать).¹⁸

Напротив, граждане нефтедобывающих стран не имеют возможности непосредственно наблюдать за тем, какое количество денежных средств собирают их правительства благодаря денежным поступлениям от продажи нефти. Они вынуждены полагаться на сведения, предоставляемые государством и средствами массовой информации. Граждане демократической страны, вероятно, будут иметь доступ к такого рода данным.¹⁹ Но правительства автократических стран имеют возможность скрывать часть получаемых государством нефтяных доходов. Поэтому, если жители таких стран неправильно представляют себе размер этих поступлений, они неизбежно придут к ошибочному заключению

18. Да, люди не имеют возможности узнать величину подоходного налога других, но они хорошо представляют себе общий уровень налогообложения товаров и услуг. В странах с низкими и средними доходами эти налоги образуют более крупную по размерам часть налоговых платежей. Во многих случаях общественный дискурс относительно общего налогового бремени является важной составляющей и народной, и политической культуры. См.: например, Scott 1976.

19. О транспарентности демократических правительств см.: Rosen-dorf and Vreeland 2006.

о том, что правительства хорошо справляются со своими обязанностями, используя достаточно скромные доходы для обеспечения поставок широкого круга товаров и услуг. Скрывая часть нефтяных денежных поступлений, богатые автократии имеют возможность добиться увеличения *воспринимаемого* соотношения расходов и доходов своих правительств.

Секретность, вероятно, выгодна всем автократиям, независимо от того, располагают они нефтяными доходами или нет. Но в нефтедобывающих странах автократии получают больший выигрыш от секретности, так как она позволяет им обманывать граждан, следствием чего становится недооценка населением получаемых государством доходов. Это означает, что нефтяные автократии будут проявлять большую склонность к маскировке государственных бюджетов и введению жестких ограничений на деятельность средств массовой информации, чем автократии стран, не располагающих запасами углеводородов.

Короче говоря, правители в общем и автократы в особенности остаются у власти в тех случаях, если граждане верят, что государство обеспечивает получение ими значительных, по сравнению с государственными доходами, выгод. В странах, не располагающих запасами нефти, это означает, что население получает существенные выгоды, источником которых являются налоговые поступления, а в нефтедобывающих — что граждане получают существенные выгоды благодаря и сбору налогов, и денежным поступлениям от продажи углеводородов. Поскольку гражданам, как правило, доступна информация о налогах, но не о нефтяных денежных поступлениях, автократические правители нефтедобывающих стран имеют возможность поддерживать популярность, утаивая часть доходов от общественности.

Что произойдет в случае, если правительства утратят способность скрывать данные о потоке нефтедолларов? Более высокий уровень прозрачности мог бы привести к осознанию гражданами того, что правитель расточи-

тельно относится к углеводородному достоянию нации. Понимание этого обстоятельства чревато демократическим восстанием. Успех последнего определяется дополнительным фактором — лояльностью к правительству вооруженных сил. В отчете о проведенном в 1992 г. исследовании восстаний, направленных на свержение «неопатримониальных» диктаторских режимов, Ричард Снайдер подчеркивает, что судьба народных революций может определяться согласием правительства с военными и их лояльностью.²⁰ И вновь размер получаемых государством нефтяных денежных поступлений способен блокировать переход к демократии. В том случае если автократы не испытывают проблем с деньгами и прямо контролируют распределение выгод в пользу военных, они, скорее всего, сохраняют поддержку вооруженных сил и подавляют любые протесты.

Обратимся к данным

Для выявления статистических отношений между нефтью и демократией в приложении к этой главе я использую множественные регрессии. Но базисные связи между нефтью и демократией могут быть проиллюстрированы и с помощью простых комбинационных таблиц и графиков.

Имеющиеся фактические данные позволяют сделать вывод, что в случаях, когда авторитарные государства располагают значительными запасами нефти, вероятность их перехода к демократии снижается. В табл. 3.1 представлена центральная матрица. Численные значения в ячейках таблицы отображают выраженную в процентах долю авторитарных государств, перешедших к демократии в среднем году. В первой колонке представлены страны, не располагающие запасами углево-

20. Snyder 1992.

ТАБЛИЦА 3.1. Переход различных стран мира к демократии в 1960–2006 гг.

Доля авторитарных государств, переходивших к демократии в среднем году, (в %).

	Страны		
	Не имеющие запасов	Нефтедобывающие	Разница
по доходам			
С низким доходом (< \$5000)	2,41	1,52	–0,89*
С высоким доходом (> \$5000)	1,35	0,73	–0,63
по периодам времени			
1960–1979 гг.	1,13	1,33	0,20
1980–2006 гг.	3,18	1,14	–2,04***
по регионам			
Латинская Америка	4,30	11,27	6,96***
Все остальные регионы	1,93	0,43	–1,50***

*значимо на уровне 10%, в одностороннем *t*-критерии Стьюдента;

** значимо на уровне 5%; *** значимо на уровне 1%.

Источник: Рассчитано по данным из работы Х. Чейбуба, Дж. Ганди и Дж. Вреланда (Cheibub, Gandhi, and Vreeland 2010).

дорогов, во второй — нефтяные государства, а в третьей показано различие между ними.²¹

Обращаясь к первой строке таблицы, мы видим, что вероятность перехода лишенных нефти авторитарных государств к демократии в каждом отдельно взятом году составляет 2,2%, а авторитарных нефтедобывающих стран — всего 1,2%. Из второй и третьей строк следует, что правило распространяется и на богатые, и на бедные нефтедобывающие страны, хотя статисти-

21. Для того чтобы определить политический режим (демократия или автократия) и время перехода, я использую базу данных, содержащуюся в работе А. Пшевурского и его коллег (Przeworski et al. 2000), обновленную по материалам публикации Х. Чейбуба, Дж. Ганди и Дж. Вреланда (Cheibub, Gandhi, and Vreeland 2010).

чески значимые численные показатели были получены только для вторых.

Авторы некоторых исследований обосновывают положение, согласно которому воздействие нефтяного богатства (или зависимости от нефти) на демократию является двойственным: по некоторым каналам оно препятствует демократическим переходам, а по другим — способствует демократизации.²² Приведенные в табл. 3.1 расчетные данные позволяют предположить, что чистое воздействие нефти носит выраженный отрицательный характер.

Мы можем представить имеющиеся у нас данные и на диаграмме рассеяния, отображающей все страны, которые могли осуществить переход от авторитаризма к демократии в 1960–2008 гг., включая все 64 государства, в которых в 1960 г. имел место авторитарный политический режим. Мы добавим к ним еще 50 стран, обретших независимость после 1960 г. Первоначально в них также было установлено авторитарное правление. На рис. 3.2 отображаются денежные поступления от продажи углеводородов в этих 114 странах и их движение (или его отсутствие) на пути к построению демократии. На горизонтальной оси представлены значения средних доходов от продажи нефти в 1960–2008 гг., а на вертикальной оси — выраженное в процентах время (начиная с 1960 г. или с года получения независимости), в течение которого в этих первоначально авторитарных странах существовала демократия. Таким образом, для стран, в которых непрерывно длится авторитарное правление, оценка второго фактора равна 0%, а для стран, которые относительно рано перешли к демократии и сохраняли этот политический режим, оценка приближается к 100%.

Нисходящая линия отображает результирующее отношение между нефтью и длительностью сохранения авторитарного политического режима: чем выше неф-

22. Herb 2004; Dunning 2008; Goldberg, Wibbels, and Mvukiyehe 2009.

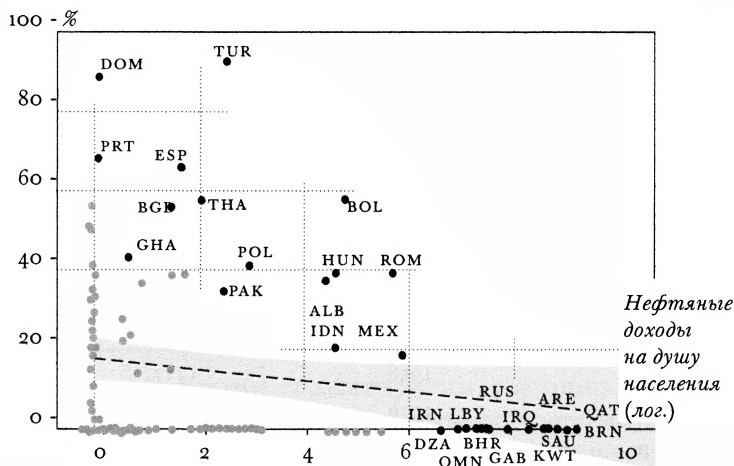

РИС. 3.2. Нефть и переходы к демократии в 1960–2006 гг.

Страны, которые в 1960 г. принадлежали к числу авторитарных или получили независимость после 1960 г. и в первые годы в них существовал авторитарный режим. На вертикальной оси — доля ее последующей истории в условиях демократии в процентах. Страны с высокими процентными показателями осуществили ранний переход к демократии и сохранили ее; страны в нижней части диаграммы непрерывно оставались авторитарными.

Источник: Рассчитано на основе данных, представленных в работе Х. Чейбуба, Дж. Ганди и Дж. Вреланда (Cheibub, Gandhi, and Vreeland 2010).

танные доходы страны, тем менее вероятен ее переход к (и сохранение) демократии.²³ Сравнительно рано перешедшие к демократии и остающиеся таковыми страны (Доминиканская Республика, Турция, Португалия и Испания), располагали незначительными запасами углеводородов или вообще их не имели. В небольшом количестве стран, имевших довольно скромные

23. Затененная область отображает 95%-й доверительный интервал.

ТАБЛИЦА 3.2. Переход к демократии нефтедобывающих стран в 1946–2010 гг.

Крупные экспортеры нефти, в которых начиная с 1946 г. были предприняты попытки перехода от авторитарного правления к демократическому.

Переход рассматривается как неудачный, если страна возвратилась к авторитарному правлению. Успешный переход означает, что государство оставалось демократическим на 2010 г. Доходы от продажи нефти (в долларах на душу населения) приведены на переходный год.

Страна	Год	Нефтяной доход	Исход
Венесуэла	1958	1717	Успех
Нигерия	1979	1007	Неудача
Эквадор	1979	773	Неудача
Республика Конго	1992	563	Неудача
Мексика	2000	442	Успех
Аргентина	1983	428	Успех
Перу	1980	336	Неудача
Боливия	1982	307	Успех
Эквадор	2002	280	Успех
Боливия	1979	264	Неудача

Источник: Данные из работы Х.Чейбуба, Дж. Ганди и Дж. Вреланда (Cheibub, Gandhi, and Vreeland 2010).

по объему месторождения нефти и газа, в число которых входят Боливия, Румыния и Мексика, демократическое правление было установлено сравнительно недавно (и в некоторых случаях наблюдалось возвращение к авторитаризму). И наконец, в рассматриваемый период (1960–2010 гг.) ни одна из стран, получавших значительные доходы от продажи нефти и газа, так и не стала демократической.

Слава богу, нефтяное богатство отнюдь не обязательно останавливает демократизацию. В табл. 3.2 перечисляются крупнейшие десять нефтедобывающих стран, ранжированные по доходам от продажи нефти, начиная

с 1946 г. успешно перешедшие от авторитарного к демократическому правлению. Возглавляет список Венесуэла, осуществившая этот переход еще в 1958 г. Следующими тремя демократизированными нефтедобывающими странами были Нигерия (1979 г.), Эквадор (1979 г.) и Республика Конго (1992 г.); однако в каждой из них происходил откат к авторитаризму. Впоследствии Нигерия и Эквадор вернулись к демократии, но только после того, как получаемые ими доходы от продажи нефти значительно сократились. Тем самым еще более удивительным кажется успех Венесуэлы. После перехода в 1958 г. этой страны к демократии, ни одно из государств с нефтяными доходами, превышавшими те, которые получала Мексика в 2000 г., не перешло к демократии и не сохранило этот политический режим.

Нефть и демократия во времени

Как было показано в главе 2, в 1970-е гг. объемы денежных поступлений от продажи нефти резко увеличились, благодаря взлетевшим подобно ракете ценам и национализации иностранных нефтяных компаний. Увеличение нефтяных доходов одновременно означало снижение вероятности перехода нефтедобывающих государств к демократии.

Давайте на некоторое время возвратимся к табл. 3.1. Данные, представленные в ее первой строке и охватывающие временной период длительностью 47 лет, позволяют сделать вывод, что вероятность перехода к демократии нефтедобывающих стран примерно на 40% ниже, чем вероятность аналогичного перехода государств, лишенных значимых запасов нефти. Но если мы раздельно рассмотрим период 1960–1979 гг. и период 1980–2006 гг. (четвертая и пятая строки), мы увидим поразительное различие между ними. До 1980-х гг. переход к демократии нефтедобывающих и не имевших углеводородов стран был примерно равновероятным (или, скорее, равноневероятным); различие между эти-

ми двумя группами было статистически незначимым. Начиная с 1980 г. норма демократизации для не имеющих запасов углеводородов стран увеличилась почти в три раза, в то время как аналогичный показатель для нефтедобывающих стран не изменился. В настоящее время вероятность того, что не обладающие нефтью страны перейдут к демократическому режиму правления почти в три раза выше, чем для нефтедобывающих государств.

А теперь возвратимся к рис. 3.1, на котором отображается устойчивый начиная с 1970 г. рост количества демократий. Если мы отделим от остального мира страны, добывающие нефть в течение длительного времени (рис. 3.3), то увидим во многом отличную от предыдущей картину. В то время как большинство стран мира перешли на сторону демократии, государства, в течение длительного времени добывающие нефть и газ, остались в стороне от этого процесса.²⁴ Знаменитая «третья волна» демократических переходов в 1980–1990 гг. обошла стороной большинство нефтедобывающих стран. Начиная с 1979 г. расширения круга глобальной демократии происходило за счет стран, не имевших значимых запасов углеводородов.

24. В некоторых случаях обобщение характеристик «нефтедобывающих стран» приводит к ошибочным выводам, поскольку с течением времени членство в этой группе изменяется. Чтобы избежать возникновения проблем, я периодически сосредотачиваюсь на 35 государствах, которые могут быть классифицированы как «страны, добывающие нефть в течение длительного времени». Я отношу к этой группе страны, которые в течение, по крайней мере, двух третей периода между 1960–2006 гг. получали доходы от продажи нефти в размере не менее \$100 в расчете на душу населения (в постоянных долларах 2000 г.) или в том случае, если они обрели суверенитет после 1960 г., в течение двух третей периода независимости. В табл. 1.1 эти страны отмечены звездочками. В главе 6 мы рассмотрим различные подмножества этой группы — сначала 13 крупнейших нефтедобывающих стран, принадлежащих к развивающемуся миру, а затем все 28 стран за пределами Европы и Северной Америки.

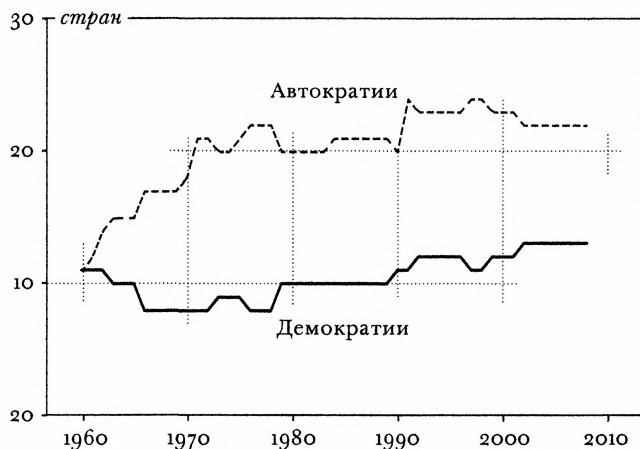

РИС. 3.3. Соотношение автократических и демократических нефтедобывающих государств в 1960–2008 гг.

Источник: Рассчитано на основе данных, представленных в работе Х. Чейбуба, Дж. Ганди и Дж. Вреланда (Cheibub, Gandhi, and Vreeland 2010).

Это означает, что богатые углеводородами страны образуют собой растущую часть авторитарных государств мира. В 1980 г. нефтедобывающие страны составляли свыше 25% (27 из 103 стран) мировых автократий; к 2008 г. их доля превысила 40% (30 из 74 стран). Для сторонников демократии нефтяной эффект становится все более актуальным.²⁵

Оказывала ли нефть хоть *какие-то* антидемократические эффекты до 1980 г.? Мы не можем дать определенного ответа на этот вопрос. Согласно анализу регрессии, представленному в приложении 3.1, все зависит от того, как вы измеряете демократию. Используя один показатель, мы приходим к выводу, что в 1960–1980-е гг., в случае если другие переменные являются контроли-

25. См., например, Diamond 2008.

РИС. 3.4. Динамика уровней демократии в 1960–2004 гг.

Значения оценок *Polity*. Масштаб был изменен, чтобы привести их к диапазону от 1 до 10; большая оценка свидетельствует о более высоком уровне развития демократии.

Источник: Рассчитано на основе данных, представленных в работе М. Маршалла и К. Джаггерса (Marshall and Jaggers 2007).

руемыми, нефть оказывала значимые, но умеренные антидемократические эффекты; если же мы обратимся к другому показателю, то анализ показывает полное отсутствие нефтяного эффекта.²⁶

Возможно, самый простой ответ нам поможет получить рис. 3.4. В нем сравнивается временная динамика оценок уровня развития демократии в странах, добывающих нефть в течение длительного времени и аналогичный показатель для всех остальных государств. Оценки уровня демократии варьируются в диапазоне от 1 до 10; большая оценка означает более высокий уро-

26. Marshall and Jaggers 2007; Przeworski et al. 2000.

вень развития демократии. Используя данные, были заимствованы из массива сведений широко известного проекта Polity IV, цель которого состоит в изучении институциональных характеристик политических режимов различных стран мира.²⁷ Вплоть до начала 1980-х гг. богатые и бедные нефтью страны имели практически идентичные оценки; впоследствии разрыв между ними неуклонно возрастал.

Расходы и доходы

Имеются *некоторые* свидетельства в пользу того, что в тех случаях, когда деятельность авторитарных правительств характеризуется более высокими нормами расходов по сравнению с денежными поступлениями, вероятность демократизации в этих странах находится на относительно низком уровне. К сожалению, в силу ограниченности круга точных данных о расходах и доходах, оценить этот довод довольно трудно. Согласно же рассматриваемой нами модели, большее значение имеет не столько объем получаемых государством денежных средств от продажи нефти, сколько их *восприятие*, для измерения которого необходимо проведение соответствующих опросов.²⁸

Однако имеющиеся данные о государственных расходах и доходах заставляют нас задуматься. На рис. 3.5 сравниваются нормы расходов и доходов авторитарных государств, даже не пытавшихся перейти к демократии (первый столбец) и осуществивших этот переход (второй столбец). Мы видим, что в первой группе норма расходов и доходов почти в два раза выше, чем во второй. Третий столбец отображает величину норм расходов и доходов во второй группе государств в год, предшествовавший их переходу к демократии; мы ви-

27. Marshall and Jaggers 2007.

28. Проблема получения данных более подробно обсуждается в приложении к главе 3.

РИС. 3.5. Отношение государственных расходов к доходам в авторитарных странах в 1970–2008 гг.

Данные о государственных расходах, направленных на потребление, как части полученных доходов (по сведениям, предоставленным правительствами).

Источник: Рассчитано на основе фискальных данных Всемирного банка (World Bank n. d.); данные о демократических государствах представлены в работе Х. Чейбуба, Дж. Ганди и Дж. Вреланда (Cheibub, Gandhi, and Vreeland 2010).

дим, что интересующий нас показатель имеет еще более низкое значение.

Действительно ли нефтяные диктаторы использовали добавочные денежные поступления для того, чтобы купить народную поддержку, или они были расхищены коррупционерами? Окутывающая нефтяные доходы секретность затрудняет ответ на этот вопрос.²⁹ Тем не менее известно немало свидетельств того, что нефтяные

29. За разорительными государственными расходами (то есть использованием средств на дорогие, но бесполезные проекты типа

автократы направляют немалые суммы денег на удовлетворение народных требований. Страны, имеющие огромные запасы нефти в расчете на душу населения (например, богатые углеводородами монархии Аравийского полуострова), предоставляют своим подданным обширнейший круг выгод, таких как бесплатное высшее образование, медицинская помощь, а также продукты питания и жилье по субсидированным ценам. Во время обрушения нефтяных цен в 1980-х гг. власти Саудовской Аравии попытались повысить налоги и сократить самые разные субсидии, но поднявшаяся волна широкой общественной критики заставила их отказаться от этих мер.³⁰ Для того чтобы потушить «огонь» вспыхнувших в 2011 г. народных восстаний, правительства большинства стран Ближнего Востока предоставляли гражданам новые субсидии. В богатых нефтью государствах эти предложения были наиболее щедрыми и, за исключением Ливии, оказались более эффективными, чем другие средства.

Правительства, финансирующие деятельность которых осуществляется во многом благодаря продажам нефти, субсидируют и цены на различные виды топлива, даже несмотря на то, что такого рода субсидии могут оказаться разорительно дорогими, экономически расточительными и в высшей степени вредными с экологической точки зрения. В частично демократическом Иране субсидии потребителям бензина и электроэнергии, выраженные в денежных поступлениях, которые могли бы быть получены правительством в случае, если бы они продавались по рыночным ценам, достигли в 2007–2008 гг. поразительной величины — 20% ВВП, что эквивалентно примерно \$3275 в расчете на семью из четырех человек.³¹

«белый слон») могут скрываться попытки получения политических выгод. См.: Robinson and Torvik 2005.

30. Chaudhry 1997. Существование монархии в Саудовской Аравии обусловлено не только богатейшими запасами нефти, но и многими другими факторами. См.: Herb 1999; Hertog 2010.

31. International Monetary Fund 2008.

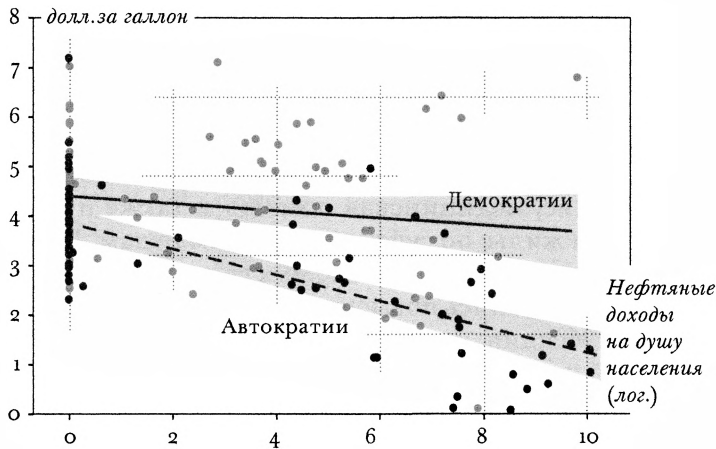

РИС. 3.6. Доходы от продажи нефти и цены на бензин в 2006 г.

- авторитарные государства;
- демократические страны.

Источник: Рассчитано на основе данных о ценах на бензин, опубликованных в: Gesellschaft für technische Zusammenarbeit 2007; данные о демократических государствах представлены в работе Х. Чейбуба, Дж. Ганди и Дж. Вреланда (Cheibub, Gandhi, and Vreeland 2010).

Читатель вряд ли будет поражен сообщением о том, что гражданам нефтедобывающих стран нравится покупать дешевый бензин. *Удивительно* другое. Как правило, в авторитарных государствах, правительства которых, казалось бы, в меньшей степени зависят от общественного мнения, бензиновые субсидии выше, чем в демократических странах.

На рис. 3.6 представлены корреляции между нефтяными доходами и ценами на бензин в автократиях и демократиях. По горизонтали рисунка отображается размер нефтяного дохода, а по вертикали — долларовая цена галлона (3,78 л) бензина в 2006 г. Темные кружки представляют недемократические страны, а светлые — демо-

кратические государства. Независимо от политического режима, страны в которых добывается больше нефти, как правило, предоставляют и более высокие субсидии. Однако данная тенденция является более сильной в авторитарных государствах (нижняя линия), в которых имели место и более низкие цены на бензин. Самый яркий пример — Туркменистан. В высшей степени репрессивное правительство этой страны предлагает народу бензин по цене два цента за галлон и бесплатную электроэнергию.

Почему диктаторы идут на столь значительное субсидирование поставляемого населению топлива? Одна из причин, вероятно, заключается в том, что отказ от субсидий может стать поводом для народных демонстраций, представляющих для авторитарных правителей гораздо большую угрозу, чем для демократических. Например, акции протеста в Бирме в сентябре 2007 г. начались с митингов, участники которых протестовали против сокращения субсидий на топливо; они очень быстро переросли в демонстрации, направленные против военной хунты. Искрой, воспламенившей народные волнения в феврале 2008 г. в Камеруне, также стала отмена субсидий на топливо. Довольно быстро они переросли в кампанию, направленную на отмену поправки к конституции, предоставлявшей действовавшему в то время президенту возможность оставаться у власти. В апреле 2010 г. народные массы свергли президента Киргизии. Поводом к началу волнений в этой стране стало недовольство повышением цен на топливо. Очевидно, что авторитарные правители имеют все основания для того, чтобы поддерживать низкие цены на бензин.

Секретность

Несмотря на то что при попытке оценить уровень секретности в государстве мы сталкиваемся с немалыми трудностями, представляется, что он играет особую роль в сохранении власти автократами, имеющими доступ к нефтяным денежным поступлениям.

ТАБЛИЦА 3.3. Бюджетная транспарентность, 2008 г.

Оценки находятся в диапазоне от 1 до 100;

более высокая оценка соответствует более высокой прозрачности.

	Страны		
	Не имеющие запасов	Нефтедобы- вающие	Разница
Только демократии	43,3	56,5	13,2
Только автократии	33,4	18,9	-14,5 *

* значимо на уровне 5% по двустороннему критерию
Уилкоксона — Манна — Уитни.

Источник: Рассчитано на основе данных International Budget Partnership (International Budget Partnership 2008).

Один из способов установления масштабов секретности в государственных финансах состоит в использовании индекса открытости бюджета, позволяющего измерить налогово-бюджетную прозрачность правительств 85 стран мира. Этот индекс исчисляется на основе анализа 91-й наблюдаемой характеристики бюджетов, включая частоту, с которой публикуются важнейшие бюджетные документы, их полноту, а также роль, исполняемую государственными аудиторами. Оценки, получаемые правительствами, ранжируются по шкале от 1 до 100, где более высокие значения показывают большую транспарентность государственного бюджета.³²

В табл. 3.3 представлены оценки на 2008 г. бюджетной транспарентности нефтедобывающих стран и государств, не имеющих запасов углеводородов. В целом, и те и другие имеют примерно одинаковые рейтинги. Однако, если мы рассмотрим отдельно демократии и ав-

32. Индекс открытости бюджета рассчитывается International Budget Partnership. Дополнительная информация об этом замечательном индексе содержится на сайте организации по адресу: <http://www.openbudgetindex.org>.

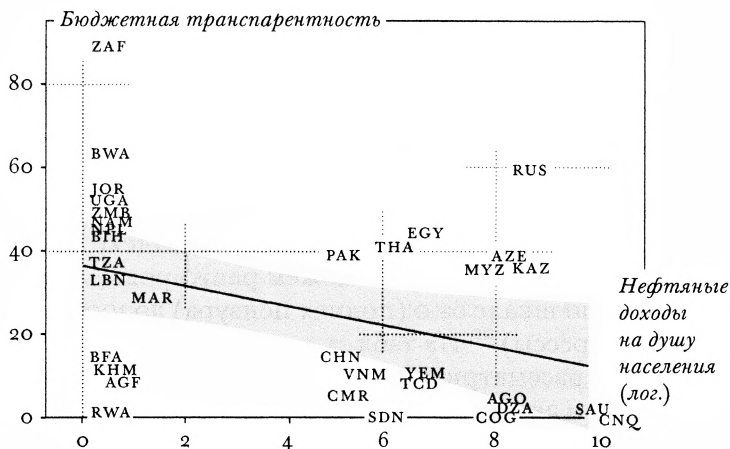

РИС. 3.7. Доходы от продажи нефти и бюджетная транспарентность в авторитарных государствах в 2008 г.

Оценки находятся в диапазоне от 1 до 100; более высокая оценка соответствует большему объему раскрываемой для общественности информации.

Источник: Использовались данные International Budget Partnership (International Budget Partnership 2008).

тократии, перед нами откроется матрица, заключающаяся в том, что среди автократий наименьшую бюджетную прозрачность демонстрируют нефтедобывающие страны, а среди демократий страны—поставщики нефти могут похвастаться несколько более высокой, по сравнению с другими, транспарентностью (впрочем, она не является статистически значимой).

На рис. 3.7 оценки бюджетной транспарентности авторитарных государств отображаются на вертикальной оси, а получаемые ими нефтяные доходы — на горизонтальной оси. Мы видим, что чем больше нефтяное богатство, тем более плотной завесой секретности окутан бюджет государства. Наиболее четко выражена секретность в нефтедобывающих странах Африки: четыре

из пяти самых «непрозрачных» стран региона — Ангола, Чад, Нигерия и Камерун — являются крупными экспортерами нефти. Пять самых транспарентных стран, в число которых входят ЮАР, Ботсвана, Замбия, Уганда и Намибия, имеют незначительные запасы углеводородов или вообще лишены нефти и газа.

Для оценки ограничений, налагаемых на средства массовой информации, используется индекс свободы прессы. Используя его, мы можем ранжировать все страны мира по шкале от 0 (полная цензура) до 100 (полная свобода прессы).³³ Из табл. 3.4 мы видим, что в случае, когда мы рассматриваем все страны вместе, и демократические, и авторитарные, то приходим к выводу, согласно которому в нефтедобывающих государствах имеют место значительные ограничения свободы прессы. Если же мы рассматриваем демократии и авторитарии раздельно, то видим, что в демократических странах нефтяное богатство не оказывает видимого воздействия на прессу (вторая строка). В то же время в авторитариях наличие запасов нефти ассоциируется с более жесткой цензурой средств массовой информации. Диктатуры, располагающие нефтью отличаются большей секретностью, чем те, деятельность которых финансируется благодаря сбору налогов.

Для оценки открытости правительства может использоваться еще один показатель. Моя система аргументов по поводу соотношения нефти и демократии предполагает, что правительство относительно легко соглашается

33. Впервые связь между нефтью и свободой прессы была установлена Георгием Егоровым, Сергеем Гуриевым и Константином Сониним (Egorov, Guriev, and Sonin 2007). Антуан Хойти и Рут Карлиц тщательно проанализировали имеющую место в ресурсно-зависимых странах тенденцию к меньшей бюджетной транспарентности (Heuty and Carlitz 2009). Индекс свободы прессы составляется Freedom House и доступен на сайте организации по адресу: <http://www.freedomhouse.org/template.cfm?page=16>. Я использую обратную шкалу, чтобы привести данные в соответствие с другими показателями качества деятельности правительств различных стран мира.

ТАБЛИЦА 3.4. Свобода прессы в нефтедобывающих странах и в государствах, не имевших запасов углеводородов, в 2006 г.

Оценки бюджетной транспарентности находятся в диапазоне от 1 до 100; большая оценка соответствует более высокой прозрачности.

	Страны		
	Не имеющие запасов	Нефтедобывающие	Разница
Все страны	54,0	44,5	-9,5***
Только демократии	65,7	67,0	1,3
Только автократии	35,5	25,8	-9,7***

*** значимо на уровне 1% в одностороннем *t*-критерии Стьюдента.

Источник: Рассчитано на основе данных Freedom House (Freedom House 2007).

ТАБЛИЦА 3.5. Доступность фискальных данных, 2006 г.

Доля в процентах стран мира, предоставивших Всемирному банку данные по статьям «Государственные доходы» и «Государственные расходы» за 2006 г.

	Страны		
	Не имеющие запасов	Нефтедобывающие	Разница
Данные о доходах	64	50	-14*
Данные о расходах	90	89	-1

* значимо на уровне 10% по двустороннему критерию

Уилкоксона — Манна — Уитни.

Источник: Рассчитано на основе данных Всемирного банка (World Bank n. d.).

ся на отчеты о своих расходах (в силу их популярности), но не желает делиться исчерпывающими сведениями о денежных поступлениях, о своих доходах. Более всего не желают раскрывать сведения о доходах правительства нефтедобывающих стран. В табл. 3.5 представлены

данные по состоянию на 2006 г. (последний год, за который Всемирный банк опубликовал достаточно полные сведения) о части стран, предоставляющих информацию о своих доходах и расходах. Бросаются в глаза два правила: все страны с более высокой степенью вероятности раскрывают данные о расходах, а не о доходах; даже если нефтедобывающие государства публиковали данные о расходах не менее охотно, чем страны не имевшие запасов нефти, они демонстрировали значительно более высокий уровень секретности относительно доходов.

Советское нефтегазовое государство

Широко известные примеры автократий, основывающихся на нефти, — страны Ближнего Востока, а также Северной Африки и Африки к югу от Сахары. Гораздо реже вспоминают в данном контексте о СССР, который на протяжении большей части своей истории занимал второе место в мире по добыче углеводородов. Для завоевания народной поддержки в критических ситуациях советское правительство неизменно полагалось на нефтяные доходы.

В главе 2 объясняется, почему до начала 1970-х гг. правительства большинства нефтедобывающих стран ограничительно контролировали добычу углеводородного сырья. В отличие от них в СССР нефтяная промышленность была национализирована еще в 1917 г. сразу после Октябрьской революции. Денежные поступления от продажи нефти помогали советскому правительству финансировать множество различных социальных проектов, а также субсидировать в значительной степени неэффективную социалистическую экономику. Впрочем, нефтедобыча не поспевала за возрастающими потребностями, и уже к началу 1950-х гг., по словам одного эксперта, ограниченность поставок нефти стала ахиллесовой пятой экономики СССР.³⁴

34. Hassmann 1953, 109.

В 1960-е гг. открытие новых богатейших месторождений нефти и газа в Сибири означало, что СССР превратился в крупнейшего экспортера углеводородов. В результате резкого взлета цен на углеводороды после 1973 г. Кремль внезапно оказался едва ли не «затоплен» денежными потоками. В 1973–1985 гг. экспорт нефти обеспечивал около 80% доходов СССР в конвертируемой валюте.

Согласно историку Стивену Коткину, в 1970-х — начале 1980-х гг. советское руководство использовало непредвиденные доходы для финансирования вторжения в Афганистан, защиты своих восточноевропейских союзников и огромных военных расходов. Внутри страны

...нефтяные деньги позволяли увеличивать заработную плату и расширять льготы и привилегии непрерывно увеличивавшейся в численности советской элиты. Благодаря нефти СССР получил возможность приобретения западных технологий производства автомобилей, синтетических волокон и других потребительских продуктов, а также закупки кормов, необходимых для животноводства. В будущем жители СССР будут с теплотой вспоминать эру [Леонида] Брежнева, когда в государственных магазинах в изобилии были представлены колбасные изделия по субсидированным ценам. Как представляется, нефть позволила СССР благополучно пережить 1970-е гг. Но это лишь отсрочило его неизбежный распад.³⁵

Достигнув пика в 1980 г., в течение следующих шести лет цены на нефть обрушились на 70%, а с ними и денежные поступления от ее продажи, которые получал СССР. Следствием экономического и политического кризиса стал крах советской власти. Согласно предположению Клиффорда Гэдди и Барри Айка:

Советская система в целом была построена на предположении о непрерывном потоке доступной ресурс-

35. Kotkin 2001, 16.

ной ренты, необходимой для ее сохранения. Создание этой нежизнеспособной в принципе структуры означало, что условием ее существования было непрерывное вливание новых и новых ресурсов.³⁶

В 1985–1986 гг. советское руководство попыталось добиться роста доходов государства посредством увеличения объема добычи нефти. Но наиболее богатые месторождения углеводородов находились в эксплуатации уже много лет, и, несмотря на все более отчаянные меры, добыча нефти начала снижаться, что усугубило кризис. В 1986–1991 гг. объем добываемой нефти снизился на 25%. Падение добычи в какой-то степени компенсировалось незначительным ростом мировых цен на нефть. Тем не менее СССР испытывал остройшую необходимость в твердой валюте.

Экономический кризис помог убедить Михаила Горбачева (избранного генеральным секретарем ЦК КПСС в марте 1985 г.) принять решение о начале экономических и политических реформ. Первые выражались в ослаблении государственного контроля над экономикой (перестройка), а вторые предполагали переход к реальному соперничеству кандидатов на выборах в органы власти всех уровней, расширение свободы прессы и объединений (гласность).

Впрочем, в отсутствие достаточного объема свободно конвертируемой валюты, необходимой для обеспечения граждан ключевыми общественными благами, и прежде всего, продовольствием, ни перестройка, ни гласность сами по себе не были достаточными для сохранения устойчивости советской системы.³⁷ На заседании Совета министров СССР, проходившем 17 сентября 1990 г., высшие должностные лица правительства убеждали друг

36. Gaddy and Ickes 2005, 569.

37. Сегодня многие исследователи убеждены в том, что основной причиной краха советской системы стала перестройка. Я хотел бы поблагодарить Дэниела Трейсмена, который привлек мое внимание к этой проблеме.

друга в необходимости поиска путей увеличения добычи нефти, что рассматривалось ими как основное условие предотвращения экономической и политической катастрофы. Как объяснял председатель Госплана (государственное агентство по планированию) Юрий Маслюков:

Мы понимаем, что единственный источник валюты — это экспорт нефти... Я считаю, что надо... пойти на самые решительные меры по дополнительной поставке нефти, под любые условия для нефтяников... У меня такое предчувствие, что если мы сейчас не примем все необходимые решения, то мы следующий год можем провести так, как нам еще и не снилось... По странам может закончиться самым критическим образом. Это все приведет к самому настоящему краху и не только нас, но и всю нашу систему.³⁸

В отсутствие нефтяных доходов, необходимых для финансирования социалистической экономики — пусть неэффективного, но обеспечения граждан почти всеми материальными благами, — власть правительства СССР постепенно ослабевала, пока в декабре 1991 г. не произошел крах системы в целом. На пике развития нефтегазовой отрасли в 1980 г. доходы СССР от продажи нефти и газа составляли около \$3100 в расчете на душу населения. К 1991 г. они сократились примерно на две трети, до \$1050 в расчете на душу.

Однако трагический конец СССР не стал окончанием экономического кризиса теперь уже новой России. В 1998 г. мировые цены на нефть снизились до \$10 за баррель, в результате чего доходы России от продажи нефти в расчете на душу населения уменьшились до \$475 (падение почти на 85% по сравнению с достигнутым в 1980 г. пиком). Это означало банкротство правительства страны, отказавшегося от исполнения обязательств по обслуживанию внутренних займов на миллиарды долларов.

38. Gaidar 2008, 164.

Латинская Америка как исключение из общего правила

Опираясь на результаты своего важного исследования, Тэд Даннинг высказывает предположение, что Латинская Америка сумела противостоять антидемократической мощи углеводородов.³⁹ Вернемся к табл. 3.2, в которой представлены занимавшие первые десять мест по доходам от продажи нефти в расчете на душу населения стран, начиная с 1950 г. перешедших к демократии. Все пять первых государств, осуществивших успешные переходы, представляют Латинскую Америку: Венесуэла (1958 г.), Боливия (1982 г.), Аргентина (1983 г.), Мексика (2000 г.) и Эквадор (2002 г.). Сегодня все нефтедобывающие (как и почти все, не имеющие запасов углеводородов) страны Латинской Америки являются демократическими. Об этом же свидетельствует и кросс-табуляция в нижних рядах табл. 3.1: вероятность демократизации латиноамериканских стран, *обладающих запасами* нефти в два раза выше; в остальном мире вероятность перехода к демократии государств, *не располагающих* запасами углеводородов, более чем в четыре раза выше.

Исследователи предлагают несколько объяснений латиноамериканской аномалии. По мнению Т. Даннинга нефть лишь препятствует демократизации в странах с низкими уровнями неравенства. Но в странах, в которых уровни неравенства высоки, и в частности, в латиноамериканских государствах, нефть «подгоняет» демократизацию, так как ее наличие смягчает тревоги богатых элит относительно того, что установление демократии приведет к экспроприации частных состояний.⁴⁰

Эти рассуждения представляются убедительными, однако с трудом поддаются проверке в силу огра-

39. Dunning 2008.

40. Там же.

ниченности глобальных данных о неравенстве. Кроме того, во многих случаях методы измерений варьируются от одной страны к другой. Более того, для многих зависимых от нефти стран данные о неравенстве просто отсутствуют. Чем больше доходы страны от продажи нефти, тем меньше в ней, как правило, публикуется информации об уровнях неравенства в доходах населения.⁴¹

Альтернативное объяснение может заключаться в том, что нефть лишь препятствует развитию демократии в странах, не имевших опыта жизни в условиях этого политического режима в прошлом.⁴² Согласно рассматривавшейся выше в этой главе модели, нефть способствует росту популярности диктаторов, отчасти потому, что они имеют возможность скрывать истинный масштаб денежных поступлений от продажи углеводородов. Возможно, в стране, в которой в прошлом было установлено демократическое правление, диктатору будет труднее прятать получаемые доходы, так как ее гражданам уже известно из свободной когда-то прессы об истинных масштабах нефтяного богатства страны, что порождает у них скептическое отношение к заявлениям новой власти.

Если все вышесказанное справедливо, то нефтяное богатство будет блокировать демократический переход в странах, граждане которых никогда не жили в условиях демократии. Очевидно, что большинство нефтедобывающих стран Латинской Америки, включая Аргентину, Боливию, Бразилию, Чили, Колумбию, Эквадор и Перу, проходили через ранние этапы демократии. Мексика, не имевшая подобного опыта, медленнее других стран движется по пути демократизации. Переходящая к демократии крупнейшая африканская нефтедобывающая страна — Нигерия — имела опыт этого политического

41. Это еще одна характеристика завесы секретности, окружающей доходы нефтедобывающих государств.

42. Я хотел бы поблагодарить Тулию Фалетти, поделившуюся со мной этой идеей.

режима в начальный период добычи углеводородов. В приложении 3.1 приводятся статистические данные, подтверждающие, что латиноамериканская аномалия, отчасти, может объясняться предшествовавшим демократическим опытом нефтедобывающих стран.

Впрочем, независимо от тех или иных причин, Тэд Даннинг прав: нефть ассоциируется с большей демократией в Латинской Америке, и меньшей демократией в остальном развивающемся мире.

Действительно ли богатство нефтью идет во вред демократиям?

Действительно ли нефтяное богатство является причиной того, что демократические страны становятся менее демократическими? На первый взгляд, наша модель предполагает ответ «нет»: если нефть способствует росту популярности пребывающего у власти правительства, то она должна положительно воздействовать и на автократии, и на демократии. Данные ряда статистических исследований позволяют сделать вывод о наличии тенденции, в соответствии с которой денежные поступления от продажи нефти помогают демократиям оставаться демократиями.⁴³

Однако при более пристальном взгляде на проблему, ответ усложняется. Согласно модели, нефть способствует удержанию у власти нынешнего правительства, независимо от того, является ли оно демократическим или автократическим. Мы можем допустить, что обладающие более сильной властью автократы стремятся к сохранению действующего политического режима, так как это позволяет им оставаться у власти. В то же время находящиеся у власти и получившие дополнительные ее рычаги демократические правители отнюдь не обязательно желают, чтобы их страны оставались демо-

43. Smith 2007; Morrison 2009.

кратиями. В действительности во многих случаях они остаются у власти в течение длительного времени, что делает их страны более автократическими.

Демократии подвержены этой опасности в разной степени. Богатые демократии, чаще всего, вводят более эффективные ограничения на исполнительную власть, поскольку в них велико влияние парламентов и судебной власти. Менее благополучные демократии, как правило, имеют более слабую законодательную власть, более слабые суды, и, соответственно, в них действуют более слабые ограничения на исполнительную власть. В богатых демократиях сдержки и противовесы, удерживающие нынешнее правительство от сосредоточения в своих руках слишком большой власти, должны компенсировать возрастание увеличивающейся, благодаря нефтяным доходам, экономической мощи исполнительной власти. Но в демократиях с низкими и средними доходами возможны ситуации, когда нефтяное богатство помогает нынешней исполнительной власти аккумулировать политическое влияние, достаточное для того, чтобы разрушить систему сдержек и противовесов, которые в ином случае обеспечили бы сохранение демократического правления.

Следовательно, нефтяное богатство может привести к тому, что в демократической стране с низкими доходами может начаться процесс ограничения демократии. Количество нефтедобывающих демократий с низкими и средними доходами не слишком велико, и мы не имеем возможности проверить данное положение и получить в значительной степени достоверные результаты. Тем не менее некоторые, относительно слабые свидетельства в его поддержку представлены в табл. 3.6, в которой содержатся данные о годовой норме демократических неудач (вероятность перехода демократического правительства к диктатуре в течение года) для всех стран начиная с 1960 г. и заканчивая 2008 г. Мы видим, что в целом в нефтедобывающих странах демократические неудачи представляют собой *менее* общее явление.

ТАБЛИЦА 3.6. Переходы к авторитаризму в 1960–2006 гг.
Доля стран, перешедших в данном году от демократического к авторитарному правлению, в %

	Страны		
	Не имеющие запасов	Нефтедобывающие	Разница
Все страны и периоды	1,9	1,17	–0,72
по доходам			
Низкий доход (< \$5000)	3,32	2,97	–0,35
Высокий доход (> \$5000)	0,28	0,46	0,18
по периоду			
1960–1979 гг.	3,7	0,74	–2,95**
1980–2008 гг.	1,08	1,3	0,21
по доходам и периоду			
Низкий доход, 1980–2006 гг.	1.86	3,33	1,46

** значимо на уровне 5%, в одностороннем t-критерии Стьюдента.

Источник: Рассчитано по данным из работы Х. Чейбуба, Дж. Ганди и Дж. Вреланда (Cheibub, Gandhi, and Vreeland 2010).

ние, хотя различие не является статистически значимым (первая строка). Даже в том случае, если мы разделим страны в зависимости от доходов (вторая и третья строки), мы приходим к выводу, что демократические фиаско в нефтедобывающих странах незначительно отличаются от провалов демократии в странах, не располагающих значительными запасами углеводородов.

К тому же мы обязаны учитывать фактор времени. Ранее мы видели, что после происходивших в 1970-х гг. трансформаций нефть оказывала сильное антидемократическое воздействие. В соответствии с данными, представленными в четвертой и пятой строках табл. 3.6, на протяжении 1960–1979 гг. количество демократических неудач в нефтедобывающих странах резко сократилось. Начиная с 1980 г. они немного участились, но различие является статистически незначимым.

Когда мы рассматриваем оба фактора вместе, обращаясь к демократиям с низкими доходами после 1980 г. (шестая строка), оказывается, что в нефтедобывающих государствах демократические неудачи стали встречаться значительно чаще, хотя различие не достигает уровня статистической значимости в одностороннем t-критерии Стьюдента. В приложении я показываю, что в том случае, когда мы контролируем искажающие факторы, между нефтью и демократическими неудачами, особенно в странах с низкими доходами и особенно после 1980 г., прослеживается статистически значимая связь.⁴⁴

К числу нефтедобывающих демократических стран относятся лишь несколько богатых промышленно развитых государств, что не позволяет признать эти корреляции значимыми. Но на практическом уровне мы можем выделить признаки, свидетельствующие о том, что нефть способствует упрочению положения демократически избранных властей, открывая возможность преодолевать налагаемые демократией ограничения.

Один из наиболее ярких примеров — США. Большая часть американской нефтяной промышленности регулируется не федеральным правительством, а властями штатов. Последние получают значительную часть денежных поступлений от продажи нефти. Если бы нефтяное и газовое богатство способствовали упрочению власти американских политиков, это в наибольшей степени проявлялось бы на уровне штатов. В соответствии с данными исследований Эллис Гольдберг, Эрика Вибелса и Эрика Мвукиайхе, а также Джастина Вулферса, действительно, в штатах, получающих нефтяные доходы, вероятность переизбрания уже находившихся у власти губернаторов, была существенно выше. При этом

44. Это согласуется с данными Натана Дженсена и Леонарда Уонтчекона, демонстрирующими безусловное воздействие нефти на демократические неудачи в странах Африки, расположенных к югу от Сахары (Jensen and Wantchekon 2004). Возможно, это связано с тем, что речь идет о регионе, в который входят страны с относительно низкими доходами.

они побеждали соперников с большим разрывом в голосах избирателей.⁴⁵

Вероятно, самым показательным случаем является пример штата Луизианы. В начале 1920-х гг. его губернатору Хью Лонгу благодаря нефтепопулизму удалось добиться беспрецедентно высокого уровня политического влияния. После повышения налога на нефтяные компании Х. Лонг использовал полученные деньги для финансирования строительства новых дорог и больниц, бесплатных учебников для школьников и патронажа поддерживавших губернатора законодателей и местных политиков. Столь щедрые «дары» позволили Х. Лонгу приобрести огромную популярность и огромную власть. Губернатор лично осуществлял цензуру неугодных ему газет, ограничивал финансирование находившихся в оппозиции местных властей, принимал на работу и увольнял служащих различных учреждений штата (вплоть до уровня заместителей шерифа и школьных учителей).⁴⁶ Благодаря нефтяным доходам Луизианы, по своим властным полномочиям Х. Лонг (и наследовавшие ему родственники-политики) «гораздо больше напоминал южноамериканского диктатора, чем главу исполнительной власти любого другого штата».⁴⁷

Эрозия демократии в Луизиане в 1920–1930-е гг. может рассматриваться как предвестие ухудшения ее состояния во многих демократических странах с низкими доходами в последующие годы. Бум нефтяных цен в 2000–2008 гг. способствовал тому, что популярные избранные лидеры многих нефтедобывающих стран использовали эту возможность для избавления от ограничений на власть:

- Президент Азербайджана Ильхам Алиев провел в марте 2009 г. референдум, по результатам которо-

45. Goldberg, Wibbels, and Mvukiyeh 2009; Wolfers 2009.

46. Williams 1969.

47. Key 1949, 156. О нефтяной политике в Техасе и Луизиане см.: Goldberg, Wibbels, and Mvukiyeh 2009.

го были отменены ограничения на время его пребывания на посту главы государства. Несмотря на бойкот со стороны оппозиции, по данным властей, предлагавшиеся в нем конституционные поправки были одобрены 90% избирателей, принимавших участие в голосовании.

- На проходивших в Нигерии в 2007 г. выборах безоговорочную победу одержала правящая Народная демократическая партия. Ее представитель стал президентом страны. Партия получило большинство в палате представителей парламента и сенате. И наконец, ее члены возглавили 29 из 36 провинций Нигерии. И местные, и международные наблюдатели сообщали о широкомасштабных подтасовках результатов выборов в пользу Народной демократической партии. Согласно докладу Международной кризисной группы, прошедшие выборы характеризуются небывалыми в истории страны массовыми фальсификациями.⁴⁸
- По мнению многих иностранных и местных наблюдателей, переизбрание президента Ирана Махмуда Ахмадинежада в июне 2009 г. сопровождалось многочисленными нарушениями. Правительство М. Ахмадинежада подавило последовавшие за выборами протесты благодаря Корпусу стражей исламской революции. Правительство заключило с принадлежавшими корпусу предприятиями большое количество различных контрактов, включая договора на поставки нефти, на миллиарды долларов.⁴⁹
- В течение последнего десятилетия президент Венесуэлы Уго Чавес капитализировал растущие цены на нефть для финансирования проектов, способствовавших росту его популярности среди ключевых аудиторий, включая семьи с низким доходами и военных. Затем он использовал это преимущество для устранения системы независимых сдержек и про-

48. О других африканских примерах см.: Posner and Young 2007.

49. Wehrey et al. 2009.

тивовесов исполнительной власти (например, для замены отказавших президенту в поддержке членов Верховного суда и введения новых ограничений на деятельность средств массовой информации).⁵⁰ В феврале 2009 г. Чавес победил на общенациональном референдуме, в соответствии с которым были сняты ограничения на пребывание в должности должностных лиц государства, что позволяет ему оставаться у власти неопределенно долгое время.

Снова Россия

На примере СССР мы убедились, что денежные поступления от продажи нефти способны продлить авторитарное правление. Анализируя опыт России, начиная с 1998 г., мы видим, что нефтяные доходы способны поставить под угрозу слабую демократию, поскольку они ведут к росту популярности избранной действующей власти, которая постепенно устраняет ограничивающую ее систему сдержек и противовесов.

Снижение денежных поступлений от продажи нефти и газа ускорило пришедшееся на 1998 г. банкротство находившегося в то время у власти правительства. Но следствием слабости государственных финансов были если и не полная демократия, то относительно широкие гражданские свободы, свобода прессы и реальная политическая конкуренция. Начавшееся в 2000-х гг. восстановление российской нефтяной промышленности означало одновременный упадок демократии. Общая картина этого процесса наглядно представлена на рис. 3.8, на котором отображено соотношение уровня демократии в России и доходов от продажи углеводородов в 1980–2007 гг.

В 2000–2006 гг. быстро растущий углеводородный сектор России сыграл важнейшую роль в поразительном

50. International crisis Group 2007.

РИС. 3.8. Нефть и демократия в СССР и России в 1980–2007 гг.

Уровни демократии рассчитаны в соответствии с данными проекта Polity IV. Оценки Polity были преобразованы таким образом, чтобы отобразить их на шкале от 1 до 10, где 10 соответствует полной демократии.

Источник: Рассчитано на основе данных, представленных в работе М. Маршалла и К. Джаггерса (Marshall and Jaggers 2007).

экономическом восстановлении: реальные доходы увеличились на 48%, безработица сократилась с 9,8% до 6%, а доходы государства от продажи нефти возросли более чем в семь раз, с \$14,5 млрд до \$107 млрд (в постоянных долларах 2000 г.)⁵¹.

Отчасти рост углеводородного сектора был обусловлен повышением объемов добычи: в 2000–2006 гг. добыча нефти увеличилась на 43%, а природного газа —

51. International Monetary Fund 2007. Предложив модель российской экономики, Пааво Суни показывает, что экономический бум был во многом обусловлен растущими ценами на нефть и природный газ (Suni 2007). В отсутствие ценового скачка в 2006 г. рост ВВП составил бы не более 6%, а менее чем 1%.

на 12%. В то же время большая часть бума нефтяных доходов была вызвана повышением цен: в 2000–2006 гг. цена на нефть возросла в два раза, а природного газа — более чем на 150%. Благодаря неожиданным доходам Россия расплатилась по старым долгам. Бюджетный дефицит сменился излишком. Это позволило сократить наивысшую предельную ставку налога на корпорации с 35 до 24%, а подоходного налога для физических лиц — с 35 до 13%⁵².

Увеличение бюджетных доходов и расходов и более низкие ставки налогов стали отражением способности Владимира Путина восстановить контроль над нефтяным сектором, значительная часть которого была приватизирована в начале 1990-х гг.⁵³ Перемещение этих колоссальных богатств в частный сектор привело к ослаблению российского государства, столкнувшегося с проблемой сбора налогов, которые должны были уплачивать крупные корпорации, следствием чего стали трудности с финансированием государственных услуг и поддержанием равновесия бюджета. Одновременно приватизация означала, что владельцы этих крупных фирм приобрели огромное политическое влияние. Руководитель нефтяного гиганта «Сибнефть» Борис Березовский создал собственную медиаимперию и был одним из самых активных участников политической жизни Кремля. Как сообщают, Михаил Ходорковский, руководитель нефтяной группы «ЮКОС» и один из богатейших людей мира, предложил двум российским либеральным партиям, «Яблоку» и Союзу правых сил \$100 млн за то, чтобы они совместными усилиями про-

52. Возможно, описание этих изменений как «урезание налогов» является не совсем точным: благодаря улучшению собираемости налогов эти изменения привели к увеличению налоговых поступлений. Я хотел бы поблагодарить Дэна Трейсмана, указавшего на это обстоятельство.

53. Проблемы управления природными ресурсами России тщательно рассматривались В. Путиным задолго до того, как он вступил на политическую стезю. См.: Balzer 2009.

тивостояли политике В. Путина. Ему удалось успешно блокировать предпринимавшиеся парламентом в 2001–2002 гг. попытки повышения налогообложения нефтедобывающих компаний. Выступивший с критикой отказа «ЮКОСа» от уплаты налогов мэр Нефтеюганска, в котором находилась штаб-квартира основного добывающего подразделения компании, был убит⁵⁴.

После политического разрыва с В. Путиным в 2001 г. Б. Березовский бежал в Лондон. Через два года в России был арестован М. Ходорковский, впоследствии приговоренный за уклонение от уплаты налогов и мошенничество к лишению свободы на восемь лет. Кроме того, российское правительство инициировало продажу «ЮКОСа» по значительно заниженной цене государственной нефтяной компании «Роснефть»⁵⁵. В 2006 г. оно вынудило международные нефтяные компании передать контроль над крупным проектом, осуществлявшимся на острове Сахалин, контролируемому государством «Газпрому». Эти и другие меры позволили государству вернуть в сферу своего влияния значительную часть российских запасов нефти и газа, либо непосредственно передав их контролируемым правительством компаниям, либо косвенно, посредством повышения эффективности государственного регулирования.

Российский нефтяной бум способствовал деградации демократии, обусловленной увеличением доступных правительству финансовых ресурсов, по крайней мере начиная с того времени, как В. Путин восстановил государственный контроль над нефтедобывающей отраслью⁵⁶.

54. Goldman 2004; Rutland 2006.

55. Myers and Kramer 2007.

56. Ученые расходятся во мнении относительно роли углеводородов в современной российской политике. По мнению Стивена Фиша, нефтяное, газовое и вообще сырьевое богатство России действительно отрицательно повлияло на уровень развития демократии, но по нескольким иным причинам: оно способствовало росту коррупции в 1990-х гг., что вынудило граждан от-

❧ ПРИЛОЖЕНИЕ 3.1 ❧ *Статистический анализ нефти и демократии*

Для того чтобы проиллюстрировать статистические связи между нефтяными доходами и тремя возможными исходами — демократическими переходами, неудачами демократий и поддержкой демократии, — в этом приложении используются множественные регрессии.⁵⁷

Рассматривавшаяся в главе 3 модель предполагает существование пяти матриц, которые могут быть переформулированы в следующие гипотезы:

Гипотеза 3.1. Если правительство авторитарного государства получает относительно большие нефтяные доходы в расчете на душу населения, вероятность его перехода к демократии снижается.

Гипотеза 3.2. Начиная с 1980 г. вероятность того, что нефтяные доходы будут препятствовать демократии,

дать предпочтение более автократической по своему характеру власти, которая была более эффективной в борьбе с этим негативным явлением; одновременно упрочился «экономический этатизм», выразившийся в более жестком контроле государства над экономикой (Fish 2005). Согласно Д. Трейсмону, воздействие нефти на развитие российской демократии было относительно невелико (Treisman 2010).

57. Речь идет об относительно простом анализе. В более инновационных исследованиях нефти и демократии для оценки воздействия нефтяного богатства на демократию используются инструментальные переменные (см.: Ramsay 2009; Tzui 2011). В другом инновационном исследовании, проведенном Оуэном Макгуарком, анализируются первичные данные, полученные благодаря опросам общественного мнения в 15 африканских странах (Guirk 2010). Оказалось, что следствием большего богатства страны природными ресурсами становится снижение уровня собираемости налогов, что в свою очередь ведет к сокращению потребности в свободных и честных выборах.

по сравнению с предшествовавшим периодом, становится выше.

Гипотеза 3.3. Вероятность перехода к демократии снижается, если авторитарное правительство имеет более высокие расходы по сравнению с воспринимаемыми доходами государства.

Гипотеза 3.4. Вероятность перехода к демократии снижается, когда авторитарная власть богатой нефтью страны накладывает более жесткие ограничения на деятельность средств массовой информации и имеет менее прозрачный, по сравнению с другими государствами, бюджет.

Гипотеза 3.5. Когда в демократиях с низким доходом денежные поступления от продажи нефти в расчете на душу населения возрастают, повышается и вероятность перехода этих стран к авторитаризму.

Демократические переходы

Для того чтобы увидеть, действительно ли нефтяные доходы страны коррелируют с вероятностью ее перехода к демократии в будущем, я использовал два альтернативных показателя типа политического режима: дихотомическую меру демократии-автократии, которая была подвергнута логит-оценке (логистической оценке); а также шкалу с 21 делением, для оценки которой я использовал метод наименьших квадратов (МНК).

Средства оценки максимальной вероятности, такие как логистические, позволяют оценить вероятность дискретного события. Тем самым мы получаем возможность должным образом определить, действительно ли нефтяной доход коррелирует с вероятностью того, что авторитарное государство будет переходить к демократии. Модель МНК используется для того, чтобы увидеть, коррелируют ли углеводородные доходы с менее

заметными изменениями в политическом режиме. Кроме того, они весьма полезны с точки зрения проверки устойчивости. Недостаток модели МНК заключается в том, что ее применение влечет за собой необходимость рассмотрения связи между нефтяным доходом и политическими режимами всех типов, варьирующихся от полной демократии до полной автократии. Следовательно, мы не имеем возможности использовать ее для того, чтобы провести различие между воздействиями нефти на демократические переходы и на демократические неудачи.⁵⁸

Зависимая переменная

В логит-оценках в качестве зависимой переменной используется *демократический переход* — фиктивная переменная, которой присваивается значение «1» в году, в котором авторитарное правление сменяется демократическим. Во всех остальных случаях ее значение равно «0». Она выводится из дихотомической меры демократия — автократия, разработанной А. Пшеворским и его коллегами и обновленной Хосе Чейбубом, Дженнифер Ганди и Джеймсом Вреландом.⁵⁹

Для оценок с использованием МНК в качестве независимой переменной был выбран *политический режим*, определяемый в соответствии с данными из проекта Polity IV. Шкала оценок варьируется от -10 (полная ав-

58. Впервые на это обстоятельство указал Дж. Ульфельдер (Ulfelder 2007).

59. Przeworski et al. 2000; Cheibub, Gandhi, and Vreeland 2010. Эти исследователи определяют существующие политические режимы как демократические, если они соответствуют следующим условиям: глава исполнительной власти и законодателя избираются, имеется, по крайней мере, две политические партии и в стране произошла, по крайней мере, одна смена власти. В своем анализе я во многом иду вслед за Джеймсом Ульфельдером, построившим проверку схожей пары гипотез на рассмотрении хроники событий, но использовавшим собственную меру дихотомической автократии — демократии (Ulfelder 2007). Независимо друг от друга мы получили во многом схожие результаты.

тократия) до 10 (полная демократия).⁶⁰ Для того чтобы упростить интерпретацию, я изменил шкалу значений от 1 до 10 (более высокие значения соответствуют более высокому уровню демократии). И данные Х. Чейбуба, Дж. Ганди и Дж. Вреланда, и данные Polity IV охватывают 170 суверенных стран по состоянию на 2000 г., численность населения которых превышает 200 тыс. человек. Логит-оценки охватывают 1960–2006 гг., а оценки МНК — 1960–2004 гг.

Независимые и контрольные переменные

Независимой исковой переменной является натуральный логарифм нефтяного дохода страны в расчете на душу населения. *Логарифмический нефтяной доход* отображает стоимостной объем добычи нефти и природного газа в стране, выраженный в постоянных долларах 2000 г. и отнесенный к среднегодовой численности ее населения (более подробно см. приложение 1.1). Поскольку распределение доходов от продажи нефти между странами является в высшей степени асимметричным (большинство стран в любом данном году не добывали ни нефти, ни газа), мне и пришлось использовать логарифмические значения.

И в логистическую модель, и в модель МНК я включаю переменную *дохода*, которая измеряется как натуральный логарифм дохода в расчете на душу населения в соответствии с данными *World Development Indicators* Всемирного банка; отсутствующие в нем сведения были восполнены показателями, предоставленными Аланом Хестоном, Робертом Саммерсом и Беттиной Атен.⁶¹ В большинстве предшествующих исследований демократизации предполагается, что доход является фактором, имеющим решающее значение: рост доходов означает повышение степени вероятности того, что

60. Marshall and Jaggers 2007.

61. Heston, Summers, and Aten n. d.

в будущем страна перейдет к демократическому правлению.⁶²

В логит-модели используется также переменная, позволяющая учитывать продолжительность зависимости. *Длительность режима* представляет собой натуральный логарифм количества лет начиная с 1946 г., в течение которых в стране существовало авторитарное правление; она отображает базисный уровень риска. В разделе об устойчивости я показываю, что полученные результаты не зависят от допущений относительно уровня риска.

Для того чтобы добиться снижения сериальной корреляции в модели МНК, я использую авторегрессионный процесс первого порядка (AR1), включающий изолированную зависимую переменную в качестве контрольной и наблюдения относительно каждого пятого года начиная с 1960 г.⁶³

И логистическая модель, и модель МНК включают в себя серии фиктивных переменных периода — по одной на каждые пять лет начиная с 1960 г., — для того чтобы контролировать временные матрицы и совпадающие по времени шоковые воздействия.

После рассмотрения базисной модели, которая включает в себя лишь две контрольные переменные (придерживаясь «правила трех» К. Эйкена, по крайней мере, если не учитывать фиктивные переменные периода), я добавил три дополнительные контрольные переменные, чтобы убедиться в устойчивости результатов к их

62. Londregan and Poole 1996; Boix and Stokes 2003; Epstein et al. 2006.

Поскольку получаемый страной доход зависит от ее нефтяного богатства, его включение в модель может привести к систематическим ошибкам в оценках действительного воздействия нефти. Более общий вариант этой проблемы описывается в главе 7 как «ошибка деревенщины с Беверли-Хиллз» или «ошибка незамеченного бремени». Поскольку я уже проиллюстрировал бивариантные отношения между нефтью и этими исходами в главе 3 (используя критерий, основанный на разности выбороочных средних и диаграммы рассеяния), здесь этим ошибкам уделяется меньшее внимание.

63. См. Acemoglu et al. 2008; Aslaksen 2010.

включению.⁶⁴ Первая из них учитывает историю развития демократии в стране. В некоторых исследованиях высказывается предположение, согласно которому, в тех случаях, когда страна имеет предшествовавший опыт демократии, вероятность последующего демократического перехода в ней повышается.⁶⁵ Если страна в течение хотя бы одного года начиная с 1946 г. находилась в условиях демократического правления, то фиктивной переменной *предшествовавшего опыта демократии* присваивалось значение «1».

В качестве второй переменной использовался *экономический рост*, измерявшийся как ежегодное изменение дохода в расчете на душу населения в каждой из стран. Согласно некоторым исследованиям, экономический рост способствует выживанию автократий.⁶⁶

Третья дополнительная контрольная переменная — *мусульманское население*; она определяется как доля мусульман в общей численности населения страны. Соответствующие данные были заимствованы из работы Дэвида Баррета, Джорджа Куриана и Тодда Джонсона; недостающие сведения — из интернет-публикации *CIA World Factbook*.⁶⁷ Как полагают некоторые ученые, страны, в которых доля исповедующего ислам населения выше, чем в других, характеризуются меньшей степенью вероятности перехода к демократии.⁶⁸

Все находящиеся в правой части переменные (за исключением фиктивных переменных периода и *предшествовавшего опыта демократии*), запаздывают (взяты с лагом) либо на один год (в логит-моделях) либо на пять лет (в моделях МНК). Регрессионный анализ осуществлялся с помощью компьютерной программы Stata 11.1.

64. Achen 2002.

65. См., например: Gassebner, Lamla, and Vreeland 2008.

66. Haggard and Kaufman 1995; Przeworski et al. 2000; Epstein et al. 2006; Gassebner, Lamla, and Vreeland 2008.

67. Barrett, Kurian, and Johnson 2001; <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook>.

68. Midlarsky 1998; Fish 2002; Donno and Russett 2004.

Результаты

Результаты логит-оценок представлены в табл. 3.7. Для того чтобы упростить отображение, я опускаю константы и фиктивные переменные периода.

Первый столбец включает в себя лишь две контрольные переменные. В то время как коэффициенты находятся в ожидаемых направлениях, ни одна из переменных не является статистически значимой. Во втором столбце отображается *нефтяной доход*, отрицательно коррелирующий с демократическим переходом и статистически значимый на уровне 0,05. Это соотносится с *гипотезой 3.1*, в соответствии с которой более высокие уровни нефтяного дохода обуславливает снижение вероятности перехода к демократии.

В колонках три и четыре отдельно рассматриваются два временных периода — 1960–1979 гг. и 1980–2000 гг. В первом из них (колонка три) значение коэффициента *нефтяного дохода* резко снижается и утрачивает статистическую значимость. Во втором периоде значение коэффициента *нефтяного дохода* восстанавливается и его статистическая значимость возвращается. Это согласуется с *гипотезой 3.2*, предполагающей возрастание антидемократического (или действующего в пользу правящей власти) эффекта нефти начиная с 1970-х гг.⁶⁹

Пятый столбец включает в себя переменную взаимодействия *нефтяного дохода* с фиктивной переменной Латинской Америки. Тем самым мы получаем возможность проверить утверждение Т.Даннинга, в соответствии с которым в Латинской Америке нефть способствует демократизации, а во всех остальных частях мира она яв-

69. Для периода 1960–1979 гг. доля недостающих наблюдений составляет примерно четверть (в основном, в силу отсутствия данных о доходе). С проблемой недостающих данных мы сталкиваемся и в табл. 3.8, в столбцах три, шесть и семь. Поскольку отсутствие необходимых данных едва ли является случайным, они могут повлиять на мои результаты самым неожиданным образом.

ТАБЛИЦА 3.7. Переходы к демократии в 1960–2006 гг.

Логит-оценки вероятности начала демократического перехода в авторитарном государстве в данном году. Все оценки включают в себя серии годовых фиктивных переменных (не показаны). Все переменные, за исключением предшествовавшего опыта демократии, отстают на один год. Каждая оценка включает серии пятилетних фиктивных переменных периода (не показаны). Оценки устойчивости стандартных ошибок заключены в круглые скобки.

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Доход (лог.)	0,1394 (0,150)	0,332* (0,171)	0,406 (0,254)	0,124 (0,134)	0,256 (0,168)	0,225 (0,162)
Длительность режима	-0,001747 (0,178)	-0,0457 (0,181)	-0,122 (0,303)	-0,438*** (0,141)	0,00964 (0,181)	0,387* (0,229)
Нефтяной доход (лог.)	— (—)	-0,179** (0,0787)	-0,0783 (0,114)	-0,129** (0,0594)	-0,292*** (0,0921)	-0,197** (0,0897)
«Нефтяной доход (лог.)* Латинская Америка»	— (—)	— (—)	— (—)	— (—)	0,673*** (0,152)	0,4154*** (0,143)
Предшествовавший опыт демократии	— (—)	— (—)	— (—)	— (—)	— (—)	1,915*** (0,465)
Экономический рост	— (—)	— (—)	— (—)	— (—)	— (—)	-0,0536*** (0,0168)
Мусульманское население	— (—)	— (—)	— (—)	— (—)	— (—)	-0,720 (0,551)
Годы	Все	Все	1960–1979	1980–2006	Все	Все
Количество стран	125	125	89	121	125	125
Количество наблюдений	3639	3507	1297	2210	3507	3422
Доля недостающих наблюдений	10,5%	13,7%	23,5%	6,6%	13,7%	15,8%

* значимое на уровне 10%, ** значимое на уровне 5%; *** значимое на уровне 1%.

ляется препятствием на пути к демократии.⁷⁰ Переменная является статистически значимой на уровне 0,01, что

70. Dunning 2008. Поскольку у нас отсутствуют сколько-нибудь значимые причины, которые обуславливали бы другие отличия стран Латинской Америки от остальных государств, я не вклю-

согласуется с утверждением Т. Даннинга. Более того, ее включение обуславливает рост и абсолютного значения, и статистической значимости переменной *нефтяной доход* — подразумевается, что если мы учитываем эффекты упрочения, благодаря нефти, демократии в Латинской Америке, то ее отрицательное воздействие на развитие демократии в остальном мире является более значительным, по сравнению с предшествующей оценкой.

Шестой столбец отображает модель, в которую включены остальные три контрольные переменные — *предшествовавший опыт демократии, экономический рост и мусульманское население*. Первая и вторая переменные в значительной степени коррелируют с *демократическими переходами* в ожидаемых направлениях, и их включение вызывает снижение примерно на одну треть коэффициента *нефтяного дохода*. Но *нефтяной доход* по-прежнему в значительной степени коррелирует с *демократическими переходами*.

В табл. 3.8 представлены оценки, полученные с помощью моделей МНК.⁷¹ Первый столбец включает толь-

чаю в модель фиктивный латиноамериканский фактор. В случае его рассмотрения в этой модели или в модели МНК (табл. 3.8, пятый столбец), он не является статистически значимым и не оказывает влияния на другие переменные, либо его влияние незначительно.

71. Используемая здесь модель МНК имеет значительное сходство с моделью, построенной на основе метода обобщенных наименьших квадратов (Ross 2001a). В ней используются те же запаздывающие зависимые переменные, схожий набор контрольных переменных, серии фиктивных переменных периода, а также пятилетний лаг во времени для находящихся в правой части уравнения переменных. Ключевые различия между этими моделями состоят в следующем: в модели МНК данные охватывают большее количество стран (170 вместо 113) и рассматривается более протяженный временной период (1960–2004 гг. вместо 1971–1997 гг.); в качестве каузальной переменной теперь используется *нефтяной доход* (лог.) а не экспорт нефти, представленный как его доля в ВВП; и вместо использования ежегодных наблюдений, для того чтобы сократить автокорреляцию, я обратился к наблюдениям за каждый пятый год.

ТАБЛИЦА 3.8. Уровни демократии в 1960–2006 гг.

Коэффициенты МНК-регрессии; зависимой переменной является оценка политического режима в стране. Наблюдения были сделаны на интервалах в 5 лет. Все оценки включают запаздывающую зависимую переменную и полный набор фиктивных переменных периода (не показаны) и использование AR (1) процесса. Все другие объясняющие переменные запаздывают на один период. Оценки устойчивости стандартных ошибок заключены в круглые скобки.

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)
Политический режим (запаздывающая переменная)	0,652*** (0,0232)	0,620*** (0,0236)	0,698*** (0,0355)	0,697*** (0,0270)	0,616*** (0,0235)	0,432*** (0,0289)	0,151*** (0,0369)
Доход (лог.)	0,348*** (0,0529)	0,508*** (0,0590)	0,487*** (0,0904)	0,354*** (0,0636)	0,518*** (0,0577)	0,439*** (0,0649)	-0,0628 (0,266)
Нефтяной доход (лог.)	— (—)	-0,165*** (0,0287)	-0,100** (0,0455)	-0,152*** (0,0298)	-0,205*** (0,0297)	-0,136*** (0,0352)	-0,0755 (0,0882)
«Нефтяной доход (лог.) * Латинская Америка»	— (—)	— (—)	— (—)	— (—)	0,223*** (0,0515)	0,0961 (0,0590)	0,570*** (0,199)
Предшествовавший опыт демократии	— (—)	— (—)	— (—)	— (—)	— (—)	1,474*** (0,192)	— (—)
Экономический рост	— (—)	— (—)	— (—)	— (—)	— (—)	-0,858 (0,807)	— (—)
Мусульманское население	— (—)	— (—)	— (—)	— (—)	— (—)	-1,022*** (0,256)	— (—)
Постоянные эффекты?	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Да
Годы	1960–2004	1960–2004	1960–1980	1985–2004	1960–2004	1960–2004	1960–2004
Количество стран	170	170	124	170	170	170	167
Наблюдения	1032	1032	414	618	1032	903	862
Недостающие наблюдения	14,1%	14,1%	21,1%	8,7%	14,1%	24,9%	28,3%

** значимо на уровне 5%; *** значимо на уровне 1%.

ко доход и запаздывающую зависимую переменную; обе они являются в высшей степени значимыми как фиктивные переменные периода (не показаны). Во втором столбце я добавил *нефтяной доход*; это тоже высоко значимая переменная, которая отрицательно коррелирует с политическим режимом, что согласуется с *гипотезой 3.1*.

Столбцы три и четыре охватывают периоды 1960–1980 гг. и 1985–2004 гг., соответственно. В обоих периодах *нефтяной доход* значимо коррелирует с *политическим режимом*, хотя во втором из них, величина коэффициента *нефтяного дохода* примерно на 50% выше. Это согласуется с *гипотезой 3.2* (о возрастании антидемократических эффектов нефти после 1970-х гг.). В пятую колонку модели включено условие взаимодействия «*нефтяной доход*Латинская Америка*», для того чтобы вновь показать эффект Т. Даннинга. В данном случае имеет место положительная корреляция, а соответствующее включение обуславливает еще большее увеличение значения коэффициента *нефтяного дохода*. В шестом столбце добавление трех контрольных переменных ведет к уменьшению значения коэффициента *нефтяного дохода* примерно на одну треть, но *нефтяной доход (лог.)* по-прежнему значимо ассоциируется с более низкими оценками *политического режима*. Включение других контрольных переменных, в первую очередь, *предшествовавшего опыта демократии*, приводит к тому, что коэффициент переменной «*нефтяной доход*Латинская Америка*» уменьшается более чем на 50% и утрачивает статистическую значимость. Это согласуется с моим утверждением о том, что нефть может способствовать демократическим переходам в странах Латинской Америки, поскольку эти государства имели предшествовавший опыт демократии, «разведающий» завесу секретности над денежными поступлениями, имеющую существенно важное значение с точки зрения антидемократического воздействия нефти.

Следствием введения постоянных эффектов (седьмой столбец) становится утрата статистической значи-

мости *нефтяным доходом*, а также *доходом* и фиктивными переменными периода. Полученный результат может иметь несколько объяснений. Возможно, *нефтяной доход* оказывает долгосрочные воздействия на типы режима власти, которые становятся очевидными в межстрановых сопоставлениях; труднее выявить их на непродолжительных периодах времени. Поэтому они никак не проявляются в корреляциях в рамках одной страны.⁷² В данном случае мы сталкиваемся с хорошо известным недостатком моделей постоянных эффектов: они не справляются с задачей установления корреляций в случаях медленных изменений зависимой переменной, как в случае с переменной *политический режим*.⁷³ Для того чтобы устранить эту проблему, Силве Аслаксен предлагает проводить оценку с помощью системного метода обобщенных моментов (МОМ), разработанного Ричардом Бланделом и Стивеном Бондом. В случае медленного изменения ключевых переменных этот метод превосходит нашедший широкое применение в моделировании по методу Монте-Карло метод МОМ первого порядка.⁷⁴ С помощью этого нового метода С. Аслаксен обнаружила, что нефтяной доход страны, безусловно, коррелирует с авторитарным правлением, даже в присутствии постоянных эффектов.

Стивен Хабер и Виктор Менальдо приходят к выводу, согласно которому в моделях, включающих наравне с запаздывающими переменными постоянные страновые эффекты, исчезает отношение между нефтяным бо-

72. Данные исследования, проведенного Джефффри Колганом, позволяют предположить, что если в долгосрочном периоде нефть оказывает отрицательное воздействие на развитие демократии, то краткосрочные колебания уровня нефтяных доходов оказывают лишь незначительное непосредственное воздействие (Colgan 2010b).

73. Beck, Katz, and Tucker 1998.

74. Aslaksen 2010; Blundell and Bond 1998. Вывод о том, что в моделях постоянных эффектов нефть влечет за собой ограничение демократии, поддерживается Шарлоттой Вергер (Werger 2009) и Дэниелом Трейсменом (Treisman 2010).

гатством и демократией (они использовали метод оценки МОМ Ареллано — Бонда).⁷⁵ По мнению С. Аслаксен, в тех случаях, когда ключевые переменные (такие как нефтяной доход и демократия) отличаются более высокой степенью устойчивости, метод оценки Ареллано — Бонда подвержен проблеме слабости инструментов и уступает системному методу МОМ Бландела — Бонда.

Демократические неудачи

В модели демократических неудач используются переменные, во многом уже знакомые нам по модели демократических переходов. Зависимая переменная *демократическая неудача* является фиктивной и обозначает переход от демократического к авторитарному правлению, определяемым на основе набора данных Чейбуба — Ганди — Вреланда. Базисная модель включает в себя контрольные переменные для логарифмического дохода в расчете на душу населения и переменную, учитывающую *длительность режима*, выражаемую как натуральный логарифм количества непрерывных лет (начиная с 1946 г.), в течение которых в стране существовал демократический режим правления.

Поскольку демократические неудачи являются весьма редкими событиями — количество таких переходов в 1960–2006 гг. составляет около пятидесяти (всего 2816 возможных страновых лет) — обращение к логистической регрессии могло бы привести к получению смещенных оценок. Поэтому я использую разработанный Гэри Кингом и Лангче Цзеном логистический метод оценки редких событий и метод пострановой группировки стандартных ошибок.⁷⁶

75. Haber and Menaldo 2009.

76. King and Zeng 2001. Метод логистической оценки редких событий может применяться и для определения вероятности сравнительно редких демократических переходов. Если мы переоценим с помощью логистической модели редких событий данные,

ТАБЛИЦА 3.9. Переходы к авторитаризму в 1960–2006 гг.

В таблице отображаются редкособытийные логистические оценки вероятности того, что в демократическом государстве в данном году произойдет переход к авторитарному правлению. Все объясняющие переменные запаздывают на один год, а стандартные ошибки сгруппированы по странам. Оценки устойчивости стандартных ошибок заключены в круглые скобки

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Длительность режима	-0,342** (0,168)	-0,342** (0,169)	-0,240 (0,164)	-0,892** (0,452)	-0,417* (0,242)	-0,280 (0,209)
Доход (лог.)	-0,641*** (0,142)	-0,717*** (0,144)	-0,580*** (0,177)	-2,480*** (0,651)	-0,689*** (0,172)	-0,960*** (0,218)
Нефтяной доход (лог.)		0,121** (0,0564)	0,113* (0,0630)	0,129 (0,174)	0,0949 (0,117)	0,242*** (0,0752)
Группы по размеру дохода	Все	Все	< \$5000	> \$5000	Все	Все
Годы	Все	Все	Все	Все	1960–1979	1980–2006
Количество стран	105	105	76	46	60	103
Наблюдения	2673	2673	1301	1372	728	1945
Недостающие наблюдения	1,6%	1,6%	~2%	~1%	4,7%	0,4%

*значимо на уровне 10%, ** значимо на уровне 5%; *** значимо на уровне 1%.

Регрессионные оценки представлены в табл. 3.9. В первом ее столбце показываются только контрольные переменные. Представляется, что и *доход*, и *длительность режима* способствуют снижению вероятности демократической неудачи. Второй столбец включает в себя переменную *нефтяного дохода*, положительно коррелирующую с *демократическими неудачами* и статистически значимую на уровне 0,05.

Согласно *гипотезе 3.5*, нефть должна быть связана с вероятностью демократической неудачи в странах с низкими, но не с высокими доходами. Для того чтобы продемонстрировать эту матрицу, в третьем и четвер-

представленные в табл. 3.7, мы получим практически идентичные результаты.

том столбцах я отдельно рассматриваю страны, в которых доходы не достигают \$5000 в расчете на душу населения (третий столбец), и страны, в которых доходы превышают \$5000 в расчете на душу населения (четвертый столбец). *Нефтяной доход* коррелируется только с вероятностью *демократической неудачи* в странах с более низкими доходами.

Если со временем антидемократическая мощь нефти возрастает, согласно *гипотезе 3.2*, то после 1980 г. нефтяной доход должен был бы оказывать более сильное, по сравнению с предшествовавшим периодом, воздействие. Я оцениваю модель, представленную в пятом столбце, используя данные только за 1960–1979 гг.; в той же самой модели, представленной в шестом столбце, используются данные за 1980–2006 гг. В соответствии с упомянутой выше гипотезой, нефтяной доход коррелирует с демократическими неудачами только после 1980 г.

Устойчивость

В табл. 3.10 суммируются данные, полученные в результате проведения серий проверок на устойчивость для каждой из трех рассматриваемых нами моделей: логистической регрессии, используемой для предсказания демократических переходов (первый столбец), модели МНК, используемой для предсказания оценок политического режима (второй столбец) и редкособытийной логистической регрессии, используемой для предсказания демократических неудач (третий столбец). В каждой ее ячейке отображаются значения и статистическая значимость коэффициента нефтяного дохода в различных условиях.

Первый ряд отображает коэффициент *нефтяного дохода* в каждой из базисных моделей. Базисная модель, используемая для предсказания демократических переходов, отображена в пятом столбце табл. 3.7; она включает в себя контрольные переменные для *дохода*, *длительности режима*, «*нефтяного дохода*Латинской Америки*» и набора фиктивных переменных принадлежности к периоду. Данные по базисной модели, используемой для

ТАБЛИЦА 3.10. Демократия: проверка на устойчивость
В таблице отображены коэффициенты переменной *нефтяной доход* (лог.) для каждой из описывавшихся моделей. Более подробно см. описания в тексте.

	1	2	3
	Переходы к демо- кратии	Уровни развития демократии	Переходы к автори- таризму
Базисная модель	-0,292***	-0,205***	0,242***
Простая длительность режима	-0,293***	—	0,255***
Добавочный квадрат дли- тельности режима власти	-0,294***	—	0,265***
Дихотомический нефтяной доход	-1,88***	-1,04***	1,03**
Игнорирование ключевых нефтедобывающих стран Ближнего Востока	-0,229**	-0,152***	0,216**
Игнорирование всего Ближ- него Востока	-0,179*	-0,123***	0,242***
Добавление региональных фиктивных переменных	-0,160*	-0,138***	0,230**

*значимо на уровне 10%, ** значимо на уровне 5%; *** значимо на уровне 1%.

оценки *политического режима* были взяты из пятого столбца табл. 3.8; они почти идентичны логит-модели, но для того, чтобы компенсировать зависимость от продолжительности, включают запаздывающую зависимую переменную, замещающую *длительность режима*. Редко-событийная логистическая регрессия, с помощью которой оценивается вероятность демократических неудач, заимствуется из шестого столбца табл. 3.9; она включает в себя контрольные переменные для дохода и длительности режима и ограничена периодом 1980–2006 гг.⁷⁷

77. В случае проверки с использованием полного набора данных за 1960–2006 гг., корреляция между *нефтяным доходом* (лог.) и де-

В обеих моделях, и в базисной логистической, и в ред-кособытийной логистической, я использовал базовую норму риска (*длительность режима*, выраженную как натуральный логарифм количества лет непрерывного авторитарного или демократического правления), что в определенной степени носит произвольный характер. Поэтому во вторую строку таблицы я поместил предыдущую переменную *длительности режима* — просто количество лет непрерывного авторитарного или демократического правления; в третьей строке я добавил к каждой модели еще одну переменную (квадрат количества лет непрерывного авторитарного или демократического правления), необходимую для того, чтобы учесть возможные нелинейные эффекты. Коэффициенты *нефтяного дохода* остаются высокими и статистически значимыми.

Эти результаты могут отклоняться от истинных значений в силу ненормальности распределения переменной *нефтяной доход*, несмотря на то, что я всегда использую ее логарифмическое значение. Поэтому я пытаюсь использовать ее дихотомический вариант; когда страна получает нефтяной доход в размере более \$100 в расчете на душу населения (в постоянных долларах 2000 г.) переменной присваивается значение «1», во всех остальных случаях — «0». Во всех трех моделях фиктивная переменная значимо коррелирует с более низким уровнем демократии. Возможно, что связи между нефтью и демократией поддерживаются благодаря небольшому количеству богатых углеводородами стран, а в действительности у нас нет оснований говорить о более широкой, глобальной связи. Для того чтобы убедиться в справедливости этого утверждения, для моделей, предсказывающих *демократические переходы и политиче-*

мократическими неудачами является менее устойчивой. Ограничение двух других моделей периодом 1980–2006 гг. обуславливает увеличение значений коэффициентов *нефтяного дохода* (лог.), но никак не влияет на их устойчивость.

ский режим, я отбросил все наблюдения, относившиеся к семи нефтедобывающим авторитарным странам Аравийского полуострова: Саудовской Аравии, Кувейту, Катару, ОАЭ, Бахрейн, Оману и Йемену. В обеих моделях *нефтяной доход* остается статистически значимым, хотя коэффициенты снизились примерно на 25%.

Для модели, предсказывающей *демократические неудачи*, я отбросил три страны с наибольшими нефтяными доходами, в которых начиная с 1980 г. имели место фиаско демократии: Конго-Браззавиль (неудача в 1997 г.), Эквадор (2000 г.) и Нигерию (1983 г.). В результате величина коэффициента *нефтяного дохода* снизилась примерно на 15%; при этом он сохранил статистическую значимость на уровне 0,05.

Тем не менее сохраняется возможность, что связь между нефтью и диктаторскими режимами носит не причинно-следственный характер, а обусловлена концентрацией нефтяного богатства на Ближнем Востоке, в странах, в которых демократия является большой редкостью. В шестой строке я проверяю эту возможность, отбрасывая данные о всех ближневосточных странах. Все нефтяные переменные остаются статистически значимыми. В седьмой строке я использую иной подход, добавляя к модели серии фиктивных переменных для шести регионов мира: Ближнего Востока, Северной Африки, Африки к югу от Сахары, Латинской Америки, Азии (включая Восточную, Южную и Юго-Восточную), бывшего СССР и традиционно входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития государств (Западная Европа, Северная Америка, Япония, Австралия и Новая Зеландия). *Нефтяной доход* продолжает значимо ассоциироваться с более низким уровнем демократии, хотя в модели *демократических переходов* — только на уровне 0,10.

Проведенные тесты основываются на предположении, согласно которому корреляция между *нефтяным доходом* и политическим режимом в стране является устойчивой по нескольким важным направлениям: она

не изменяется ни в случае правдоподобных модификаций базисной нормы риска, ни при удалении влиятельных стран из набора данных, ни при использовании дихотомического показателя *нефтяного дохода*, ни при включении региональных фиктивных переменных.

Причинно-следственные механизмы

В главе 3 показывается, что нефтяной доход «привязан» к авторитаризму двояким образом: он продуцирует высокое соотношение государственных расходов и воспринимаемых доходов правительства, а также обуславливает более высокий уровень секретности в деятельности органов власти, включая непрозрачность бюджета и ограничения на деятельность средств массовой информации.

Наиболее трудным с точки зрения измерений является первый механизм. Данные высокого качества о доходах и расходах государства — большая редкость (прежде всего, для богатых нефтью стран). Кроме того, в модели используются *воспринимаемые*, а не *фактические* государственные расходы, что действительно имеет важное значение. Но получить такого рода сведения можно только с помощью опросов, которые должны проводиться одновременно с осуществлением расходов. Официальные данные о расходах различных государств мира на потребление и их доходах содержатся в соответствующих выпусках *World Development Indicators*. Впрочем, приводимые в них данные не отличаются точностью. К тому же в этих изданиях отсутствуют данные наблюдений для значительного количества стран и временных периодов.

Тем не менее обращение к этим не всегда корректным данным может оказаться весьма поучительным. Возвращаясь к рис. 3.5 мы видим, что характерной особенностью стран, в конечном итоге перешедших к демократии, было более высокое, по сравнению с остающимися авторитарными государствами, отношение государственных расходов к доходам. К сожалению, мы не можем использовать переменную *отношение расходов к до-*

ходам в логит-модели, поскольку не располагаем всеми необходимыми данными. В сокращенной по странам и годам выборке, в отношении которой мы имеем возможность применить эту переменную, *нефтяной доход* уже не коррелирует с демократическими переходами.

Однако она может использоваться в модели МНК, но не для панельного, а для кросс-секционного анализа. Для того чтобы увеличить количество наблюдаемых стран, я принял средние значения отношения расходов к доходам за 2000–2004 гг., используя только те из них, для которых имеется полный набор данных. С целью обеспечения последовательности я использовал средние значения за 2000–2004 гг. и для других переменных (*доход*, *нефтяной доход* и *политический режим*). Результирующее отношение расходов к доходам доступно для 111 из 170 возможных стран; недостает около одной трети данных. Нехватка этих показателей остается проблемой. Как показано в табл. 3.5, нефтедобывающие государства принадлежат к числу тех, кто более всего не желает раскрывать данные о доходах, что подразумевает неслучайность их отсутствия и, вероятно, отклонение от истинного значения полученных мною оценок.

В первом столбце табл. 3.11 отображена базисная модель, включая единственную группу наблюдений в которой присутствует *отношение расходов к доходам*. Последнее добавляется и к модели, представленной во втором столбце; оно значимо и отрицательно коррелирует с *политическим режимом*: чем больше расходы государства, по сравнению с его доходами, тем ниже уровень развития демократии в стране. Данное положение согласуется с *гипотезой 3.3* за исключением одной особенности полученной оценки: добавление в модель такой переменной, как *отношение расходов к доходам*, отнюдь не ведет к снижению величины или значимости коэффициента *нефтяного дохода*. В какой-то степени это может указывать на присущий модели изъян; в то же время переменная *отношение расходов к доходам* является слишком слабой, чтобы на ее основании делать строгие статистические за-

ТАБЛИЦА 3.11. Переходы к демократии: причинно-следственные механизмы

Логит-оценки вероятности перехода страны к демократии в данном году. Переменные в моделях, представленных в первом и втором столбцах, являются средними за 2000–2004 гг. Оценки в пятом и шестом столбцах получены с использованием панельных данных; объясняющие переменные запаздывают на один год и включают запаздывающие зависимые переменные (не показывались). Оценки устойчивости стандартных ошибок заключены в круглые скобки.

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Доход (лог.)	0,756*** (0,118)	0,630*** (0,132)	0,988*** (0,171)	0,595*** (0,191)	0,0549*** (0,0151)	0,0527*** (0,0151)
Нефтяной доход (лог.)	-0,248** (0,110)	-0,253** (0,111)	-0,260** (0,103)	0,441*** (0,156)	-0,0240*** (0,00824)	0,0156 (0,0155)
Отношение государственных расходов к доходам		-1,949** (0,916)				
«Нефтяной доход (лог.) * транспарентность бюджета»				-0,0100*** (0,00199)		
«Нефтяной доход (лог.) * свобода прессы»						-0,772*** (0,255)
Годы	2000–2004	2000–2004	2004	2004	1990–2004	1990–2004
Количество стран	111	111	83	83	168	168
Наблюдения	111	111	83	83	1658	1658
Недостающие наблюдения	34,7%	34,7%	51,2%	51,2%	33,9%	33,9%
Коэффициент детерминации (R-квадрат)	0,195	0,223	0,240	0,405	0,954	0,954

** значимо на уровне 5%; *** значимо на уровне 1%.

ключения (прежде всего потому, что оценка основывается на кросс-секционном анализе выборки стран).

Непросто измерить и установленный в государстве уровень секретности. Согласно гипотезе 3.4, опирающиеся на запасы нефти диктатуры с меньшей вероятностью

переходят к демократии, так как сведения о бюджетах тщательно «фильтруются», а на деятельность средств массовой информации налагаются жесткие ограничения.

Наиболее доступным показателем транспарентности денежных поступлений является упоминавшийся выше в этой главе индекс открытости бюджета, в соответствии с которым, исходя из прозрачности бюджетных документов центральных правительств, странам мира присваиваются оценки по шкале от 0 до 100 баллов. К сожалению, он доступен только для 83 стран за один или два года, начиная с 2006 г. И вновь ограниченность данных означает, что мы должны быть очень осторожными в выводах.

В третьем и четвертом столбцах табл. 3.11 показана пара межстрановых МНК-оценок, полученных при рассмотрении отношений между взаимодействующими переменными *нефтяной доход* и *транспарентность бюджета*, а также оценкой *политического режима* страны. Я использую условие их взаимодействия, поскольку, в соответствии с гипотезой, отсутствие прозрачности бюджета в условиях нефтяного богатства оказывает Osborne, угнетающие демократию, эффекты. Чтобы облегчить интерпретацию результатов, я поменял местами значения исходной шкалы оценок индекса открытости бюджета, так что более высокие оценки свидетельствуют о меньшей транспарентности. Таким образом, растущее значение условия взаимодействия означает больший объем добычи нефти и меньшую транспарентность; каждый из этих факторов должен оказывать антидемократические воздействия.

Третий столбец отображает базисную модель до того, как к ней применено условие взаимодействия. В ней используются только наблюдения для 83 стран, ранжированных в соответствии с индексом открытости бюджета на 2008 г. Четвертый столбец показывает ту же самую модель на основе тех же самых наблюдений, но с добавлением условия взаимодействия. В соответствии с гипотезой, последнее отрицательно коррелирует с *политическим режимом* и его включение оказывает значительное

воздействие на коэффициент *нефтяного дохода*, величина которого изменяется от значимо отрицательного до значимо положительного. Следовательно, *нефтяной доход* оказывает негативное воздействие на развитие демократии только в том случае, когда он дополняется более высоким уровнем бюджетной секретности.⁷⁸

Для оценки политической транспарентности может быть использован индекс свободы прессы, разработанный неправительственной организацией Freedom House (свобода печатных, вещательных и интернет-средств информации оценивается по шкале от 0 до 100). В отличие от *отношения расходов к доходам* и *«нефтяного дохода*транспарентность бюджета»*, сведения об уровне свободы средств массовой информации доступны практически для всех стран мира в форме набора данных начиная с 1990 г. Тем самым открывается возможность использования межстрановой модели временных рядов МНК.⁷⁹

Как и несколько ранее, я изменяю шкалу индекса свободы прессы так, что наивысшие значения обозначают меньшую свободу, и рассматриваю взаимодействие оценок с *нефтяным доходом*. В пятом столбце табл. 3.11 я показываю МНК-регрессию, которая включает только контрольные переменные — *доход* и *нефтяной доход*, а также запаздывающую зависимую переменную. Для того чтобы справиться с автокорреляцией используется AR1-процесс; данные охватывают 168 стран за 1990–2004 гг. В шестом столбце я добавляю условие взаимодействия. Оно отрицательно коррелирует с *политическим режимом*,

78. Обособленное добавление *транспарентности бюджета*, в качестве добавочной контрольной переменной, не оказывает существенного воздействия на эти результаты.

79. Поскольку имеющиеся данные охватывают период равный 15 годам (1990–2004 гг.), в этой модели я использую наблюдения не за каждый пятый год, как это было сделано в базовой модели, а ежегодные (табл. 3.8). В результате увеличивается количество наблюдений в отношении каждой страны, однако затрудняет борьбу с автокорреляцией.

и включение взаимодействия снова оказывает заметное влияние на показатель *нефтяного дохода*, в результате чего происходит изменение знака и утрата статистической значимости. Тем самым мы получаем еще одно подтверждение того, что *нефтяной доход* связан с более низким уровнем развития демократии только в том случае, когда он идет в паре с исключительно высоким уровнем секретности в деятельности правительства.⁸⁰

Полученные оценки довольно слабо свидетельствуют в пользу *гипотезы 3.3* (о важности отношения расходов и доходов правительства страны). *Гипотеза 3.4* (роль секретности в деятельности правительства) получает с их стороны более сильную поддержку. Впрочем, мы не можем быть полностью уверены в полученных результатах, поскольку располагали ограниченными данными о показателях расходов и доходов, а также о транспарентности бюджетов, для недостаточно большого количества стран. Более широким охватом и большей полнотой характеризуются данные о свободе прессы, что позволяет надежно их интерпретировать: в случае использования простой модели МНК полученные результаты согласуются с положением, согласно которому секретность в деятельности правительств нефтедобывающих стран играет особую роль, препятствуя развитию демократии.

Полученные оценки позволяют предположить, что большинство сформулированных в главе 3 гипотез (все, за исключением *гипотезы 3.3*) согласуются со следующими закономерностями в данных:

- В авторитарных государствах более высокий нефтяной доход ассоциируется с более низкой вероятностью перехода к демократии.
- В демократических государствах с *низкими доходами* населения более высокий нефтяной доход коррели-

80. Добавление в качестве добавочной контрольной переменной *свободы прессы* оказывает менее значимое воздействие на результаты.

руется с повышением вероятности перехода к авторитаризму.

- Обе эти закономерности проявляются, начиная с 1980 г.
- Исключением является Латинская Америка; в этом регионе нефтяной доход коррелируется с более высокой вероятностью перехода к демократии.
- Имеются все основания предполагать, что секретность в деятельности правительства в значительной степени определяет отрицательное воздействие нефти на развитие демократии.

Достаточно устойчивыми являются и наиболее важные корреляции между нефтяным доходом и показателями демократического развития, особенно с учетом аномального статуса Латинской Америки и сосредоточения на периоде после 1980 г.

Свидетельства в пользу остальных гипотез носят ограниченный характер: в странах с более высоким отношением государственных расходов к доходам, демократия, как правило, находится на более низком уровне развития, хотя не установлена связь данной закономерности с корреляцией нефть — автократия. Недостаток и низкое качество данных о доходах и расходах правительств различных стран, а также отсутствие измерений показателей воспринимаемых доходов государства, затрудняет получение обоснованных выводов относительно этой гипотезы (не имеет значения, опровергающих ее или подтверждающих).

Углеводороды увековечивают патриархат

Использование способностей арабских женщин в политике и экономике остается на одном из самых низких уровней в мире, о чем свидетельствуют такие количественные показатели, как очень низкая доля женщин в парламентах, органах власти и в рабочей силе, а также тенденция к феминизации безработицы... Если значительная часть производственного потенциала не используется, страдает общество в целом, что находит отражение в более низком семейном доходе и уровне жизни.

«Доклад о развитии человека в арабских странах», 2002

КАК ПРАВИЛО, когда страна становится богаче, перед женщинами открываются новые более широкие возможности — и экономические на рабочих местах, и политические возможности участия в деятельности органов государственной власти. Не так обстоит дело в государствах, разбогатевших на продаже углеводородов. Большая часть выгод, которые приносит увеличение добычи нефти, достается мужчинам.

Наиболее ярко этот эффект проявляется на Ближнем Востоке. От других регионов мира его отличают наименьшие доли женщин в рабочей силе и в парламентах. Довольно часто низкий общественный статус ближневосточных женщин объясняют исламским или арабским историческим наследием региона. Но это объяснение является неправильным, или, по крайней мере, неполным.

В недавнем прошлом сильные патриархальные традиции были распространены едва ли не во всех обществах. Сто лет назад многие традиционные культуры в Латинской Америке, Восточной и Южной Азии были

не менее, а возможно и более патриархальными, чем традиционные культуры на Ближнем Востоке. Но экономический рост в этих регионах обусловил быстрое повышение статуса женщин в обществе, в то время как схожие и более высокие темпы роста экономики на Ближнем Востоке привели лишь к незначительным улучшениям. В чем причина того, что экономический рост подорвал позиции патриархальной культуры в большинстве регионов мира, но не на Ближнем Востоке?

В этой главе объясняется, почему экономический рост на основе индустриализации ведет к увеличению численности рабочей силы за счет женщин и в конечном счете расширению открывающихся перед ними возможностей. В то же время рост, основанный на экспорте нефти и природного газа, не только не сопровождается увеличением количества рабочих мест для женщин, но и способен блокировать усилия, направленные на достижение гендерного равноправия.

Расширение возможностей женщин: введение

Во многих случаях по мере того, как бедные страны постепенно богатеют, в жизни женщин происходят значительные изменения: увеличивается количество посещающих школы девочек, уменьшается количество детей в семье, женщины более активно проявляют себя в национальной политике. Возможно, важнейшим изменением, помогающим запустить «колесо» всех остальных перемен, является появление женщин на рынке труда.

В социологии уже давно было высказано предположение, согласно которому вступление женщин в ряды рабочей силы оказало преобразующее воздействие и на них, и на общество.¹ В пользу этого утверждения говорят ре-

1. См. например, работу Ф. Энгельса (Engels [1884] 1978). Подробный обзор связей между участием женщин в рабочей силе и их по-

зультаты многих и многих исследований. Если родители полагают, что их дочери в конечном итоге внесут свой вклад в увеличение семейного дохода, возрастает вероятность того, что они будут инвестировать средства в укрепление здоровья девочек и отдадут их в школу. Возрастание количества рабочих мест для женщин, чаще всего, ведет к увеличению количества девочек, посещающих школу.² Кроме того, наличие работы обуславливает более позднее вступление женщин в брак, следствием чего становится меньшее количество детей в семье. Небольшие нуклеарные семьи становятся отличительной чертой современных обществ, члены которых получают высокие доходы.³

Доступность работы для женщин может иметь и более широкие эффекты с точки зрения гендерных отношений. Согласно данным исследований, проводившихся в Бангладеш с участием работниц швейных фабрик (как правило, приезжающих в город в юном возрасте, незамужними, из бедных сельских районов), работа помогает им повысить уровень самоуважения, установить новые социальные связи, получить новую информацию о поддержании здоровья и методах контрацепции; одновременно они учатся тому, как следует вести себя с мужчинами.⁴ В Индонезии замужние женщины, имеющие независимый источник доходов, пользуются большим влиянием в семье в тех случаях, когда речь идет о беременности или здоровье детей.⁵

Вступление в ряды «армии труда» выводит женщин на путь, ведущий к завоеванию ими большего политического влияния. В процессе проводившегося в США в течение десяти лет важного исследования Нэнси Бернс, Кей Шлоzman и Сидней Верба обнаружили, что в тех случаях, когда женщины получают работу вне дома, они начи-

литическим представительством содержится в работе Т. Иверсена и Ф. Розенблюта (Iversen and Rosenbluth).

2. Michael 1985.

3. Brewster and Rindfuss 2000.

4. Amin et al. 1998; Kabeer and Mahmud 2004.

5. Thomas, Contreras, and Frankenberg 2002.

нают вести с коллегами разговоры, разжигающие интерес к вопросам политики; они присоединяются к неформальным женским сетям, открывающим возможность коллективных действий; одновременно они сталкиваются лицом к лицу с гендерной дискриминацией, что мотивирует женщин к действию.⁶

Схожая картина была обнаружена и в других исследованиях, проводившихся в различных развивающихся странах. Согласно Прадипу Чхибберу, у работающих вне дома индийских женщин развивается новое чувство идентичности; в результате возрастает вероятность их участия в политической жизни, а также того, что на выборах они будут голосовать за кандидатов-женщин.⁷ Валентин Могхадам показывает, что во многих странах, в которых женский труд широко используется в промышленном производстве — включая Гватемалу, Тайвань, Гонконг, Индию, Индонезию, Тунис и Марокко, — женщины создают организации для защиты своих интересов; часто эти организации выступают за осуществление более широких реформ, направленных на изменение положения женщин в обществе.⁸

Результаты этих и других исследований позволяют предположить, что вступление в ряды рабочей силы способно привести к усилению политического влияния женщин, по крайней мере, на трех уровнях. На индивидуальном уровне происходит изменение политических взглядов женщин и их идентичности. На социальном уровне объединение женщин на рабочих местах открывает возможность создания политических сетей. На экономическом уровне повышение роли женщин в экономике означает, что политические лидеры должны будут уделять большее внимание этой группе населения.

Всякий труд важен. В то же время разные его виды оказывают различное внимание на положение женщин

6. Burns, Schlozman, and Verba 2001. См. также Sapiro 1983.

7. Chhibber 2003.

8. Moghadam 1999.

в обществе. Представляется, что более важное значение имеет труд вне сферы сельского хозяйства и в формальном секторе. В развивающихся странах в сельском хозяйстве заняты очень многие женщины, но в большинстве случаев они трудятся на семейных фермах, что не дает им ни экономической независимости, ни права политического голоса.⁹ Иное дело занятость в коммерческом сельском хозяйстве, если женщины получают индивидуальную плату за труд.¹⁰ Но наиболее важные последствия для гендерного равенства имеет труд женщин вне сельского хозяйства и в формальном секторе.

Почему бы не трудиться вне дома?

Почему в некоторых странах женщины включены в состав рабочей силы, а в других нет?

Одним из факторов является дискриминация, которая в некоторых случаях коренится в культуре, в других — в законах страны, в третьих — и там, и там. Наиболее тяжелая ситуация сложилась в странах, где женщинам запрещают работать и родственники (не желающие, чтобы они вступали в общение с незнакомыми людьми), и законы, что резко ограничивает их экономические возможности.

Теоретически эти препятствия могут быть устранены посредством реформ, осуществляемых государством. Например, могут быть приняты законы (над их исполнением следует установить жесткий контроль), позволяющие женщинам свободно передвигаться без согласия родственников-мужчин, налагающие запрет на дискриминацию женщин со стороны работодателей и предусматривающие предоставление достаточного декретного отпуска. Но здесь возникает второе препятствие: во многих случаях женщины пользуются незначительным политическим влиянием; следовательно, им

9. Oakes and Almquist 1993; Matland 1998.

10. Anderson and Eswaran 2005.

вряд ли удастся убедить законодателей в необходимости принятия соответствующих законов и обеспечения их исполнения. К сожалению, экономическая и политическая маргинализация во многих случаях идут рука об руку: лишенные возможности трудиться, женщины пользуются меньшим политическим влиянием; не обладая политическим влиянием, женщинам труднее добиться соблюдения своих прав на труд.

Как выбраться из этой ловушки, оказавшись в которой женщины испытывают очевидный недостаток экономических и политических возможностей?

Время от времени им на помощь приходит просвещенное государственное руководство. Появляется все больше свидетельств в пользу того, что введение избирательных квот (принятие законов, в соответствии с которыми женщинам выделяется определенное количество мест в органах государственной и местной законодательной власти) способно оказать мощное воздействие на политическое влияние женщин.¹¹ Важную роль играют и политические институты: вероятность того, что женщины будут избраны в органы законодательной власти выше в тех странах, где выборы происходят по системе пропорционального представительства, а не на основе относительного большинства голосов (мажоритарная система).¹²

И наконец, в некоторых случаях значимый вклад вносит организация экономики, и прежде всего, существование предприятий с очень тяжелыми условиями труда, работники которых получают крайне низкую зарплату (потогонная система производства). В эпоху Промышленной революции участие миллионов женщин в производстве приняло форму труда на низкооплачиваемых рабочих местах на ткацких и швейных фабриках и других бесчисленных предприятиях, производивших недорогие товары для мирового рынка. В 1890 г.

11. Baldez 2004; Tripp and Kang 2008; Bhavnani 2009.

12. Iversen and Rosenbluth 2008.

женщины занимали более 50% рабочих мест в текстильной промышленности США. Сегодня во всем мире более 80% занятых в текстильной и швейной промышленности составляют женщины.¹³ Потогонная система организации производства и предприятия, на которых она функционирует, могут быть подвергнуты жесточайшей критике по самым разным критериям. Занятые на них люди получают крайне низкую заработную плату и работают в тяжелейших условиях. Но эти предприятия могут стать важнейшей первой ступенькой на лестнице, по которой женщины поднимаются к новым экономическим, социальным и политическим возможностям.

Как известно, во многих случаях каналами привлечения на рынок труда новых женщин-работниц становятся трудоинтенсивные отрасли. Во-первых, предприятия этих отраслей не нуждаются в работниках, обладающих большой физической силой, а значит, мужчины лишаются своего естественного преимущества. Во-вторых, работники нуждаются в непродолжительном обучении и лишь нескольких специальных навыках и умениях; тем самым предприятия этих отраслей становятся привлекательными для женщин, периодически покидающих ряды рабочей силы для того, чтобы растить детей или обеспечить уход за родственниками.¹⁴ В-третьих, заводы и фабрики, выпускающие продукцию на экспорт, скорее всего, будут принадлежать (управляться) иностранными компаниями, которые по правовым или культурным причинам в меньшей степени склонны к дискриминации женщин при приеме на работу. И наконец, эти компании, продают произведенные товары на глобальном рынке в условиях ожесточенной конкуренции, получая незначительные прибыли; неудивительно, что они стремятся использовать наиболее дешевую рабочую силу. Поскольку женщины, чаще всего, соглашаются на меньшую, по сравнению с мужчинами, заработную плату,

13. World Bank 2001.

14. Iverson and Rosenbluth 2006.

а также отличаются надежностью и гибкостью как работники, в большинстве случаев они рассматриваются компаниями, принадлежащими к трудоинтенсивным отраслям, как целевая группа для найма на работу.

И наоборот, при найме работников на позиции, требующие большой физической силы, многих лет непрерывного обучения, или в тех случаях, когда продукция поставляется на внутренние рынки, особенно в условиях менее жесткой ценовой конкуренции, предприятия с большей вероятностью отдадут предпочтение мужчинам.¹⁵

*Женщины, их занятость и участие в политике
в Южной Корее*

Обращение к примеру Южной Кореи, страны не имеющей запасов нефти, позволяет убедиться в том, что создание ориентированных на экспорт производств способствует расширению рядов рабочей силы за счет женщин, что ведет к постепенному ослаблению и разрушению патриархальных законов и институтов.

Сформировавшуюся в Южной Корее на рубеже XX столетия культуру можно было охарактеризовать как одну из самых патриархальных. Начиная с шестилетнего возраста девочек воспитывали отдельно от мальчиков. Женщины не только были лишены права появляться на улицах Сеула в дневное время, но и не имели собственных имен. В 1930 г. 90% корейских женщин не умели ни читать, ни писать.¹⁶

В период индустриализации Южной Кореи в 1960-е гг. женщин начали принимать на фабрики, производившие экспортную продукцию, включая текстиль, одежду, изделия из пластмассы, посуду, обувь и электронику. Их низкая заработная плата (мужчины получали в 2 раза больше) означала, что женщины были весьма привлекательной, с точки зрения работодателей, группой ра-

15. Özler 2000.

16. Park 1990.

бочей силы, сыгравшей важную роль в поддержании корейского экономического бума. К 1975 г. 70% экспортных доходов Южной Кореи приносили отрасли, в которых преобладали женщины-работницы. Параллельно с ростом экспорта увеличивалась доля женщин в составе рабочей силы — в 1960–1980-х гг. она возросла до 50%.¹⁷

Несмотря на то, что поддерживаемые государством женские организации функционировали в Южной Корее уже в 1950–1960-х гг., их ориентацию можно охарактеризовать как социальный консерватизм. Как правило, во главе таких организаций стояли мужчины, а основные усилия были сосредоточены на благотворительной деятельности, защите прав потребителей, а также обучении будущих матерей и домашних хозяек.¹⁸ Однако в 1970-е гг. трудившиеся в экспортных отраслях женщины начинают борьбу за свои права на производстве и гендерное равенство. В то время авторитарное правительство Южной Кореи не проявляло никакого интереса к этим проблемам.

В 1987 г. организаторы женского движения воспользовались происходившими в стране демократическими преобразованиями и учредили Объединение женских ассоциаций Кореи. В отличие от прежних женских организаций, деятели нового объединения сосредоточили усилия на улучшении условий труда для женщин и расширении их прав, а также заняли более конфронтационную позицию по отношению к государству.¹⁹ Одновременно более традиционные женские группы начали проявлять повышенный интерес к правам женщин.²⁰

В середине 1990-х гг. в Южной Корее начинается кампания за расширение присутствия женщин в органах государственной власти всех уровней. Несмотря на сильные патриархальные традиции, женские организации добились значительных достижений: количество жен-

17. Park 1993; World Bank 2005.

18. Yoon 2003.

19. Moon 2002. Нельзя не отметить важную роль южнокорейских женщин в продвижении страны к демократии. См.: Nam 2000.

20. Palley 1990.

щин, избранных в национальное собрание увеличилось с восьми в 1992–1996 гг. до шестнадцати в 2000–2004 гг.; доля женщин в различных, ответственных за разработку той или иной политики, государственных комитетах возросла с 8,5% в 1996 г. до 17,6% в 2001 г.; если в 1985 г. доля женщин-судей составляла 3,9%, то в 2001 г. — 8,5%.²¹

Лоббистские возможности женского движения в Южной Корее и растущее количество женщин в органах государственной власти обусловили осуществление в стране целого ряда важнейших реформ. Была создана и соответствующая законодательная база: «Закон о гендерном равенстве в сфере занятости» (1987), поправки, внесенные в законы о семье (1989), «Закон о благополучии матери и дитя» (1989), «Рамочный закон о развитии женщин» (1995), а также законопроект об обязательном выделении политическими партиями женщинам в избирательных округах на общенациональных выборах (2000 г.) не менее 30% мест.²² Произошедшее благодаря женщинам расширение рядов рабочей силы, занятой в ориентированных на экспорт отраслях, помогло женщинам Южной Кореи создать надежную базу своего присутствия в органах исполнительной и законодательной власти, распахнув дверь для этих исторических изменений.

Теория расширения прав женщин

В определенных условиях добыча нефти оказывает отрицательное воздействие на роль женщин в обществе. Для того чтобы объяснить этот эффект, мы должны дополнить нашу политическую модель (см. главу 3) новыми элементами. Предположим, что в нашей воображаемой стране живут женщины и мужчины; теперь они действуют не как отдельные личности, а в рамках домашних хозяйств; решающим источником экономического,

21. Yoon 2003.

22. Park 1993; Yoon 2003.

социального и политического влияния женщин является возможность трудиться вне дома.

Давайте поставим условие, согласно которому количество женщин в составе рабочей силы определяется двумя факторами. Во-первых, предложением труда женщинами, желающими получить работу. Очевидно, что далеко не все женщины стремятся к труду вне дома: вспомним, что все граждане страны теперь являются членами домохозяйств и действуют не только в собственных экономических интересах, но и в интересах семей. В большинстве обществ основной источник дохода домохозяйств — мужчина; в то время как женщина ищет работу только в том случае, если семья нуждается в дополнительных средствах. Вероятность того, что женщина стремится найти дополнительный заработок (даже на низкооплачиваемой работе) выше в семьях с низкими доходами. Маловероятно, что такая работа заинтересует женщин из семей с высокими доходами; они будут претендовать только на относительно хорошо оплачиваемые места.

Во-вторых, еще одним фактором, определяющим количество женщин в составе рабочей силы, является спрос на женский труд. Во многих странах работодатели воспринимают как женские лишь несколько профессий.²³ Чтобы обрисовать наиболее общую картину, давайте представим, что женщины имеют возможность работать только на экспортно ориентированных предприятиях с тяжелыми условиями труда за крайне низкую зарплату. Как правило, такие заводы и фабрики выпускают текстильные или швейные изделия, а также другие изготовленные или обработанные продукты на экспорт.

Обобщим все сказанное выше. В нашей пересмотренной модели женщины обретают экономическую и политическую власть, устраиваясь на работу вне дома; стремление женщин к получению такой работы усиливается в тех случаях, когда их семьи нуждаются в дополнительном доходе; единственным местом, в котором можно по-

23. Horton 1999.

лучить работу являются заводы и фабрики, выпускающие недорогие экспортные товары. Если первые два допущения, вероятно, являются обоснованными для всех стран мира, то последнее, скорее всего, — только для государств с сильными патриархальными культурами, ограничивающими возможности труда для женщин (США в XIX — начале XX вв., Восточная Азия в 1950–1970 гг. и большинство современных ближневосточных и североафриканских стран).

Воздействие нефти на права женщин

В этих условиях добыча нефти и промышленное производство могут оказывать прямо противоположное воздействие: если второе «вытягивает» женщин из домохозяйств в ряды рабочей силы, то первая побуждает их оставаться «на кухнях», не позволяя встать на основной путь, ведущий к расширению экономических и социальных прав и возможностей.²⁴

Увеличение нефтяного дохода воздействует и на предложение женского труда, и на спрос на него. В обобщенном виде эти связи представлены на рис. 4.1. Из главы 2 нам известно, что следствием исключительно крупных денежных поступлений от продажи нефти становится огромный по размерам государственный бюджет. В главе 3 объясняется, почему власть перераспределяет значительную часть этих доходов в пользу домашних хозяйств посредством создания рабочих мест в государственных учреждениях и на предприятиях, социальных программ, субсидий и налоговых сокращений. Очевидно, что она заинтересована в «покупке» политической поддержки, ведь государственные трансферы облегчают повседневную жизнь граждан. Одновременно они отрицательно

24. Более подробное объяснение этого процесса см. в одной из моих ранее опубликованных работ (Ross 2008). Более полную эксплицитную модель нефти, «голландской болезни» и женской занятости (в какой-то степени используемую в этой главе) предлагает Элизабет Герман Фредерикссен (Frederikssen 2007).

РИС. 4.1. Возможное воздействие добычи нефти на положение женщин в обществе

воздействуют на стремление женщин к труду вне домашних хозяйств, поскольку приводят к снижению потребности во втором источнике доходов. В том случае, когда масштабные денежные поступления от продажи нефти частично передаются государством домашним хозяйствам, происходит сокращение предложения женского труда.

Нефть может способствовать и сокращению спроса на женский труд в результате уменьшения количества рабочих мест на экспортно ориентированных производствах. В главе 2 описывается возможность возникновения в нефтесыскающей стране «голландской болезни», следствием которой становится повышение обменного курса национальной валюты и утрата зарубежных рынков сельским хозяйством и промышленностью. Государственная поддержка способна обеспечить выживание заводов и фабрик, поставляющих продукцию на внутренний рынок. Но более всего женщин занято на производствах, которые принадлежат ориентирующимся на экспорт компаниям, широко использующим низкооплачиваемую рабочую силу. Вследствие «голландской болезни» такие компании неизбежно превратятся в убыточные предприятия.

Нефтяной бум ведет к созданию новых рабочих мест в сфере услуг, включая строительство и розничную торговлю, а также в государственных учреждениях. Если женщины смогут найти работу в этих секторах экономики, они не понесут ни малейшего ущерба. В противном случае быстро растущая нефтяная промышленность будет «выталкивать» их из состава рабочей силы или проблема поиска работы вне дома перестанет быть приоритетной.

Короче говоря, увеличение денежных поступлений от продажи нефти приведет к быстрому росту объема государственного бюджета, а вслед за ними и трансферов, направляемых домашним хозяйствам, что отрицательно повлияет на желание женщин работать вне дома. Одновременно страна потеряет ключевую составляющую частного сектора — ориентированное на экспорт производство, основывающееся на использовании низкооплачиваемой рабочей силы. Тем самым исчезает движущая сила расширения состава рабочей силы за счет привлечения женщин. Увеличение добычи нефти ведет к снижению уровня оплаты женского труда. Как уже упоминалось, вступление женщин в ряды рабочей силы играет решающую роль с точки зрения приобретения ими политического влияния. Отсюда, увеличение нефтяного богатства означает ограничение влияния женщин на государственную власть.

Этой модели соответствуют отнюдь не все богатые нефтью страны. Следовательно, не все из них сталкиваются с перечисленными выше проблемами. Во многих западных странах женщины легко находят работу в сфере услуг или в государственных учреждениях. В Норвегии, например, нефтяной бум 1970-х гг. привел к созданию новых рабочих мест в медицине и в сфере социального обеспечения, которые привлекают преимущественно женщин. В некоторых странах с низкими и средними доходами, таких как Колумбия, Сирия, Малайзия и Мексика, в сфере услуг и в государственных учреждениях весьма велика доля женщин. Нефтяное

богатство этих стран не слишком отражается на женской занятости. Однако в государствах, в которых женщины сталкиваются с барьерами, преграждающими им вход в сферу услуг, на нефтяное богатство ложится вся ответственность за замедление их экономического, социального и политического прогресса.

Многие из таких стран расположены на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Согласно данным исследования, проведенного в 2004 г. Всемирным банком, в 14 из 17 стран этого региона приняты правовые ограничения на различные виды работ, которыми могут заниматься женщины, а также регламентированы количество часов и время дня, в течение которых они могут трудиться. В 6 из этих стран женщины не имеют права передвигаться вне пределов дома без разрешения мужа или сопровождающего мужчины.²⁵

Подобные ограничения чрезвычайно затрудняют женщинам стран Ближнего Востока поиск работы в сфере услуг.²⁶ Во многих случаях женщины исключены из сферы занятости, связанной с публичной деятельностью и предполагающей контакты с мужчинами.²⁷ Тем самым они в значительной степени лишаются возможности работы в одном из крупнейших сегментов сферы услуг — розничной торговле, за исключением магазинов, которые посещают исключительно женщины-покупательницы, а также в образовании и здравоохранении

25. World Bank 2004.

26. Несмотря на плохое документирование, представляется, что с большими проблемами при получении работы в сфере услуг сталкиваются и жительницы африканских стран, расположенных к югу от Сахары. В соответствии с данными исследования, проведенного под эгидой ООН в 1991 г. (к сожалению, это самая последняя по времени публикация, обнаруженная мною), в сфере услуг латиноамериканских стран и Вест-Индии работают большое количество женщин; в Азиатско-Тихоокеанском регионе их количество меньше, но остается значительным; но в Африке к югу от Сахары, доступ женщин к работе в сфере услуг резко ограничен (United Nations 1991).

27. Youssef 1971.

(и вновь, кроме учреждений, ориентированных исключительно на женщин).²⁸ В большинстве ближневосточных стран женщины обязаны «обходить стороной» и такую отрасль, как туризм, несмотря на то, что, например, в Египте она представляет собой крупную часть сферы услуг. Это вызвано культурными и правовыми запретами на безнадзорное передвижение женщин, а также на их контакты с мужчинами, не принадлежащими к членам семьи.²⁹ И наконец, такая отрасль, как строительство, и на Ближнем Востоке, и в других регионах, предъявляет ограниченный спрос на женский труд.

Нефть и женщины в разных частях мира

По сравнению с 1960-ми гг. почти во всех странах мира был достигнут значительный экономический и политический прогресс с точки зрения положения женщин в обществе. Но в некоторых государствах он происходил медленнее. Понять причины этого нам поможет обращение к проблемам, связанным с воздействием углеводородного богатства (особенно, если мы будем рассматривать период после 1970 г.).

На рис. 4.2 и 4.3 отображается положение женщин в разных регионах мира с точки зрения их доли в рабочей силе и присутствия в парламентах. Восходящие линии позволяют предположить, что в общем случае в богатых странах (входящих в ОЭСР) женщинам живется лучше, чем в бедных. Исключение составляет лишь Ближний Восток. В этом, занимающем второе место в мире по уровню богатства, регионе, женщины имеют наименьшее, по сравнению с другими частями Земли, представительство и в рабочей силе, и в парламентах.

28. Anker 1997; World Bank 2004.

29. Assaad and Arntz 2005.

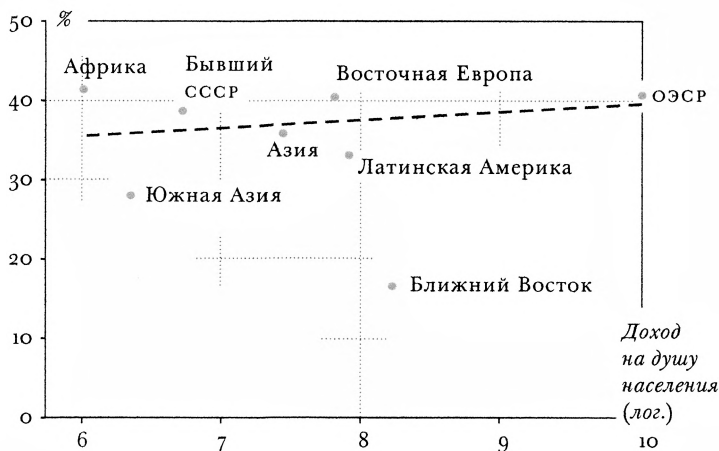

РИС. 4.2 Доля женщин в составе несельскохозяйственной рабочей силы в различных регионах мира в 1993–2002 гг.

(В среднем по странам региона).

Источник: Рассчитано на основе данных Международной организации труда, а также публикации Всемирного банка (WorldBank 2005).

Объяснить ближневосточную аномалию позволяет нефтяное богатство региона. В табл. 4.1 представлены данные о доле женщин в рабочей силе как в нефтедобывающих странах, так и в не имеющих запасов углеводородов государствах.³⁰ Мы видим, что в первой группе стран вне дома работает значительно меньшая (на 14%) доля женщин, чем в государствах второй группы. Данное правило распространяется и на богатые, и на бедные страны. Однако между богатыми государствами это различие проявляется сильнее, что отражает значительный разрыв между странами, основой богатства которых стала индустриализация (в Европе и Северной

30. На ближайший последний год, на который имеются данные для большинства стран.

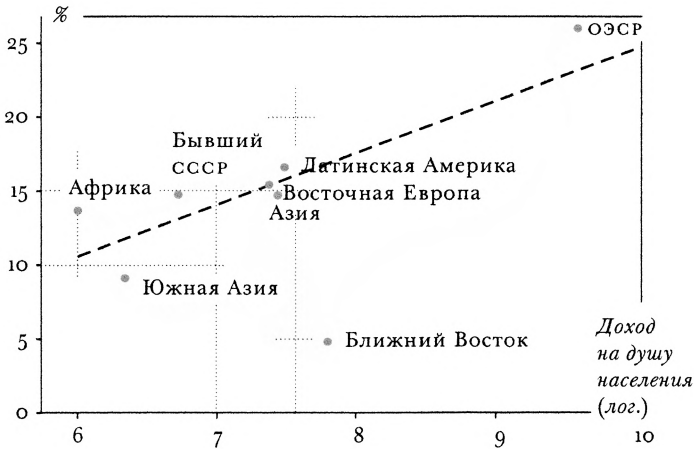

РИС. 4.3. Доля женщин в составе парламентов стран различных регионов мира в 2002 г.

Доля мест в нижних палатах парламентов, занимаемых женщинами-депутатами, в среднем по странам региона.

Источник: Рассчитано на основе данных

Межпарламентского союза: <http://ipu.org/wmn-e/world.htm>.

Америке), и теми, богатство которых было накоплено благодаря продаже углеводородных активов (на Ближнем Востоке).

Наибольшим является разрыв с Ближним Востоком и Северной Африкой, где в нефтедобывающих странах доля работающих женщин примерно на 23% ниже, чем в государствах, не располагающих запасами углеводородов.

Одна из причин существования рассматриваемого нами разрыва заключается в том, что не имеющие запасов нефти государства экспортируют больше промышленных товаров. Следовательно, на заводах и фабриках этих стран имеется больше подходящих для женщин рабочих мест. Рассмотрим, например, текстильную и швейную отрасли. Подавляющее большинство работников предприятий этих отраслей составляют женщины-

ТАБЛИЦА 4.1. Участие женщин
в составе рабочей силы в 2002 г.
Доля женщин в официальной численности
рабочей силы, в %.

	Страны		Разница
	Не имеющие запасов	Нефтедобы- вающие	
по доходу			
Низкие доходы (< \$5000)	41,8	38,4	-3,4**
Высокие доходы (> \$5000)	41,3	33,2	-8,1***
по региону			
Ближний Восток и Сев. Африка	30,6	23,5	-7,1**
Все остальные страны	42,0	41,5	-0,6
Все остальные развивающиеся страны	42,1	40,1	-2,0*
в общем			
Все страны	41,6	35,9	-5,8***

* значимое на уровне 10%, в одностороннем *t*-критерии Стьюдента;

** значимое на уровне 5%; *** значимое на уровне 1%.

Источник: Рассчитано по данным, собранным Международной организацией труда и опубликованным в изданиях Всемирного банка (World Bank 2004, 2005).

ны. Из табл. 4.2 мы видим, что богатые и бедные страны, не входящие в число нефтедобывающих, экспортируют гораздо больше текстильных и швейных изделий, чем богатые и бедные нефтедобывающие государства. Так, среди стран с низкими доходами и не имеющих нефти, экспорт текстиля и предметов одежды в расчете на душу населения в три раза превосходит этот показатель для нефтедобывающих государств.³¹

31. При агрегировании бедных и богатых государств в нижней строке табл. 4.2 создается впечатление, что нефтедобывающие государства экспортируют больший объем текстильных изделий, чем не имеющие углеводородов. Оно обусловлено тем, что нефтедобывающие государства, как правило, относятся к числу богатых, а более богатые страны экспортируют больше

ТАБЛИЦА 4.2. Экспорт текстильных и швейных изделий
в 2002 г.
Объем экспорта в расчете на душу населения

	Страны		Разница
	Не имеющие запасов	Нефтедобы- вающие	
по доходу			
Низкие доходы (< \$5000)	65,6	22,5	-43,1*
Высокие доходы (> \$5000)	252	210	-41,9
в общем			
Все страны	115	122	6,5

* значимое на уровне 10%, в одностороннем *t*-критерии Стьюдента;

** значимое на уровне 5%; *** значимое на уровне 1%.

Источник: Рассчитано по данным Р. Фримена и Р. Остендорпа
(Freeman and Oostendorp 2009).

Одной из отличительных черт нефтедобывающих государств является значительно меньшее присутствие женщин в органах власти. В табл. 4.3 представлены данные о доле занимаемых женщинами мест в парламентах (простейший показатель политической силы женщин) нефтедобывающих и не имеющих углеводородов стран. В первой группе государств, независимо от того, идет ли речь о бедных или о богатых странах, доля женщин-законодателей меньше, чем в бедных и богатых странах второй группы, хотя статистически значимое различие наблюдается только между бедными государствами. Эти эффекты нефти наблюдаются преимущественно в странах Ближнего Востока и Северной Африки, где количество женщин-парламентариев в не имеющих углеводородов государствах в три раза превосхо-

текстильных изделий, чем бедные. Если мы разделим страны в зависимости от дохода, как это сделано в первых двух строках, воздействие нефти на экспорт текстильных изделий становится очевидным.

ТАБЛИЦА 4.3. Места в парламентах, занимаемые женщинами в 2002 г.
Среднее количество мест в нижних палатах парламентов

	Страны		Разница
	Не имеющие запасов	Нефтедобывающие	
по доходу			
Низкие доходы (< \$5000)	13,9	11,0	-2,9*
Высокие доходы (> \$5000)	20,1	16,0	-4,0
по регионам			
Ближний Восток и Сев. Африка	10,4	3,0	-7,5***
Все остальные страны	15,7	17,6	1,9
Все остальные развивающиеся страны	14,3	13,9	-0,4
в общем			
Все страны	15,5	13,3	-2,2

* значительно на уровне 10%, в одностороннем t-критерии Стьюдента;

*** значительно на уровне 1%.

Источник: Рассчитано на основе данных Межпарламентского союза, представленных на сайте: <http://ipu.org/wmn-e/world.htm>.

дит аналогичный показатель для нефтедобывающих стран. В остальном мире связь между нефтью и долей женщин-законодательниц в парламентах не имеет статистической значимости.

Более подробно эти основные взаимосвязи рассматриваются в приложении 4.1. Для того чтобы проконтролировать другие факторы, которые могут повлиять на положение женщин в обществе, такие как доходы страны, уровень развития в ней демократии, а также исторические, культурные и региональные факторы, включая распространенность ислама, я использую регрессионный анализ. Исходя из полученных данных, у меня есть все основания предположить, что в тех случаях, когда страна располагает большими запасами нефти, при прочих равных условиях в ней возникает тенденция к уменьшению количества женщин, работающих вне

дома. В соответствии с еще одним, более осторожным предположением, нефтяное богатство ведет к сокращению количества мест, занимаемых женщинами в парламентах. Кроме того, я показываю, что начиная с 1970-х гг. воздействие нефти на женщин возросло (выделить эту закономерность оказалось труднее, чем предыдущие).³²

До 1995 г. данные о количестве женщин-парламентариев отсутствуют, что затрудняет получение ответа на вопрос о динамике воздействия нефти на расширение политических возможностей женщин. Более того, в последние годы возникла глобальная тенденция к возрастанию роли женщин в политике, выразившаяся в значительном увеличении количества женщин-законодателей в более чем трех четвертях стран мира, включая некоторые богатые нефтью государства. Однако в последних темпы роста этого показателя были более медленными, чем в странах, небогатых углеводородами: в 1995–2002 гг. в бедных нефтью странах количество избранных в законодательные органы женщин увеличилось на 5%, а в богатых — всего на 2,9%. Если в подавляющем большинстве стран происходило расширение женского представительства, то в нефтедобывающих государствах, таких как Алжир, Россия и Казахстан (в каждой из которых денежные поступления от продажи углеводородов резко возросли) имело место его падение.

Внутри Ближневосточного региона

Можем ли мы быть уверенными в том, что на пути к расширению возможностей женщин Ближнего Востока встала нефть, а не ислам или культура и история региона? Для того чтобы провести более глубокое исследование, мы можем, например, внимательнее проанализи-

32. Отчасти это связано с необходимостью контроля над сильными глобальными трендами повышения доли женщин в составе рабочей силы, а также U-образным отношением между доходом и участием в труде женской рабочей силы. Более подробно см. приложение 4.1.

ровать общественное положение женщин на Ближнем Востоке. Страны региона объединяет общая религия и (в широком смысле) общая культура. Если бы источником проблем были они, то женщины должны были бы иметь одинаково низкие экономический и политический статусы во всех ближневосточных и североафриканских странах.

Но это не так. Общественное положение женщин в странах региона значительно различается. В некоторых странах их доля в общей численности рабочей силы достигает 25%, в других она составляет менее 5%; в ряде стран женщины получили избирательное право в 1940-е гг., в то время как в других они были лишены права избирать и быть избранными и в 2010 г.; в каких-то государствах женщины занимают в парламентах более 20% мест, в других их нет вовсе. Чем объясняются эти различия?

В отличие от религии и культуры, добыча нефти в странах региона варьируется в широком диапазоне и тесно коррелирует с положением женщин в обществе. На рис. 4.4–4.6 представлены диаграммы рассеяния, отображающие отношения между нефтяным богатством различных стран и различными показателями статуса женщин. В общем, обладающие самыми крупными запасами углеводородов государства, такие как Саудовская Аравия, Ирак, Ливия, Катар, Бахрейн, ОАЭ и Оман, характеризуются наименьшими долями женщин в составе несельскохозяйственной рабочей силы. Они же наиболее стойко сопротивлялись предоставлению женщинам избирательных прав и сейчас имеют самые низкие показатели представительства женщин в парламенте. Страны региона с низкими или отсутствующими запасами нефти (Марокко, Тунис, Ливан, Сирия и Джибути) одними из первых предоставили женщинам право избирать и быть избранными; в них выше доли присутствия женщин в рабочей силе и в парламентах; и в этих государствах в гораздо большей степени, по сравнению с нефтедобывающими соседями, признаются права женщин.

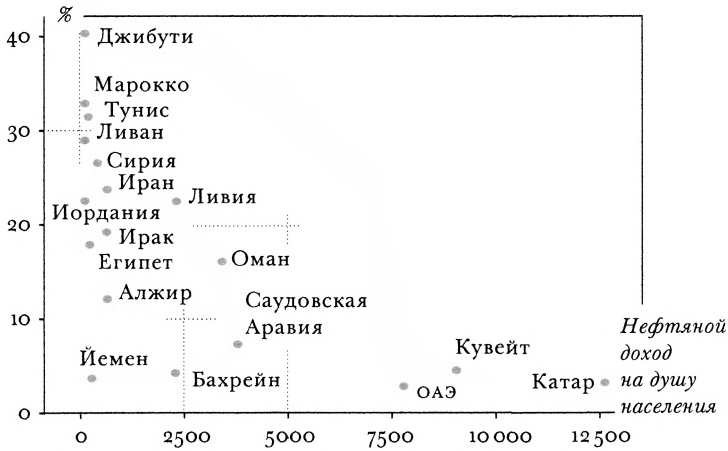

РИС. 4.4. Добыча нефти и доля женщин в составе несельскохозяйственной рабочей силы в различных странах Ближнего Востока в 1993–2002 гг.

Источник: Рассчитано на основе данных Международной организации труда опубликованных Всемирным банком (WorldBank 2004, 2005, n. d.).

Нефтяное богатство региона помогает объяснить некоторые из отклонений от общего правила. Несмотря на то, что в Йемене, Египте и Иордании запасы нефти либо полностью отсутствуют, либо объем ее добычи не слишком велик, доля женщин в рабочей силе этих стран (см. рис. 4.4) и в парламентах (см. рис. 4.6) меньше, чем этого можно было бы ожидать. Отчасти эти аномалии могут рассматриваться как результат денежных переводов трудовых мигрантов. В 1970–1990-е гг. названные выше страны были крупнейшими экспортерами рабочей силы в богатые нефтью государства Персидского залива и, соответственно, получателями крупных денежных перечислений семьям рабочих.³³ Подобно

33. В 1974–1982 гг. объем официальных денежных переводов в Египте составлял 3–13% ВВП, в Иордании — 10–31% ВВП, в Йемене —

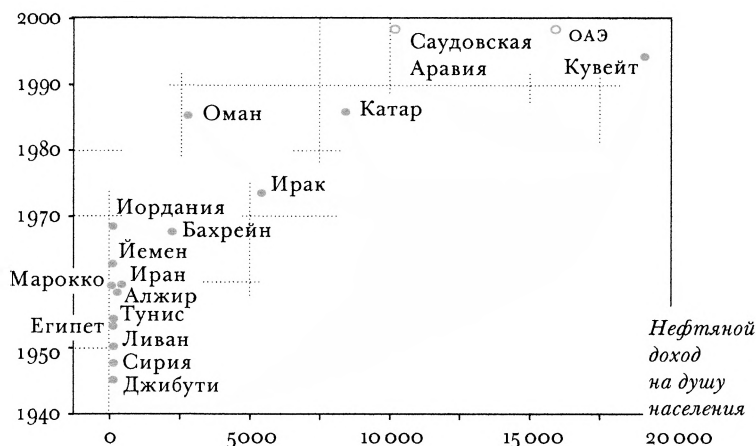

РИС. 4.5. Добыча нефти и избирательные права женщин в различных странах Ближнего Востока

Год, в котором женщины получили избирательные права. В Саудовской Аравии и ОАЭ женщины лишены избирательных прав; они остаются на графике, так как правительства этих государств объявили о предоставлении права голоса женщинам на выборах 2010 г.

нефти, крупные перечисления заработной платы из зарубежных стран способны инициировать начало «голландской болезни», затрудняющей развитие отраслей, в которых значительную часть занятых обычно составляют женщины. В частности, по таким показателям, как доля женщин в рабочей силе и участие женщин в деятельности представительных органов, Йемен уступает всем остальным ближневосточным странам; одновременно по денежным переводам от трудовых мигрантов (исчисленным, как доля в ВВП) он опережает любое другое государство региона.

22–69% ВВП. Вероятно, с учетом неофициальных поступлений, эти показатели были бы еще выше. См.: Choucri 1986.

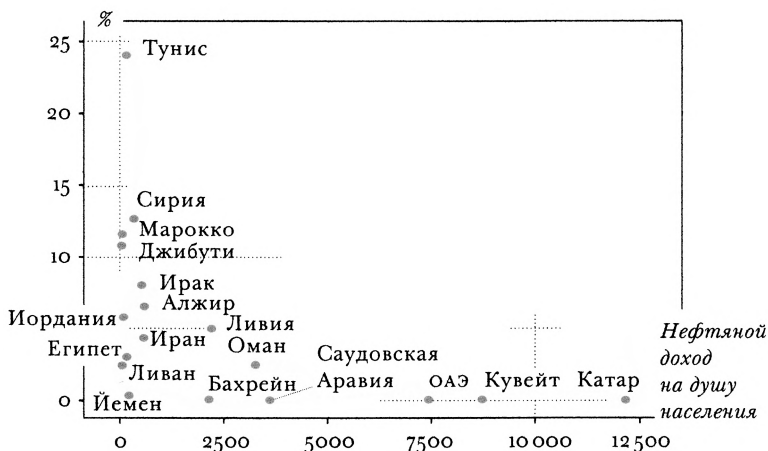

РИС. 4.6. Добыча нефти и доля женщин в парламентах стран Ближнего Востока в 2002 г.

Доли женщин в нижних палатах парламентов.

Источник: Рассчитано на основе данных Межпарламентского союза: <http://ipu.org/wmn-e/world.htm>.

Сопоставление Алжира, Марокко и Туниса

Следует сказать, что рассматривавшиеся нами матрицы, возможно, лишь отражают условия, в которых существуют государства Аравийского полуострова. Имеется в виду, что они по случайному стечению обстоятельств располагают огромными запасами нефти и одновременно проводят политику дискриминации женщин. Откуда нам известно, что во всем виновата нефть?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы можем обратиться к другим ближневосточным странам, расположенным не на побережье Персидского залива. Это позволило бы нам узнать, действительно ли нефть и плохие условия жизни женщин соединены друг с другом причинно-следственными связями. В идеале мы должны

были бы сопоставить страны, имеющие схожие историю и культуру, но отличающиеся друг от друга по уровням нефтяного богатства. Возможно, в наилучшей степени нашим целям соответствуют три соседних государства Северной Африки — Алжир, Марокко и Тунис. Это три бывшие колонии Франции, получившие независимость в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Вскоре после ее обретения во всех странах женщинам были предоставлены избирательные права. Население всех трех стран является преимущественно мусульманским. При этом мы видим, что если в Алжире показатели участия женщин в рабочей силе и их политического представительства являются относительно низкими, то в Марокко и Тунисе, напротив, относительно высокими (см. табл. 4.4).

Отмеченные нами различия могут быть в значительной степени приписаны нефтяному эффекту: Марокко и Тунис располагают относительно скромными запасами углеводородов, в то время как Алжир — очень крупными. В отсутствие нефти или при небольших ее запасах в первых двух странах рабочая сила является дешевой по международным стандартам. Начиная, примерно, с 1970 г. обе страны использовали преимущество недорогого труда для развития ориентированной на экспорт текстильной промышленности.

В Марокко и Тунисе эти отрасли сыграли важнейшую роль в привлечении женщин в ряды рабочей силы. В первой из стран, например, правительство начиная с 1969 г. поощряло экспорт текстильных и швейных изделий в Европу в надежде, что это позволит сократить очень высокий уровень безработицы среди мужчин. Несмотря на быстрый рост текстильной отрасли, компании специально искали и набирали на работу незамужних женщин, поскольку они соглашались на более низкую заработную плату; низкий уровень затрат на оплату труда позволял этим фирмам конкурировать на европейском рынке. К 1980 г. доля женщин в рабочей силе, занятой в марокканской текстильной промышленности достигла 75%, хотя на фабриках, поставлявших

ТАБЛИЦА 4.4. Сопоставление Алжира, Марокко и Туниса
Данные на 2003 г. за исключением специально отмеченных показателей. Данные о доходах и объеме экспорта приводятся в постоянных долларах 2000 г.

	Алжир	Марокко	Тунис
СПРАВОЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ			
Население (млн чел.)	31,8	30,1	9,9
Мусульманское население (в %)	97	98	99
Доход в расчете на душу населения	\$1915	\$1278	\$2214
НЕФТЬ ПРОТИВ ПРОМЫШЛЕННОСТИ			
Нефтяной доход на душу населения	\$1037	\$0	\$121
Объем экспорта текстильных и швейных изделий на душу населения	\$0,09	\$94	\$287*
ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В ОБЩЕСТВЕ			
Участие женщин в рабочей силе (%)	12**	26**	25**
Доля женщин в парламенте (%)	6,2*	10,8*	22,8*
Индекс гендерных прав	2,8	3,1	3,2

*данные за 2002 г.; **только несельскохозяйственный труд; данные за 2000 г.; см.: Livani 2007.

текстильные изделия на внутренний рынок, по-прежнему преобладали мужчины.³⁴

В конце 1970-х гг. закрытие европейских рынков нанесло сильный удар по текстильной промышленности Марокко, пережившей глубокий спад производства. Но после проведенных по инициативе государства в конце 1980-х — начале 1990-х гг. структурных реформ в отрасли вновь начался быстрый рост. К 2004 г. текстильная промышленность была основным источником доходов Марокко от экспорта. На нее пришлось три четверти роста женской занятости в 1990-е гг.³⁵

Во многом схожий путь прошла тунисская текстильная промышленность — расширение, благодаря росту экспортных поставок, в 1970-х гг., опора на малоопла-

34. Joeckes 1982.

35. Assaad 2004.

чиваемый женский труд и отрицательные изменения в европейской торговой политике.³⁶ Сегодня по такому показателю, как участие женщин в рабочей силе, Тунис и Марокко опережают все страны Ближнего Востока.

Высокие показатели доли женщин в рабочей силе в значительной степени обусловили существование в каждой из двух стран массового и энергичного движения за гендерные права. В отличие от других ближневосточных стран, в Марокко и Тунисе функционируют женские организации, в центре внимания которых находятся проблемы труда женщин, включая право на отпуск по беременности и родам, повышение минимального возраста приема на работу, сексуальные домогательства и расширение прав местных рабочих.³⁷

Развитию женского движения в Тунисе способствовало важное преимущество, заключавшееся в том, что вскоре после получения страной независимости президент Хабиб Бургиба инициировал принятие «Закона о семейном праве», предоставившего женщинам более широкие права в браке, и открывшего возможности значительного повышения уровней образования и занятости. Марокканское семейное право было значительно более консервативным. Предпринимавшиеся женскими группами в 1960–1980-х гг. попытки его реформирования привели лишь к «косметическим» изменениям.³⁸

В 1950–1960-е гг. в Марокко действовали несколько женских организаций (возглавлявшихся мужчинами), занимавшихся в основном социальной и благотворительной деятельностью. В 1970–1984 гг. их количество резко увеличилось (с 5 до 32) и многие из организаций сосредоточились на борьбе за права женщин.

В 1990–1992 гг. коалиция женских групп (включая профсоюзы) Марокко собрала более одного миллиона подписей под петицией, призывающей к осуществлению

36. Baud 1977; White 2001.

37. Moghadam 1999.

38. Charrad 2001.

реформы семейного права, направленной на то, чтобы предоставить женщинам новые права в браке, при разводе, в опеке над детьми и при получении наследства. Консервативным приверженцам ислама удалось сплотить всех своих сторонников и блокировать принятие каких бы то ни было новых законов. Марокканские политические партии, включая светские оппозиционные организации, отказали в поддержке содержащихся в петиции требований. Тем не менее движение за права женщин продолжало оказывать давление на короля Хасана II, который в конечном счете одобрил пакет ограниченных реформ в этой сфере.³⁹

В конце 1990-х — начале 2000-х гг. женские группы Марокко вынуждены были вести борьбу с мощными оппозиционными силами, подвергая себя смертельным угрозам. Несмотря на это, им удалось добиться осуществления дальнейших реформ, включая принятие нового трудового кодекса, признающего гендерное равенство и вводящего уголовную ответственность за сексуальные домогательства; продолжение реформы семейного права; и установление неофициальной 20%-й квоты для женщин для парламентских партий. Новые меры вкупе с энергией женского движения привели к тому, что в 1997–2002 гг. количество женщин, баллотировавшихся в местные органы власти, увеличилось в 3 раза, а их представительство в парламенте возросло с 0,6% в 1995 г. до 10,8% в 2003 г.⁴⁰

В Тунисе женские организации добились еще больших успехов. Доля женщин в парламенте страны возросла с 6,7% в 1995 г. до 22,8% в 2002 г. По этому показателю Тунис превосходит не только государства Ближнего Востока, но и такие западные страны, как США, Великобритания и Канада.⁴¹

Положение женщин в бедном нефтью Марокко резко контрастирует с богатым углеводородами Алжиром. Простодушный наблюдатель может ожидать, что

39. Brand 1998; Wuerth 2005.

40. World Bank 2004.

41. Moghadam 1999; World Bank 2004.

в Алжире должно быть больше женщин в рабочей силе и парламенте, чем в Марокко: марокканцы придерживаются более консервативных религиозных воззрений, а алжирцы получают существенно более высокие доходы; длительное время у власти в Алжире находилось социалистическое правительство, в то время как Марокко — монархия, имевшая сильные племенные корни.⁴²

В действительности Алжир уступает и Марокко, и Тунису по таким показателям, как доля женщин в несельскохозяйственной рабочей силе и доля женщин в парламенте, а также по уровню защиты гендерных прав.

Более низкий статус алжирских женщин отчасти объясняется воздействием экономических сил, и прежде всего, нефтяной промышленности страны. В течение длительного времени экономика Алжира основывалась на добыче углеводородного сырья: в 1970–2003 гг. около половины ВВП страны формировалось за счет добычи и продажи нефти. Неудивительно, что Алжир страдал от «голландской болезни»: по крайней мере, с начала 1970-х гг. торгуемый сектор экономики (сельское хозяйство и обрабатывающая промышленность) оставался удивительно небольшим по размерам (с точки зрения размеров страны и получаемого дохода), в то время как неторгуемый (строительство и услуги) — необычно крупным.

В 1990-е гг. правительство Алжира, планировавшее вступить в конкуренцию с Тунисом и Марокко, выступило с инициативой по диверсификации экспортного сектора. Но вследствие «голландской болезни» затраты на оплату труда оказались слишком высокими. В текстильной промышленности заработная плата алжирских швей-мотористок, прядильщиков, ткачих-суконщиц и наладчиков оборудования была в 2–3 раза выше, чем у тунисских работниц и рабочих (см. рис. 4.7).⁴³ Посколь-

42. Blaydes and Linzer 2008.

43. Основывается на данных из работы Р. Фримена и Р. Остендорпа (Freeman and Oostendorp 2009). В ней отсутствуют соответствующие сведения о текстильной промышленности Марокко.

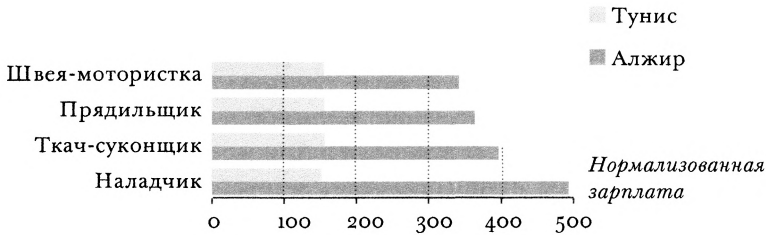

РИС. 4.7. Заработная плата рабочих в текстильной промышленности Туниса и Алжира в 1987–1991 гг.

Нормализованные тарифы заработной платы. Данные о тарифах для наладчиков относятся только к 1987–1989 гг.

Источник: Freeman and Oostendorp 2009.

ку алжирская обрабатывающая промышленность оказалась неконкурентоспособной на международных рынках, она оставалась под защитой протекционистской политики государства. В результате данная отрасль оставалась небольшой по размерам, капиталоемкой и ориентированной на внутренние потребности.⁴⁴ Вследствие этого обрабатывающая промышленность предъявляла относительно низкий спрос на низкооплачиваемую рабочую силу.

Если бы Марокко и Тунис имели бы такую же крупную нефтедобывающую промышленность как в Алжире, они никогда бы не вышли в первые ряды экспортеров текстильных и швейных изделий, так как «голландская болезнь» привела бы к значительному повышению затрат на рабочую силу. В отсутствие крупных, ориентированных на экспорт секторов обрабатывающей промышленности, марокканские и тунисские женщины значительно медленнее пополняли бы ряды армии наемного труда, что ограничило бы возможности организации и поставило бы под вопрос осуществление

44. Auty 2003.

важнейших реформ (особенно в Марокко, с его более консервативным, чем в Тунисе, режимом правления).

В определенных обстоятельствах добыча нефти и природного газа способна оказать отрицательное воздействие на роль женщин в рабочей силе, вследствие чего уменьшается вероятность приобретения ими политического влияния. Без большого количества женщин, участвующих в экономической и политической жизни страны, не стоит и надеяться на изменение традиционных патриархальных институтов. Короче говоря, углеводороды увековечивают патриархат. Эта динамика способна помочь объяснить удивительно слабое влияние женщин в странах, богатых нефтью, газом и другими полезными ископаемыми на Ближнем Востоке (Саудовская Аравия, Кувейт, Оман, Алжир и Ливия), а также, возможно, в Латинской Америке (Чили), Африке к югу от Сахары (Ботсвана, Габон, Мавритания и Нигерия) и в бывшем СССР (Азербайджан и Россия).⁴⁵

Однако нефтяное богатство отнюдь *не обязательно* оказывает отрицательное воздействие на положение женщин в обществе. Все зависит от того, имеются ли у женщин возможности работы в сфере услуг, расширяющейся в tandem с ростом денежных поступлений от продажи нефти. Известно семь стран мира, добывающих нефть и природный газ в значительных количествах и тем не менее добившихся большего прогресса в достижении гендерного равенства, чем мы могли бы ожидать, исходя из размеров получаемых ими доходов: Норвегия, Новая Зеландия, Австралия, Узбекистан, Туркменистан, Сирия и Мексика. В первых трех странах женщины имеют возможность работать во всех частях экономики (не только в обрабатывающей промышленности). Поэтому рост экспорта нефти не приводит к сокращению количества рабочих мест для женщин.

45. Критические отзывы о моем более раннем исследовании нефти и женщин, а также мой ответ см. в декабрьском выпуске журнала *Politics and Gender* за 2009 г.

Две центральноазиатские страны длительное время находились в составе СССР, в котором для повышения роли женщин использовались административные методы руководства. Возможно, тем самым они получили прививку от усиливаемого нефтью патриархата.

Вероятно, наиболее интересными исключениями являются Сирия и Мексика: в обоих государствах в течение многих лет у власти находились светские левоцентристские партии, уделявшие большое внимание расширению прав женщин. Кроме того, близость Мексики к рынку США позволила ей развивать в пограничной зоне основанную на использовании малооплачиваемого труда экспортно ориентированную обрабатывающую промышленность. Растущая промышленность «притягивала» женщин на рынок труда, несмотря на поток нефтяной ренты. Таким образом, в некоторых случаях удачное стечение обстоятельств и заинтересованное в расширении прав женщин государство способны противостоять отрицательным воздействиям нефти на их положение в обществе.

❧ ПРИЛОЖЕНИЕ 4.1 ❧

Статистический анализ нефти и положения женщин в обществе

В этом приложении описываются некоторые условия, при выполнении которых нефтяной доход статистически коррелирует с участием женщин в рабочей силе и женским представительством в органах власти. Ключевые идеи главы 4 могут быть инкапсулированы в двух гипотезах:

Гипотеза 4.1. В случае когда женщины исключены из рабочей силы, занятой в сфере услуг и государственном управлении, увеличение объема добычи нефти ведет к сокращению их участия в рабочей силе.

Гипотеза 4.2. В случае когда женщины исключены из рабочей силы, занятой в сфере услуг и государственном управлении, увеличение объема добычи нефти ведет к ограничению их политического влияния.

Дополнив эту модель положением, обоснование которого было представлено в главе 2 (об усилении политических воздействий нефти начиная с 1970-х гг.), я получаю возможность сформулировать третью гипотезу:

Гипотеза 4.3. После 1980 г. нефтяной доход будет оказывать более сильное влияние на положение женщин, чем до 1980 г.

Данные и методы

Для того чтобы проиллюстрировать рассматриваемые матрицы, я предлагаю оценки двух наборов данных: первые используют межстрановую панель с 1960 по 2002 г. и оцениваются как пул для выбранного отрезка времени для всех государств, когда основное внимание сосредотачивается на изменениях внутри стран с течением времени; для осуществления второй оценки используются только межстрановые данные, и основное внимание концентрируется на различиях между государствами. Для того чтобы рассмотреть отношение между нефтяным доходом страны и участием женщин в рабочей силе я использую оба метода. Межстрановые данные используются и для анализа отношений между нефтью и политическим представительством женщин. Поскольку данные о политическом представительстве доступны только за самые последние годы, мы имеем возможность проследить различия между странами, но не изменение этих показателей во времени.

Наличие объединенных, относящихся к временным рядам, данных для выбранного отрезка времени, позволяет мне сосредоточить внимание, главным образом, на происходящих с течением времени вариациях

внутри различных стран. Кроме того, я хотел бы узнать, как изменения в моих независимых переменных приводят к изменениям зависимых переменных. Поэтому я обращаюсь к модели первых разностей с постоянными страновыми эффектами, которая может быть записана следующим образом:

$$Y_{i,t} - Y_{i,t-1} = \alpha_i + \beta(x_{i,t} - x_{i,t-1}) + \beta(\varepsilon_{i,t} - \varepsilon_{i,t-1}),$$

где i — страна, t — год, x — серии объясняющих переменных; и переменные в правой стороне уравнения запаздывают на один год.

Модель первых разностей с постоянными эффектами обладает рядом полезных для нас свойств. Стандартные модели МНК позволяют увидеть, действительно ли уровень объясняющей переменной коррелирует с уровнем зависимой переменной. В свою очередь, модель первых разностей используется для того, чтобы ответить на вопрос: ассоциируются ли изменения в объясняющей переменной с изменениями в зависимой переменной? Поскольку модель сосредоточена на изменениях, а не на уровне переменных, она помогает контролировать страновую гетерогенность. К тому же она позволяет внести поправку на направление зависимой переменной: устойчивый рост доли женщин в составе рабочей силы в 1960–2002 гг.; если не принять его во внимание, мы рискуем получить смещенные оценки объясняющих переменных. Включение в модель постоянных страновых эффектов позволяет тенденциям в изменении доли женщин в рабочей силе варьировать от страны к стране. Для того чтобы компенсировать любую остающуюся автокорреляцию, используется авторегрессионный процесс первого порядка (AR1).

Недостаток модели первых разностей с постоянными эффектами заключается в том, что она не способна ничего сообщить нам о влиянии факторов (значительно варьирующихся от страны к стране, но мало изменяющихся в пределах одного государства), таких как религиозные традиции или положение страны в бо-

лее крупном регионе. Для того чтобы захватить роль этих постоянных «инертных» переменных, я использую межстрановые тесты.

Для межстрановых оценок я применяю группирующую формулу оценки, позволяющую сопоставить в некотором периоде времени средние значения объясняющих переменных с зависимыми переменными. Она может быть записана как:

$$\bar{Y}_i = \alpha_i + \beta \bar{x}_i + \varepsilon_i,$$

где i — страна, а x — серии объясняющих переменных, значения которых усреднены для нескольких лет. Использование средних значений каждой переменной за период времени помогает добиться снижения погрешности измерений. В данной модели я применяю средние значения переменных за последний доступный десятилетний период, для которого имеются данные о расширении возможностей женщин (1993–2002 гг.).

Зависимые переменные

Мы используем две зависимые переменные. *Участие женщин в рабочей силе* используется для обозначения доли в официальной численности рабочей силы, которую составляют гражданки страны. Ее значение определялось на основе данных, полученных Международной организацией труда, благодаря проведению национальных опросов и переписей. Эти сведения использовались Всемирным банком при разработке «Показателей мирового развития». Отметим три недостатка, присущие избранной нами переменной: имеются межстрановые различия в определении состава и способах измерения участия в рабочей силе; некоторые страны учитывают в составе рабочей силы иностранных рабочих, а другие — только своих граждан; в измерениях зачастую не проводится различие между несельскохозяйственным сектором и сельским хозяйством, а показатели занятости в последнем могут учитывать труд в домашних хозяйствах.

Первая проблема может быть устранена с помощью модели первых разностей с постоянными эффектами, так как она позволяет измерить происходящие со временем изменения внутри одной страны, но не межгосударственные различия. До тех пор пока страны используют последовательные во времени определения «участия женщин в рабочей силе», межстрановые различия в измерениях не должны любым очевидным образом приводить к смещениям в оценках. При интерпретации полученных оценок необходимо проявлять осторожность, принимая во внимание проблемы, связанные с межгосударственными сравнениями.

Две другие проблемы могут быть устранены посредством вычитания из показателя *участия женщин в рабочей силе* количества женщин, занятых в сельском хозяйстве и иностранных работниц.⁴⁶ Внесение необходимых изменений возможно только для самых последних лет (данные за предшествовавшие годы ограничены). Скорректированные данные могут использоваться только для межгосударственных сравнений, но не в модели первых разностей.

Другой зависимой переменной является политическое влияние женщин, которое я измеряю как долю занимаемых женщинами в 2002 г. мест в парламенте каждой страны (в государствах с двухпалатным законодательным органом — в нижней палате). Эту переменную я называю *женское представительство*.⁴⁷

Женское представительство — весьма грубый показатель политического влияния женщин. Тем не менее не вызывает сомнений, что присутствие большего количества женщин в органе законодательной власти поощряет приобретение политических знаний, интерес и уча-

46. Данные о количестве женщин, занятых в сельском хозяйстве, см. публикацию Всемирного банка (World Bank 2005). Данные об иностранных работницах см. в: World Bank 2004, 2005.

47. Данные Межпарламентского союза представлены на сайте организации по адресу: <http://ipu.org/wmn-e/world-arc.htm>.

стие в политике других женщин.⁴⁸ По данным одного из исследований, женщины-законодатели предпочитают политические решения, которые не находят поддержки у их коллег-мужчин.⁴⁹ Выбранный мною показатель политического влияния женщин используется и в других глобальных исследованиях.⁵⁰ Да, введение гендерных квот способствует повышению парламентского представительства женщин. Но это отнюдь не уменьшает ценности *женского представительства* как показателя политического влияния, поскольку само решение об установлении минимального присутствия обычно является знаком влиятельности женщин в обществе.⁵¹ Так как необходимые данные были получены только в самые последние годы, я могу использовать их только для проведения сравнений между странами.

Независимая переменная

В других главах в качестве независимой переменной использовался натуральный логарифм нефтяного дохода страны в расчете на душу населения. И здесь я обращаюсь к *нефтяному доходу в расчете на душу населения*, но без логарифмического преобразования. При этом я исхожу не столько из теоретических, сколько из прагматических соображений: если *нефтяной доход* устойчиво коррелирует с положением женщин в обществе, то *нефтяной доход (лог.)* — нет. К сожалению, представленная в главе 4 теоретическая модель не позволяет нам сделать осознанный выбор основной переменной. Вероятно, отношения между *нефтяным доходом* и показателями положения женщин в обществе носят приближенный к линейному характер. В этом случае *нефтяной доход* в наибольшей степени соответствует нашим задачам. Поскольку распределение *нефтяного дохода* является в высшей степени

48. Hansen 1997; Burns, Schlozman, and Verba 2001.

49. Chattopadhyay and Duflo 2004.

50. См., например: Reynolds 1999; Inglehart and Norris 2003.

51. Caul 2001; Baldez 2004.

неравномерным, существует опасность, что любые корреляции могут слишком сильно завесить от количества наблюдений, в которых были получены крупные значения. Для того чтобы установить наличие этой проблемы, я использовал несколько проверок на устойчивость (их описание см. ниже). В межстрановых оценках и *нефтяной доход* и *нефтяной доход (лог.)* коррелируют с *участием женщин в рабочей силе*. Но с *женским представительством* коррелирует только *нефтяной доход*.

Корреляция объема добываемой в стране нефти и статуса женщин в обществе может объясняться не только рассматривавшимися в этой главе причинами, но и другими факторами. В приложении 1.1 упоминалось о том, что инвестиции в геологическую разведку и извлечение нефти способствуют росту ее добычи. Более богатые и стабильные, «правильно» управляемые страны осуществляют такого рода капиталовложения в больших объемах. Однако эти связи, вероятно, приводят к смещению переменной *нефтяной доход* не в пользу наших гипотез. Очевидно, что страны с лучшими условиями для женщин (т. е. более богатые и вестернизированные) привлекают более крупные инвестиции, а значит, демонстрируют тенденцию к более высоким объемам добычи нефти.

Контрольные переменные

Контроль над базисной моделью *участия женщин в рабочей силе* осуществляется посредством включения в нее двух других факторов. Первый из них — получаемый страной доход, отношение которого с *участием женщин в рабочей силе* описывается U-образной кривой, форма которой определяется противоположными воздействиями растущего дохода на заработную плату женщин (поощряющего участие женщин в рабочей силе) и недополученного дохода домашних хозяйств (дестимулирующее воздействие на участие женщин в рабочей силе).⁵² Я моделирую этот эффект, включая в регрессии

52. Mammen and Paxson 2000.

для участия женщин в рабочей силе и логарифм дохода на душу населения, и квадрат логарифма дохода. В качестве второго фактора контроля используется показатель *трудоспособного возраста*, исчисляемый как доля населения страны в возрасте от 15 до 64 лет, который должен непосредственно воздействовать на количество женщин в составе рабочей силы.

Устойчивость модели первых разностей проверялась несколькими способами (их описание см. ниже). Устойчивость межстрановой модели проверяется включением в нее трех других относительно постоянных факторов, которые могут воздействовать на участие женщин в рабочей силе:

- *Ближний Восток* как фиктивная переменная для 17 ближневосточных и североафриканских государств.
- *Мусульманское население* — переменная, измеряющая долю мусульман в численности населения каждой из стран.
- *Коммунистическая политика* — фиктивная переменная, используемая в отношении 34 государств, правовые системы которых начиная с 1960 г. в тот или иной момент времени можно было охарактеризовать как коммунистические. Ее предназначение заключается в отражении сохраняющегося влияния коммунистической политики на уровень занятости женщин.

Для контроля над базисной моделью *женского представительства* используются факторы *дохода* и *Ближнего Востока*. При исследовании степени устойчивости модели в нее включаются *мусульманское население* и два показателя политических институтов государства: *форма правления*, как показатель существующего в стране режима (см. также приложение 3.1) и *пропорциональное представительство* — фиктивная переменная для государств, парламенты которых избираются в соответствии с одноименным принципом. В соответствии с результатами проводившихся в прошлом исследований, избиратель-

ные системы, основанные на принципе пропорционального представительства, способствуют повышению вероятности избрания женщин в парламент.⁵³

Результаты

Для того чтобы упростить отображение полученных результатов, я отказался от демонстрации констант или годовых фиктивных переменных (в случаях их использования). Кроме того, *нефтяной доход* выражается в постоянных долларах 2000 г. в расчете на душу населения.

Участие женщин в рабочей силе

В табл. 4.5 отображаются результаты оценок первой разности. Зависимой переменной являются их ежегодные изменения. Обращаясь к первому столбцу, мы видим, что контрольные переменные — *доход*, *квадрат дохода* и *трудоспособный возраст* — тесно коррелируют с *участием женщин в рабочей силе* в ожидаемых направлениях. Во втором столбце к модели добавляется *нефтяной доход*; этот фактор отрицательно коррелирует с *участием женщин в рабочей силе* и является статистически значимым на уровне 0,01, что соответствует *гипотезе 4.1*, согласно которой увеличение нефтяного дохода ведет к снижению участия женщин в рабочей силе.

В остальных столбцах табл. 4.5 показаны результаты шести проверок на устойчивость. В третьем столбце я опускаю страновые постоянные эффекты из опасения, что в сочетании с авторегрессионным процессом первого порядка (AR1) они могут привести к смещению оценок.⁵⁴ *Нефтяной доход* сохраняет высокую значимость, а значения коэффициентов изменяются незначительно. В модели, показанной в четвертом столбце, для контроля над автокорреляцией я применяю альтернативную

53. См.: Reynolds 1999; Tripp and Kang 2008; Iverson and Rosenbluth 2008.

54. См.: например, Arellano and Bond 1991.

процедуру, используя вместо процесса AR1 серии годовых фиктивных переменных; полученные результаты в основном остались неизменными.

Диаграмма зависимости диагональных элементов матрицы линейного проектора регрессии от квадратов остатков регрессии⁵⁵ (leverage-versus-residual-square plot) позволяет предположить, что сильное значение на эти результаты оказывают наблюдения, относящиеся к Саудовской Аравии и Кувейту. В пятом столбце я рассматриваю выборку в отсутствие названных выше стран. Несмотря на то, что по сравнению с базисной моделью из второго столбца, абсолютное значение коэффициентов *нефтяного дохода* снизилось почти на 25%, сама переменная тесно коррелирует с *участием женщин в рабочей силе*.

Результаты значительно более жесткой проверки модели представлены в шестом столбце таблицы — из выборки изъяты данные о всех ближневосточных и североафриканских странах. В этом случае *нефтяной доход* утрачивает статистическую значимость. В седьмой столбец я включил только наблюдения о 17 странах Ближнего Востока и Северной Африки; в этом случае происходит восстановление значимости *нефтяного дохода*. И наконец, в восьмом столбце я заменяю *нефтяной доход* показателем *логарифмического нефтяного дохода*. Как отмечалось выше, в данном случае корреляция с *участием женщин в рабочей силе* отсутствует.

В табл. 4.6 я разделяю выборку по временному принципу для того, чтобы ответить на вопрос о справедливости *гипотезы 4.3* об усилении нефтяных эффектов после 1970-х гг. В 1960–1979 гг. *нефтяной доход* слабо коррелирует с *участием женщин в рабочей силе* (первый столбец), но в 1980–2002 гг. степень корреляции становится очень

55. Матрица линейного проектора регрессии $H = X(X'X)^{-1}X'$ (где X — матрица объясняющих переменных). Данный вид диаграмм используется для визуального анализа наличия возможных выбросов в данных. — *Прим. науч. ред.*

ТАБЛИЦА 4.5. Показатели участия женщин в рабочей силе в 1960–2002 гг.

Коэффициенты МНК-регрессии. Все объясняющие переменные получены по методу первой разницы и запаздывают на один год.

	(1)	(2)	(3)
Доход (лог.)	-0,154** (0,105)	-0,250*** (0,106)	-0,266*** (0,105)
Квадрат дохода (лог.)	0,0135 (0,00760)	0,0215*** (0,00776)	0,0225*** (0,00766)
Трудоспособный возраст	0,0822*** (0,0184)	0,0806*** (0,0184)	0,0823*** (0,0161)
Нефтяной доход	— (—)	-0,00512*** (0,00105)	-0,00545*** (0,00102)
Нефтяной доход (лог.)	— (—)	— (—)	— (—)
Постоянные эффекты	Да	Да	Нет
Включенные страны	Все	Все	Все
Количество стран	168	168	168
Наблюдения	5369	5569	5737
Недостающие наблюдения	11,9%	11,9%	9,3%
R-квадрат	0,067	0,072	0,071

сильной (второй столбец). В третьей и четвертой колонках я вновь обращаюсь к этим двум временным периодам, однако рассматриваю только страны Ближнего Востока и Северной Африки. В обоих периодах *нефтяной доход* значимо коррелирует с *участием женщин в рабочей силе*, но в 1980–2002 гг. значение коэффициента *нефтяного дохода* примерно в девять раз выше, чем в предшествовавший период (1960–1979 гг.). В остальном мире в 1960–1979 гг. *нефтяной доход* положительно ассоциировался с *участием женщин в рабочей силе*, но в 1980–2002 гг. имела место отрицательная связь.

УГЛЕВОДОРОДЫ УВЕКОВЕЧИВАЮТ ПАТРИАРХАТ

В четвертом столбце я использую не авторегрессионный процесс первого порядка (AR1), а годовые фиктивные переменные (не показаны). Оценки устойчивости стандартных ошибок заключены в круглые скобки.

(4)	(5)	(6)	(7)	(8)
-0,244* (0,170)	-0,033 (0,0860)	-0,0027 (0,107)	-0,476 (0,738)	-0,154** (0,105)
0,0113* (0,0122)	0,0034 (0,00633)	0,00038 (0,00835)	0,0397 (0,0438)	0,0134*** (0,00762)
0,134*** (0,00976)	0,0468*** (0,0178)	0,0371** (0,0199)	0,190*** (0,0424)	0,0822*** (0,0184)
-0,009674*** (0,00190)	-0,00395*** (0,00999)	0,0072 (0,00297)	-0,00556** (0,00246)	— (—)
— (—)	— (—)	— (—)	— (—)	-0,000393 (0,00453)
Да	Да	Да	Да	Да
Все	Кроме SAU и KWT	Кроме Бл. Вост.	Только Бл. Вост.	Все
168	166	151	17	168
5737	5502	5028	541	5569
9,3%	11,9%	10,3%	24,4%	11,9%
0,096	0,071	0,058	0,061	0,067

*значимо на уровне 10%; ** значимо на уровне 5%;

*** значимо на уровне 1%.

Полученные оценки согласуются с *гипотезой 4.3*, согласно которой после 1980 г. нефть способствовала значительному сокращению участия женщин в рабочей силе и на Ближнем Востоке, и в остальном мире.

В *межстрановых оценках* нефтяной доход связан и с более низким участием женщин в рабочей силе (табл. 4.7). В первом столбце таблицы показаны только контрольные переменные. Во втором столбце я добавляю переменную *нефтяной доход*, отрицательно коррелирующую с участием женщин в рабочей силе. Еще три контрольные переменные модели отображаются в третьей колонке.

НЕФТЯНОЕ ПРОКЛЯТИЕ

ТАБЛИЦА 4.6. Участие женщин в рабочей силе до и после 1980 г. Коэффициенты МНК-регрессии. Все объясняющие переменные получены по методу первой разницы и взяты с лагом в один год. Оценки устойчивости стандартных ошибок заключены в скобки.

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Доход (лог.)	-0,0459 (0,121)	-0,406*** (0,158)	0,116 (0,270)	0,607 (1,873)	-0,167 (0,141)	-0,0124 (0,151)
Квадрат дохода (лог.)	0,00407 (0,00894)	0,035*** (0,0111)	-0,00699 (0,0178)	-0,00549 (0,0770)	0,0150 (0,0110)	0,00132 (0,0119)
Трудоспособный возраст	0,0202 (0,0230)	0,108*** (0,0208)	-0,103*** (0,0373)	0,286*** (0,0554)	0,0575** (0,0284)	0,0339 (0,0228)
Нефтяной доход	-0,00071 (0,00097)	-0,0132*** (0,00245)	-0,00147** (0,000707)	-0,0136** (0,00670)	0,0283*** (0,00747)	-0,0191*** (0,00522)
Годы	1960–1979	1980–2003	1960–1979	1980–2003	1960–1979	1980–2003
Включенные страны	Все	Все	Только Бл. Вост.	Только Бл. Вост.	Кроме Бл. Вост.	Кроме Бл. Вост.
Количество стран	122	168	14	17	108	151
Наблюдения	1938	3505	178	349	1760	3156
Недостающие наблюдения	18,5%	8,3%	34,6%	18,8%	17,5%	6,9%
R-квадрат	0,060	0,093	0,036	0,098	0,075	0,060

** значимо на уровне 5%; *** значимо на уровне 1%.

Включение этих переменных приводит к падению ко-
эффициента *нефтяного дохода* примерно на 50%, но он
остается значимо ассоциируемым с *участием женщин
в рабочей силе*.

Четвертый столбец необходим для ответа на вопрос об
особом воздействии *нефтяного дохода* на ближневосточ-
ные страны. Я добавляю переменную взаимодействия
нефтяного дохода и фиктивной переменной *Ближний Во-
сток*. Оно является в высокой степени значимым, след-
ствием чего становится изменение знака переменной
нефтяной доход и утрата ею статистической значимости.

Представленные в табл. 4.5–4.7 результаты в целом
согласуются с *гипотезой 4.1* о том, что в странах опреде-

ТАБЛИЦА 4.7. Участие женщин в рабочей силе в 1993–2002 гг. Коэффициенты МНК-регрессии. Приведены средние за период значения переменных. Оценки устойчивости стандартных ошибок заключены в скобки

	(1)	(2)	(3)	(4)
Доход (лог.)	-15,04** (6,550)	-18,50*** (6,293)	-13,02** (6,118)	-14,22** (6,196)
Квадрат дохода (лог.)	0,926** (0,402)	1,210*** (0,383)	0,973** (0,374)	1,020*** (0,376)
Трудоспособный возраст	-0,0264 (0,218)	0,000144 (0,196)	-0,636*** (0,286)	-0,529** (0,240)
Нефтяной доход	— (—)	-3,04*** (0,605)	-1,41*** (0,421)	0,193 (0,357)
Коммунистическое правление	— (—)	— (—)	8,248*** (2,902)	7,731*** (2,901)
Ближний Восток	— (—)	— (—)	-11,80*** (4,262)	-8,974** (4,519)
Ислам	— (—)	— (—)	-4,580 (3,604)	-5,127 (3,621)
«Нефтяной доход»* «Ближний Восток»	— (—)	— (—)	— (—)	-2,42*** (0,683)
Количество стран	168	168	168	168
Наблюдения	168	168	168	168
Недостающие наблюдения	1,2%	1,2%	1,2%	1,2%
R-квадрат	0,060	0,21	0,42	0,44

** значимо на уровне 5%; *** значимо на уровне 1%.

ленных типов (вероятно, преобладающих на Ближнем Востоке и в Северной Африке) увеличение нефтяного дохода приводит к падению такого показателя, как доля женщин в составе рабочей силы. Эта закономерность сохраняется и при межстрановых сопоставлениях последних лет и внутри стран в течение ряда лет, и на Ближнем Востоке, и (начиная с 1980 г.) в остальном мире. Проверки на устойчивость показывают, что альтернативные способы смягчения автокорреляции не оказы-

ТАБЛИЦА 4.8. Парламентское представительство женщин в 2002 г.
Коэффициенты МНК-регрессии. Оценки устойчивости стандартных ошибок заключены в скобки

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Доход (лог.)	1,916*** (0,504)	2,246*** (0,513)	1,955*** (0,578)	2,012*** (0,548)	2,349*** (0,582)	2,195*** (0,549)
Ближний Восток	-12,22*** (1,913)	-9,817*** (2,111)	-6,904*** (2,654)	-2,786 (2,967)	-8,132*** (2,689)	-8,712*** (2,538)
Нефтяной доход	— (—)	-1,242** (0,554)	-1,139** (0,538)	-0,801 (0,537)	-1,373** (0,617)	-1,229** (0,574)
Ислам	— (—)	— (—)	-4,071 (2,494)	-2,959 (2,447)	-5,084* (2,711)	-4,070 (2,669)
Участие женщин в рабочей силе	— (—)	— (—)	— (—)	0,284*** (0,0736)	— (—)	— (—)
Политический режим	— (—)	— (—)	— (—)	— (—)	-0,216 (0,163)	-0,430*** (0,159)
Пропорциональное представительство	— (—)	— (—)	— (—)	— (—)	— (—)	6,269*** (1,467)
Количество стран	162	162	162	162	162	162
Наблюдения	162	162	162	162	162	162
Недостающие наблюдения	4,7%	4,7%	4,7%	4,7%	4,7%	4,7%
R-квадрат	0,22	0,25	0,26	0,33	0,27	0,34

* значимо на уровне 10%; ** значимо на уровне 5%; *** значимо на уровне 1%.

вают воздействия на основную модель. Поскольку при использовании логарифмического нефтяного дохода корреляции отсутствуют, возможно, это указывает на линейную зависимость между нефтью и уровнем занятости женщин.

Тем самым мы получили еще одно свидетельство в пользу гипотезы 4.3 о резком усилении начиная с 1970-х гг. воздействия нефти на положение женщин на Ближнем Востоке и в других регионах мира.

Женское представительство

В табл. 4.8 представлены результаты межстрановых регрессий относительно *женского представительства* в парламентах. Первый столбец демонстрирует, что контрольные переменные *доход* и *Ближний Восток* значимо связаны с *женским представительством* в предполагаемых направлениях. Во втором столбце я добавил к модели *нефтяной доход*. Последний значимо ассоциируется с более низкими уровнями женского представительства, и его включение вызывает падение коэффициента *Ближнего Востока* примерно на 20%. В третьей колонке я включаю в модель контрольную переменную *мусульманское население*. У нас нет оснований для вывода о ее значимой корреляции с *женским представительством*, и ее включение вызывает незначительное изменение коэффициента *нефтяного дохода*.

В четвертом столбце модель включает *участие женщин в рабочей силе*. Этот фактор демонстрирует сильную положительную корреляцию с *женским представительством*. Его включение в модель вызывает снижение коэффициента *нефтяного дохода* почти на 30% и потерю статистической значимости. Это соответствует приведенному в главе 4 положению, согласно которому нефть обуславливает уменьшение политического влияния женщин, вызванного сокращением их присутствия в составе рабочей силы. Пятый и шестой столбцы показывают, что переменная *нефтяной доход* устойчива к включению двух контрольных переменных для политических институтов, способных воздействовать на женское политическое представительство. Речь идет о *политическом режиме* и *пропорциональном представительстве*.

Представляется, что здесь следует упомянуть и о некоторых не нашедших отражения в табл. 4.8 добавочных результатах. Переменная, используемая для измерения региональной магнитуды, так же как и переменная миграции, которая потенциально могла бы воздействовать на женское представительство. Данные о еще од-

ном гипотетическом факторе воздействия — закрытых списках — доступен только для 88-ми государств, и в усеченной выборке *нефтяной доход* не коррелирует с *женским представительством*. Когда выборка была разделена на страны Ближнего Востока и не входящие в этот регион государства, то *нефтяной доход* не коррелировал с *женским представительством* в обеих группах, а условие взаимодействия *нефтяного дохода* и фиктивной переменной *Ближний Восток* не достигло статистической значимости; одновременно его включение привело к утрате статистической значимости *нефтяным доходом*, хотя, возможно, в силу коллинеарности.

Полученные результаты соответствуют *гипотезе 4.2*, согласно которой, в определенных условиях углеводородный доход ведет к сокращению политического влияния женщин. Кроме того, они согласуются с ключевой частью рассматривавшейся нами в главе 4 модели: углеводороды обуславливают уменьшение количества женщин, представленных в органах законодательной власти, так как они вызывают сокращение их присутствия в составе рабочей силы.

Устойчивость

Результаты нескольких проверок на устойчивость для модели первых разностей рассматривались нами в табл. 4.5. В табл. 4.9 отображены результаты дополнительных проверок для межстрановых моделей; заметим, что коэффициенты *нефтяного дохода* и их статистическая значимость удовлетворяют следующим условиям:

1. В основных моделях, отображенных во втором столбце табл. 4.7 и втором столбце табл. 4.8.
2. Когда непрерывный показатель *нефтяного дохода* заменяется дихотомическим показателем, указывающим на страны, генерирующие *нефтяной доход* на уровне не менее \$100 в расчете на душу населения (используя постоянные доллары 2000 г.).

ТАБЛИЦА 4.9. Расширение возможностей женщин:
проверки на устойчивость

Коэффициенты переменной *Нефтяной доход* в каждой из моделей.

Более подробное описание содержится в тексте

	Участие женщин в рабочей силе	Женское пред- ставительство
Базисная модель	-3,04***	-1,24**
Дихотомическая нефть	-6,45***	-1,44
Логарифм нефтяного дохода	-1,29***	-0,310
Удаление ключевых стран	-2,66**	-1,41
Удаление ближневосточных стран	0,102	-0,883
Региональные фиктивные переменные	-2,57***	-0,917*

* значимо на уровне 10%; ** значимо на уровне 5%; *** значимо на уровне 1%.

3. Когда *нефтяной доход* заменяется логарифмическим *нефтяным доходом*.
4. Когда из выборки удалены два государства, оказывающие наиболее сильное влияние на межстрановые корреляции (согласно диаграмме зависимости диагональных элементов матрицы линейного проектора регрессии от квадратов остатков регрессии, ими являются Кувейт и Катар).
5. Когда из выборки удалены все ближневосточные страны.
6. Когда к основным моделям добавляются региональные фиктивные переменные для Латинской Америки, Африки к югу от Сахары, Южной Азии, Восточной Азии, стран бывшего СССР и государств — членов ОЭСР.

Корреляция *нефтяного дохода* и *участия женщин в рабочей силе* сохраняется в четырех из пяти проводившихся проверок. Корреляция утратила статистическую значимость только тогда, когда из выборки были удалены все ближневосточные и североафриканские страны. Это

могло указывать, что условия, при которых нефтяной доход воздействует на участие женщин в рабочей силе (в обществах, в которых женщины сталкиваются с жесткой дискриминацией в неторгуемом секторе), складываются главным образом в странах Ближнего Востока и Северной Африки.

Представляется, что зависимость между *нефтяным доходом* и *женским представительством* носит более изменчивый характер. Она продемонстрировала устойчивость к включению таких контрольных переменных, как *мусульманское население*, политические институты (табл. 4.8, пятый и шестой столбцы) и региональные эффекты. Но в тех случаях, когда из выборки исключаются Катар и Кувейт, все ближневосточные страны и *нефтяной доход* заменяется либо дихотомическим показателем, либо логарифмом *нефтяного дохода*, рассматриваемая зависимость утрачивает статистическую значимость.

Возможно, в том, что корреляция между *нефтяным доходом* и *женским представительством* является менее устойчивой, чем корреляция между *нефтяным доходом* и *участием женщин в рабочей силе*, нет ничего удивительного. В соответствии с моделью *нефтяной доход* непосредственно связан с количеством женщин в составе рабочей силы, в то время как его связь с политическим влиянием женщин носит косвенный характер, через воздействие рассматриваемого дохода на *участие женщин в рабочей силе*. Ограниченная устойчивость этой связи представляет собой слабость выдвинутого мною положения о воздействии добычи нефти на политическое представительство женщин.

Эти регрессии иллюстрируют некоторые условия, при которых нефтяной доход страны коррелирует с экономическим и политическим статусом ее женского населения. В некотором смысле рассматривавшиеся корреляции являются устойчивыми. Связь между нефтяным доходом и участием женщин в рабочей силе представляется очевидной как в рамках отдельных стран с течением

нием времени, так и между различными государствами. Она сохраняется даже в случае исключения из выборки двух наиболее влиятельных стран, а также включения контрольных переменных для отслеживания региональных эффектов и воздействия мусульманского населения. В соответствии с *гипотезой 4.3*, начиная с 1980-х гг. нефтяной эффект значительно усилился. В Ближневосточном регионе связь между нефтью и расширением открывающихся перед женщинами возможностей является более устойчивой, чем в остальных странах мира.

Не столь устойчивой является корреляция между *нефтяным доходом и женским представительством*. Она сохраняется при включении таких контрольных переменных, как мусульманское население, политические институты и региональные эффекты, но утрачивает силу при исключении двух наиболее влиятельных стран или изменениях способа измерения *нефтяного дохода*. В данном случае отрицательное воздействие нефти наблюдается только на Ближнем Востоке. Это может соответствовать рассматриваемой в главе 4 модели в том случае, если страны, в которых женщины исключены из сферы услуг, сконцентрированы в Ближневосточном регионе и Северной Африке. Тем не менее полученные результаты накладывают важные ограничения на универсальность моей точки зрения на взаимосвязь между нефтяным богатством и возможностями для женщин.

ГЛАВА 5

Нефть и конфликты с применением силы

Первой и самой настоятельной потребностью участвующей в войне стороны являются деньги; они позволяют получить все остальное — людей, оружие, боеприпасы.

Ида Тарбел, «Тариф в наше время»

ГРАЖДАНСКАЯ война — величайшая из катастроф, с которыми может столкнуться страна. В 1945–1999 гг. гражданские войны унесли жизни 16 млн человек.¹ Экономист Пол Коллиер охарактеризовал гражданскую войну как «развитие в обратном направлении».²

С начала 1990-х гг. вероятность возникновения гражданских войн в нефтедобывающих странах на 50% превышает аналогичный показатель для остальных государств мира. Известно, что среди государств с низкими и средними доходами нефтедобывающие страны в два с лишним раза чаще сталкивались с гражданскими войнами. Большинство конфликтов вокруг нефти носят ограниченный характер. Но встречаются и исключения, такие как недавние войны в Ираке, Анголе и Судане, повлекшие за собой огромные жертвы среди населения. Сегодня подготовка к извлечению и добычи нефти осуществляют по большей части в странах, которые лишь начинают избавляться от бедности. Это означает, что в ближайшем будущем опасность начала гражданских войн, «подпитываемых» углеводородами, еще более возрастет.

Очень важно рассматривать роль нефти в перспективе. К счастью, гражданские войны возникают доволь-

1. Fearon and Laitin 2003.

2. Collier 2007, 27.

но редко, даже в нефтедобывающих государствах. Более того, нефть никогда не является единственной причиной гражданских войн в нефтедобывающих странах, а в некоторых случаях она играет лишь второстепенную роль. И все же гражданская война — это самый быстрый и разрушительный способ превращения нефтяного богатства из благословения в проклятие.

Гражданская война: к истории вопроса

В конце 1990-х гг., благодаря бурному потоку новых исследований, круг научной литературы, посвященной причинам и последствиям гражданских войн, значительно расширился. Сегодня большинство ученых придерживаются единого мнения по целому ряду ключевых фактов.³

Во-первых, подавляющее большинство происходящих сегодня в мире войн разворачиваются не *между* раз-

3. Обзор исследований, посвященных изучению проблемы наличия полезных ископаемых и гражданских войн см. в моих предыдущих работах (Ross 2004b, 2006a). Комплексному исследованию гражданских войн посвящены труды С. Кальяваса, Б. Уолтера, К. Блэтмена и Э. Мигуэля (Kalyvas 2007; Walter 2002; Blattman and Miguel 2008). Я использую понятия «гражданская война», «конфликт с применением силы» и «вооруженный конфликт» как взаимозаменяемые. Они применяются в отношении как мелких (повлекших за собой смерть в результате боевых столкновений от 25 до 1000 человек в данном календарном году), так и крупных конфликтов (повлекших за собой смерть в результате боевых столкновений не менее 1000 человек в данном календарном году). К гражданской войне относятся конфликты, в которых одной из враждующих сторон является государство. Определение понятия «гражданская война» см. в работе Н. Самбаниса (Sambanis 2004). В этом разделе используются данные о гражданских войнах, приведенные в наборе данных «Armed Conflict». См.: Gleditsch et al. 2002; Harbom, Högbladh, and Wallensteen 2007. Более подробную информацию об этом наборе данных, включая подробные определения конфликтов см. на сайте по адресу: <http://www.ucdp.uu.se>.

личными государствами, но *внутри* отдельных стран. В 1989–2006 гг. в мире произошли 122 вооруженных конфликта; 115 из них — это гражданские войны и лишь 7 носили международный характер. В 2009 г., например, не было зафиксировано ни одной войны между различными странами, в то время как количество гражданских войн достигло 36.

Во-вторых, гражданские войны подразделяются на две основные категории: сепаратистские войны, которые ведутся за получение региональной независимости, и войны, направленные на захват государственной власти, когда происходит борьба за контроль над центральным правительством. В 1960–2006 гг. около 30% гражданских войн относились к числу сепаратистских конфликтов, а 70% — к числу конфликтов, направленных на захват государственной власти.

Между этими двумя категориями гражданских войн существуют важные различия. Сепаратистские войны, как правило, продолжаются дольше, чем войны, преследующие цель захвата государственной власти, но первые сопровождаются меньшим количеством жертв.⁴ В то время как гражданские войны, относящиеся ко второй категории, происходят во всех частях мира, сепаратистские конфликты чаще всего вспыхивают лишь в некоторых регионах (таких как Южная Азия и Африка к югу от Сахары) и практически не встречаются в остальном мире (например, в Латинской Америке).

В-третьих, после окончания холодной войны наш мир стал более безопасным местом. В 1992–2007 гг. общее количество гражданских конфликтов снизилось с 52 до 34, а количество крупных военных противостояний — с 18 до 5. Резко уменьшилось количество и сепаратистских войн (с 28 до 18), и конфликтов по поводу государственной власти (с 24 до 16). Время от времени возникающие конфликты несут с собой ужас и смерть

4. Fearon 2004.

(вспомним хотя бы о кровавой резне в Демократической Республике Конго), но в целом, в мире происходит существенно меньше вооруженных столкновений, чем в начале 1990-х гг.

И наконец, ученые установили ряд других, помимо нефти, факторов, под воздействием которых, как представляется, вероятность начала гражданской войны возрастает. К ним относятся:

- Низкий доход в расчете на душу населения; он может указывать на то, что взявшиеся за оружие люди мало что теряют.⁵
- Низкие темпы экономического роста, включая отрицательные «шоковые воздействия» на экономику.⁶
- Большое по численности население затрудняет государственное управление на территории страны и способствует повышению степени вероятности возникновения сепаратистских движений.⁷
- Воинственные и недемократические соседние страны, испытывающие проблемы, способные «перелиться» через государственные границы и привести к возникновению беспорядков.⁸
- Значительные по площади горные районы, в которых повстанцы могут легко найти укрытие.⁹
- Наличие месторождений алмазов; в некоторых случаях повстанцы могут использовать их для финансирования своих операций.¹⁰

Кроме того, гражданские войны довольно часто возникают в странах, недавно обретших государственную независимость, возможно, потому, что новые власти еще

5. Fearon and Laitin 2003; Collier and Hoeffler 2004.

6. Miguel, Satyanath, and Sergenti 2004.

7. Fearon and Laitin 2003; Hegre and Sambanis 2006.

8. Sambanis 2001; Gleditsch 2002.

9. Fearon and Laitin 2003.

10. Le Billon 2001; Ross 2003, 2006a; Humphreys 2005; Lujala, Gleditsch, and Gilmore 2005.

не установили должный порядок и не научились сдерживать устремления своих соперников. Для вооруженных конфликтов характерна высокая норма повторяемости. Согласно одному из исследований, вероятность того, что закончившийся, казалось бы, конфликт, возобновится в течение пяти лет в будущем, оценивается как один шанс из пяти.¹¹ Ученые рассматривали и многие другие факторы возникновения гражданских войн, включая этническое и религиозное многообразие, неравенство, демократию и политическую нестабильность, но так и не смогли четко определить их воздействия.¹²

Теория гражданской войны

Почему нефть способна вызывать конфликты, связанные с применением силы?

Позвольте мне еще раз набросать контуры общей теории, а затем показать возможности соответствия ей нефтяного богатства. Я вновь начинаю с граждан, которые хотели бы получать более высокий доход, а также пребывающего у власти и стремящегося сохранить ее правителя. До сих пор мы рассматривали направления воз-

11. Collier et al. 2003.

12. Эти факторы помогают объяснить причины начала гражданских войн. Менее изучен вопрос о различиях вооруженных конфликтов с точки зрения их продолжительности и смертности вовлеченных в них людей. Некоторые конфликты, такие как Каренское восстание в Бирме, длились в течение нескольких десятилетий, но количество их жертв было относительно невелико. Другие, такие как гражданская война в Руанде в 1994 г., были короткими, но ужасающе интенсивными. На каждое измерение этих конфликтов могли влиять различные факторы. Те из них, которые стали причиной конфликта, могут отличаться от факторов его продолжения. Последние, в свою очередь, могут отличаться от факторов, определяющих количество жертв. О продолжительности и интенсивности гражданских войн см.: Collier, Hoeffler, and Söderbom 2004; Fearon 2004; Kalyvas 2007; Humphreys and Weinstein 2006; Weinstein 2007; Lujala 2009, 2010.

действия доходов от продажи нефти на государство, увеличивающееся в размерах (глава 2), не желающее отчитываться за свои действия (глава 3) и в котором доминируют мужчины (глава 4). Но ни одна из этих черт не увеличивает склонность стран мира к конфликтам. Нефть приводит к развязыванию гражданских войн, воздействуя, прежде всего, на жителей страны, а не на государство.

Гражданская война означает, что государство ведет военные действия против повстанческой армии. В моей модели уже присутствует одна из этих сторон — государство. У нас есть все основания полагать, что столкнувшись с восстанием, государство начнет борьбу с мятежниками, так как правитель стремится сохранить свою власть. Но что мы можем сказать о повстанческой армии? Для того чтобы объяснить причины и течение гражданской войны, мы обязаны ответить на вопрос: почему группа граждан совместно поднимает мятеж и бросает вызов государству?¹³

Одно из наиболее общих объяснений — проявления несправедливости со стороны государства. Они могут заключаться в неравенстве, угнетении или дискриминации этнических меньшинств. Впрочем, напомним, что наших граждан интересуют только личные доходы, но никак не гражданские права и их нарушения. Они присоединятся к восстанию или поддержат его только в том случае, если экономические выгоды этого шага перевесят связанные с ним издержки.

Для каждого потенциального «рекрута» наиболее важными экономическими издержками являются аль-

13. Основные идеи этой модели были почерпнуты мною из работы Пола Коллиера и Анке Хеффлер (Collier and Hoeffler 2004). В приводимой авторами системе доказательств имеются некоторые слабости, на которые я указывал в своих более ранних работах (Ross 2004b, 2006a). В то же время мы узнаем о все большем количестве фактов (часть из них приводится в этой главе), свидетельствующих в пользу высказывавшихся П. Коллиером и А. Хеффлер положений.

тернативные издержки присоединения к повстанческой армии — издержки, связанные с отказом от работы, которую он мог бы получить в гражданской жизни.¹⁴ В бедных странах с ограниченной гражданской занятостью и низкой заработной платой альтернативные издержки невелики. Чем богаче страна и чем больше в ней высокооплачиваемых рабочих мест, тем выше альтернативные издержки. При прочих равных условиях вероятность формирования повстанческих армий выше в бедных странах, где молодым людям почти нечего терять.

Получаемые солдатом выгоды принимают форму его жалованья. Финансирование повстанческих армий осуществляется из двух источников. Первый из них — добровольные пожертвования (включая продукты питания и крышу над головой) со стороны поддерживающих повстанцев граждан страны. Во втором случае повстанческая армия участвует в прибыльной криминальной деятельности, такой как вымогательство, похищение заложников и продажа контрабандных товаров.¹⁵ Мятежников, полагающихся на жертвования, мы можем рассматривать как «целенаправленных повстанцев», сражающихся ради выгоды для всего общества и зависимых от доброй воли своих сограждан, а мятежников, добывающих необходимые им средства преступным путем, как «корыстолюбивых повстанцев», ведущих «охоту» на своих сограждан, пользующихся ограниченной поддержкой народа и рассматривающих

14. В пользу этого предположения свидетельствуют исследования преступности: люди, получающие более высокую заработную плату менее склонны к участию в криминальной деятельности. См.: Grogger 1998; Gould, Weinberg, and Mustard 2002.

15. До начала 1990-х гг. деятельность мятежников нередко финансировали мировые сверхдержавы и их союзники, что было одним из направлений холодной войны. Впоследствии внешнее финансирование резко пошло на убыль. Представляется, что сегодня для большинства повстанческих армий оно играет незначительную роль или полностью отсутствует.

повстанческую деятельность как средство личного обогащения.¹⁶

По мнению некоторых ученых, мятежники могут быть мотивированы тем, что в случае завоевания власти в государстве и захвата активов правительства, они получают возможность занять ответственные государственные должности (так называемый эффект медоноса). Но перспектива захвата государственной власти после многих лет борьбы с правительственными войсками никак не влияет на необходимость получения ими уже сегодня продовольствия, военного снаряжения и оружия.

Тем не менее финансовую поддержку могут предложить повстанцам граждане, ожидающие, что победа мятежников будет выгодна им лично. Например, те или иные общины могут взять на содержание ополченцев, успех которых будет способствовать обогащению их сторонников. В отличие от солдат, гражданские лица имеют работу и возможность извлечения доходов из своих пожертвований мятежникам. Даже если гражданские лица осознают, что шансы на победу над правительством невелики, в том случае, когда они ожидают значительных выгод от смены власти, граждане могут проявить готовность к внесению небольших вкладов в пользу восставших. В данном случае они поступают подобно людям, приобретающим лотерейные билеты в надежде, что их небольшая ставка когда-нибудь полностью окупится.

Исходя из вышесказанного, мы можем сформулировать два условия формирования повстанческой армии:

16. Эти категории основываются на группировке, предложенной Джереми Вайнштейном, выделяющим «активистские» повстанческие организации, члены которых преследуют нематериальные цели, отличаются дисциплинированностью и избирательно применяют насилие, и «оппортунистические» повстанческие организации, солдаты которых стремятся к краткосрочным прибылям, недисциплинированы и неразборчивы в использовании оружия.

достаточно низкие издержки, что означает относительную бедность страны; и достаточно высокие выгоды, означающие, что мятежники получают финансирование от граждан, надеющихся на повышение уровня достатка в случае победы, или посредством собственной преступной деятельности.

Роль нефти

С точки зрения граждан страны, нефть способна оказывать воздействия и на издержки, и на выгоды присоединения к восстанию.

Нефть может повлиять на издержки восстания, воздействуя на доходы граждан. Если мы примем допущение, согласно которому увеличение добычи нефти ведет к росту доходов (если не через оплату труда, то через повышение государственных выплат и пособий), то у повстанцев непременно возникнут трудности с набором солдат, означающие уменьшение угрозы возникновения гражданской войны.¹⁷

К несчастью, нефть способна привести и к увеличению выгод присоединения к повстанческой армии. Для того чтобы увидеть, как это могло бы происходить, я должен буду «ослабить» некоторые из допущений модели. До сих пор предполагалось, что граждане страны ничем не отличаются друг от друга: все они получают одни и те же выгоды от государства, и его коллективная поддержка или сопротивление его действиям зависят от размера выплат и пособий. Предположим, что допущение о получении одних и тех же выгод сохраняется, но теперь мы разделим население страны на две группы: граждан, проживающих в нефте-

17. В том случае, если бы следствием нефтяного богатства было снижение доходов, вызванное, например, ошибками в управлении, возросла бы и опасность вооруженного конфликта. Но, как я покажу в главе 6, чаще всего нефтяное богатство не приводит к уменьшению доходов.

добывающих регионах, и тех, кто находится на остальной ее территории.

Представители второй группы должны продолжать оказывать поддержку государству, обладающему значительными запасами нефти (см. главу 3), так как оно предлагает низкие налоги и крупные выгоды. Иначе обстоит дело с первой группой. Если бы ее представители создали в нефтедобывающем регионе собственное независимое государство, это способствовало бы росту благосостояния жителей рассматриваемой территории, так как на долю каждого из них приходилась бы большая, по сравнению с текущей, доля нефтяного богатства.¹⁸

Что если центральное правительство предвидит опасность возникновения движения за независимость? Не следует ли ему во избежание вооруженного конфликта увеличить долю денежных поступлений от продажи нефти, которую получают жители региона? Данной стратегии придерживаются многие государства, выделяющие местным органам власти непропорционально большую долю доходов от продажи добываемых в регионе полезных ископаемых.¹⁹ Но во многих случаях такого рода соглашений оказывается недостаточно. До тех пор пока центральное правительство не уступит местным органам власти все доходы от продажи углеводородов, добываемых в регионе, его жители будут менее обеспеченными, чем если бы они жили в собственном государстве. Однако в этом случае правительство утратило бы поддержку остальных территориальных образований, жители которых хотели бы более низких

18. Независимость могла бы дать населению нефтедобывающих регионов возможность смягчить издержки пребывания на территории региона предприятий нефтедобывающей отрасли, включая экологические и социальные проблемы. Об экономических моделях отделения и образования новых государств см. в Buchanan and Faith 1987; Bolton and Roland 1997; Alesina and Spolaore 1997.

19. Ahmad and Mottu 2003; Brosio 2003.

налогов и больших по объему благ, предоставляемых государством.

Но нефть способна спровоцировать и сепаратистские войны, инициаторами которых выступают отнюдь не жители нефтедобывающего региона. Стороны любого конфликта могут вести себя стратегически, исходя из своих ожиданий по поводу возможных действий противника. Стратегические действия сепаратистов могут заключаться в борьбе за независимость, одним из результатов достижения которой будет нефтяное богатство. Стратегически действующее правительство, опасаясь возникновения движения за независимость, перейдет к репрессиям и террору в отношении жителей региона. Эти предупредительные репрессии способны «разжечь пламя» сепаратистского конфликта.

Поскольку нефть воздействует главным образом на граждан, а не на государство, может показаться, что получаемые правительством доходы играют в рассматриваемой нами модели второстепенную роль. Это не совсем так. Опасность нефти связана, прежде всего, с масштабами получаемых доходов и окутывающей их завесой секретности. Представим себе, что в стране была открыта нефть нового типа, обладающая необычными экономическими свойствами. Для людей, проживающих в нефтедобывающем регионе, она продуцирует те же самые блага, что и обычная нефть, обеспечивая, по крайней мере, часть граждан работой, так как способствует развитию местных предприятий. В то же время центральное правительство не получает доходов от ее добычи. Поскольку местные жители уже пользуются всеми выгодами развития нефтедобывающей промышленности, у них нет особых причин для отделения от государства. Доставшееся им нефтяное богатство незначительно повышает выгоды отделения от остальной страны. С одной стороны, создание собственного государства могло бы помочь местным жителям решить задачу ограничения притока трудо-

вых мигрантов из других регионов. С другой стороны, одновременно повышаются издержки восстания, поскольку нефтяная промышленность способствовала бы росту доходов в добывающем регионе, что оказало бы дестимулирующее влияние на стремление его жителей взяться за оружие. В отсутствие крупных денежных поступлений от продажи нефти, присваиваемых государством, выигрыш жителей нефтедобывающего региона от завоевания независимости не слишком значителен.

«Взрывателем» конфликта может стать и окружающая нефтяные доходы секретность, так как она затрудняет заключение соглашения о распределении соответствующих денежных поступлений между сепаратистами и центральным правительством. Представим себе, что в нефтедобывающем регионе вспыхнули беспорядки. Для того чтобы усмирить недовольных, государство планирует передать местным жителям часть нефтяных доходов. Население предпочло бы принять предложение, избегая вооруженной борьбы, но только в том случае, если местные жители будут уверены в исполнении государством взятых на себя обязательств. Поскольку истинная величина доходов является тайной, известной только правительству, но не жителям нефтедобывающего региона, его население опасается обмана. Даже если предложенный государством план выглядит справедливым, местные жители едва ли воспримут его как заслуживающий доверия. Единственная возможность убедить их в том, что регион будет получать заслуженную долю нефтяных доходов — завоевание независимости. Поэтому население региона поднимается на борьбу.²⁰

20. Этот сценарий построен мною на основе системы доводов (гораздо более подробной и строгой), предложенной Джеймсом Фероном, объясняющим необычную длительность гражданских войн в богатых полезными ископаемыми регионах (Fearon 2004). Но если, по мнению Дж. Ферона, доверие к правительству подрывается волатильностью доходов от продажи полезных ископаемых, то я придаю большее значение секретности

До сих пор мы рассматривали восстания, которые могут быть охарактеризованы как целенаправленные (мотивированные долгосрочными общинными интересами) и сепаратистские. Однако наличие в регионе мощностей по добыче нефти может выдвинуть на первый план выгоды восстания, преследующего корыстные интересы. Оно может быть как сепаратистским, так и направленным на захват государственной власти. Но такое восстание не имеет почти никакого отношения к получаемым центральным правительством доходам. В направляемых алчностью восстаниях мятежники извлекают прибыль из совершаемых ими преступлений, поскольку они мотивированы возможностью получения денег от продажи похищенной нефти, а также захвата рабочих и служащих с целью получения выкупа и вымогательства средств у нефтяных компаний, стремящихся избежать саботажа в этих и других формах. Мятежников могут привлекать предприятия и других отраслей, но нефтедобывающая промышленность, в силу действия трех причин, отличается особой «дружественностью по отношению к вымогательству».²¹

Первая из них — местоположение: нефтяные компании в большей степени, чем другие крупные предприятия, демонстрируют расположенность к ведению

денежных поступлений: если бы мятежники имели возможность отслеживать колебания доходов, роль их изменчивости как препятствия к достижению мира значительно снизилась бы. Более общая модель доверия к обязательствам в сепаратистских мятежах была предложена Барбарой Уолтер (Walter 2002).

21. Добыча полезных ископаемых разных типов открывает перед мятежниками различные экономические возможности. В бедных странах, прежде всего в Африке к югу от Сахары и в Юго-Восточной Азии, финансирование осуществлялось за счет камнесамоцветного сырья и древесины, отчасти потому, что их относительно легко добывать: камни могут собираться неквалифицированными рабочими, «вооруженными» лопатами и ведрами, а для вырубки леса достаточно наличия цепных пил и грузовиков. См.: Le Billon 2001, 2005; Ross 2002, 2004c.

добычи в местах, характеризующихся высокими рисками с точки зрения безопасности. Большинство крупных промышленных фирм откажутся от организации производства в регионе с низким уровнем жизни населения, где государство не способно обеспечить безопасность хозяйственной деятельности. Но компании, специализирующиеся на добыче углеводородного сырья не могут ограничить свои операции стабильными обязательствами с твердой государственной властью. Они обязаны «идти» вслед за нефтью, даже если она приводит в нищие политически нестабильные области, такие как дельта Нигера в Нигерии, колумбийскую провинцию Араука или регион Мариб в Йемене.

Поскольку в некоторых случаях нефтяные компании оказываются в сложной обстановке, способность участников отрасли осуществлять производственные функции в анклавах (см. главу 2) является конкурентным преимуществом, так как она позволяет фирмам выживать в условиях, разрушительных для большинства других хозяйственных единиц. В то же время их способность вести хозяйственную деятельность в нестабильных регионах повышает вероятность того, что нефтяным фирмам придется вступить в контакт с мятежниками, стремящимися добыть так необходимые им деньги.²²

Во-вторых, нефтяные компании имеют нетипично сильные стимулы к тому, чтобы оставаться на месте даже в случае возникновения непосредственных угроз безопасности. Причиной тому являются огромные ин-

22. Мы должны проявлять особую осторожность в процессе установления связей между добычей нефти и насилием по политическим мотивам. Да, имеются достоверные свидетельства о том, что добыча нефти нередко приводит к возникновению гражданских войн. Но в некоторых случаях корреляция между нефтью и насилием одновременно отражает нетипичную склонность добывающих компаний к ведению деятельности в нестабильных регионах, оказываясь в центре конфликтов, к возникновению которых они не имели ни малейшего отношения.

вестиции в постоянные активы, которые невозможно ни легко продать, ни переместить за рубеж. В главе 2 объясняется, что углеводородные фирмы могут израсходовать миллиарды долларов на осуществление проекта прежде, чем будет добыта первая «бочка» нефти. После обустройства района и создания необходимых мощностей по извлечению «крови земли» затраты по доставке каждого следующего барреля нефти по нефтепроводу на перерабатывающее предприятие представляются не слишком большими. Тем самым углеводородные компании получают мощнейший стимул к тому, чтобы оставаться на уже выбранной площадке, что позволяет им окупить первоначальные инвестиции, а затем наслаждаться крупными прибылями, продуцируемыми «бесплатными» мощностями. Там где компаниям другого типа приходится «удирать», нефтяные компании имеют все основания для того, чтобы стоять на своем. Это и обуславливает их готовность к заключению сделок по защите созданных производственных мощностей с военными или мятежниками (что вызывает претензии самых разных сторон, которые в ином случае просто не возникали бы).

И наконец, нефтяные компании получают ренту. В случае необходимости осуществления значительных расходов на поддержание безопасности, промышленные фирмы, особенно те из них, кто поставляет товары на конкурентные рынки и получает относительно небольшую маржу прибыли, вероятнее всего ликвидируют производство. Поскольку нефтяные компании способны извлекать ренту, они могут позволить себе нести издержки безопасности, связанные с осуществлением операций в зонах повышенного риска, создавая специальные военизированные подразделения для охраны производственных мощностей (Индонезия, Колумбия и Йемен), выплачивая выкуп за освобождение похищенных сотрудников (Нигерия и Колумбия) и даже откупаясь от нападений мятежников, бандитов и враждебно настроенного местного населения (Нигерия, Ирак,

Судан и Колумбия). В отсутствие ренты нефтяные компании едва ли смогли бы пойти на столь крупные расходы. К сожалению, эта рента (а также склонность нефтяных компаний к входу в регионы повышенного риска и пребыванию в них, несмотря на прямые и явные угрозы) превращает углеводородные фирмы в превосходные мишени для «специалистов» по шантажу и вымогательству.

В целом модель предполагает, что в бедных странах мятежи и бунты случаются значительно чаще, чем в богатых. Повышению вероятности возникновения конфликта способствует наличие у повстанцев хороших источников финансирования, будь то местные сторонники или приносящие доход уголовные преступники. Нефтяное богатство оказывает два разнонаправленных эффекта: оно способно сдерживать мятежи, поскольку ведет к повышению доходов, что препятствует вступлению людей в ряды повстанцев; в то же время оно способно вызывать восстания, поскольку независимость оказывается экономически выгодной, с точки зрения жителей нефтедобывающих регионов, и облегчает получение повстанцами денежных средств.

Как мы оцениваем вероятность превалирования одного из этих двух эффектов? Эффекты ограничения конфликтов будут распространяться на население страны в целом постольку, поскольку повсеместно будет происходить повышение доходов граждан, в то время как эффекты поощрения конфликтов сконцентрированы в нефтедобывающем регионе. В стране с низкими доходами каждый доллар новых денежных поступлений от продажи нефти должен продуцировать небольшое повышение доходов мирных граждан везде и всюду. При этом в нефтедобывающих регионах произойдет существенно большее увеличение потенциального фонда финансирования мятежников. Следовательно, добыча нефти будет означать относительно серьезное повышение потенциальных выгод мятежа по сравнению с уве-

личением потенциальных издержек, но только для жителей нефтедобывающего региона.²³

В соответствии с моделью любое данное количество нефти будет представлять большую опасность для бедных стран, чем для богатых государств. В первых нефтяная скважина, позволяющая получать сотню долларов дохода в расчете на душу населения, продуцирует относительно крупное процентное увеличение доходов мирных жителей и мятежников, что оказывает заметное воздействие на систему стимулов и тех и других. В богатой стране тот же самый объем добытой нефти будет означать значительно меньшее увеличение доходов обеих групп, оказывая тем самым незначительный эффект.

Если мы допустим существование закона убывающей отдачи по доходу — то есть после прохождения определенной точки каждый дополнительный доллар будет приносить потенциальным мятежникам все меньшее и меньшее удовлетворение — тогда, по мере того как страна будет становиться богаче, издержки восстания будут все более перевешивать его потенциальные выгоды. Если нефтяные запасы страны позволяют перешагнуть некий пороговый уровень, то опасность возникновения конфликта пойдет на убыль. Тем самым предполагается существование U-образной зависимости между нефтяным богатством и опасностью гражданской войны: до определенного момента возрастающее нефтяное богатство ведет к повышению опасности возникновения конфликта, а после него угроза конфликта уменьшается.²⁴

23. По мнению Пьера Энглебе, на общенациональном уровне в некоторых случаях ресурсное богатство ведет к ограничению конфликтов (Englebert 2009). Исследователь полагает, что некоторым относительно слабым африканским государствам удалось выжить отчасти потому, что власти смогли преобразовать доходы от продажи полезных ископаемых и другие виды «суверенной ренты» в стимулы, накрепко связавшие местные элиты с государством.

24. Обоснование U-образной зависимости между нефтяным богат-

Со временем некоторые условия, способствовавшие возникновению восстаний «на углеводородах», изменяются. Ускорившийся в 1970-х гг. рост государственных доходов от продажи нефти привел к повышению прибыльности создания собственных суверенных правительств жителями нефтедобывающих регионов. Произшедший в то время рост цен заставил нефтяные компании осваивать все более отдаленные и беспокойные регионы, такие как Индонезия, Колумбия, Нигерия, Судан и Йемен. Тем самым была подготовлена почва для увеличения числа и целенаправленных, и корыстных мятежей. При прочих равных условиях, начиная с 1980-х гг. произошло повышение вероятности «работающих на нефти» волнений и мятежей.

Общие правила конфликтов

Наличие связи между добычей нефти в стране и риском возникновения в ней гражданской войны было подтверждено в большом количестве статистических исследований.²⁵ Простейший способ выявить ее состоит в исчислении ежегодной нормы гражданских войн в нефтедобывающих странах и в государствах, не располагающих запасами углеводородов. В 1960–2006 гг. ежегодная вероятность возникновения нового конфликта во второй группе стран составляла 2,8%, в то время как в первой группе — 3,9%. Это означает, что в нефтедобывающих странах норма возникновения новых конфликтов почти на 40% выше, чем в государствах, не имеющих углеводородов (см. первую строку табл. 5.1).

ством и конфликтом (обусловленной несколько иными факторами) было предложено в работах П. Коллиера и А. Хеффлера (Collier and Hoeffler 2004), а также М. Базедау и Я. Лэя (Base-dau and Lay 2009).

25. См., например, Collier and Hoeffler 2004; Fearon and Laitin 2003; Fearon 2004; de Soysa 2002; de Soysa and Neumeyer 2005; Humphreys 2005; Lujala, Rod, and Thieme 2005; Ross 2006a; Lujala 2010.

ТАБЛИЦА 5.1. Гражданские войны в 1960–2006 гг.
Доля стран в %, в которых в каждом данном году началась гражданская война

	Страны		
	Не имеющие запасов	Нефтедобывающие	Разница
ВСЕГО			
Все страны и периоды	2,8	3,9	1,0**
по доходу			
Низкие доходы (< \$5000)	3,8	6,8	3,0***
Высокие доходы (> \$5000)	1,2	1,4	0,2
по периоду			
1960–1989 гг.	2,4	2,7	0,2
1990–2006 гг.	3,6	5,3	1,7**

** значимо на уровне 5% (в одностороннем *t*-критерии Стьюдента);

*** значимо на уровне 1%.

Источник: Рассчитано по данным Н. Гледича и его коллег (Gleditsch et al. 2002).

За этими общими результатами расчетов скрываются некоторые важные различия. Наличие запасов углеводородов не оказывает сколько-нибудь заметного воздействия на возникновение конфликтов в богатых странах. Но в нефтедобывающих государствах, население которых получает низкие и средние доходы, риск конфликта резко (примерно на 80%) возрастает (см. табл. 5.1, вторую и третью строки).

Мы имеем возможность проанализировать имеющиеся данные с помощью диаграммы рассеяния. На рис. 5.1 отображены все страны с низкими и средними доходами в соответствии с получаемыми ими нефтяными доходами (горизонтальная ось) и количеством произошедших в них в 1960–2006 гг. (вертикальная ось) конфликтов. Вспомним, что если страна располагает запасами нефти, позволяющими ей перейти в разряд государств с высокими доходами (например Саудовская

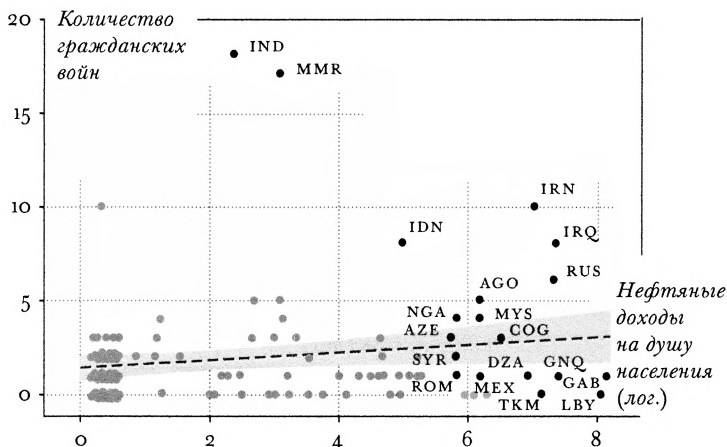

РИС. 5.1. Нефть и гражданские войны в странах с низкими и средними доходами в 1960–2006 гг.

В выборку включены страны, доходы которых в среднем за рассматриваемый период не превышали \$5000 на душу населения (в долларах 2000 г.).

Источник: Рассчитано по данным о конфликтах Н. Гледича и его коллег (Gleditsch et al. 2002).

Аравия), опасность возникновения в ней гражданской войны снижается. Поскольку я рассматриваю только страны с низкими и средними доходами, мы видим, что результирующая кривая направлена снизу вверх. Следовательно, для нашей выборки стран следствием увеличения дохода от продажи углеводородов становятся более частые конфликты.

В табл. 5.2 приводится перечень семи нефтедобывающих стран с наибольшей суммарной длительностью конфликтов в рассматриваемый нами период (1960–2006 гг.).²⁶ Ни один из регионов мира не явля-

26. Я учитывал только те конфликты, которые происходили в годы, когда доходы страны от продажи нефти и природного газа

ТАБЛИЦА 5.2. Нефте- и газодобывающие страны, в наибольшей степени подверженные конфликтам в 1960–2006 гг.

В таблице представлены нефтедобывающие страны с наиболее продолжительными в 1960–2006 гг. гражданскими войнами. В двух правых столбцах конфликты учитываются как отдельные события, если перерывы в применении насилия между ними составляли два года и более. В Великобритании, например, конфликт в Северной Ирландии учитывается как две отдельных войны — первая в 1971–1991 гг. и вторая в 1998 г.

	Длительность конфликтов (лет)		Количество конфликтов	
	общая	важнейшего конфликта	направленных на захват гос. власти	сепаратистских
Ирак	37	21	5	3
Ангола	26	24	2	3
Иран	24	10	5	5
Алжир	16	9	1	0
Россия	14	6	1	5
Великобритания	13	0	0	2
Республика Конго	6	2	3	0

Источник: Рассчитано по данным Н. Гледича и его коллег (Gleditsch et al. 2002).

ется доминирующим — проблема нефти и конфликтов не ограничивается Африкой, Ближним Востоком или Евразией.

Находящиеся в этом перечне во главе списка Ирак (первая строка) и Иран (третья строка) занимают их, скорее, по специфическим причинам, которые не относятся к описывавшимся в этой модели, но опреде-

превышали \$100 в расчете на душу населения. Например, в Нигерии в 1960–2006 гг. длительность вооруженных конфликтов составила 6 лет, но после того, как страна в 1973 г. вошла в число крупнейших нефтедобывающих стран — лишь 1 год.

ляют их высокую предрасположенность к конфликтам. В 1920-х гг. границы между Ираном и Ираком, находившимися под колониальным правлением Великобритании и Франции, были проведены так, чтобы колонизаторы получили доступ к запасам нефти региона. В результате были созданы обладавшие огромными запасами нефти, но этнически разделенные государства, что обусловило их исключительно высокую предрасположенность к гражданским войнам. Включение в Ирак и Иран территорий, населенных этническими курдами, привело к возникновению непрерывно «тлеющих» сепаратистских конфликтов. К тому же в Иране периодически вспыхивают волнения азербайджанского и арабского меньшинств, в то время как в Ираке — конфликты между шиитами и суннитами. В историю обеих стран вписаны по нескольку гражданских войн, целью которых был захват государственной власти в стране. Столь частые достойные всяческого сожаления проявления насилия, вероятно, могут объясняться тем, что главную роль в образовании Ирана и Ирака как государств сыграли огромные запасы нефти и природного газа.²⁷

Изменения с течением времени

После 1980 г. происходит резкое возрастание частотности происходивших в нефтедобывающих государствах гражданских войн. Для того чтобы объяснить это явление, было бы полезно рассмотреть три основные составляющие этой тенденции.

Во-первых, начиная с середины 1960-х и до начала 1990-х гг. *норма* новых конфликтов в нефтедобывающих странах устойчиво возрастала, а затем начала снижаться (см. рис. 5.2). Отчасти это является отражением бо-

27. В приложении 5.1 я показываю, что, даже если мы исключим из рассматриваемых данных обе эти страны, тесная связь между нефтью и гражданскими войнами сохраняется.

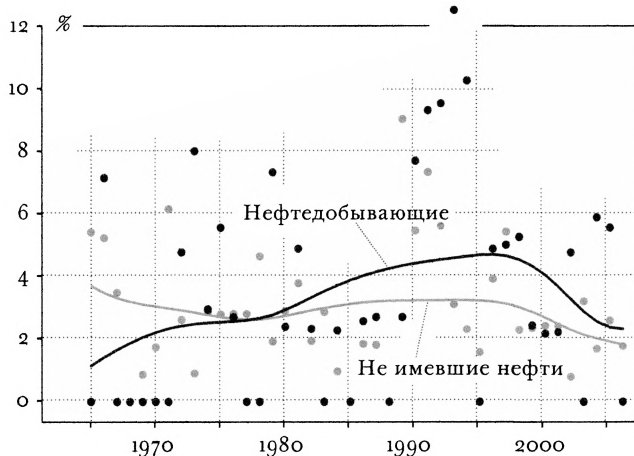

РИС. 5.2. Доли нефтедобывающих и не имевших нефти стран в новых конфликтах в 1965–2006 гг.

Доли стран, в которых в данный год начались новые гражданские войны. К нефтедобывающим были отнесены страны, нефтяные доходы которых составляли не менее \$100 в расчете на душу населения (в долларах 2000 г.).

Источник: Рассчитано по данным о конфликтах Н. Гледича и его коллег (Gleditsch et al. 2002).

лее широкой глобальной тенденции в частотности гражданских войн: с начала 1960-х и до начала 1990-х гг. конфликты с применением силы происходили более часто, но впоследствии, вплоть до примерно 2005 г., этот показатель постепенно сокращался. Однако даже с учетом этой глобальной тенденции начиная с середины 1960-х гг. и до начала 1990-х гг. норма конфликтов в нефтедобывающем мире возрастала очень высокими темпами. Примерно до начала 1980-х гг. в нефтедобывающих странах вероятность возникновения конфликтов была меньшей, чем в государствах не имевших за-

пасов углеводородов, а затем ситуация изменилась на противоположную.²⁸

Для того чтобы проследить развитие этой тенденции, мы можем разделить рассматриваемый период на две части. Значения норм конфликтов в нефтедобывающих и в не имевших нефти странах начали расходиться в 1980-х гг. Наиболее заметным этот разрыв становится после 1990-х гг., так как окончание холодной войны привело к снижению показателей частоты конфликтов с применением насилия в лишенном запасов углеводородов мире.²⁹ В соответствии с данными, представленными в табл. 5.1, в 1960–1989 гг. нормы конфликтов в нефтедобывающих и в не имевших углеводородов странах не слишком отличались друг от друга. Но в 1990-х гг. значение нормы конфликтов в первой группе стран примерно на 50% превысило аналогичный показатель второй группы.

Как эта тенденция воздействует на фактическое количество конфликтов, связанных с нефтью? В нефтедобывающих странах оно является результирующей двух факторов: нормы конфликтов в располагающих запасами углеводородов странах и количеством таких государств.

В главе 1 подчеркивается, что в 1960–2006 гг. количество нефтедобывающих стран увеличилось с 12 до 57 (см. рис. 1.2, левая шкала). В значительной степени это было результатом роста цен на нефть, которые в рассматриваемом периоде увеличились с менее чем \$8 до более чем \$55 за баррель (с учетом инфляции). Следует упомя-

28. Это отнюдь не означает, что до наступления 1980-х гг. нефть не оказывала стимулирующего воздействия на возникновение конфликтов. Более подробный анализ этого периода в приложении 5.1 не является окончательным. Возможно, нефть способствовала умеренному повышению риска конфликтов до 1980-х гг., но ее воздействие в рассматриваемый период, вероятно, компенсировалось ускорением экономического роста и повышением доходов в нефтедобывающих странах.

29. Kalyvas and Balcells 2010.

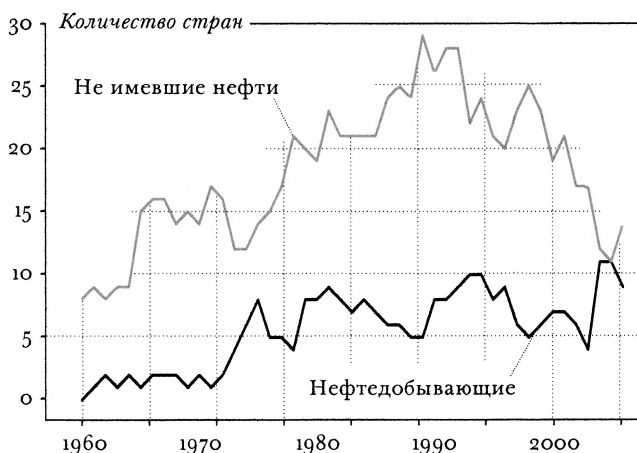

РИС. 5.3. Количество нефтедобывающих и не имевших нефти стран с продолжавшимися конфликтами в 1960–2006 гг.

Страны, в которых в каждом данном году имели место продолжавшиеся гражданские войны. К нефтедобывающим относятся страны, нефтяные доходы которых составляли не менее \$100 в расчете на душу населения (в долларах 2000 г.).

Источник: Рассчитано по данным о конфликтах Н. Гледича и его коллег (Gleditsch et al. 2002).

нуть и о таком факторе, как географическое расширение добычи. В рассматриваемом периоде количество стран, в которых ежегодная добыча нефти составила одну метрическую тонну (приблизительно 7,3 барреля) и выше в расчете на душу населения, возросло с 19 до 30.

Со временем изменился и тип государств, в которых добываются нефть и природный газ. Большинство новых добывающих углеводороды государств, в отличие от уже существовавших поставщиков, относились к числу стран с низкими доходами. Если в 1970 г. медианный доход в нефтедобывающих государствах превышал \$6000 в расчете на душу населения, то к 2004 г.,

по мере роста количества поставщиков, он снизился до чуть более \$3000 (см. рис. 1.2, правая шкала). Почти не вызывает сомнений, что распространение добычи нефти от более богатых к менее богатым странам (где ее извлечение связано с повышенным риском) обусловило резкое, выше ожидаемого в соответствии с любыми другими тенденциями, повышение нормы конфликтов в нефтедобывающем мире.³⁰

С начала 1960-х гг. и до начала 1980-х гг. одновременно повышалась и норма конфликтов, и количество нефтедобывающих государств, результатом чего стало увеличение совокупного количества повстанцев в нефтедобывающем мире. В дальнейшем, вплоть до 2006 г., количество конфликтов, связанных с нефтью, оставалось примерно одним и тем же, так как рост и последующее падение нормы конфликтов компенсировалось снижением, а затем увеличением количества нефтедобывающих стран (см. рис. 5.3). Решающий «водораздел» приходится приблизительно на 1980 г.: если в 1960–1979 гг. в нефтедобывающем мире ежегодно происходили три гражданские войны, то в 1980–2006 гг. — в среднем 7,5 конфликтов в год.³¹

И наконец, еще одна тенденция заключалась в устойчивом увеличении доли нефтедобывающих стран в общем количестве мировых вооруженных конфликтов. С начала 1980-х гг. количество конфликтов в нефтедобывающих странах оставалось относительно постоян-

30. Это еще одна причина, учитывая которую, мы должны проявлять особую осторожность в вопросе о связи между нефтью и конфликтами. В целом нефтедобывающие страны остаются относительно более богатыми. В 2004 г. медианный доход государств, не располагавших запасами углеводородов, составлял около \$1330, что меньше соответствующего показателя нефтедобывающих стран.

31. Заметим, что здесь, как и на рис. 5.4 и 5.5, речь идет о продолжавшихся гражданских войнах, в то время как в большинстве других случаев — о количестве новых гражданских войн. Интересное исследование связи между нефтью и продолжительностью конфликта содержится в работе П. Луялала (Lujala 2010).

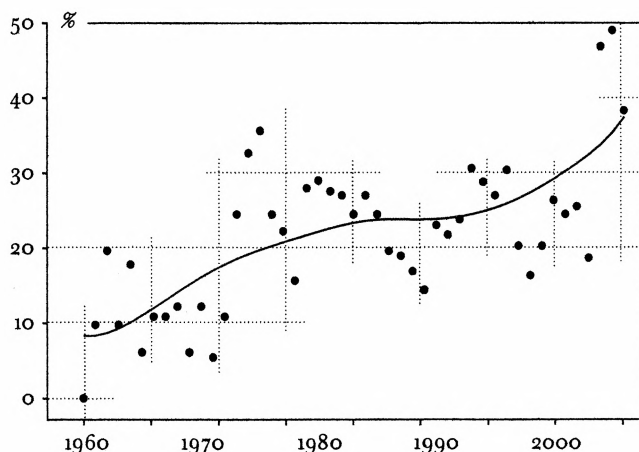

РИС. 5.4. Доля продолжавшихся конфликтов в нефтедобывающих странах в 1960–2006 гг.

Доля конфликтов в общем количестве такого рода столкновений в мире.

Источник: Рассчитано по данным о конфликтах Н. Гледича и его коллег (Gleditsch et al. 2002).

ным, в то время как в государствах, не располагавших нефтью, оно резко сократилось — с 28 в 1992 г. до всего 14 в 2006 г.

Данная тенденция приобретает еще более удивительный вид, если мы сосредоточим внимание на самых крупных гражданских войнах (тех, в которых количество убитых в ходе боевых действий составило 1000 и более человек). В 1992–2006 гг. количество крупных гражданских войн во всех странах мира снизилось с 17 до 5, или более чем на 70%. Но происходившие изменения затронули в основном лишенный нефти мир, где количество крупных гражданских войн упало с 14 до 2. Их количество в нефтедобывающих странах, несмотря на ежегодные колебания, оставалось относительно постоянным — примерно 3 в год.

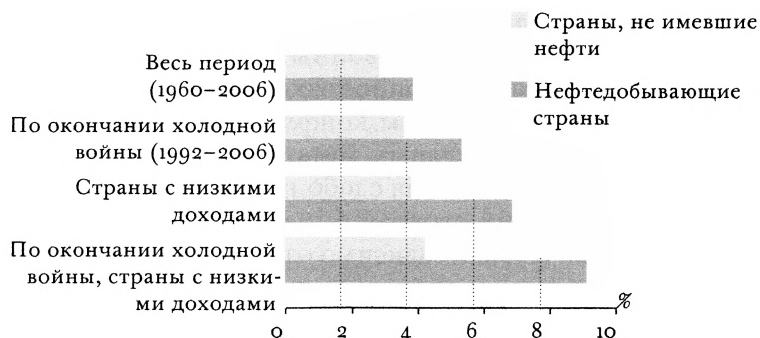

РИС. 5.5. Годовые нормы конфликтов в нефтедобывающих и не имевших нефти странах

Данные охватывают период 1960–2006 гг. в целом и период после окончания холодной войны (1992–2006 гг.) отдельно. К числу стран с низкими доходами относятся государства, в которых доходы не превышали \$5000 в расчете на душу населения (в постоянных долларах 2000 г.). Все различия между нефтедобывающими и не имевшими углеводородов странами являются статистически значимыми в одностороннем *t*-критерии Стьюдента.

Источник: Рассчитано по данным о конфликтах Н. Гледича и его коллег (Gleditsch et al. 2002).

В своей совокупности эти три тенденции объясняют причины возрастания доли нефтедобывающих стран в общем количестве мировых вооруженных конфликтов. Одна из них заключается в растущей предрасположенности нефтедобывающих государств к конфликтам, вторая — в увеличении количества стран, добывающих углеводородное сырье, третья — в снижении степени склонности к конфликтам стран, на располагающих нефтью, и уменьшением их количества. Рассматриваемая нами тенденция отображается на рис. 5.4: в 1960–2006 гг. доля конфликтов, происходивших в нефтедобывающих странах, в общем количестве такого рода столкновений во всем мире, увеличилась с менее чем 10% до почти 40%.

Насколько сильным является воздействие нефти на опасность гражданской войны? Один из простых способов ответа на этот вопрос заключается в том, чтобы еще раз сравнить нормы конфликтов в нефтедобывающих странах с остальным миром в различных условиях (см. рис. 5.5). Начиная с 1960 г. норма конфликтов в нефтедобывающих странах была на 40% выше, чем во всех странах мира независимо от уровня их доходов; начиная с 1990 г., или окончания холодной войны, она была на 50% выше; начиная с 1960 г. для стран с низкими доходами, норма конфликтов в нефтедобывающих странах была почти на 75% выше; и наконец, начиная с 1990 г. для стран с низкими доходами эта норма было более чем в два раза выше.

Механизм воздействия нефти на возникновение конфликтов

Объяснить механизм того, *как* нефть приводит к конфликтам довольно трудно. Простого наблюдения, когда мы видим, что в стране добывающей нефть вспыхивает гражданская война, явно недостаточно для того, чтобы проникнуть в суть взаимосвязи между этими двумя фактами. К тому же гражданские войны возникают сравнительно редко, что затрудняет их систематическое изучение. В большинстве случаев они происходят в самых бедных странах мира, сведения о положении которых ограничены и недостоверны. Тем не менее в процессе тематических исследований были получены убедительные свидетельства того, что углеводороды не только поощряют сепаратизм, но и являются важным источником финансирования деятельности мятежников. Простая проверка разнообразных описаний причин «нефтяных» гражданских войн позволяет сделать вывод о том, что многие из них слишком далеки от истины.

Альтернативные аргументы

Согласно одному из самых распространенных объяснений, главной причиной возникновения гражданских войн в нефтедобывающих странах является так называемый эффект медоноса. Он заключается в том, что увеличение получаемых центральным правительством доходов означает повышение привлекательности государственной власти, с точки зрения стремящихся к ее завоеванию мятежников.³² И здесь возникает несколько проблем. С точки зрения повстанцев, руководствующихся корыстными интересами, степень привлекательности нефтяного богатства государства определяется не только возможными доходами, но и незначительными шансами на победу, а также риском смерти. Кроме того, перспектива добычи углеводородов в будущем не отменяет необходимости ежедневных затрат на ведение повстанческой деятельности, которые во многих случаях приходится нести в течение многих лет.³³

Согласно второму, довольно часто используемому доводу, добыча нефти приводит к ослаблению государства и повышению степени его уязвимости перед лицом вооруженных насильственных действий. Как считает Дж. Ферон:

...в государствах, получающих значительные доходы от продажи нефти, ослабевают стимулы к развитию административных компетенций и контролю над тер-

32. Джеймс Ферон: «Возможность легкого обогащения за счет продажи нефти означает, что такая цель, как захват государственной власти, выглядит гораздо привлекательнее, чем обычная хозяйственная деятельность» (Fearon 2005, 487). См. также: de Soysa 2002; Le Billon 2005; Besley and Persson 2010.

33. В данном случае имеется небольшое количество важных исключений, которые мы обсудим ниже. Речь идет о войне в Конго-Браззавиле (1997 г.) и попытке мятежа в Экваториальной Гвинее в марте 2004 г., когда за спиной повстанцев стояли иностранные инвесторы, надеявшиеся приобрести значительную долю в конечной добыче нефти.

риторией. Поскольку нефтяные доходы означают, что государство получает в свое распоряжение дополнительные финансовые ресурсы (по сравнению с другими странами с примерно равными доходами), необходимые для борьбы с повстанцами, его административные и бюрократические возможности с неизбежностью должны быть ограниченными.³⁴

Эти две теории тесно взаимосвязаны друг с другом: согласно положению об «эффекте медоноса», возникающие в нефтедобывающих странах мятежи направлены на получение более крупных выгод; согласно утверждению о «слабом государстве», восстания обусловлены более низкими издержками смены власти в стране.

И наконец, согласно точке зрения третьей группы наблюдателей, нефть становится причиной вооруженных конфликтов, так как она поощряет иностранные военные интервенции (вспомним о гражданских войнах в Ираке после вторжения американских войск в 1991 г. и 2003 г.). В прошлом великие державы довольно часто вторгались в нефтедобывающие страны, устанавливали в них колониальное правление, а впоследствии способ-

34. Fearon 2005, 487. Как отмечает Дж. Ферон, имеет место статистически значимая связь между экспортом топлива (измеряемого как доля ВВП) и используемым в инвестиционных обзорах показателем «соблюдение условий контрактов государством». Исследователь показывает, что помимо контроля над доходами, государства-экспортеры различных видов топлива в большей степени склонны к пересмотру и расторжению контрактов с инвесторами. Данный показатель не может рассматриваться как признак силы государства или его способности предотвращать возникновение гражданских войн. В главе 2 подчеркивается, что после национализации отраслей по добыче нефти и газа в 1960–1970-х гг. почти все нефтедобывающие страны развивающегося мира расторгли заключавшиеся в прошлом контракты с иностранными инвесторами. Отмечу, что рассматриваемые в главе 6 проблемы нередко обуславливают неправильную интерпретацию корреляции взаимозависимостей между нефтью и показателями развития государственных институтов, включая соблюдение условий контрактов государством.

ствовали приходу к власти дружественных правительств и обеспечивали им защиту. Впрочем, несмотря на вторжение США в Ирак в 2003 г. и на рост нормы конфликтов в нефтедобывающих странах начиная с 1960-х гг., вероятность интервенций великих держав значительно снизилась.³⁵

Всем этим теориям присуща одна общая черта: в соответствии с ними территориальное расположение месторождений нефти и природного газа не имеет значения. Но в этом случае и наземные, и морские запасы углеводородов оказывали бы в равной степени стимулирующее конфликты воздействие: увеличение получаемого государством «меда» ведет к ослаблению его способности к самозащите или поощряет иностранную интервенцию. С другой стороны, если опасность нефти связана с тем, что она стимулирует возникновение сепаратизма или позволяет увеличить финансирование деятельности мятежников, эти ее отрицательные воздействия должны проявляться только в тех случаях, когда добыча осуществляется на наземных месторождениях. В случае если разрабатываются морские запасы нефти, то ни о местных сепаратистах, ни о нападениях голодных до денег повстанцев не приходится и говорить.³⁶

Мы имеем возможность проверить эти утверждения, благодаря набору данных о расположении нефтяных и газовых скважин, созданном норвежскими учеными Пай-

35. Sarbahi 2005; de Soysa, Gartzke, and Lin 2009.

36. Отметим, что здесь существуют частичные исключения. Истории известно несколько сепаратистских движений, возникших под воздействием находившихся в прибрежных водах месторождений нефти (например, в индонезийском Ачехе); по крайней мере, в тех случаях, когда переработка углеводородов осуществлялась на территории региона. Не так давно в Нигерии имели место случаи нападений на морские нефтепромысловые установки. По мере того как скоростные морские суда и навигационное оборудования становятся дешевле, конфликты с применением насилия будут все чаще затрагивать и морские нефтепромысловые установки.

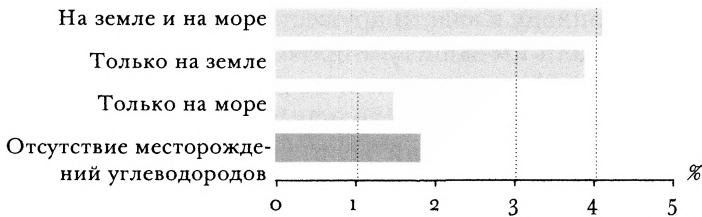

РИС. 5.6. Годовые нормы конфликтов в зависимости от расположения месторождений углеводородов в 1960–2006 гг.

Источники: Рассчитано по данным о конфликтах Н. Гледича и его коллег (Gleditsch et al. 2002); данные о размещении добычи углеводородов содержатся в работе П. Луйала, Я. Рода и Н. Тиеме (Lujala, Rød, and Thieme 2007); они дополнены данными, опубликованными Службой геологии, геодезии и картографии США (US Geological Survey n.d.).

ви Луйала, Яном Кетиллом Родом и Наде Тиеме.³⁷ В 1960–2006 гг., в различные периоды времени, 95 стран мира добывали нефть или газ из наземных месторождений, 58 стран из морских, а 47 стран — и на земле, и на море.

На основе этих данных на рис. 5.6 сравниваются годовые нормы конфликтов государств четырех категорий: тех, которые ведут добычу нефти только на наземных месторождениях, только на морских, на месторождениях тех и других типов и не имеющих запасов углеводородов. В странах первой и третьей группы показатели конфликтности примерно равны. В государствах осуществлявших только морскую добычу конфликты происходят значительно реже. Они лишь немного опережали

37. Lujala, Rød, and Thieme 2007. Используя информацию, опубликованную Службой геологии, геодезии и картографии США (US Geological Survey n.d.) и Управления информации в области энергетики Министерства энергетики США (доступна по адресу: <http://tonto.eia.doe.gov/country/>) я добавил к созданному норвежскими учеными набору данные еще по 8 странам.

по этому показателю страны, не имевшие запасов углеводородов. Регрессионный анализ, результаты которого приводятся в приложении 5.1, подтверждает эту закономерность — добыча морской нефти никак не влияет на уровень риска возникновения конфликтов.

Эти данные прекрасно соответствуют результатам ряда новых исследований, в которых была обнаружена тесная корреляция между расположением нефтяных месторождений *в пределах отдельных стран* и местами вооруженных конфликтов. Вероятность возникновения конфликтов, особенно в тех случаях, если речь идет об относительно бедном регионе, значительно повышается, если в конфликтной зоне были разведаны месторождения нефти и природного газа.³⁸ Такие конфликты, как правило, сопровождаются большим количеством жертв и продолжительностью боевых действий.³⁹

Данные рассматривавшихся выше исследований позволяют сделать вывод о том, что нефть имеет значение. При этом подразумевается, что углеводороды способствуют возникновению конфликтов, воздействуя на поведение мятежников, но не государства.

Нефть как одна из основ сепаратизма

В табл. 5.3 перечисляются 16 сепаратистских конфликтов, начавшихся в 1960–2006 гг. на богатых запасами углеводородов территориях различных регионов мира.⁴⁰

38. Dube and Vargas 2009; Østby, Nordås, and Rød 2009.

39. Lujala 2009, 2010; Buhaug, Gates, and Lujala 2002.

40. Восемь из этих конфликтов начались в нефтедобывающих странах. К ним были отнесены государства, в которых в первый год конфликта продажи нефти и газа составляли, по меньшей мере, \$100 в расчете на душу населения. В шести из этих восьми случаев в сепаратистском регионе уже осуществлялась добыча нефти (Ангола, иранский Курдистан, иранский Арабиستان или южная часть провинции Хузестан, Ирак, дельта реки Нигер в Нигерии и Россия). В двух случаях нефть добывалась

ТАБЛИЦА 5.3. Сепаратистские конфликты в нефтедобывающих регионах

В таблице представлены конфликты, начавшиеся в 1960–2010 гг., в которых вооруженные группы мятежников сражались за независимость нефтедобывающих регионов различных стран. Показатель уровня доходов в стране относится к году начала конфликта или к ближайшему к нему году, для которого имеются необходимые данные. Показатели доходов выражены в постоянных долларах 2000 г. на душу населения

Страна	Продолжительность конфликта	Уровень доходов в стране	Регион
Ангола	1975–2007	1073	Кабинда
Бангладеш	1974–1992	243	Читтагонгский горный район
Китай	1991–	422	Синьцзян-Уйгурский автономный район
Индия	1990–	317	Ассам
Индонезия	1975–2005	303	Ачех
Иран	1966–	1053	Курдистан
Иран	1979–1980	1747	Арабиستان
Ирак	1961–	2961	Курдистан
Нигерия	1967–1970	267	Биафра
Нигерия	2004–	438	Дельта Нигера
Пакистан	1971	275	Бангладеш
Пакистан	1974–1977	280	Белуджистан
Россия	1999–2001	1613	Чечня
Судан	1983–2005	293	Южный Судан
Турция	1984–	2091	Курдистан
Йемен	1994	443	Юг страны

Источники: Рассчитано по данным о конфликтах Н. Гледича и его коллег (Gleditsch et al. 2002); использовались данные о доходе из публикации Всемирного банка (World Bank 2010); недостающие сведения заимствованы из работы Э. Мэддисона (Maddison 2009).

Исходя из представленных в ней данных, мы можем выделить, по крайней мере, две закономерности. В соответствии с первой из них, опасность «углеводородного» сепаратизма гораздо выше в бедных странах, а не в богатых. Все 16 представленных в таблице конфликтов происходили и происходят в странах, в которых доходы на душу населения не превышали \$ 2100, а 11 из них — в странах с доходами менее \$ 1000. Представляется, что в странах, в которых доходы превышают пороговые \$ 2100 — уровень Иордании и Сальвадора — опасность сепаратистских войн, связанных с углеводородным сырьем, является гораздо меньшей.

Во-вторых, 15 из 16 конфликтов начались в регионах традиционного проживания этнических или национальных меньшинств.⁴¹ Следовательно, богатство по-

в других частях страны, а в регионе, в котором начался мятеж, начиналась подготовка к ее извлечению (Индонезия и Йемен). Еще 8 конфликтов происходили в богатых нефтью регионах стран, которым к тому времени не удалось достигнуть порогового значения доходов (\$ 100 в расчете на душу населения), либо потому, что в них еще не начиналась добыча на уже открытых месторождениях (Пакистан — Бангладеш, Бангладеш — Читтагонгский горный район, Нигерия — Биафра и Судан), либо в силу ограниченности запасов нефти на уровне государства в целом, хотя в сепаратистском регионе она была в изобилии (Китай, Индия, Пакистан — Белуджистан и Турция).

Интересно, что в рассматриваемый период в Латинской Америке не возникло ни одного сепаратистского конфликта. В этом регионе нефть статистически ассоциируется не с сепаратистскими мятежами, а с борьбой за государственную власть. Дело не в том, что латиноамериканская нефть обладает специфическими «мирными свойствами»; скорее, уникальность региона заключается в свободе от сепаратизма. По крайней мере, в течение последних ста лет Латинская Америка была избавлена от такого рода мятежей. Более подробно см.: Ross 2010.

В некоторых случаях, когда речь шла о самых бедных регионах, сепаратистские движения были связаны с добычей других полезных ископаемых, таких как медь и золото. Имеются в виду конфликты на острове Бугенвиль в Папуа — Новой Гвинее и в индонезийской провинции Западное Папуа (Ross 2004c).

41. Единственным исключением в рассматриваемой нами группе является гражданская война в Йемене в 1994 г., когда Йеменская

лезными ископаемыми является недостаточным условием возникновения сепаратистского конфликта; гораздо большая опасность возникает в том случае, когда оно сочетается с давно существовавшим этническим или религиозным недовольством. В то время как в моей модели гражданской войны в центре внимания находится роль экономических свойств нефти (тем самым я намеренно оставляю за рамками картины этнические требования), в реальном мире решающую роль в возникновении подпитываемого нефтью сепаратизма, как представляется, играет разделение по этническому признаку.

Возможно ли определить ведущую силу этих мятежей? Кто возглавлял борьбу? Целенаправленные повстанцы, альтруистически сражавшиеся за независимость, или своекорыстные мятежники, создававшие состояния на вымогательстве? Ответ может быть получен, например, если мы проанализируем развитие событий во времени. Большинство перечисленных в табл. 5.3 конфликтов вспыхнули уже после того, как в регионе началась добыча нефти. Однако в Бангладеш, Нигерии (Биафре), Индонезии, Судане и Йемене военные действия начались после открытия месторождений нефти, но до начала их промышленной эксплуатации (то есть в то время, когда грабежи и похищения людей были затруднены или невозможны). В своем в высшей степени тщательном исследовании П. Луйала показывает, что во многих случаях уже само открытие месторождений углеводородов ведет к увеличению продолжительности конфликтов в регионе.⁴²

При тщательном рассмотрении примеров конфликтов с применением силы в индонезийской провинции Ачех и в Южном Судане мы приходим к выводу, что уг-

социалистическая партия начала борьбу за восстановление независимости Южного Йемена, который в 1990 г. стал частью объединенной Йеменской Республики. Между тем на территории, независимости которой требовали сепаратисты, в регионе Хадрамаут были открыты крупные месторождения нефти.

42. Lujala 2010.

леводородное богатство способно инициировать сепаратистские движения даже в тех случаях, когда мятежники лишены возможности поживиться за счет грабежа. Следовательно, нефть провоцирует сепаратизм и другими, отличными от описывавшихся выше, способами. В Индонезии открытие месторождений углеводородов стало толчком к формированию сепаратистской армии, а в Судане — к упреждающим репрессиям со стороны государства.

Ачехский сепаратизм

Ачех — провинция на северной оконечности острова Суматра — является пограничным регионом Индонезии. Как и в остальной части страны, подавляющее большинство населения Ачеха исповедует ислам, но в более консервативной форме. К тому же имелись и языковые различия. История политических конфликтов с применением насилия в Ачехе насчитывает не одно десятилетие. В XIX столетии независимый султанат Ачех оказал ожесточенное сопротивление установлению Нидерландами колониального правления в Индонезии. Ожесточенная война растянулась на 30 лет (1873–1903 гг.) и закончилась победой голландцев. Несмотря на то, что в конце 1940-х гг. ачехцы оказали всестороннюю поддержку созданию Республики Индонезии, уже в 1953 г. в провинции началось восстание, продолжавшееся до 1962 г. Его участники требовали расширения местной автономии и усиления роли ислама в национальном правительстве.

В 1976 г. было создано ачехское движение за независимость, получившее широкую известность по аббревиатуре GAM (Gerakan Aceh Merdeka, или Движение за свободу Ачеха). Оно было учреждено всего за несколько месяцев до того, как в провинции были введены в промышленную эксплуатацию крупные мощности по добыче природного газа. В опубликованной в 1976 г. «Декларации независимости» руководители движения

выступали против центрального правительства Индонезии (и доминировавших в нем яванцев) как главного орудия «колонизации» Ачеха и присвоения доходов от продажи газа (мятежники не имели ничего против проекта по добыче газа самого по себе). При этом основатель Движения за свободу Ачеха (ДСА) Хасан ди Тиро был деловым человеком, которому в недалеком прошлом не удалось получить контракт на строительство мощностей по добыче газа.⁴³

В течение первых двух десятилетий ДСА оставалась небольшой по численности организацией, проявлявшей лишь спорадическую активность. Большую часть финансовых средств оно получало из рук ливийского диктатора Муаммара Каддафи, поддерживавшего радикальные движения во многих прозападных странах мира. В 1976–1979 гг. деятельность ДСА заключалась по большей части в распространении листовок и во дружении ачехских флагов.⁴⁴ В 1979–1989 гг. руководители движения пребывали в изгнании в Ливии и время от времени тайно посещали Индонезию.

В 1989 г. в Ачех из Малайзии и Сингапура прибыло от 150 до 800 бойцов, прошедших специальную подготовку в Ливии. Тем самым был дан сигнал к началу второй инкарнации ДСА. Благодаря увеличению численности обученных военному делу повстанцев организация перешла к гораздо более агрессивным действиям. Сначала мятежники нападали только на индонезийских полицейских и военных. Однако впоследствии круг целей ДСА расширился за счет государственных служащих, коммерческой собственности, подозреваемых в секретной работе на правительство и поселенцев, принадлежавших к другим этническим группам.⁴⁵

Предпринятые центральным правительством ответные меры были очень жесткими. В июне 1990 г. прези-

43. Sjamsuddin 1984; Robinson 1998.

44. Sjamsuddin 1984; Hiorth 1986.

45. Robinson 1998.

дент Сухарто объявил об установлении в Ачехе военного положения и в регион были введены дополнительные войска в количестве 6000 человек. К концу 1991 г. многие полевые командиры ДСА были захвачены в плен или убиты. В то же время следствием жестокости правительственных войск стала все более углублявшаяся ненависть к Джакарте, ставшая одним из факторов возобновления активной деятельности ДСА в 1999 г.

В 1991–1998 гг. ДСА лишь изредка подавала признаки жизни и многие местные жители были уверены в том, что организация более не существует. Но в начале 1999 г. она вновь громко заявила о своем существовании. При этом количество ее членов стало увеличиваться с невиданной прежде скоростью. К середине 2001 г. регулярные части ДСА насчитывали 2–3 тыс. человек. Кроме того, организация имела возможность привлечь в случае необходимости от 13 тыс. до 24 тыс. ополченцев; на пике сепаратистского движения ДСА, как сообщают, контролировала 80% ачехских сельских поселений.⁴⁶

В чем заключались причины столь быстрого роста ДСА после 1999 г., несмотря на предшествовавшие 23 года спорадической активности низкого уровня? Важными факторами стали произошедшая в 1998 г. отставка индонезийского диктатора Сухарто и последующие демократические преобразования. В результате военная хватка несколько ослабла, что позволило новым более свободным средствам массовой информации сбросить покров тайны с происходивших в предшествовавшее десятилетие казней, пыток, изнасилований и грабежей, осуществлявшихся государственными служащими и армией. Вторым фактором был Азиатский финансовый кризис, в результате которого в 1998 г. спад в индонезийской экономике составил 17,8%. В следующем году подъем составил всего 0,4%.

Эти события придали новое звучание давним аргументам ДСА об экономических выгодах независимости. Вско-

46. International Crisis Group 2001.

ре после возрождения организации ее ораторы и памфлетисты все чаще стали обращаться к тезису, согласно которому индонезийская «яванская» элита расхищает природное богатство Ачеха. В случае же обретения независимости, Ачех якобы превратится во второй Бруней (богатый нефтью исламский султанат, расположенный на северо-западном побережье острова Борнео). Это был в высшей степени привлекательный лозунг, так как доходы Брунея в расчете на душу населения примерно в 20 раз превосходили аналогичный показатель Индонезии. Тем не менее он был ложным, так как по самым оптимистичным оценкам доходы в независимом Ачехе увеличились бы в лучшем случае на 50%, но никак не на 2000%.

Последние шесть лет ачехского мятежа оказались самыми кровопролитными. Количество жертв составило, по меньшей мере, 10 тыс. человек. Вскоре после катастрофического цунами (декабрь 2004 г.) враждующие стороны, в течение многих лет пребывавшие в политическом тупике, все-таки сели за стол переговоров. В соответствии с положившим конец войне соглашением (август 2005 г.), Ачех получил широкую автономию, а также право на получение 70% доходов от осуществления всех текущих и будущих углеводородных проектов.⁴⁷ Возможно, урегулированию способствовало неизбежное истощение запасов природного газа в Ачехе. Поэтому правительство не слишком опасалось, что местная автономия лишит Джакарту существенных денежных поступлений.

Месторождения природного газа в Ачехе были лишь одним из многих факторов, способствовавших возникновению повстанческого движения. Важную роль сыграли также культурные отличия, экономический кризис, жестокость военного правления и падение Сухарто. В течение первых двух десятилетий добычи газа ДСА почти не причиняла беспокойства центральному правительству в Джакарте.

47. Более подробно об ачехском сепаратизме см.: Kell 1995; Ross 2005b; Aspinall 2007.

Тем не менее углеводородная отрасль сыграла решающую роль в становлении и развитии сепаратистского движения в Ачехе. Индонезию населяют сотни этнических и религиозных меньшинств, которые точно так же вынуждены были жить в условиях военной диктатуры, подвергались воздействию экономического кризиса и были свидетелями низвержения Сухарто. Но только население Ачеха в конечном счете поддержало крупное вооруженное движение за независимость.⁴⁸ Ключевая причина заключалась в том, что достаточно большая часть населения Ачеха верили, что независимость позволит им «перехватить» доходы, которые в прошлом целиком получало центральное правительство, а также рабочие места иммигрантов из других провинций. Несмотря на то, что ДСА не участвовала в разграблении природных ресурсов, богатство Ачеха природным газом способствовало возникновению гражданской войны, так как оно, при прочих равных условиях, стало платформой для широкой поддержки борьбы за независимость провинции.

Упреждающие репрессии в Южном Судане

Ачехский конфликт был начат движением за независимость провинции, члены которого первыми открыли огонь в тридцатилетней войне. Но время от времени ресурсное богатство приводит к сепаратистским конфликтам, в которых первый шаг делается государством. Например, в тех случаях, когда центральное правительство предвидит возможное давление борцов за независимость

48. После 1998 г. в Индонезии возникло еще два массовых движения за независимость. Одно из них охватило богатую полезными ископаемыми провинцию Западное Папуа, а второе — Восточный Тимор — бывшую португальскую колонию, получившую независимость в 1975 г. и вскоре захваченную Индонезией. После проведения в 1999 г. при поддержке ООН референдума, в 2002 г. Восточный Тимор вновь получил независимость.

в богатом ресурсами регионе и осуществляет упреждающие репрессии в отношении местного населения.

В 1983 г. президент Судана Джафар Нимейри объявил, что открытые на Юге страны месторождения нефти находятся под юрисдикцией Севера, где и будет построен новый нефтеперерабатывающий завод. Эти шаги привели к нарушению длившегося 11 лет перемирия между преимущественно исламским Севером и христианским и анимистским Югом. Основная группа повстанцев, объединившаяся в Народную армию освобождения Судана обвинила Север в расхищении ресурсов Юга (включая нефть) и потребовала прекратить строительство трубопровода, по которому южная нефть должна была транспортироваться на переработку. В феврале 1984 г. повстанцы атаковали базу геологов, занимавшихся разведкой месторождений нефти, что привело к приостановке осуществления проекта.⁴⁹

Тем не менее искрами, от которых разгорелся пожар конфликта стала не Народная армия освобождения Судана, но центральное правительство, предвидевшее, что нефть послужит усилению стремления к независимости на юге страны. Государство несет ответственность за непрерывно возрастающую жестокость, с которой велись военные действия. В 1999–2000 гг. правительственные войска, для того чтобы заставить десятки тысяч людей оставить свои дома в регионах предполагаемой добычи нефти на Севере, начали наземные боевые действия с использованием вертолетов и бомбардировочной авиации. Атака на мирное население сопровождалась массовыми грабежами и изнасилованиями.⁵⁰

Например, в апреле 1999 г. шведская фирма *Lundin Oil* открыла крупное месторождение нефти в Тар Джате. Через месяц, упреждая возможные конфликты с местным населением, правительственные войска начали выселение из этого района десятков тысяч жителей. Тем

49. O'Ballance 2000; Anderson 1999.

50. Amnesty International 2000.

не менее еще через 10 месяцев здесь начались военные действия, включая бомбардировки селений с воздуха, поджоги и массовые казни, и *Lundin Oil* была вынуждена приостановить операции. Правительство стремилось полностью выселить людей с территории, на которой находилось месторождение нефти. Вскоре после окончания войны *Lundin Oil* возобновила строительство.⁵¹

После более чем двух десятилетий вооруженной борьбы в январе 2005 г. конфликтующие стороны заключили мирное соглашение. В соответствии с результатами народного референдума по самоопределению, проведенного в январе 2011 г., Южный Судан стал независимым государством. В нем находится большинство месторождений, но экспорт нефти осуществляется по трубопроводу, значительная часть которого проходит по территории Судана. Это позволяет Хартуму присваивать часть нефтяной ренты. Как и в Ачехе, международное посредничество помогло Судану разрешить длившийся в течение десятилетий конфликт, усугублению которого во многих случаях способствовало нефтяное богатство этой африканской страны.

Насилие, финансируемое нефтью

Известно, что во многих случаях причиной возникновения конфликтов становится присвоение нефти посредством грабежей. Во время холодной войны сверхдержавы и их союзники оказывали финансовую поддержку различным группам мятежников. После ее окончания повстанческим группировкам приходилось все больше полагаться на доходы, получаемые от присвоения и продажи различных природных ресурсов, прежде всего, драгоценных камней, леса и нефти.⁵²

51. Christian Aid 2001.

52. Keen 1998; Ross 2006a; Kalyvas and Balcells 2010.

Повстанцы обнаружили три основных способа извлечения денежных средств из доступа к местным мощностям по ее добыче: хищения собственно нефти, вымогательство и похищения людей; и продажа будущих прав на добычу нефти иностранным инвесторам. Эти три стратегии привлечения денежных средств иллюстрируются примерами мятежей в Нигерии, Колумбии и Конго-Браззавиле, а также произошедшей совсем недавно попытки переворота в Экваториальной Гвинее.

Хищения нефти в Нигерии

Первый метод заключается в воровстве нефти самой по себе, либо посредством «врезок» в трубопроводы (известен также как «заправка»), либо в форме насильственного захвата автоцистерн или танкеров. Похищенная этими способами нефть может быть продана на черном рынке.⁵³ Хищения нефти могут быть крошечными по объему или грандиозными. Только в 2006 г. контрабанда нефти и связанные с нею виды деятельности принесли иракским повстанцам от \$ 25 млн до \$100 млн.⁵⁴ Однако нигде в мире хищения нефти не достигали таких огромных масштабов, как в Нигерии.

Происходившие в дельте реки Нигер события выстраиваются в бесконечную запутанную цепочку нищеты, государственных репрессий, этнического соперничества и организованного насилия.⁵⁵ Начиная с середины 1960-х гг. в регионе три раза начинались мя-

53. В статье, посвященной природным ресурсам и гражданским войнам, я высказывал точку зрения, согласно которой, по сравнению с древесиной или аллювиальными алмазами нефть относится к числу относительно неподходящих для простого разграбления ресурсов (Ross 2003). Восстания в Нигерии и Ираке доказали, что мое мнение было ошибочным. Я хотел бы поблагодарить отметившего это обстоятельство Майкла Уоттса (Watts 2007).

54. Burns and Semple 2006.

55. В этом разделе используются материалы докладов Международной кризисной группы (International Crisis Group 2006a, 2006b),

тежи с использованием оружия. В первых двух случаях углеводородное богатство стало стимулом для местных меньшинств, поддерживавших группы борцов за автономию и независимость. В третьем случае население оказало еще и финансовую поддержку выступавшим против центрального правительства партизанам, источником которой были хищения нефти и вымогательство.

В дельте Нигера проживает около 20 млн человек, а площадь ее территории достигает примерно 70 тыс. кв. км, что сопоставимо с размерами Ирландии или американского штата Западная Виргиния. Большую ее часть составляют болота, реки и тропические леса. На протяжении длительного времени это был беднейший и наиболее этнически разнообразный регион Нигерии. В 1650–1800 гг. через расположенные в дельте порты прошла примерно четверть западноафриканских черных невольников, перевозившихся морем в Америку. Впоследствии дельта Нигера стала одним из важнейших источников пальмового масла, производившегося во время английского правления в ужасных условиях.

Первым крупным вооруженным конфликтом в регионе стала война за его отделение от Нигерии, последовавшая вскоре после обретения этой страной независимости. Отчасти конфликт был вызван резко обострившимися этническими противоречиями между народом игбо и представителями других групп. Но нельзя не упомянуть и о роли нефти: вера в то, что независимое государства народа игбо (Биафра) «обречено» на процветание, подкреплялась растущей осведомленностью о масштабе запасов нефти в регионе. В 1967 г. губернатор провинции отдал распоряжение, согласно которому все доходы от продажи нефти должны были оставаться на счетах местных властей. В ответ центр объявил о новой административно-территориальной реформе, заключавшейся в образовании на территории дельты Нигера трех новых

а также работ Т. Уоттса (Watts 1997, 2007), Е. Осарае (Osaghae 1994) и К. Омедже (Omeje 2006).

штатов. Тем самым перед этническими меньшинствами региона, якобы, открывались перспектива автономии и быстрого роста благосостояния. В действительности руководство Нигерии рассчитывало лишить игбо доходов от продажи нефти. В ответ губернатор провинции провозгласил независимость Биафры, что послужило сигналом к началу катастрофической трехлетней войны.

К 1990-м гг. дельта превратилась в основной источник нефтяного богатства Нигерии. Продажа нефти была основным источником пополнения государственного бюджета и доходов от экспорта. В то же время этот регион оставался одним из беднейших в стране. Согласно данным проведенного правительством Нигерии в 1996 г. опроса, уровень бедности в дельте составлял 58,2% — самый высокий уровень в стране; на низком уровне находились показатели грамотности, доступа к медицинским услугам и питьевой воде.

В 1990–1995 гг. сочетание устойчивой бедности и растущей добычи углеводородов привело ко второму «ранунду» политического насилия. И вновь решающую роль сыграли разногласия относительно денежных поступлений от продажи нефти. В 1990 г. Движение за выживание народа огони (MOSOP, ДВНО) и несколько близких ему групп начали пропагандистскую кампанию, утверждая, что добыча нефти в регионе привела к деградации его природной среды, проблемам со здоровьем, ухудшению условий для рыболовства и геноциду народа огони. Основное его требование заключалось в получении от федерального правительства честной доли от продажи экономических ресурсов, происходивших из «Огониленда». Близкие ДВНО группы шли еще дальше, настаивая на предоставлении права на самоопределение и полный контроль над правами на добычу нефти на издавна принадлежавших огони землях.

В декабре 1992 г. руководители ДВНО потребовали от присутствовавших в Огониленде нефтяных фирм выплаты \$10 млрд, а также осуществления мер, направленных на оздоровление природной среды. Был установлен

срок выполнения этих требований — 30 дней. В противном случае фирмы лишились бы возможности добывать и транспортировать нефть. В ответ центральное правительство предприняло репрессивные меры. Спустя несколько месяцев произошли ожесточенные столкновения между вооруженными группами огони и жителями района местного самоуправления Андони. По мнению огони, столкновения были инспирированы центральным правительством. В 1994 г. руководитель ДВНО Кен Саро-Вива и восемь его соратников были арестованы и брошены в тюрьму. В 1995 г. они были казнены.

Смерть руководителей ДВНО не стала лекарством от «болезней» дельты Нигера. Начиная с 1997 г. в регионе неоднократно происходили столкновения между локальными вооруженными отрядами и правительственными войсками. Нередко вспыхивали сражения и между различными группами повстанцев. Вооруженные группировки преследовали самые разные цели: одни призывали к полному отделению дельты Нигера от Нигерии; другие не настаивали на независимости, но требовали увеличения доли региона в нефтяных доходах; третьи не имели четкой политической платформы и сосредоточились на преступной деятельности.

Местным вооруженным формированиям (наиболее известным из них является «Движение за освобождение дельты Нигера») удалось собрать значительные суммы денег, отчасти посредством вымогательства, отчасти посредством хищений нефти. Вымогательство стало возможным благодаря нападениям на инфраструктуру, обеспечивавшую добычу углеводородов. Согласно оценке государственной компании *National Nigerian Petroleum*, в 1998–2003 гг. принадлежавшее ей оборудование было подвергнуто разрушениям около 400 раз, а ежегодные совокупные убытки превысили \$1 млрд. Во время общенациональных выборов в 2003 г. компания *Chevron* сообщила, что нанесенный нападениями вооруженных групп ущерб инфраструктуре добычи нефти превысил \$500 млн.

Во избежание дальнейшего саботажа часть компаний практикует прямые или косвенные платежи в пользу местных вооруженных формирований. Во многих случаях правила западных компаний запрещают выплаты такого типа; поэтому они маскируются под «контракты об инспектировании», в соответствии с которыми группы местной молодежи охраняют трубопроводы, контрольно-замерные станции, скважины и другие мощности. Иногда руководители повстанческих группировок публично похваляются этими очень прибыльными контрактами. Согласно отчету Международной кризисной группы:

...в марте 2005 г., через несколько месяцев после того, как [руководитель боевиков Эльхаджи Докубо] Асари и его группа приняли условия предлагавшейся властями Нигерии амнистии, его заместитель Эльали Хорсфол рассказал исследователю Кризисной группы, что, согласно контракту между ему компанией *Dukoaye Security Services* и *Shell*, первая ежемесячно получала \$7000 за обеспечение безопасности, инспектирование и обслуживание нефтяных скважин (например, ремонт электрогенераторов), а также на осуществление местных программ развития. По признанию Хорсфола, его компания не имела возможности предоставлять подобные услуги. Однако она имела аналогичные контракты с такими нефтяными сервисными компаниями, как *Daewoo*, *Nissco*, *Willbros* и другими. На вопрос о том, как руководителю самой опасной в дельте Нигера группы боевиков удалось заключить контракты с иностранными нефтяными компаниями, он ответил: «Иначе, я начну войну с ними».

Некоторые вооруженные группы получали деньги посредством организации хищений и продажи нефти. В другом докладе Международной кризисной группы сообщается:

По оценке отраслевых экспертов, потери Нигерии от незаконного отбора составляли от 70 тыс. до 300 тыс. баррелей в день, что эквивалентно добыче не-

большой нефтедобывающей страны. В своем последнем годовом отчете, опубликованном в конце августа 2006 г., компания *Shell Nigeria* приводила следующие оценки потерь от незаконного отбора нефти. Если в 2004 г. они составляли 40000–60000 баррелей в день, то в 2005 г. компании удалось добиться их снижения до 20000–40000 баррелей в день.⁵⁶

Похищенная нефть перегружалась на баржи и буксиры, доставлявшие ее на корабли и цистерны, продававшие ее перерабатывающим предприятиям в разных концах света. Нередко важную роль в этих незаконных поставках играли государственные служащие, обеспечивавшие сопровождение грузов или их прохождение через контрольно-пропускные пункты.

В начале 2006 г. марка нигерийской нефти «Bonny Light» продавалась на мировых рынках по цене \$60 за баррель. Если использовать эту цену, то стоимость ежедневных хищений в размере 40000 баррелей составляла \$2,4 млн в день, или \$876 млн в год. Значительная часть этих доходов досталась вооруженным группировкам, которые вели борьбу с правительством. Неудивительно, что нигерийский конфликт относится к числу самых трудноразрешимых в мировом масштабе.

Вымогательство и захват заложников в Колумбии

Торговля похищенной нефтью может оказаться в высшей степени прибыльным делом, но только в том случае, если повстанцы имеют в своем распоряжении сложную инфраструктуру обеспечения безопасности и транспортировки — такую, которая позволяла бы им получать нефть, перемещать ее наземным или водным транспортом, преодолевать таможенные и пограничные барьеры и реализовывать своим соучастникам. В Нигерии

56. International Crisis Group 2006a, 2006.

и Ираке успех этой преступной деятельности во многом зависел от получения согласия на нее или прямого активного участия чиновников. В тех случаях, когда нуждающиеся в деньгах повстанцы слишком слабы или бедны для того, чтобы самостоятельно организовать хищения и торговлю нефтью, они могут обратиться к вымогательству или похищению заложников с целью выкупа. Объектами преступных действия становятся нефтяные компании и обслуживающие их фирмы.

Вымогательство и похищения людей сыграли важную роль в развитии конфликта в Колумбии. Во многом благодаря этим преступлениям не слишком активная в начале 1980-х гг. эпизодическая партизанская деятельность переросла в начале 2000 г. в настоящую гражданскую войну. В Колумбии добывается не слишком много нефти. В 2006 г. ее доходы от продажи нефти составили около \$300 в расчете на душу населения (или около 12% ВВП). Начало современному конфликту было положено еще в середине 1960-х гг., когда были образованы две крупнейшие повстанческие группировки (за спинами которых стояли, соответственно, СССР и Куба) — Революционные вооруженные силы Колумбии (*Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia, FARC*) и меньшая по численности Армия национального освобождения (*Ejército de Liberación Nacional, ELN*).⁵⁷

В 1960–1970-е гг. эти и другие левые группы вели вяло протекавшую партизанскую войну против колумбийского правительства. В этом конфликте нефть находилась, скорее, на втором плане. Положение начало изменяться после 1983 г., когда компания *Occidental Petroleum* открыла в Арауке, южном департаменте Колумбии, крупное месторождение нефти. В то время присутствие в этом департаменте Армии национального освобождения (АНО) было относительно скромным. В рассматри-

57. Раздел о колумбийском конфликте основывается на следующих публикациях: Chernick 2005; Pearce 2005; Pax Christi Netherlands 2001.

ваемый период АНО была небольшой по численности организацией. Она потерпела почти полное поражение в вооруженных столкновениях с правительственными войсками в 1973 г. В конце 1970 г. численность АНО составляла всего лишь около сорока партизан.

В 1984 г. западногерманская компания *Mannesmann AG* начала строительство нефтепровода протяженностью около 300 км для транспортировки нефти из Арауки на побережье Карибского моря. Уже после первых трех недель работы АНО осуществила нападение (всего их было четыре), захватив в заложники трех строителей, вслед за чем последовала серия забастовок. По словам бывшего менеджера проекта, и государственная нефтяная компания (*Ecopetrol*), и *Occidental* убеждали руководство *Mannesmann* принять условия повстанцев. После того как немецкая компания заплатила АНО крупную сумму денег (по меньшей мере, несколько миллионов долларов или, возможно, значительно больше) в дальнейшем строительство нефтепровода осуществлялось в соответствии с графиком.

Новая тактика АНО оказалась слишком успешной для того, чтобы отказываться от нее в дальнейшем. В конце 1986 г. АНО выдвинула лозунг «Вставай, Колумбия ... они крадут твою нефть» и возобновила нападения на уже действующий к тому времени нефтепровод. В 1986–2001 гг. прокачка нефти по нефтепроводу останавливалась 911 раз из-за диверсий. Применявшиеся АНО способы вымогательства, включая захват в заложники нефтяников, оказались настолько прибыльными, что они были заимствованы и другими повстанческими группами. Имеются в виду и правые вооруженные формирования, вымогавшие деньги у сервисных фирм, обслуживавших нефтяные компании, и у местных чиновников, и Революционные вооруженные силы Колумбии (РВСК), которые в то время уже получали немалую прибыль от торговли наркотиками. После того как в 2001 г. РВСК стала доминирующим вооруженным формированием в Арауке, количество ди-

версий на нефтепроводе увеличилось до рекордного количества — 170.

Благодаря деньгам, полученным в форме выкупа за освобождение заложников и прекращение диверсий на трубопроводе, численность и влияние АНО значительно возросли. Если в 1983 г. организация вела бои на трех фронтах, то в 1986 г. — уже на одиннадцати. До начала «бомбистской» кампании в АНО состояли 40 партизан, а в конце 1990-х гг. — около трех тысяч.

Вымогательство со стороны повстанческих организаций — лишь часть истории. Нефтяное вымогательство практиковали и вооруженные формирования, связанные с правительством. В процессе проводившегося в 1988–2005 гг. экономистами Оейндилой Дьюб и Хуаном Варгасом инновационного исследования деятельности девятисот колумбийских муниципалитетов выяснилось, что, по сравнению с другими частями страны, в нефтедобывающих районах органы местной власти значительно чаще становились объектами нападений вооруженных формирований, особенно в периоды роста цен на нефть.⁵⁸ Доходы от нефти и незаконного оборота наркотиков получали обе противоборствующие стороны. Они стали тем топливом, благодаря которому эпизодическая в 1960–1970-х гг. партизанская деятельность переросла в наши дни в гражданскую войну.

«Трофейные фьючерсы» в Конго-Браззавиле

И наконец, в некоторых случаях повстанцы используют более сложные способы получения денег от нефти, продавая то, что мы можем назвать «трофейными фьючерсами». Имеются в виду ситуации, когда лидеры мятежников имеют хорошо налаженные связи и практикуют продажу прав на добычу нефти, над месторождениями которой они надеются установить контроль. Повстанцы не продают реальную нефть, не вымогают деньги у пре-

58. Dube and Vargas 2009.

бывающих в стране нефтяных компаний; вместо этого они продают права на заключение концессий на добычу нефти в будущем, которые могут быть использованы только в случае окончательной победы мятежников. Таким образом, они эффективно продают будущие права на военные трофеи, или трофейные фьючерсы.

Торговле трофейными фьючерсами присуще опасное качество самореализации. Если группа мятежников не имеет возможности «заработать» с помощью такого рода продаж, она рискует остаться без денег, необходимых для захвата трофеев. Возможность их получения открывается благодаря торговле будущими правами на ресурсы. В отсутствие покупателя ресурсов, которые надеется захватить группа мятежников, снижается вероятность и вооруженного восстания, и возникновения конфликта самого по себе.

Вырученные от продажи трофейных фьючерсов деньги способствовали тому, что в начале июня 1997 г. разгорелось пламя гражданской войны в Конго-Браззавиле (известного также как Республика Конго). Начиная с 1974 г. эта бывшая французская колония стала одним из крупных поставщиков нефти на мировой рынок. Большую часть времени во главе Конго-Браззавиля стояли авторитарные правители, но в начале 1990-х гг. страна начала постепенно переходить к демократии. Препятствиями на пути более быстрой демократизации стали три конфликта нижнего уровня (в 1993–1994 гг., 1999 г. и в 2002 г.) и ожесточенная гражданская война 1997–1998 гг.

Непосредственным поводом к началу гражданской войны стал отданный президентом Конго Паскалем Лиссубой приказ правительственным войскам об окружении резиденции его главного соперника на предстоявших выборах Дени Сассу-Нгессо.⁵⁹ Последний

59. Более развернутую точку зрения на роль нефти в происходивших в Конго-Браззавиле конфликтах, включая предшествовавшие гражданской войне 1997–1998 гг. и следовавшие после нее, см. в работе П. Энглебе и Дж. Рона (Englebert and Ron 2004).

занимал должность президента страны в 1979–1992 гг. и выставил свою кандидатуру на новых выборах. Д. Сассу-Нгессо поддерживало его собственное частное вооруженное формирование. Первым столкновением гражданской войны стал бой между правительственными войсками и вооруженными сторонниками Д. Сассу-Нгессо, вставшими на защиту резиденции своего лидера.

Одним из источников финансирования отрядов сторонников Д. Сассу-Нгессо была продажа прав на добычу конголезской нефти в будущем. В самом начале конфликта их предводитель получил весьма существенную помощь от французской нефтяной компании *Elf Aquitaine* (ныне *Total*); по некоторым данным, она составила \$150 млн наличными; согласно другим источникам *Elf Aquitaine* помогла мятежникам приобрести оружие и боеприпасы.⁶⁰

В бытность свою президентом в 1979–1992 гг. Д. Сассу-Нгессо поддерживал очень тесные отношения и с *Elf Aquitaine*, и с правительством Франции. Первая, в частности, установила чуть ли не полный контроль над нефтедобычей в Конго. После прихода к власти в 1992 г. П. Лиссубы, доступ в национальную нефтяную промышленность получили и другие фирмы, включая *Occidental Petroleum*, *Exxon*, *Shell* и *Chevron*. Кроме того, правительство представило в парламент законопроект, согласно которому предусматривалось расширение доступа новых компаний к конголезской нефти. Очевидно, что *Elf Aquitaine* поддержала выдвижение Д. Сассу-Нгессо своей кандидатуры на выборах президента, рассчитывая восстановить свое доминирующее положение в нефтяной отрасли.

Для того чтобы французская компания убедилась в правильности своих вложений, потребовалось совсем немного времени. После четырех месяцев кровопролитных боев отрядам Д. Сассу-Нгессо удалось взять верх над войсками П. Лиссубы. Законопроект о нефтяной отрасли был отложен в долгий ящик, и *Elf Aquitaine* вновь

60. Galloy and Gruenai 1997; см. также газеты *Johannesburg Mail* и *Guardian* за 17 октября 1997 г.

заняла доминирующие позиции.⁶¹ В выигрыше остался и Д. Сассу-Нгессо: после победы над правительственными войсками в гражданской войне 1997–1998 гг. он вновь был избран президентом, что ознаменовало окон-

61. Специалисты по франкофонной Африке могли бы задать резонный вопрос: действительно ли *Elf Aquitaine* поддерживала Д. Сассу-Нгессо исходя только из коммерческих интересов, или ее решение было продиктовано политическими интересами французского правительства? Со дня основания и по 1994 г. *Elf Aquitaine* была государственной компанией, тесно сотрудничавшей с правительством своей страны в отстаивании интересов Франции в Африке. Но затем она была приватизирована, и новое руководство компании заняло в отношении правительств зарубежных государств в большей степени коммерческую позицию. Несмотря на то, что поиском материалов, которые подтверждали бы участие *Elf Aquitaine* в гражданской войне в Конго, заняты не только средства массовой информации, но и суды Франции и Бельгии, какие-либо доказательства того, что компания поддерживала Д. Сассу-Нгессо от имени или по прямому указанию правительства Франции, отсутствуют.

Д. Сассу-Нгессо был не единственным участником конголезского конфликта, выходившим на рынок трофейных фьючерсов. После начала боевых действий в июне 1997 г. действовавший президент П. Лиссуба отчаянно нуждался в оружии для подавления мятежа. В июле того же года законное правительство страны обратилось к Жаку Сиголе который, в качестве сотрудника французского банка FIBA, много лет отвечал за финансовое обслуживание *Elf Aquitaine*. Позже, в интервью бельгийской газете, Ж. Сиголе рассказывал:

В конце июля [1997 г.] конголезские чиновники уже задавали мне вопросы о возможности организации предварительного финансирования с использованием сырой нефти... Если я правильно помню, речь шла о \$50 млн. Более всего меня беспокоил вопрос о том, к какому количеству баррелей нефти они имеют доступ. Меня заверили, что объем добычи составляет не менее 10 000 баррелей в день, а в октябре он мог возрасти до 15 000 баррелей. Я подготовил обычный контракт на поставку сырой нефти, ничего не зная о том, кто будет ее покупателем (цит. по: Lallemand 2001).

К счастью, П. Лиссубе не удалось найти покупателей на эти фьючерсы. Все понимали, что он проигрывает войну, и ставка на действующего президента была бы слишком рискованной. Если бы П. Лиссубе улыбнулась удача, война могла продлиться гораздо дольше и обошлась бы куда дороже.

чение конголезского демократического эксперимента. В 2002 г. и в 2009 г. Д. Сассу-Нгессо подавляющим большинством голосов переизбирался на пост президента Республики Конго. Отметим, что оба раза ведущие оппозиционные партии страны либо бойкотировали участие в выборах, либо были лишены возможности вести избирательные кампании.

Грязные деньги в Экваториальной Гвинее

Трофейные фьючерсы способны приводить к возникновению хаоса и в других формах. В марте 2004 г. в богатой нефтью Экваториальной Гвинее произошла попытка свержения законного правительства силами иностранных наемников. Поскольку заговорщики были разоблачены и схвачены еще до начала переворота, страна оказалась на пороге гражданской войны, но так и не перешла через него. Так как многие участники событий оказались за решеткой, у нас появилась возможность составить необычно полную картину финансирования этой операции, осуществлявшегося преимущественно крупными суммами наличных денег, полученных от продажи трофейных фьючерсов.⁶²

Экваториальная Гвинея является бывшей испанской колонией. Начиная с 1979 г. должность президента страны занимает Теодоро Обианг Нгема Мбасого, пришедший к власти в результате военного переворота и свержения своего дяди. Экваториальная Гвинея — коррупционная недемократическая страна. После открытия в 1996 г. месторождения нефти она вошла в число крупнейших нефтедобывающих стран Африки. Отметим, что это государство было избавлено от гражданских войн.

Попытка мятежа в Экваториальной Гвинее в 2004 г. была организована не вышедшими из подчинения ар-

62. Раздел основывается на материалах работ А. Робертса (Roberts 2006) и Э. Барнета, М. Брайта и П. Смита (Barnett, Bright, and Smith 2004).

мейскими офицерами, и не политической оппозицией, а группой иностранцев, возглавляемой Саймоном Манном, известным английским наемником, проживавшим в Южной Африке. С. Манн был учредителем компаний *Executive Outcomes* и *Sandline International*, вербовавших в 1990-х гг. наемников для участия в гражданских войнах в Сьерра-Леоне и Анголе.

В марте 2004 г. С. Манн заключил соглашение с 65 иностранными наемниками, которые должны были прибыть в Экваториальную Гвинею самолетом из Зимбабве. По прилету его команда планировала соединиться с 15 наемниками из Южной Африки и Армении, уже находившимися к тому времени в Экваториальной Гвинее, свергнуть Т. Обианга и поставить во главе государства Северо Мото (пребывавшего в изгнании оппозиционного политика).

Власти Экваториальной Гвинеи и Зимбабве были предупреждены о заговоре, и в последний момент переворот был предотвращен. Самолет с наемниками был арестован в Хараре (Зимбабве), а остальные заговорщики были схвачены уже в Экваториальной Гвинее. Впоследствии С. Манн был приговорен зимбабвийским судом к 7 годам тюремного заключения, а его наемники — к 12 месяцам лишения свободы. В 2008 г. руководитель заговора был экстрадирован в Экваториальную Гвинею и приговорен к 34 годам заключения; но через год президент страны помиловал преступника и он вышел на свободу.

Попытка переворота оказалась трудным с точки зрения логистики делом. Основным условием ее осуществления было значительное финансирование. В создании финансовой основы заговора участвовала группа английских и южноафриканских предпринимателей, обратившаяся для маскировки крупных денежных переводов к услугам офшорных банков, зарегистрированных на Британских Виргинских островах и на острове Гернси. Инвесторам удалось собрать от \$3 млн до \$14 млн (общая сумма навсегда останется неизвестной), которые

они надеялись с лихвой окупить из нефтяных доходов Экваториальной Гвинеи. Часть финансистов ожидали десятикратной прибыли на вложенные средства в течение 10 недель; другие планировали создать собственные нефтяные компании, чтобы получить доступ к перспективнейшим нефтяным концессиям. Будущий президент С. Мото, якобы, предложил С. Манну в качестве оплаты его услуг \$16 млн и прибыльные государственные контракты. Кроме того, в случае успеха операции наемники должны были получить крупные дополнительные выплаты. Имена большинства из финансистов планировавшегося переворота так и остались в тайне. На проходившем в 2005 г. в ЮАР судебном процессе Марк Тэтчер, сын бывшего премьер-министра Англии Маргарет Тэтчер, признал свою вину в участии в финансировании заговора; он был приговорен к условному сроку и должен был заплатить крупный денежный штраф.

Для того чтобы собрать необходимые для финансирования своих предприятий денежные суммы и Д. Сассунгессо в Конго-Браззавиле, и С. Манн в Экваториальной Гвинее торговали будущими активами в виде доходов от нефтяных месторождений, которые они надеялись захватить. Если бы речь шла об обычных государствах, не располагающих подобными активами, заговорщикам было бы труднее (или невозможно) получить деньги, необходимые для осуществления их планов. Торговля трофейными фьючерсами открыла им возможность использовать против государства его собственное нефтяное богатство.⁶³

Связь между нефтяным богатством и конфликтом может быть и обманчивой: в некоторых случаях нефтяным и другим компаниям, специализирующимся на добыче полезных ископаемых, приходится работать в нестабильных регионах в условиях высоких рисков

63. Более подробно о торговле трофейными фьючерсами и примерах аналогичных сделок в добыче алмазов см. одну из моих работ (Ross 2005a).

возникновения конфликтов. Однако добыча нефти, как представляется, способствует дальнейшему увеличению опасности гражданской войны, прежде всего, в странах с низкими и средними доходами и особенно после 1991 г.

Большинство связанных с нефтью конфликтов носили ограниченный характер. В некоторых из них, таких как недавние конфликты в Колумбии и в дельте реки Нигер, участвовали вооруженные группы, заинтересованные, скорее, в вымогательстве денег, чем в освободительном движении. Члены других вооруженных формирований действительно сражались за самоопределение. Это движения за независимость Иракского Курдистана, Южного Судана и индонезийской провинции Ачех.

Углеводороды никогда не были единственным источником конфликта, и их наличие никогда не означало его неизбежности. Начиная с 1970 г. почти половина всех нефтедобывающих стран были избавлены от конфликтов. К сожалению, многие из стран, в которых была впервые начата добыча углеводородов, относятся к числу государств с низкими доходами, в которых уже имеют место высокие риски конфликтов (особенно в Африке, в бассейне Каспийского моря и в Юго-Восточной Азии). Имеющиеся у них запасы позволят добывать углеводороды лишь в течение одного-двух десятилетий. Если они станут жертвами гражданских войн, то этим странам придется навсегда распрощаться с надеждой избавиться от бедности благодаря нефтяному богатству.

§§ ПРИЛОЖЕНИЕ 5.1 §§

Статистический анализ нефти и гражданского конфликта

В этом приложении описываются несколько серий логистических регрессий, используемых для исследования корреляции между углеводородным доходом страны и вероятностью возникновения в ней гражданской войны.

Описывавшаяся в главе 5 модель конфликта позволяет выдвинуть четыре поддающиеся проверке гипотезы:

Гипотеза 5.1. Чем больше нефтяной доход страны в расчете на душу населения, тем выше вероятность начала в ней гражданской войны.

Гипотеза 5.2. Чем ниже получаемый в стране доход в расчете на душу населения, тем сильнее воздействие нефти на вероятность возникновения конфликта.

Гипотеза 5.3. После 1980 г. норма гражданских войн в нефтедобывающих странах должна быть более высокой, чем в предшествовавший период.

Гипотеза 5.4. Нефть, добываемая на морских буровых платформах, не влияет на уровень опасности возникновения конфликта.

Данные и методы

Так как избранная мною зависимая переменная — начало гражданской войны — является дихотомической, то для оценки моделей используются логистические регрессии. Поскольку моменты начала войны относятся к числу редко происходящих событий — в 1960–2006 гг. их количество составило 193 на 6200 страно-лет, — результаты логистической регрессии практически идентичны полученным с помощью оценки логистической регрессии методом Кинга и Зенга, учитывающим то, что исследуемое событие случается редко. Мой выбор логистических преобразований обусловлен тем, что они хорошо знакомы ученым.

Обращаясь к проблеме временной зависимости — тому факту, что для данной страны статистически связанными являются множество проводившихся с течением времени наблюдений — я следую рекомендации Натаниэля Бека, Джонатана Каца и Ричарда Такера о добавлении

к каждой модели трех кубических сплайнов и контроле над количеством лет начиная с окончания предшествовавшего конфликта в одной и той же стране.⁶⁴ Для того чтобы помочь смягчить эндогенность и кластерные стандартные ошибки для каждой страны, я беру все объясняющие переменные с лагом в один период.

Зависимая переменная

Ключевой зависимой переменной является начало конфликта. Я строю ее на основе комплексного транспарентного набора данных «Armed Conflict» («Вооруженный конфликт»), в котором содержатся сведения о конфликтах с применением силы. Его создатели определяют конфликт как «являющуюся предметом борьбы несовместимость относительно правительства и/или территории, для устранения которой две стороны (при этом, по крайней мере, одной из них является государство) применяют оружие, в результате чего в столкновениях погибают, по меньшей мере, 25 человек» в одном календарном году. Поскольку мы изучаем внутренние, а не международные конфликты, я ограничиваю анализ тем, что авторы набора данных называют событиями «типа 3» (внутригосударственный конфликт) и «типа 4» внутригосударственный конфликт, приобретший международный характер).⁶⁵

Я использую эти данные для того, чтобы получить переменную *начало гражданской войны*. В год начала конфликта ей присваивается значение «1», а во всех остальных случаях — «0». Для того чтобы избежать двойного счета продолжающихся, но временно затихающих, конфликтов, я учитывают только те из них, которые начинаются через два или более следующих друг за дру-

64. Beck, Katz, and Tucker 1998. В предлагавшемся ранее наборе оценок (Ross 2006a) я показывал, что альтернативный метод обращения к временной зависимости (Fearon and Laitin 2003) позволяет получить практически идентичные результаты.

65. Gleditsch et al. 2002.

гом мирных лет.⁶⁶ Кроме того, я использую набор данных «Armed Conflict» для создания переменных, необходимых для измерения трех составляющих *начала гражданской войны*: начало конфликтов за контроль над правительством страны (*начало конфликта по поводу государственной власти*), начало конфликтов из-за территории (*начало сепаратистского конфликта*) и начало крупных гражданских войн (*начало крупного конфликта*). Как и другие ученые, я определяю последние как конфликты, в результате которых в данном календарном году в боевых столкновениях погибло 1000 и более человек. Я рассматриваю и вопрос о том, сохраняют ли силу полученные мною результаты в случае использования альтернативных кодировок гражданской войны, разработанных Джеймсом Фероном и Дэвидом Лейтином, а также Николасом Самбанисом.⁶⁷

Независимая и контрольная переменные

Как и в главе 3, в качестве независимой переменной я использую логарифм нефтяного дохода в расчете на душу населения.

Ученые пока не пришли к согласию относительно единой модели гражданских войн, что затрудняет идентификацию правильного набора контрольных переменных. В исследованиях Г. Хегре и его коллег, Дж. Ферона и Д. Лейтина, П. Коллиера и А. Хеффлер, Л. Седермана, А. Виммера и Б. Мина, а также в работах других известных ученых были идентифицированы различные правдоподобные факторы риска.⁶⁸ Результаты тестов, проводившихся Дж. Фероном, Г. Хегре и Н. Самбанисом, позволяют сделать вывод о неустойчивости некоторых широко использовавшихся переменных к изменениям в спецификации модели, периоде, на который

66. Включение конфликтов, которые начинаются после одного года мира практически не влияет на результаты.

67. Fearon and Laitin 2003, Sambanis 2004.

68. Hegre et al. 2001; Fearon and Laitin 2003; Collier and Hoeffler 2004; Cederman, Min, and Wimmer 2010.

ТАБЛИЦА 5.4. Гражданские войны, начинавшиеся в 1960–2006 гг.

Логистические оценки вероятности возникновения новой гражданской войны в данном году. Зависимой переменной является начало гражданской войны. Каждая оценка включает переменную, которая измеряет годы, прошедшие с момента окончания предшествовавшего конфликта, а также три кубических сплайна, необходимых для корректировки временной зависимости (не показаны). Все объясняющие переменные отстают на один год. Стандартные ошибки устойчивости даны в скобках.

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
Доход (лог.)	–0,316*** (0,0610)	–0,444*** (0,0690)	–0,280*** (0,0979)	–0,533*** (0,181)	–0,410*** (0,0653)
Население (лог.)	0,314*** (0,0725)	0,258*** (0,0776)	0,255*** (0,0878)	0,487*** (0,106)	0,247*** (0,0778)
Нефтяной доход (лог.)		0,133*** (0,0383)	0,124*** (0,0425)	0,146 (0,0910)	— (—)
Доход*Нефтяной доход (лог.)	— (—)	— (—)	— (—)	— (—)	0,108*** (0,0316)
Группа по доходу	Все	Все	< \$5000	> \$5000	Все
Страны	169	169	140	169	169
Наблюдения	6426	6426	4554	1872	6382
Недостающие наблюдения	6,7%	6,7%	10,6%	3,9%	6,8%

*** значимо на уровне 1%.

распространяется выборка, продолжительности каждого наблюдения (т.е. годичной или пятилетней группировке наблюдений по стране) и определении гражданской войны.⁶⁹

Как представляется, наиболее устойчивыми предикторами гражданской войны являются уровень дохода и размеры населения; несколько меньшую надежность продемонстрировали тип режима (наивысшей степени риска характеризуются анократии, когда в режиме

69. Fearon 2005; Sambanis 2004; Hegre and Sambanis 2006.

правления сочетаются черты демократии и автократии) и длительность существования государства как независимой страны.⁷⁰ К числу других факторов, способствующих повышению риска возникновения гражданской войны, относятся недавняя политическая нестабильность, низкие темпы роста экономики и этническая маргинализация, равно как и наличие горных районов, фрагментированной территории, а также склонных к войнам недемократических соседних государств.

Я начинаю исследование с изучения «базисной модели» с использованием только *нефтяного дохода (лог)*, а также дохода и населения — двух объясняющих переменных, которые, как представляется, наиболее устойчиво связаны с гражданской войной. Впоследствии, для проверки устойчивости, я добавлю к модели и другие объясняющие переменные, использовавшиеся в основополагающей модели гражданской войны Дж. Ферона и Д. Лейтина, включая все упоминавшиеся выше факторы.

Результаты

В табл. 5.4 отображаются результаты оценок, полученных с использованием зависимой переменной *начало гражданской войны*. Первый столбец показывает, что контрольные переменные *доход (лог)* и *население (лог)* значимо коррелируют с *началом гражданской войны* в ожидавшемся направлении: государства с более низкими доходами и большим по численности населением в большей степени склонны к гражданской войне.

Во втором столбце *нефтяной доход* позитивно коррелирует с *началом гражданской войны* и является статистически значимым на уровне $p = 0,01$. Данный результат соответствует гипотезе 5.1, представляющей собой простейшую версию утверждения «нефть является причиной гражданской войны».

70. См.: Cederman, Hug, and Krebs 2010.

ТАБЛИЦА 5.5. Крупнейшие гражданские войны, сепаратистские конфликты и мятежи, направленные на захват государственной власти в 1960–2006 гг.

Логит-оценки вероятности начала новой гражданской войны в данном году. Каждая оценка включает переменную, с помощью которой измеряются годы, прошедшие со времени предшествовавшего конфликта, а также три кубических сплайна, необходимых для корректировки временной зависимости (не показаны). Все объясняющие переменные отстают на один год. Стандартные ошибки устойчивости даны в скобках.

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)
Зависимая переменная (конфликты)	Все	Все	Сепаратистские	За власть в гос-ве	Крупнейшие	Крупнейшие	Все
Доход (лог.)	-0,297*** (0,0727)	-0,636*** (0,124)	-0,457*** (0,174)	-0,427*** (0,0742)	-0,326*** (0,0974)	-0,512*** (0,155)	-0,405*** (0,0648)
Население (лог.)	0,259*** (0,0849)	0,256*** (0,0848)	0,537*** (0,109)	0,0493 (0,0549)	0,252*** (0,0745)	0,203*** (0,0970)	0,276*** (0,0785)
Нефтяной доход (лог.)	0,0595 (0,0470)	0,206*** (0,0580)	0,135** (0,0685)	0,138*** (0,0438)	0,0960 (0,0642)	0,160** (0,0744)	— (—)
Морская добыча нефти	— (—)	— (—)	— (—)	— (—)	— (—)	— (—)	0,0450 (0,341)
Наземная добыча нефти	— (—)	— (—)	— (—)	— (—)	— (—)	— (—)	0,655** (0,266)
Годы	1960–1989	1990–2006	1960–2006	1960–2006	1960–2006	1990–2006	1960–2006
Страны	144	169	169	169	169	169	169
Наблюдения	3618	2808	6426	6426	6426	2808	6149
Недостающие наблюдения	9,0%	2,1%	6,7%	6,7%	6,7%	2,1%	10,2%

** значимо на уровне 5%; *** значимо на уровне 1%.

В третьем и четвертом столбцах я разделяю выборку в зависимости от показателя дохода входящих в нее стран. В государствах с низкими и средними доходами (менее \$5000 в расчете на душу населения в постоянных долларах 2000 г.) *нефтяной доход (лог.)* значимо связан с началом гражданской войны. Для стран с высокими до-

ходами (свыше \$5000 в расчете на душу населения) такая связь отсутствует.

В пятом столбце в качестве альтернативного способа, позволяющего увидеть, воздействует ли совокупный доход страны на изменение *нефтяного дохода*, я использую характеризующий взаимодействие член (*квинтиль по доходу* × *нефтяной доход (лог.)*). Использование в качестве первого сомножителя *квинтиля по доходу*, а не *дохода (лог.)* позволяет облегчить интерпретацию коэффициента: мы применяем кардинальную переменную от одного до пяти, где «пять» указывает на низший квинтиль, а «единица» — на высший. Это означает, что в случае справедливости *гипотезы 5.2*, большее значение члена взаимодействия (т.е. большее количество нефти, более низкие доходы или и то и другое) должно однозначно ассоциироваться с более высоким риском гражданской войны. Положительный и в высокой степени значимый член взаимодействия позволяет предположить, что воздействия нефти зависят от уровня совокупного дохода страны.⁷¹ Результаты, отображаемые в третьем, четвертом и пятом столбцах, соответствуют *гипотезе 5.2*, согласно которой в бедных странах нефть оказывает более сильное воздействие на гражданские войны, чем в богатых государствах.

В табл. 5.5 я разделяю выборку стран на два периода: эру холодной войны, продолжавшуюся с 1960 г. по 1989 г. (первый столбец), и эру, последовавшую после ее окончания (1990–2006 гг.), данные о которой представлены во втором столбце. Переменная *нефтяной доход (лог.)* значимо связана с *началом гражданской войны* только в последнем периоде, а ее коэффициент в три раза превышает значение для предшествовавшего периода. Это соответствует *гипотезе 5.3*, согласно которой

71. В одной и той же модели я не рассматриваю и *нефтяной доход*, и член взаимодействия. В случае одновременного введения оба они не достигают статистической значимости, возможно, в силу коллинеарности.

начиная с 1980 г. происходит усиление воздействия нефтяного дохода на возникновение конфликтов.⁷²

Сам по себе тот факт, что *нефтяной доход* (лог.) ассоциируется с началом гражданской войны, отнюдь не означает, что он воздействует и на сепаратистские конфликты, и на конфликты, связанные с захватом государственной власти. В третьем и четвертом столбцах типы конфликтов рассматривают обособленно: *нефтяной доход* (лог.) значимо связан с конфликтами обоих типов, а коэффициенты этой переменной удивительно схожи по своим значениям.

Еще одна двойственность заключается во включении в зависимую переменную конфликтов низкого уровня (боевые потери в которых в течение года составили от 25 до 1000 погибших). Возможно, нефть связана только с мелкими конфликтами, но не с большими по масштабам гражданскими войнами. В пятом столбце приводятся полученные мною оценки с использованием базовой модели, в которой в качестве зависимой переменной используется *начало крупного конфликта*. Величина переменной *нефтяной доход* (лог.) уменьшается до уровня ниже статистической значимости. В шестой колонке производится оценка с использованием той же самой модели, но с включением в нее наблюдений только за период после окончания холодной войны. В этом случае *нефтяной доход* (лог.) становится статистически значимым.

В седьмом столбце я отдельно рассматриваю воздействие наземной и морской добычи нефти, создавая две новые фиктивные переменные: одна для стран с наземной нефтедобычей, получающих нефтяной доход в расчете на душу населения от \$100 и выше, и вторая — для

72. Несмотря на происходивший начиная с 1970-х гг. и до середины 1990-х гг. устойчивый рост количества конфликтов в нефтедобывающих странах, вплоть до наступления 1990-х гг. норма конфликтов в них не слишком отличалась от аналогичного показателя остальных стран мира.

ТАБЛИЦА 5.6. Начало гражданских войн:

тесты на устойчивость

Коэффициенты переменной нефтяного дохода (лог.) в каждой из рассматриваемых моделей. Более подробно см. в тексте.

	Все госу- дарства и периоды	1990– 2006 гг.	Низкие и средние доходы
Базисная модель	0,133***	0,207***	0,124***
Дихотомическая нефть	0,704***	0,965***	0,657***
Без учета Ирана и Ирака	0,099**	0,182***	0,097**
Без учета всех ближневосточных стран	0,124***	0,213***	0,117**
Региональные фиктивные переменные	0,118***	0,200***	0,111***
Контрольные переменные Ферона—Лейтина	0,109***	0,165***	0,096**
Гражданские войны Ферона—Лейтина	0,089*	0,194***	0,075
Гражданские войны Самбаниса	0,090*	0,129*	0,087

* значимо на уровне 10%; ** значимо на уровне 5%; *** значимо на уровне 1%.

стран с морской добычей углеводородов, нефтяные доходы которых превосходят указанный выше пороговый уровень.⁷³

Величина переменной *морской добычи нефти* близка к нулю и не является статистически значимой. Коэффициент *наземной добычи нефти* превосходит его более

73. Использование фиктивных переменных обусловлено отсутствием данных об объемах наземной и морской добычи в странах, привлекающих углеводороды и на суше, и на море. Данные о местоположении нефтяных и газовых скважин см. в: Lujala, Rød, and Thieme 2007; недостающие данные о восьми странах были восполнены благодаря информации, опубликованной Службой геологии, геодезии и картографии США (US Geological Survey p. d.) и Управлением информации в области энергетики Министерства энергетики США (доступна по адресу: <http://tonto.eia.doe.gov/country/>).

чем в десять раз и может «похвастаться» своей статистической значимостью. Представляется, что связь с гражданской войной имеет лишь добываемая на суше нефть. Этот вывод соответствует *гипотезе 5.4*, согласно которой морская добыча углеводородов не ведет к конфликтам с применением насилия.

Устойчивость

Предположительно эти результаты могут быть обусловлены небольшим количеством оказывающих сильное влияние случаев, особенностями одного богатого нефтью региона, способами определения «гражданской войны» в наборе данных «Armed Conflict» или не учтенной погрешностью переменной.

В табл. 5.6 перечисляются результаты семи проверок на устойчивость, предназначенных для устранения отмеченных выше проблем. Они были осуществлены в отношении трех моделей, ассоциирующихся с первыми тремя гипотезами — связи нефтяного дохода с конфликтами для всех государств и периодов, для всех стран исключительно после 1989 г. и только для стран с низкими и средними доходами.

В каждой ячейке таблицы отображаются величины коэффициента *нефтяной доход (лог.)* и их статистическая значимость при следующих условиях:

1. Базисная модель, включающая в качестве контрольных переменных только *доход (лог.)* и *население (лог.)*.
2. Базисная модель, в которой используется дихотомический показатель *нефтяного дохода* (для обозначения стран, в которых *нефтяной доход*, выраженный в постоянных долларах 2000 г., составляет, по меньшей мере, \$100 на душу населения), что может помочь сократить асимметрию показателя *нефтяной доход (лог.)*.
3. Базисная модель, из которой изъяты все наблюдения относительно Ирана и Ирака. В 1960–2006 гг. на эти два государства приходится наибольшее количество начинавшихся конфликтов. В главе 5 упо-

миналось о том, что особые характеристики Ирана и Ирака, а также их повышенная предрасположенность к конфликтам обусловлены колониальной историей этих стран.

4. Базисная модель после удаления из набора данных сведений о всех ближневосточных странах.
5. Базисная модель, дополненная фиктивными переменными для четырех регионов мира (в соответствии с определением Всемирного банка) — Ближнего Востока и Северной Африки, Африки к югу от Сахары, Латинской Америки и Азии.
6. Базисная модель плюс все контрольные переменные, использовавшиеся в модели Ферона—Лейтина (демократия, квадрат демократии, этническая раздробленность, религиозная раздробленность, горная местность, территориальная фрагментированность и политическая нестабильность).
7. Базисная модель с использованием альтернативного показателя начала гражданской войны, заимствованного из набора данных о гражданских войнах Дж. Ферона и Д. Лейтина, в котором используется более узкое определение гражданской войны, вследствие чего из рассмотрения исключаются некоторые конфликты низкого уровня. Поскольку оригинальный набор данных Дж. Ферона и Д. Лейтина ограничен 1999 г. и не включает сведения о 15 странах, имеющиеся в «Armed Conflict», я использовал соответствующие данные из второго, а также данные для всех государств за 2000–2006 гг.⁷⁴
8. Базисная модель, в которой используется другой альтернативный показатель начала гражданской войны, заимствованный из набора об этих конфликтах

74. Я добавил к расширенному набору сведения о 15 государствах (Содружество Багамских островов, Белиз, Барбадос, Бруней, Коморские острова, Республика Кабо-Верде, Чешская республика, Экваториальная Гвинея, Исландия, Люксембург, Мальдивские острова, Мальта, Соломоновы острова, Суринам и Йемен), отсутствующие в оригинальном наборе данных Ферона—Лейтина.

Н. Самбаниса. Поскольку оригинальный набор данных Н. Самбаниса ограничен 1999 г. и не включает сведения о 8 странах, имеющиеся в «Armed Conflict», я использовал соответствующие данные из второго, а также данные для всех государств за 2000–2006 гг. для расширения предложенной исследователем исходной переменной начала гражданской войны.⁷⁵

В каждом из этих тестов имела место устойчивая ассоциация между нефтью и конфликтом как для всего рассматривавшегося периода 1960–2006 гг., так и для времени, наступившего после окончания холодной войны. Во втором случае значения коэффициентов *нефтяного дохода (лог.)* являются последовательно более высокими. Для государств с низкими и средними доходами связь между нефтью и конфликтами является менее устойчивой, а в случае использования кодировок гражданской войны Ферона—Лейтина или Н. Самбаниса она утрачивает статистическую значимость (возможно потому, что они не учитывают мелкие конфликты).

Во всех трех наборах моделей после удаления Ирака и Ирана или всех ближневосточных стран сохраняется значимая корреляция *нефтяного дохода (лог.)* и начала гражданских войн. Добавление региональных фиктивных переменных оказывает относительно незначительный эффект на *нефтяной доход (лог.)*.

В своей совокупности эти оценки позволяют предположить, что нефтяной доход ассоциируется с началом конфликтов в широком диапазоне правдоподобных условий. Кроме того, они соответствуют трем из четырех сформулированных в главе 5 гипотез — о том, что нефтяной до-

75. Я добавил к расширенному набору сведения о 8 государствах (Бруней, Экваториальная Гвинея, Эфиопия (только за 1995–1999 гг.), Мадагаскар, Мальдивские острова, Сербия, Вьетнам и Йемен), отсутствующие в оригинальном наборе данных Н. Самбаниса.

ход связан с более высокой вероятностью гражданской войны, особенно в странах с более низкими доходами, а также в тех случаях, когда осуществляется наземная добыча нефти. Представляется, что со временем свойства нефти, обуславливающие ее способность вызывать конфликты, усиливаются; однако разделение на периоды до и после 1980 г. является в этом смысле менее заметным, чем разделение на периоды до и после 1990 г.

И для сепаратистских конфликтов, и для конфликтов, в которых одна из сторон стремится к захвату государственной власти, имеет место корреляция между нефтяным доходом и началом гражданских войн. Она сохраняется и для крупных конфликтов, но только в период после окончания холодной войны. Результаты проверок на устойчивость позволяют предположить отсутствие корреляции для небольшого количества влиятельных стран, одного региона, различающихся решений о кодировке, используемых в наборе данных «Armed Conflict», или опущенных стандартных право-сторонних переменных.

ГЛАВА 6

Нефть, экономический рост и политические институты

Бурное процветание слишком
быстро сменяется полным крахом.

*Пол Френкель, «Самое главное
о нефти»*

В 1950–1960-е гг. большинство специалистов в области общественных наук не сомневались, что изобилие природных ресурсов оказывает благотворное воздействие на экономический рост. По их представлениям, африканские страны, богатые полезными ископаемыми, ожидало прекрасное будущее, а не имеющие аналогичных месторождений государства Восточной Азии, скорее всего, вынуждены были бы преодолевать огромные трудности. Однако к середине 1990-х гг. ситуация складывалась прямо противоположным образом: бедные ресурсами восточноазиатские страны в течение нескольких десятилетий развивались очень высокими темпами роста, в то время как большинство богатых полезными ископаемыми стран Африки словно бы застыли на месте. Располагающие огромными запасами нефти ближневосточные государства, экономика которых вплоть до середины 1970-х гг. переживала бум, провели большую часть 1980-х — начало 1990-х гг. в поисках твердой почвы под ногами. К 2005 г. по меньшей мере половина стран — членов ОПЕК была беднее, чем 30 лет назад. Экономисты начали разрабатывать концепцию, согласно которой наличие природных ресурсов вообще и нефтяного богатства в особенности способны парадоксальным образом замедлять экономический рост в развивающемся мире, так как

они способствуют «коррупции, слабому государственному управлению, погоне за рентой [и] прямому воровству».¹

Значительная часть этих, опирающихся на здравый смысл, рассуждений являются ошибочными: нефть далеко не всегда ведет к замедлению экономического роста, снижению эффективности бюрократической машины, необычно высоким уровням коррупции или особенно низким уровням человеческого развития. В нефтедобывающих странах экономический рост колеблется, но он не превышает и не отстает от развития экономики в других государствах. Загадка заключается не в этом. Вопрос в том, почему экономика нефтедобывающих стран растет нормальными темпами, в то время как, учитывая их огромное богатство природными ресурсами, она должна была бы развиваться гораздо быстрее.

Действительно ли экономика нефтедобывающих стран растет низкими темпами?

Во многих, пользующихся немалым влиянием исследованиях утверждается, что нефтяное богатство является экономическим проклятием: чем больше нефти добывает страна, тем ниже темпы ее хозяйственного развития.²

1. Sala-i-Martin and Subramanian 2003, 4.

2. Оригинальная статья на эту тему была написана экономистами Джеффри Саксом и Эндрю Уорнером (Sachs and Warner 1995). Основываясь на более ранних работах Алана Гелба и его коллег (Gelb and Associates 1988), а также Ричарда Оти (Auty 1990), Дж. Сакс и Э. Уорнер проанализировали данные о темпах роста экономики в 1971–1989 гг. в девятистах семи странах мира и пришли к выводу, что государства, характеризующиеся высокими долями экспорта природных ресурсов в ВВП, в 1971 г. имели необычайно низкие темпы роста. Корреляция оставалась значимой даже после того, как авторы осуществили проверку в отношении большого количества различных, связанных с ростом, переменных. Важный вклад в эти дебаты внесли

Чаще всего в них рассматривается период 1970–1990-х гг., когда нефтедобывающие страны действительно испытывали экономические трудности. Однако если мы расширим горизонт исследований, то увидим, что темпы экономического роста в этих государствах никак нельзя назвать необычно низкими. Скорее, они характеризуются особенно высокой изменчивостью.

В табл. 6.1 приводятся данные о темпах роста экономики в расчете на душу населения в 1960–2006 гг. в нефтедобывающих странах и в государствах, не обладавших значительными запасами углеводородов. За рассматриваемый период экономики стран первой группы выросли примерно на ту же величину, что и хозяйство стран, входящих во вторую группу; что касается развивающегося мира, то темпы роста в странах обеих групп были практически одинаковыми — немного выше 1,5% в год.

Однако если мы разделим эти 47 лет на три более коротких периода, перед нами откроется необычная матрица: развитие нефтедобывающих стран характеризуется сменяющимися друг друга периодами исключительно быстрого и удивительно медленного экономического роста. В 1960–1973 гг. экономики нефтедобывающих стран росли быстрее, чем других государств, в 1974–1989 гг. — медленнее, а в 1990–2006 гг. темпы роста в первой группе стран вновь возросли и превысили аналогичный показатель стран, не располагавших запасами углеводородов. Если мы исключим из выборки промышленно развитые страны, то разрыв между нефтедобывающими государствами и всеми остальными — и в хорошие времена, и в плохие — еще более увеличится.

авторы следующих работ: Manzano and Rigobon 2007; Sala-i-Martin and Subramanian 2003; Papyrakis and Gerlagh 2004; Robinson, Torvik, and Verdier 2006; Melhum, Moene, and Torvik 2006; Collier and Goderis 2009. Более современные скептические воззрения представлены в публикациях: Brunnschweiler and Bulte 2008; Alexeev and Conrad 2009. Обзор литературы по этой теме см. в трудах: Ross 1999; Stevens and Dietsche 2008; Wick and Bulte 2009; Frankel 2010.

ТАБЛИЦА 6.1. Годовые темпы экономического роста в расчете на душу населения в 1960–2006 гг.

	Страны		
	Не имеющие запасов	Нефтедобывающие	Разница
ВСЕ СТРАНЫ			
1960–2006	1,76	1,67	–0,09
1960–1973	2,77	4,5	1,72***
1974–1989	1,14	0,22	–0,93***
1990–2006	1,45	2,04	0,59**
ТОЛЬКО РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ			
1960–2006	1,56	1,54	–0,02
1960–1973	2,34	4,67	2,33***
1974–1989	0,97	–0,38	–1,35***
1990–2006	1,42	2,24	0,82***

** значимо на уровне 5% (в одностороннем *t*-критерии Стьюдента);

*** значимо на уровне 1%.

Источник: Рассчитано по данным из книги Э. Мэддисона (Maddison 2009).

Для того чтобы оценить типичные ежегодные флуктуации этих темпов роста, мы можем обратиться к анализу стандартного отклонения. Если мы возьмем все страны мира, то для нефтедобывающих стран стандартное отклонение темпов роста будет на 40% выше, чем для не располагавших углеводородами государств. В случае, если мы рассматриваем только развивающиеся страны, то для нефтедобывающих государств стандартное отклонение более чем на 60% превышает аналогичный показатель второй группы.

Еще один способ установления экономических последствий добычи нефти состоит в изучении год за годом экономического состояния крупнейших нефтедобывающих стран, принадлежащих к развивающемуся миру. Речь идет о тринадцати странах, в которых на протяжении 1970–1980 гг. стоимость добывавшихся нефти и природного газа составляла в среднем, по меньшей

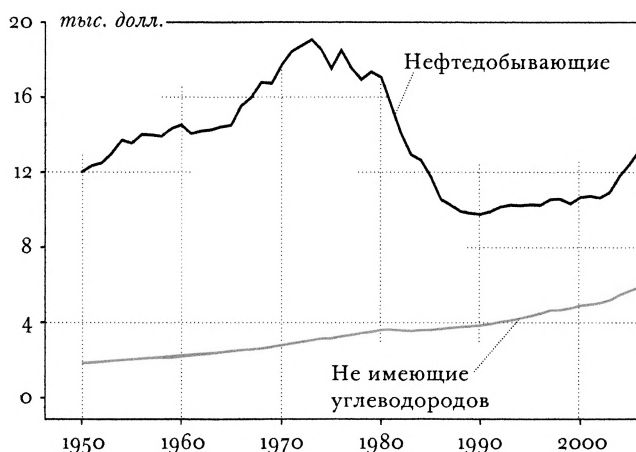

РИС. 6.1. Доходы ведущих нефтедобывающих стран мира в 1950–2006 гг.

Средний доход на душу населения в постоянных долларах 2007 г. в тринадцати крупнейших нефтедобывающих странах за пределами Северной Америки и Европы в 1960–1980 гг. (Алжир, Бахрейн, Габон, Иран, Ирак, Кувейт, Ливия, Оман, Катар, Саудовская Аравия, Тринидад, ОАЭ и Венесуэла). Сравнимое с ними количество нефти добывалось в Брунее, но для этой страны отсутствуют достоверные данные об экономическом росте. Не имеющие углеводородов — все остальные развивающиеся страны.

Источник: Рассчитано по данным из книги Э. Мэддисона (Maddison 2009).

мере, \$1000 в расчете на душу населения (т.е. их экономическое состояние было более тесно связано с углеводородными активами) (см. рис. 6.1).³ Уже в 1950 г. эти

3. В 1960–1980-х гг. в число крупнейших (на подушевой основе) нефтедобывающих стран развивающегося мира входили Алжир, Бахрейн, Габон, Иран, Ирак, Кувейт, Ливия, Оман, Катар, Саудовская Аравия, Тринидад, ОАЭ и Венесуэла. Сравнимое с ними количество нефти добывалось в Брунее, однако для этой страны отсутствуют достоверные данные об экономическом росте.

государства были примерно в 6 раз богаче, чем другие развивающиеся страны. В течение последующих двух десятилетий разрыв между ними и остальным развивающимся миром становился все шире, достигнув максимального значения во время первого нефтяного шока 1973–1974 гг. Но уже в 1974–1989 гг. доходы в расчете на душу населения в «группе тринадцати» снизились в среднем на 47%; к 1990 г. четыре из них (Ирак, Кувейт, Катар и ОАЭ) были беднее самих себя в 1950 г., когда впервые были получены данные о подушевом доходе.

Отчасти это было связано с тем, что экономики перечисленных выше стран в огромной степени зависели от глобальных тенденций в динамике нефтяных цен. На рис. 6.2 вновь отображается средний среднедушевой доход ведущих нефтедобывающих стран в 1950–2006 гг., но в сопоставлении с ценами на нефть (все значения выражены в постоянных долларах 2007 г.). В 1950–1973 гг., когда реальные цены на нефть оставались более или менее неизменными, все эти государства демонстрировали высокие темпы роста ВВП в расчете на душу населения, а наиболее динамично развивалась Ливия (рост среднедушевых доходов на 678%).

Однако в 1970-е гг., после более чем девятикратного повышения реальной цены на нефть, темпы роста в этих странах начинают все более отличаться друг от друга. Практически все ведущие нефтедобывающие страны испытывали проблемы с управлением неожиданно «свалившимися» на них огромными деньгами. При этом использовались различные стратегии преодоления трудностей. Некоторые страны, включая Иран, Венесуэ-

По сравнению с ОПЕК, данная группа стран позволяет более точно определить траекторию развития богатых нефтью стран развивающегося мира, так как в Организацию стран — экспортеров нефти не входят некоторые государства, обладающие крупными запасами углеводородов (такие как Бахрейн, Оман и Тринидад). В то же время в ОПЕК состоят государства, добывающие нефть в относительно скромных объемах (Эквадор, Индонезия и Нигерия).

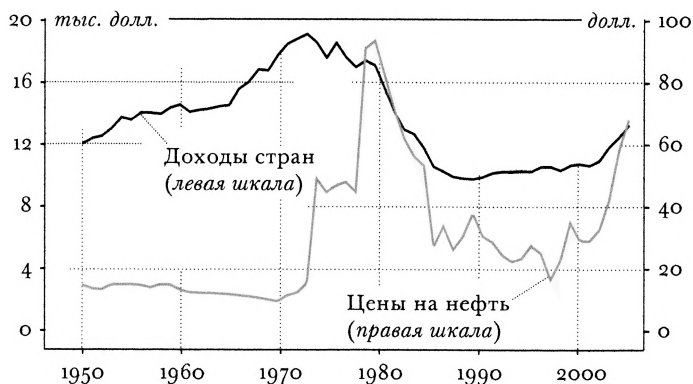

РИС. 6.2. Доходы ведущих нефтедобывающих стран и цены на нефть в 1950–2006 гг.

Средний доход на душу населения в тринадцати крупнейших газо- и нефтедобывающих странах за пределами Северной Америки и Европы в 1960–1980-х гг. и цена барреля нефти в постоянных долларах 2007 г.

Источники: Maddison 2009; BP 2010.

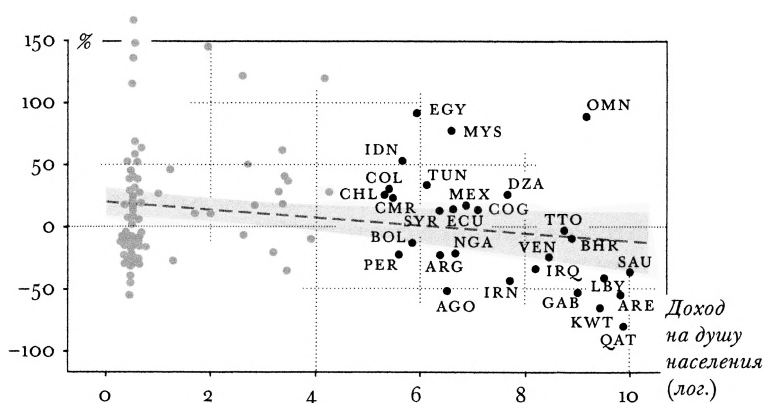

РИС. 6.3. Изменения в доходах на душу населения, 1974–1989 гг.

Представлены данные обо всех развивающихся странах.

Источник: Maddison 2009.

лу, Кувейт, Катар и Бахрейн, попытались добиться снижения темпов роста экономики и установить контроль над ее развитием посредством сокращения добычи нефти. Другие сохраняли объемы добычи или резко увеличивали их, чтобы получить средства, необходимые для осуществления амбициозных программ развития.

Однако уже в 1980–1986 гг. сокращение потребления нефти западными странами и резкое увеличение объема добычи Саудовской Аравией привело к падению цен на нефть более чем на две трети. Следствием ценового коллапса стал резкий спад в экономике подавляющего большинства ведущих нефтедобывающих стран. На рис. 6.3 отображаются произошедшие в 1974–1989 гг. изменения доходов в расчете на душу населения во всех развивающихся странах (по вертикальной оси) и среднего душевого дохода от продажи нефти и природного газа в расчете на душу населения (по горизонтальной оси). В общем, чем больше углеводородов добывали эти страны, тем более сильным было падение их доходов. В Анголе, Габоне, Кувейте, Катаре и ОАЭ доходы в расчете на душу населения снизились более чем на 50%. В течение шестнадцати лет углеводороды действительно *были* экономическим проклятием: чем выше была добыча в этих странах, тем сильнее был экономический спад.

Впрочем были и исключения. В период спада 1974–1989 гг. наибольших экономических успехов среди нефтедобывающих стран добились Оман и Малайзия. В этих государствах доходы в расчете на душу населения увеличились соответственно на 89 и 78%. На рис. 6.3 они находятся ближе других стран к верхнему правому углу, поскольку высокие нефтяные доходы сочетаются с высокими темпами экономического роста. В чем заключался секрет достижений Омана и Малайзии?

Одним из важнейших факторов было государственное управление. Особой похвалы заслуживает малайзийское правительство. Благодаря правильной промышленной политике и использованию средств фонда,

в который поступала часть нефтяных доходов (его размеры были слишком малы, чтобы вызвать серьезные проблемы, связанные с «голландской болезнью»), в Малайзии была создана многоотраслевая экономика и сильная обрабатывающая промышленность.⁴

Но у Омана и Малайзии было еще одно преимущество — способность компенсировать коллапс 1980–1986 гг. увеличением добычи углеводородов (см. рис. 6.4 и рис. 6.5). Высокие экономические показатели этих стран отчасти объясняются улыбкой Фортуны, так как новые месторождения нефти позволили каждой из них резко увеличить производство в условиях падения цен. Использование этой возможности было обусловлено тем, что ни Малайзия, ни Оман не были членами ОПЕК и не должны были подчиняться решениям организации. В то время как страны — члены ОПЕК направляли усилия на то, чтобы, в попытке обратить вспять ценовую динамику, ограничить или сократить добычу углеводородов, в 1980–1989 гг. Оман и Малайзия увеличили поставки нефти на 130% и 110% соответственно.

Среди стран — членов ОПЕК наилучших результатов в 1974–1989 гг. добилась Индонезия, экономика которой выросла на 54%. В некоторых исследованиях столь высокие (относительно) достижения приписывают разумной экономической политике, заключавшейся в планировании и контроле над непредвиденными государственными расходами, крупным инвестициям в сельскохозяйственный сектор, а также политике поддержания сбалансированного бюджета и конвертируемости национальной валюты.⁵

Важную роль сыграли все эти факторы. Но решающее значение имело то обстоятельство, что в расче-

4. Abidin 2001.

5. См.: Bevan, Collier, and Gunning 1999; Lewis 2007. Эндрю Россер подчеркивает важную роль, которую сыграли в достигнутых Индонезией успехах более широкие структурные факторы, включая холодную войну и положение страны в глобальной экономике (Rosser 2007).

НЕФТЯНОЕ ПРОКЛЯТИЕ

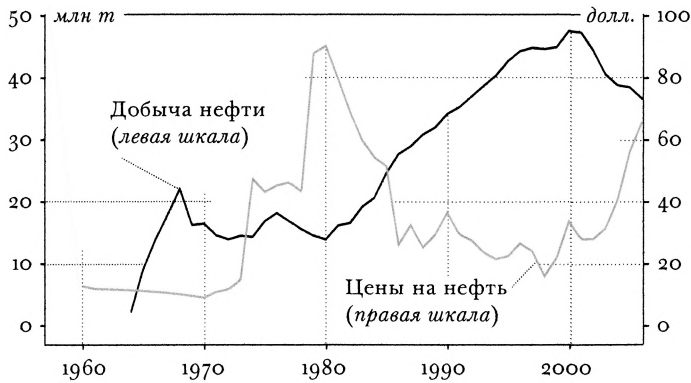

РИС. 6.4. Добыча нефти в Омане и мировые цены на нефть в 1960–2006 гг.

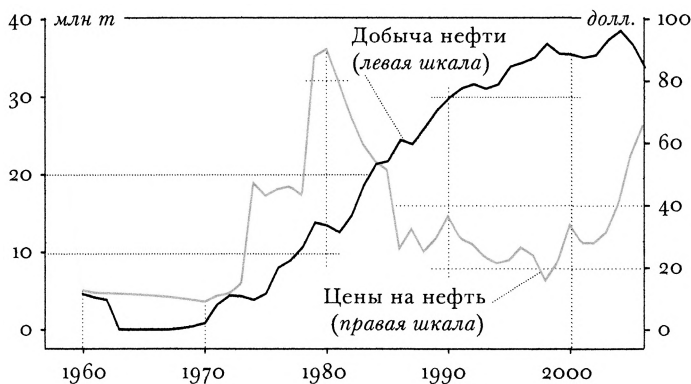

РИС. 6.5. Добыча нефти в Малайзии и мировые цены на нефть в 1960–2006 гг.

На обоих рисунках добыча нефти приведена в метрических тоннах. Цены на нефть — в постоянных долларах 2007 г. за баррель.

Источник: Данные Службы геологии, геодезии и картографии США (USGeologicalSurvey.n.d.) и компании BP (BP 2010).

те на душу населения Индонезия добывала меньше нефти и природного газа, чем любая другая страна — член ОПЕК. В пиковом по доходам 1980 г. страна получила от продаж нефти и природного газа всего \$333 в расчете на душу населения (менее половины от нефтяного дохода следующего по доходам Эквадора). На долю индонезийца пришелся лишь 1% от нефтяного дохода гражданина Саудовской Аравии. В отличие от своих «братьев и сестер» по ОПЕК, Индонезия не имела возможности воспользоваться неожиданными сверхдоходами 1970-х гг., а потому в меньшей степени пострадала от резкого падения цен на нефть в 1980-х гг. Ограниченные запасы углеводородов означали для Индонезии не столь сильное, как для остальных нефтедобывающих стран, проклятие.

Если для этих трех государств 1974–1989 гг. стали достаточно благополучным временем, то для большинства нефтедобывающих стран рассматриваемый период ассоциировался, скорее, с катастрофой. Неудивительно, что многие экономисты пришли к выводу, согласно которому следствием богатства природными ресурсами в общем, а нефтью и природным газом в особенности, становится экономическая деградация. Впервые в 1993 г. термин «ресурсное проклятие» использовал в печати специалист по экономической географии Ричард Оти.⁶ С тех пор это понятие широко используется для описания парадоксальных «недугов» богатых ресурсами стран. Впрочем, большинство авторов такого рода исследований страдали близорукостью. Например, в своем оригинальном анализе Джеффри Сакс и Эндрю Уорнер приходят к выводу, что изобилие ресурсов является проклятием. Однако заключение исследователей осно-

6. Хотя Ричард Оти был первым ученым, использовавшим термин «ресурсное проклятие» в печати, он никогда не претендовал на его авторство. Как рассказывал сам Р.Оти, до появления «ресурсного проклятия» в подзаголовке его книги, вышедшей в свет в 1993 г., он не раз слышал, как другие исследователи использовали это выражение в неформальных разговорах.

ываается исключительно на изучении довольно мрачного для поставщиков ресурсов периода 1971–1989 гг. Неудивительно, что к аналогичным неутешительным выводам приходят и авторы многих более поздних исследований ресурсного проклятия, рассматривавшие примерно тот же период.

После прохождения примерно в 1989 г. низшей точки кризиса, нефтедобывающие страны вновь «почувствовали себя» относительно «здоровыми». Уже в 1990–2006 гг. по темпам экономического роста они опережали остальной мир примерно на 40%. Если не брать в расчет европейские государства и Северную Америку, то нефтедобывающие страны росли на 55% быстрее, чем остальной мир. В среднем за 1960–2006 гг. темпы роста нефтедобывающих стран и государств, не обладавших запасами углеводородов, были практически идентичными.

В действительности на протяжении последней половины XX столетия нефтедобывающие страны отличаются от остальных государств не меньшими темпами экономического роста, а большей их изменчивостью. Если бы не скудные 1974–1989 гг., добывающие нефть и природный газ страны значительно превзошли бы экономические результаты остальных государств, особенно в развивающемся мире.

У нас есть все основания утверждать, что, строго говоря, богатство углеводородами отнюдь не является проклятием (даже для развивающихся стран): нефть не делает государство беднее, чем оно могло бы быть в ее отсутствие. Если бы нефть была экономическим проклятием, то страны с наибольшими запасами углеводородов в расчете на душу населения — такие как Саудовская Аравия, Ливия, Венесуэла и Габон — должны были бы находиться в ряду беднейших государств мира. На самом же деле они гораздо богаче соседних с ними стран с меньшими запасами углеводородов или полностью их лишенными.

Безусловно, сами по себе показатели темпов роста экономики страны не слишком много говорят нам о ре-

альном благосостоянии ее граждан. Возможно, что рост, продуцируемый извлечением нефти из земных недр, вносит незначительный вклад в искоренение бедности или улучшение жизни населения. Вероятно, наилучшим показателем в этом смысле является норма детской смертности в стране, так как она способна многое сказать об условиях жизни людей, получающих низкие доходы, включая доступ к чистой воде, наличию канализации, организации охраны здоровья матерей и новорожденных, питанию и образованию. Для большинства стран мира данные о детской смертности доступны, начиная, примерно с 1970 г.

Позиции стран, представленных на рис. 6.6, определяются объемом добываемых в них нефти и природного газа, а также изменением показателей детской смертности в 1970–2003 гг.⁷ Мы видим три четко выраженных тенденции. Во-первых, на глобальном уровне большие объемы добычи нефти ассоциируются с более быстрым снижением показателя детской смертности. Это обстоятельство не может быть приписано только более быстрому экономическому росту. Даже в случае контроля над ростом доходов, страны, добывающие нефть в значительных объемах, *в среднем* добились большего прогресса.

Во-вторых, имели место значительные различия между результатами богатых нефтью государств, приблизительно коррелировавшие с регионом их местонахождения. Глобальная связь между нефтью и снижением детской смертности полностью определялась высокими достижениями ближневосточных стран, позиции которых находятся в верхнем правом углу рис. 6.6 — прежде всего, Омана, ОАЭ и Ливии, и в меньшей степени Саудовской Аравии, Кувейта, Бахрейна, Алжира и Ирана.⁸ Если

7. Я изменил принцип отображения данных на оси Y на противоположный, так что более высокие значения соответствуют более лучшим результатам — в данном случае более быстрому снижению детской смертности.

8. Единственной страной из другого региона, которой удалось занять место в правом верхнем углу, является крошечный Бруней.

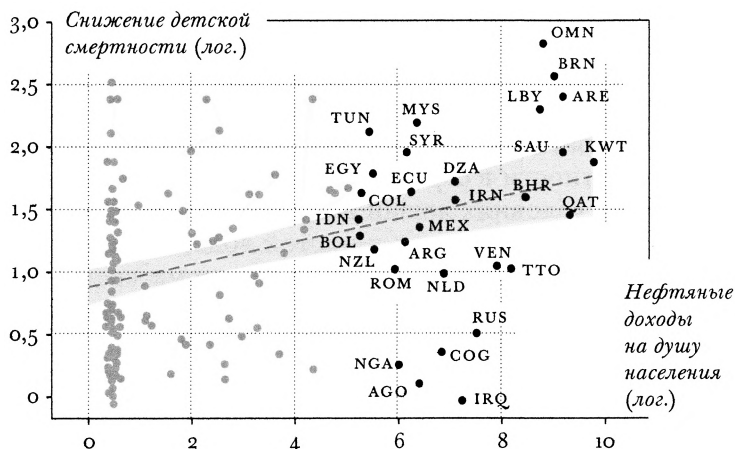

РИС. 6.6. Изменения в уровне детской смертности в 1970–2003 гг.

По вертикальной оси отображается снижение показателей детской смертности; более высокие значения соответствуют большему снижению нормы. Вместо того чтобы рассматривать абсолютные изменения в нормах детской смертности (в этом случае страны с более низкими начальными показателями с необходимостью продемонстрировали бы и меньшие изменения), я использую натуральные логарифмы избранного показателя.

Источник: Данные Всемирного банка (WorldBankn.d.).

мы удалим с картины эти государства, вместе с ними исчезнут и благотворные эффекты нефтяного богатства.

На другом «полюсе» находятся нефтедобывающие страны Африки — Ангола, Нигерия и Конго-Браззавиль. Нефтяное богатство не принесло населению этих государств ни малейших выгод с точки зрения благосостояния. Страны Латинской Америки находятся между «по-

Интересно, что это государство во многом напоминает такие страны Персидского залива, как Кувейт и Катар, — небольшая по размерам территория, преимущественно мусульманское население и монархическое правление.

люсами», демонстрируя средние (Эквадор, Мексика, Аргентина, Боливия и Колумбия) или немного более низкие (Венесуэла и Тринидад) результаты.⁹

Все страны с наихудшими результатами — Ирак, Нигерия, Россия, Конго-Браззавиль и Ангола, сгруппировавшиеся в нижнем правом квадранте, — были подвержены эндемическим конфликтам с применением насилия. Независимо от воздействия на экономический рост, в тех случаях, когда нефтяное богатство сопряжено с крупномасштабным насилием, оно способно нанести огромный вред общественному благосостоянию.

В своей совокупности имеющиеся данные позволяют предположить, что нефтяное богатство не является экономическим проклятием в традиционном его понимании — в долгосрочном периоде мы не наблюдаем необычно низких темпов роста в богатых запасами углеводородов странах. Более того, как представляется, подпитываемый нефтью рост, как и другие его типы, способствует повышению уровня жизни населения, хотя объем получаемых гражданами нефтедобывающих стран выгод варьируется в очень широком диапазоне. Большинству ближневосточных поставщиков нефти удалось очень быстро добиться значительного прогресса в охране здоровья детей. В то же время добыча нефти почти никак не сказалась на уровне жизни населения стран, подверженных конфликтам (прежде всего, африканских).

Загадка «нормального» роста

Предположим, что нефтяное богатство не оказывает ни малейших вредных воздействий. Тем не менее внешне все выглядит так, что многие нефтедобываю-

9. Этот разброс результатов приводит к недооценке исследований, авторы которых пытаются объяснить вариации траекторий развития нефтедобывающих государств. См.: Melhum, Moene, and Torvik 2006; Smith 2007; Luong and Weinthal 2010.

шие страны находятся под легким ресурсным проклятием — учитывая геологическое богатство, их экономическое положение не столь хорошо, каким оно могло быть. Если экономика нефтедобывающих стран растет с той же скоростью, что и хозяйство государств, не располагающих запасами углеводородов, следовательно, первая группа не извлекает никаких преимуществ из своих «подземных» активов. Приходится признать — что-то идет не так, ведь согласно базисной экономической теории, страны располагающие большим капиталом (а значит и большими деньгами, необходимыми для инвестиций в людей и инфраструктуру), должны расти более быстро. Непредвиденные нефтяные доходы представляют собой специфический вид капитала, а значит, они должны продуцировать более высокие уровни «подпитывающегося» инвестициями роста. Почему нефтедобывающие страны растут средними темпами, в то время как они обязаны развиваться с повышенной скоростью?

Демократия

Многие наблюдатели связывают разочаровывающие показатели темпов роста нефтедобывающих стран с отсутствием в них демократии. На первый взгляд, все логично: нефть позволяет правительствам в значительной степени игнорировать необходимость отчитываться перед народом. Вследствие этого политические руководители уделяют значительно меньшее внимание обеспечению всеобщего благосостояния. Освободившись от присмотра избирателей, политики начинают страдать близорукостью; в соответствии с выводом влиятельного исследования, проведенного в 1970-х гг. Хуссейном Махдави, вместо инвестиций в развитие, они «направляют растущую часть этих ресурсов на сохранение статус-кво».¹⁰

10. Mahdavy 1970, 442.

ТАБЛИЦА 6.2. Экономический рост в странах, издавна добывающих нефть и природный газ, в 1960–2006 гг. Представлены 28 стран за пределами Северной Америки и Европы, добывавшие начиная с 1960 г. в значительных объемах нефть или природный газ (если они получили независимость после 1960 г., приводятся данные начиная с первого года существования страны как суверенного государства). Государства ранжированы в соответствии с ежегодными темпами экономического роста в расчете на душу населения. Кроме того, приводятся данные о продолжительности существования в этих странах демократического правления и гражданских войн (как доля от общей длительности рассматриваемого периода). Для сравнения приводятся данные о средних значениях используемых показателей для всех не входивших в ОЭСР стран.

Страна	Ежегодные темпы роста	Демократия	Гражданские войны
1. Оман	5,56	0	0,09
2. Малайзия	4,13	0	0,17
3. Иран	2,85	0	0,51
4. Азербайджан	2,79	0	0,11
5. Тринидад	2,61	1	0,02
6. Сирия	2,36	0	0,11
7. Казахстан	2,26	0	0
8. Мексика	2,03	0,15	0,04
9. Саудовская Аравия	1,98	0	0,02
10. Бахрейн	1,93	0	0
11. Румыния	1,89	0,36	0,02
СРЕДНИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ДЛЯ СТРАН, НЕ ВХОДИВШИХ В ОЭСР	1,56	0,31	0,16
12. Ливия	1,54	0	0
13. Нигерия	1,45	0,38	0,13
14. Аргентина	1,35	0,68	0,13
15. Алжир	1,34	0	0,34
16. Эквадор	1,17	0,62	0
17. Республика Конго	1,09	0,17	0,13
18. Ангола	0,58	0	0,62
19. Узбекистан	0,51	0	0,04

Страна	Ежегодные темпы роста	Демо- кратия	Гражданские войны
20. Россия/СССР	0,35	0	0,3
21. Габон	0,22	0	0,02
22. Туркменистан	0,15	0	0
23. Венесуэла	0,11	1	0,04
24. Бруней	-0,48	0	0
25. ОАЭ	-0,64	0	0
26. Кувейт	-0,86	0	0
27. Ирак	-1,03	0	0,79
28. Катар	-1,51	0	0

Источники: Рассчитано по экономическим данным из книги Э. Мэддисона (Maddison 2009); по данным о демократии — из работы Х. Чейбуба, Дж. Ганди и Дж. Вреланда (Cheibub, Gandhi, and Vreeland 2010); по данным о конфликтах — из работы Н. Гледича и его коллег (Gleditsch et al. 2002).

Для того чтобы убедиться в значимости демократии, достаточно обратиться к данным об экономическом росте стран, издавна добывающих нефть и природный газ, перечень которых представлен в табл. 1.1, а описание — в главе 3. В табл. 6.2 приводится список давних поставщиков углеводородов, находящихся вне пределов Европы и Северной Америки, составленный в соответствии с их средними годовыми темпами роста в 1960–2006 гг. (или, если они получили независимость после 1960 г., начиная с первого года существования страны как независимого государства). Кроме того, в ней представлены данные о том, какую часть рассматриваемого периода в каждой из стран сохранялся демократический строй, а также происходили длительные гражданские войны. Приводимые значения варьируются от нуля (ни одного года демократии и ни одного года гражданской войны) до единицы (демократическое правление на протяжении каждого года рассматриваемого периода и непрерывная гражданская война). Для сравнения в табли-

це представлены средние показатели для всех стран, не входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Мы видим, что только 4 из этих 28 стран оставались демократическими большую часть времени начиная с 1960 г. (Тринидад, Аргентина, Эквадор и Венесуэла). Одна из этой четверки стран занимает место в первом десятке крупнейших поставщиков нефти (Тринидад), одна — в третьем десятке (Венесуэла), а две остальные — в середине списка. Там же группируются еще четыре страны, в которых демократическое правление существовало относительно короткое время (Мексика, Румыния и Республика Конго). У нас нет сколько-нибудь обоснованных причин утверждать, что демократия способствует экономическому росту. Некоторые автократы привели национальные экономики к краху, но другие осуществили разумные инвестиции в долгосрочный рост.

То, что истинно для нефтедобывающих стран, истинно и на более общем уровне для всего остального мира. В большинстве межстрановых исследований удалось обнаружить лишь ограниченный круг свидетельств в пользу того, что демократии способствуют экономическому росту. Впрочем, ученые пока не пришли к согласию по этому вопросу.¹¹ По мнению некоторых аналитиков, независимо от того, какое влияние оказывает демократия на экономический рост, благодаря этому политическому режиму уровень благосостояния среднего гражданина с неизбежностью повышается.¹² К сожалению, авторы этих исследований полагаются на неполные наборы данных, в которых не учитываются экономические результаты хорошо управляемых авторитарных режимов. И не удивительно. Как только мы принимаем их во внимание, «демократическое пре-

11. Barro 1997; Tavares and Wacziarg 2001; Gerring, Thacker, and Alfaro 2005.

12. Halperin, Siegle, and Weinstein 2005; Bueno de Mesquita et al. 2003; Lake and Baum 2001.

имущество» мгновенно ослабевает или вообще исчезает.¹³ Теоретически демократические государства должны уделять большее внимание потребности граждан в повышении благосостояния; на практике демократиям во многих случаях не удастся решить эту задачу.

Впрочем, это не означает, что демократия ни на что не годится. Демократический режим открывает перед гражданами государства более широкий круг возможностей. Они живут той жизнью, которую выбрали сами с чувством собственного достоинства. В заключительной главе книги обосновывается положение, согласно которому транспарентность и подотчетность помогают избежать некоторых *политических* недугов, вызываемых нефтяным богатством. Тем не менее в прошлом, решая задачу использования нефтяного богатства для достижения устойчивого экономического роста, демократии ничем не подтвердили наличие каких бы то ни было преимуществ перед недемократическими государствами.

Гражданская война

Если нефть ведет к более частым гражданским войнам, влекущим немалый экономический ущерб, возможно частые конфликты с применением насилия и объясняют обычные, а не более быстрые темпы роста нефтедобывающих стран.

Это положение справедливо для небольшого количества государств. Такова горькая правда. Алжир, Ангола, Конго-Браззавиль, Иран, Ирак, Нигерия и Россия — все они пострадали от разрушительных конфликтов (и гражданских, и международных), приведших к растрате ресурсов, которые в противном случае могли бы использоваться для ускорения экономического роста.

И все же, гражданские войны происходят значительно реже, чем мы получаем отчеты о не впечатляющих, нормальных темпах роста большинства нефтедобываю-

13. Ross 2006b.

щих стран. Вновь обратимся к табл. 6.2. Среди десяти стран с наихудшими показателями роста, только в двух государствах (Россия и Ирак) имели место длительные гражданские войны. Из десяти стран с наиболее высокими темпами роста в четырех (Малайзия, Иран, Азербайджан и Сирия) возникали крупные конфликты с применением оружия; тем не менее по их завершении темпы роста экономики превосходили средние показатели. Вооруженные конфликты способны объяснить ограниченное количество катастроф; при этом они на удивление мало говорят нам об экономических результатах наиболее богатых нефтью государств.

Женщины и рост численности населения

Гораздо более правдоподобное объяснение меньших, чем ожидалось, темпов роста экономики заключается в том, что углеводородное богатство отрицательно влияет на возможности женщин (более подробно см. главу 4). Одним из следствий этого являются необычно высокие нормы фертильности в богатых нефтью странах, что ведет к более быстрому росту численности их населения и замедлению темпов экономического роста в расчете на душу населения. Если бы население этих стран росло не такими высокими темпами, то нефтедобывающие государства развивались бы ускоренными темпами.

Социологи давно заметили, что работающие вне дома женщины в большинстве случаев имеют меньше детей.¹⁴ Это одна из причин того, что в богатых странах рост численности населения происходит медленнее, чем в бедных государствах. В развитых экономиках у женщин имеется больше возможностей для получения своих собственных доходов, и чем шире у них возможности присоединения к рабочей силе, тем позднее они выходят замуж и тем меньше детей они хотят иметь. Поскольку в богатых нефтью странах женщины с трудом получают

14. См., например, Brewster and Rindfuss 2000.

доступ к работе вне дома, они, как правило, выходят замуж в более раннем возрасте и имеют больше детей, чем они пожелали бы завести в другом случае.

Пребывание женщин вне рядов армии наемного труда способствует более быстрому увеличению численности населения и еще одним способом — поощряя избыточную иммиграцию. В тех случаях, когда спрос на рабочую силу превосходит количество мужчин в работоспособном возрасте, страна должна будет сделать выбор из двух вариантов: либо на рынок труда выходит дополнительное количество женщин, либо необходимо «импортировать» мужчин-работников из других государств. В главе 4 подчеркивается, что многие из богатых нефтью стран, прежде всего, ближневосточных и североафриканских, решили встать на второй путь — они создают условия для приема иностранных рабочих вместо того, чтобы облегчить получение работы своим женщинам.

Следствием сочетания высоких фертильности и иммиграции становится необычайно быстрый рост численности населения. В странах, экономический рост которых основывается на развитии обрабатывающей промышленности, темпы роста населения резко падают. В странах, растущих благодаря продаже нефти, темпы роста населения снижаются гораздо медленнее или остаются на высоком уровне. Это положение справедливо не только для стран Персидского залива, но и для Северной Африки (Ливия и Алжир), Африки (Габон и Республика Конго) и Латинской Америки (Венесуэла и Тринидад).¹⁵

15. Как представляется, объем добычи нефти в стране оказывает отнюдь на *абсолютное* воздействие на норму фертильности — у нас нет оснований говорить о существовании прямой зависимости между большим объемом извлечения углеводородов и более высокой фертильностью, а также более быстрым ростом численности населения. Нефтяной эффект возникает только тогда, когда мы контролируем получаемый страной доход. По всей видимости, неуместно говорить и об «ошибке деревенщины из Беверли-Хиллз» (объясняется ниже): несмотря на то, что

Данная матрица имеет далеко идущие экономические последствия, поскольку в экономике, базирующейся на экспорте нефти, более быстрый рост населения означает замедление роста доходов в расчете на душу населения. Выведение женщин из состава рабочей силы нефтедобывающих государств привело к снижению в них среднедушевых темпов экономического роста.

В случаях, когда мы берем под контроль эффекты роста численности населения, экономические результаты нефтедобывающих государств резко улучшаются.¹⁶ В частности, мы можем рассматривать не рост ВВП в расчете на душу населения, а увеличение совокупного ВВП. Например, в 1950–2006 гг. среднедушевой ВВП Кувейта снизился с \$28900 до \$13200. Падение на 50% выглядит катастрофическим. Но единственная его причина заключается в том, что увеличение совокупного ВВП страны на 760% сопровождалось в равной степени удивительным ростом общей численности населения на 1660%. Если бы население Кувейта увеличивалось нормальными темпами, близкими к аналогичному показателю стран, не располагавших запасами нефти, рост среднедушевого дохода, был бы гораздо более впечатляющим.

Табл. 6.3 во многом схожа с табл. 6.1, но в ней проводится сравнение стран по темпам роста совокупного, а не среднедушевого ВВП. К тому же эти таблицы в некоторых отношениях значительно отличаются друг от друга. В табл. 6.1 за весь период 1960–2006 г. между нефтедобывающими и не располагавшими запасами уг-

население богатых нефтью стран получало более высокие доходы на протяжении нескольких поколений, нормы фертильности остаются в них аномально высокими. Более подробно см.: Jamal et al. 2010.

16. К аналогичному выводу о том, что нефтяная рента ведет к более высоким показателям фертильности и численности населения, следствием чего становятся более низкие темпы экономического роста в расчете на душу населения, пришли Анка Котет и Кевин Сюй (Cotet and Tsui 2010).

ТАБЛИЦА 6.3. Годовые темпы экономического роста
в 1960–2006 гг.

Темпы роста совокупного ВВП, в отличие от годовых темпов роста ВВП на душу населения в табл. 6.1.

	Страны		
	Не имеющие запасов	Нефтедобы- вающие	Разница
ВСЕ СТРАНЫ			
1960–2006	3,72	4,05	0,33**
1960–1973	5,06	8,21	3,15***
1974–1989	3,25	2,83	–0,42*
1990–2006	3,02	3,81	0,79***
ТОЛЬКО РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ			
1960–2006	3,97	4,63	0,66***
1960–1973	4,96	9,07	4,11***
1974–1989	3,43	2,95	–0,48***
1990–2006	3,58	4,62	1,05***

*значимое на уровне 10% (в одностороннем t-критерии Стьюдента);

** значимое на уровне 5%; *** значимое на уровне 1%.

Источник: Рассчитано по данным из книги Э. Мэддисона (Maddison 2009).

леводородов странами отсутствует статистически значимое различие с точки зрения роста ВВП в расчете на душу населения. Однако, обратившись к табл. 6.3, мы видим, что в рассматриваемом периоде совокупный ВВП нефтедобывающих стран рос значительно более высокими темпами, чем аналогичный показатель стран, не имевших углеводородов.

Переходя к измерениям роста совокупного дохода, мы видим, что результаты нефтедобывающих стран улучшаются в каждом из временных периодов: они довольно значительно обгоняют государства, не имевшие запасов углеводородов в хорошие времена (1960–1973 гг. и 1990–2006 гг.), и ненамного отстают от них в период трудностей (1974–1989 гг.).

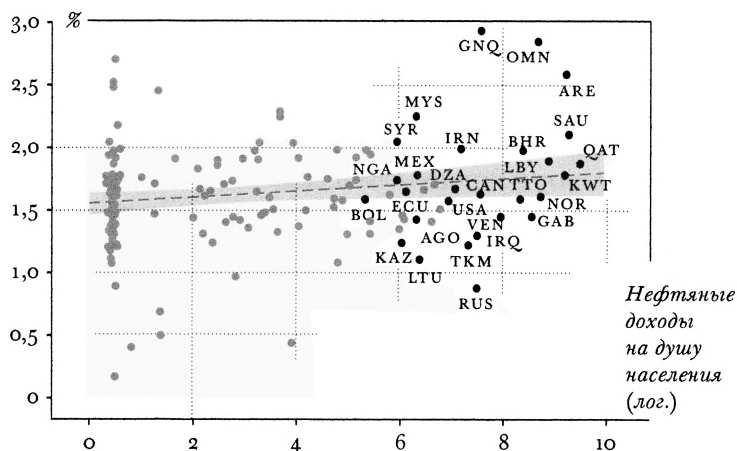

РИС. 6.7. Годовой рост совокупного ВВП, 1960–2006 гг.

Среднегодовые темпы прироста ВВП по всем странам.

Источник: Рассчитано по данным из книги Э. Мэддисона (Maddison 2009).

Рассматриваемая нами закономерность может быть отображена и на диаграмме рассеяния. На рис. 6.7 представлены все страны мира в соответствии с ростом их совокупного дохода и нефтяными доходами в 1960–2006 гг. Мы видим, что государства с большими запасами углеводородов продемонстрировали значительно более быстрый рост. Очевидным аутсайдером выглядит лишь Россия, экономика которой понесла огромные потери в связи с крахом советской системы. Если бы не отрицательные воздействия нефти на женский труд вне дома, богатые углеводородами страны превзошли бы не имевшие запасов нефти государства, что способствовало бы повышению уровня жизни и женщин, и мужчин.

Проблема волатильности

На пути к выходу на траекторию более быстрого роста нас ожидает второе препятствие — не отвечающие требованиям ситуации политические решения государства, особенно те из них, осуществление которых не позволяет преодолеть изменчивость денежных поступлений от продажи нефти.

В главе 2 мы рассмотрели колебания нефтяных доходов, усугубившиеся с начала 1970 г. Волатильность оказывает отрицательное воздействие на экономический рост, поскольку возникающая неопределенность относительно будущего в значительной степени «перекрывает» поток инвестиций в частном секторе.¹⁷ Изменчивость доходов в большей степени опасна для стран с низкими, а не с высокими доходами, отчасти в силу меньшей развитости финансовых рынков в первой группе государств, не способных оказать инвесторам необходимую помощь в хеджировании рисков.¹⁸ В развивающихся странах, специализирующихся на экспорте сырьевых товаров, волатильность условий торговли отпугивает инвесторов, обуславливая все большее отставание этих государств от США и Европы.¹⁹ В соответствии с данными одного из недавних исследований, экспорт природных ресурсов, как правило, оказывает прямое положительное влияние на рост, но сопровождающая его экономическая волатильность одновременно несет с собой значительный косвенный отрицательный эффект.²⁰

Впрочем, нет оснований обвинять в медленном росте экономическую волатильность саму по себе: в нефтедобывающих странах движущей силой изменчивости

17. Ramey and Ramey 1995; Acemoglu et al. 2003.

18. Loayza et al. 2007.

19. Blattman, Hwang, and Williamson 2007.

20. van der Ploeg and Poelhekke 2009.

являются колебания в государственных доходах от продажи ресурсов. В то же время государство, по крайней мере в теории, способно смягчать такого рода флуктуации. Если бы у власти в нефтедобывающих странах находились не политики, а благожелательные бухгалтеры, экономическое положение в них было бы гораздо более устойчивым. Неспособность государств, доходы которых основываются на нефти, стабилизировать национальные экономики является одной из самых главных загадок ресурсного проклятия.

Основной метод смягчения волатильности известен с библейских времен, когда египетский фараон по совету Иосифа в течение семи лет великого изобилия создавал запасы зерна, чтобы прокормить свой народ в течение семи лет голода. Если перейти на язык экономистов, фараон принял решение о проведении *антициклической политики*, предусматривающей сохранение части избыточного продукта во время бума и использование этих запасов во время резкого спада.

Для стран, состояние экономики которых в значительной степени зависит от продажи таких невозобновляемых ресурсов, как углеводороды, осмотнительное использование получаемого в хорошие годы избытка имеет огромное значение. В главе 2 упоминается о том, что истощение запасов нефти может привести к уменьшению доходов государства.

Для того чтобы противодействовать экономическому спаду (неизбежному в случае отказа от принятия должных мер), нефтедобывающие страны имеют возможность инвестировать часть денежных поступлений от продажи ресурсов в более устойчивые активы, такие как капитал в материальной форме (инфраструктура), человеческий капитал (образование) и даже зарубежные финансовые активы. Придерживающееся этой стратегии государство способно компенсировать убывание природных активов, накапливая активы других типов — в сущности, оно обменивает подземные богатства на надземные блага. В том случае если страна не инве-

стирует текущие излишки средств, а направляет все вырученные от продажи нефти деньги на потребление, под угрозой оказывается благосостояние будущих поколений ее граждан (когда закончится нефть).

Принцип, в соответствии с которым страны, полагающиеся на продажи невозобновляемых ресурсов, должны инвестировать определенную часть доходов в богатство в более устойчивых формах, получил широкую известность, как правило Дж. Хартвика.²¹ Со временем страны, придерживающиеся правила Хартвика, могут стать богаче, несмотря на истощение природного капитала. К тому же трансформация последнего в капитал других типов означает диверсификацию национальной экономики.

К счастью, эти две задачи государства — смягчение волатильности денежных поступлений и инвестирование их части в устойчивые активы — идут рука об руку.²² Решающую роль играют инвестиции, но они не могут быть осуществлены все и сразу. Способность экономики абсорбировать новые капиталовложения ограничена, что обусловлено, как правило, присущим им свойством убывающей отдачи. Например, если государство пытается слишком быстро возвести слишком много объектов инфраструктуры, оно неизбежно столкнется с проблемами в планировании, слабым контролем и низким качеством строительства, сопровождающимися растущими ценами. В тех случаях, когда государство получает крупные непредвиденные доходы, экономисты советуют сосредоточиться исключительно на внутренних инвестициях, позволяющих получить высокую норму возврата, а все остальные средства оставить про запас на случай возникновения потребности в антициклических мерах.²³

21. Hartwick 1977.

22. Несмотря на то, что речь идет об отличных друг от друга задачах, я объединяю их в интересах продолжения нашего обсуждения.

23. См. например: Humpheys, Sachs, and Stiglitz 2007; Collier et al. 2009; Gelb and Grasman 2010.

Практически все богатые нефтью государства признают важность антициклической налогово-бюджетной политики, однако лишь немногие из них добиваются успеха в ее осуществлении.

Согласно данным нескольких крупномасштабных исследований, многим ведущим нефтедобывающим странам ни в 1970-х гг., ни в 1980-х гг. так и не удалось перейти на рельсы антициклической налогово-бюджетной политики, следствием чего стало «проедание» ими значительной части непредвиденных доходов. Всесторонне проанализировавший государственные бюджеты Алжира, Эквадора, Ирана, Нигерии, Тринидада и Венесуэлы Алан Гельб установил, что во время нефтяных шоков 1973–1974 гг. и 1978–1979 гг. в пяти из шести государств расходы росли быстрее, чем доходы. Исключением был лишь крошечный Тринидад.²⁴ В схожем по направленности исследовании Р. Оти, изучавшего экономическую политику группы нефтедобывающих стран (Нигерии, Индонезии, Тринидада и Венесуэлы), эти печальные результаты получили новое подтверждение.²⁵

В некоторых случаях политики признают, что управление крупными непредвиденными денежными поступлениями представляет собой сложную задачу. В середине 1970-х гг. президент Мексики Хосе Лопес Портильо предупреждал соотечественников: «Монетарное “пищеварение” очень похоже на переваривание пищи в человеческом организме. Вы не сможете съесть больше, чем способен переварить желудок. Иначе вы заболите. Точно так же и в экономике».²⁶ Однако государство очень часто забывает об этом ограничении; на практике в большинстве нефтедобывающих стран национальные бюджеты определяются размерами запасов углеводородов. Да и в период пребывания у власти самого Х. Лопеса Портильо в 1972–1980 гг. добыча нефти в Мексике

24. Gelb and Associates 1988.

25. Auty 1990.

26. Цит. по: Yergin 1991, 667.

увеличилась почти в четыре раза при том, что одновременно происходил рост мировых цен на углеводороды. Бурный приток денег в страну обусловил мексиканский экономический кризис 1982 г.

Извлекли ли нефтедобывающие страны урок из допущенных в 1970–1980-х гг. ошибок в экономической политике? На первый взгляд, мы должны ответить «да». С начала 1990-х гг. во многих нефтедобывающих странах были учреждены специальные фонды, призванные способствовать повышению эффективности управления денежными поступлениями от продажи ресурсов, либо с целью их использования в рамках антициклических мер, либо для осуществления инвестиций призванных смягчить последствия истощения недр, либо для того и другого одновременно. Однако при более пристальном взгляде мы видим, что многие такого рода фонды демонстрируют удивительную неэффективность. Многие государства нарушают свои собственные правила передачи или изъятия средств из ресурсных фондов; другие используют всевозможные лазейки, подрывающие эффективность собственных фондов. В двух недавних исследованиях МВФ (в общем благосклонно относящегося к учреждению подобных фондов) специалистам так и не удалось установить явных свидетельств, что рассматриваемая нами практика помогает добиться улучшения результатов налогово-бюджетной политики.²⁷ Согласно данным еще одного, проводившегося МВФ, исследования с участием восьми нефтедобывающих стран Африки, даже исходя из самых благожелательных допущений, политика их правительств не привела к повышению фискальной устойчивости.²⁸

Недавнее исследование под эгидой Всемирного банка также подтвердило, что уровень инвестиций, осуществляемых странами, обладающими значительными запасами углеводородов, не соответствует правилу Хартви-

27. IMF 2007; Davis et al. 2003.

28. York and Zhan 2009.

ка. Основная доля денежных поступлений от продажи нефти направляется на потребление, что означает утрату возможности повышения доходов и диверсификации национальных экономик. Если бы в 1970–2006 гг. Нигерия и Габон соблюдали правило Хартвика, сегодня они были бы богаче почти в три раза, а Венесуэла и Тринидад — в 2,5 раза.²⁹

Слишком быстрое расходование денежных поступлений от продажи ресурсов — не новая проблема. К тому же она относится не только к нефти. Одним из самых интересных исторических примеров являются события, происходившие в XIX столетии в Перу. В то время эта страна была ведущим мировым поставщиком гуано (разложившихся естественным путем экскрементов морских птиц) — ценного, пользовавшегося высоким спросом вида удобрений. В 1840–1879 гг. небольшие острова, разбросанные вдоль побережья Перу, обеспечивали едва ли не весь объем поставок гуано на мировой рынок. Получение этого вида удобрений не представляло ни малейших проблем: его сбрасывали со скал, а потом по деревянным лоткам гуано поступало прямо в трюмы стоявших у берега судов. Затраты на заработную плату были очень низкими, так как на этих работах широко использовался рабский труд, а также труд дезертиров из армии и китайских «кули», нанимавшихся на условиях, близких к условиям невольников.³⁰

Благодаря близкому к монополии положению на мировом рынке и почти бесплатной рабочей силе поставки

29. Hamilton, Ruta, and Tajibaeva 2005.

30. Условия труда были настолько тяжелыми, что едва ли не каждый день происходили попытки самоубийства рабочих. Для того чтобы решить проблему недостатка рабочей силы, в 1862 г. подрядчики захватили в рабство около тысячи жителей острова Пасхи, что составляло примерно треть его населения. Через год английское и французское правительство под угрозой применения силы вынудили Перу принять решение о возвращении незаконно захваченных людей. Но выжить в страшных условиях и вернуться на родину удалось только 15 жителям острова Пасхи.

гуано стали для Перу источником огромных непредвиденных денежных поступлений. В 1846–1873 гг. государственные доходы увеличились в пять раз. Но расходы государства за это же время возросли восьмикратно, в результате чего Перу было вынуждено обратиться к внешним займам. В 1876 г. когда запасы гуано оказались исчерпанными, правительство страны объявило о своем банкротстве.³¹

Объяснение причин неспособности нефтедобывающих стран осуществлять правильную экономическую политику

Как известно, ветхозаветному фараону достало ума и воли, чтобы во время урожайных лет создать запасы зерна, необходимого для выживания его народа в голодные годы. Почему аналогичную политику не способны проводить правительства современных нефтедобывающих стран?

Один из возможных ответов заключается в допущении, согласно которому нефтяные доходы вызывают различные недуги и у государственных институтов. Если нефть обуславливает снижение эффективности управления государством, она способна подорвать и его способность осуществлять антициклическую политику. Так, заболевший врач уже не способен вылечить своих пациентов.

Возможно несколько вариантов этих отрицательных нефтяных воздействий. Изменчивость денежных поступлений способна привести к ограничению горизонта планирования правительства страны, следствием чего становится отказ от осуществления крупных инвестиционных проектов. Поскольку колебания денежных поступлений влекут за собой флуктуации го-

31. Использовались материалы Дж. Левина (Levin 1960) и Ш. Ханта (Hunt 1985).

сударственного бюджета, сокращение первых означает повышение риска приостановления или отмены рассчитанных на много лет проектов, таких как важные усовершенствования в образовании, здравоохранении или материальной инфраструктуре. Осознающие эту проблему чиновники правительства могут попытаться избежать от нее, полностью отказавшись от долгосрочных программ и расходуя выделенные денежные средства максимально быстро, пока они совсем не исчезли.

Другим источником трудностей может быть «бюрократическое перенапряжение», когда государственные доходы растут быстрее, чем способность правительства распоряжаться столь значительными средствами. Тревоги большинства правительств связаны с тем, что их доходы окажутся недостаточно высокими. Но богатые ресурсами страны в некоторых случаях получают непредвиденные доходы, значительно превосходящие возможности бюрократии, что усиливает опасность неправильного расходования денег.³²

32. С точки зрения бюрократического перенапряжения особенно уязвимыми являются органы власти, ответственные за управление переживающим бум ресурсным сектором. Поскольку они наделены правом распоряжения ресурсами, ценность которых внешне резко возрастает, правительства подвержены недугу, который я в одной из своих книг назвал «захватом ренты». Имеется в виду ситуация, когда политики пытаются «подвинуть» институциональные ограничения с целью установить контроль над выбором направлений использования и регулированием ценных ресурсов, получая в результате власть, необходимую для осуществления патроната или коррупции (Ross 2001b).

Одним из недавних показательных примеров данной практики являются события на Мадагаскаре. До 2005 г. правительство распределяло права на добычу полезных ископаемых, используя близкие к рыночным принципы. Ответственность за это была возложена на агентство, созданное специально для того, чтобы воспрепятствовать возможному политическому вмешательству и для обеспечения прозрачности принимаемых решений. Однако растущие цены на полезные ископаемые привели к тому, что в 2006 г. прежняя система была разрушена. Полномочия по предоставлению прав на добычу были переданы от независимого Горного кадастрового управления поли-

В начале правления первому королю Саудовской Аравии Абдул-Азизу ибн Сауду было достаточно одного верблюда для перевозки государственной казны. После того как в 1938 г. в королевстве была найдена нефть, на саудовское правительство обрушились сначала десятки миллионов, а потом и миллиарды долларов. Очевидно, что способности королевского правительства по управлению этими потоками были ограничены.³³ Бурная экспансия саудовского государства в 1950-е гг. неизбежно привела к административному хаосу. Как пишет Стеффен Гертог:

В той степени, в какой институты играют свою роль, их ежедневные действия часто выполнялись скорее автономно, а министерства управлялись как личные вотчины. Бесконтрольное администрирование и персонализированный характер власти означали почти полное отсутствие координации между правительственными учреждениями, когда различные институты очень часто принимали прямо противоположные решения, а их юрисдикции оставались неопределенными. Еще в 1952 г. предполагалось, что ответственность за экономическое планирование несут шесть различных ведомств.³⁴

Многие исследователи делают и более энергичные заявления, настаивая, что следствием углеводородного богатства становятся «плохие институты»: слабые, более коррупционные, менее компетентные и менее способные к осуществлению разумной налогово-бюджетной политики органы государственной власти. По мнению

тическим выдвиженцам. Последние полностью игнорировали Горный кодекс Мадагаскара и отказались от проведения конкурсных торгов, способствовавших повышению прозрачности. В результате распределение лицензий превратилось в непрозрачный, произвольный и, почти наверняка, коррупционный процесс.

33. Yergin 1991.

34. Hertog 2007, 546.

Кирен Азиз Чаудри, нефтяная рента препятствует созданию эффективной государственной бюрократии, в результате чего государство остается слабым и не способно разрабатывать и осуществлять разумную экономическую политику.³⁵ Во влиятельной работе *The Paradox of Plenty* («Парадокс изобилия») Терри Линн Карл утверждала, что денежные поступления от продажи углеводородов подрывают государственную власть, поскольку они ведут к формированию «психологии рантие», «приступам „нефтемании“» и «расширению возможностей участия в погоне за рентой представителей государственной власти и частных предпринимателей».³⁶ Тимоти Бесли и Торстен Перссон разработали формальную модель, согласно которой ресурсная рента заставляет политиков отказаться от инвестиций в развитие бюрократических способностей государства, остающегося слабым и не способным создать условия для роста частного сектора.³⁷ Аналогичные доводы приводятся и во множестве других исследований.³⁸

Возможно, эти утверждения абсолютно правильны, но они с трудом поддаются проверке. Обществоведы проделали огромную работу для того чтобы дать определение и предложить способы измерения эффективности «институтов», едва ли не полностью устранив возможности фальсификаций. Оказалось, что в той степени, в которой приведенные выше утверждения могут быть подвергнуты тестированию, они плохо соответствуют фактическим данным.

Если извлечение нефти оказывает отрицательное воздействие на государственные институты, должна иметь место отрицательная корреляция между нефтяным до-

35. Chaudhry 1989.

36. Karl 1997, 57, 67, 15.

37. Besley and Persson 2010.

38. См. также: Mahdavy 1970; Leite and Weidemann 1999; Isham et al. 2005; Bulte, Damania, and Deacon 2005. Прекрасный разбор приводимых доводов содержится в работе К. Вика и Э. Бульте (Wick and Bulte 2009).

ходом страны и качеством государственного руководства в ней. Поскольку мы, как правило, сталкиваемся с отсутствием показателей реальных результатов деятельности правительства, во многих случаях ученые используют показатели *воспринимаемых* результатов функционирования государственных институтов. Наиболее полная подборка показателей, основывающихся на данных коммерческих рейтинговых агентств, специализирующихся на оценке рисков, неправительственных организаций и агентств, оказывающих помощь на государственном уровне, была создана Всемирным банком. Высокие значения показателей свидетельствуют о большей «эффективности государственного управления и лучшем контроле над коррупцией».³⁹

В первой строке табл. 6.4 сравнивается воспринимаемая эффективность государственного управления в нефтедобывающих и в не располагавших запасами углеводородов странах в 2006 г. Государства первой группы продемонстрировали немного *лучшие* результаты, хотя различие не является статистически значимым. Во второй строке таблицы сравниваются оценки уровня контроля над коррупцией в обеих группах стран. И вновь нефтедобывающие государства имеют более высокие, но не значимые оценки.

Кроме того, мы можем рассмотреть не только *уровни* качества государственного управления, но и *его изменения*. В соответствии с некоторыми теориями, изменения в получаемом страной нефтяном доходе (вызванные, например, резким ростом поступлений от продажи нефти) оказывают отрицательное воздействие на качество государственного управления. Тем самым они противопоставляются уровню нефтяного дохода.⁴⁰ Изучение изменений — простейший способ контроля над постоян-

39. Kaufman and Kraay 2008. К сожалению, похоже, что экспертные мнения об уровне коррупции является плохим показателем реального положения в этой сфере. См., например, Olken 2009; Razafindrakoto and Roubaud 2010.

40. Tornell and Lane 1999.

ТАБЛИЦА 6.4. Воспринимаемое качество государственного управления в 1996–2006 гг.

Более высокие численные значения соответствуют более высокому качеству государственного управления (выражается в эффективности и контроле над коррупцией). Страновые оценки эффективности государственного управления варьируются от –2,16 до 2,22, а контроля над коррупцией — от –1,76 до 2,53.

	Страны		
	Не имеющие запасов	Нефтедобывающие	Разница
Уровень эффективности государственного управления, 2006 г.	–0,120	0,007	0,0127
Уровень контроля над коррупцией, 2006 г.	–0,132	–0,026	0,107
Изменение в эффективности государственного управления, 1996–2006 гг.	–0,003	–0,077	–0,073
Изменение в контроле над коррупцией, 1996–2006 гг.	–0,037	0,022	0,059

Источник: Рассчитано по данным из работы Д. Кауфмана и А. Краая (Kaufman and Kraay 2008).

ными факторами, которые также способны отрицательно влиять на качество государственного управления, маскируя истинное воздействие углеводородов.

В третьей строке таблицы отображаются оценки эффективности государственного управления в 1996–2006 гг., когда благодаря ценовым колебаниям практически во всех добывающих нефть и природный газ странах резко возросли денежные поступления от продажи углеводородов. По сравнению с государствами, не имевшими запасов углеводородов, практически во всех нефтедобывающих странах имело место снижение эффективности государственного управления. И вновь эти различия оказались статистически незначимыми. Обратившись к четвертой строке таблицы, мы видим, что

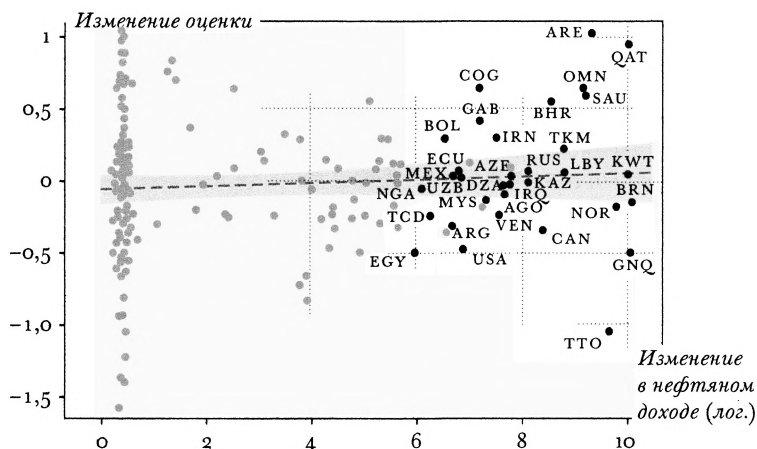

РИС. 6.8. Изменение в контроле над коррупцией в 1996–2006 гг.

Более высокие значения изменения оценки предполагают и более значительные улучшения в контроле над коррупцией. На горизонтальной оси отображается логарифм абсолютного изменения нефтяного дохода на душу населения.

Источник: Рассчитано по данным о контроле над коррупцией из работы Д. Кауфмана и А. Краая (Kaufman and Kraay 2008).

в нефтедобывающих странах оценки контроля коррупции увеличились несколько больше, чем в странах, не имевших запасов углеводородов, но незначительно.

Более пристально присмотреться к изменениям оценок контроля над коррупцией в различных странах, по сравнению с изменениями в получаемом ими нефтяном доходе, позволяет нам рис. 6.8. Незначительный наклон кривой вверх означает, что уровень коррупции в странах с более высокими нефтяными доходами несколько снизился, однако демонстрируемые нефтедобывающими государствами результаты сильно различаются. Пяти государствам Аравийского полуострова

(Саудовской Аравии, ОАЭ, Катару, Оману и Бахрейн), а также некоторым африканским нефтедобывающим странам (Республике Конго и Габону) удалось усилить контроль над коррупцией. Но в других добывающих углеводороды странах, и в развивающихся (Тринидад, Экваториальная Гвинея и Венесуэла), и в промышленно развитых (Норвегия, Канада, Нидерланды и США), контроль над коррупцией ухудшился. Таким образом, *prima facie* у нас имеется не слишком много фактических свидетельств, позволяющих утверждать, что доходы от продажи нефти отрицательно воздействуют на уровень государственного управления.

Две ошибки

У нас нет достаточных оснований, чтобы уверенно утверждать, что нефть оказывает отрицательное воздействие на качество государственных институтов. Почему же столь многие ученые, основываясь на результатах обширных исследований, в ходе которых были обработаны огромные массивы данных, выступают с прямо противоположными заявлениями?

Потому что они могли допустить ошибку и прийти к неправильным выводам. Одним из типичных заблуждений является «ошибка деревенщины из Беверли-Хиллз». В случае если вы не смотрели, рассказываю: «Деревенщина из Беверли-Хиллз» — это очень популярный в 1960-х гг. телевизионный комедийный сериал, в котором повествуется об очень симпатичной, но простецкой семье Клампетов. Когда-то они жили в арканзасском Озарке, но после того, как на принадлежавшей Клампетам земле была найдена нефть, семья переехала в особняк в Беверли-Хиллз. Клампетов окружают высокомерные эгоистичные соседи. В процессе общения «понаехавших» и «коренных жителей» возникает множество комичных ситуаций.

Здесь и обнаруживается источник ошибки. Внезапно свалившиеся на Клампетов доходы сделали их та-

кими же богатыми людьми, как и их новые соседи. Но Клампиты выросли в бедности. В отличие от коренных обитателей Беверли-Хиллз они были лишены возможности получить столь же прекрасное образование и приобрести манеры, достойные представителей высшего класса общества.⁴¹ Если мы обратимся к статистическому анализу соседствующих в Беверли-Хиллз семей, то, исходя из полученных результатов, должны будем сделать вывод, что обладатели нефтяного богатства (Клампиты) менее образованны чем те, кто не получает доходов от нефти. Отсюда наблюдатели могут сделать ошибочный вывод, согласно которому нефтяное богатство является причиной сравнительно низкого уровня образования в семьях, проживающих в Беверли-Хиллз. Однако причиной недостаточно высокого уровня образования Клампитов или простецкого поведения членов семьи является отнюдь не нефтяное богатство. Оно лишь сделало семью богаче, в результате чего ее члены «вознеслись» в новую равностатусную группу, члены которой имеют более высокий уровень образования. Но нефтяное богатство не оказывало никаких отрицательных воздействий ни на образование Клампитов, ни на их манеры. Сравнивая Клампитов с их новыми соседями по Беверли-Хиллз, наблюдатель может воспринять непредвиденные нефтяные доходы семьи как проклятие. Но если мы сравним их с более реалистичной равностатусной группой, например, с соседями Клампитов в Озарке, то образование и манеры членов семьи, вероятно, покажутся вполне нормальными.

Во многом схожая ошибка совершается в исследованиях, посвященных изучению взаимосвязей между нефтью и качеством государственных институтов. Она заключается в имплицитном отнесении стран, сравнительно недавно начавших получать значительные де-

41. Клампиты никогда не преминут упомянуть, что самый образованный член их семьи, Джетро Бодин, успешно закончил шестой класс школы.

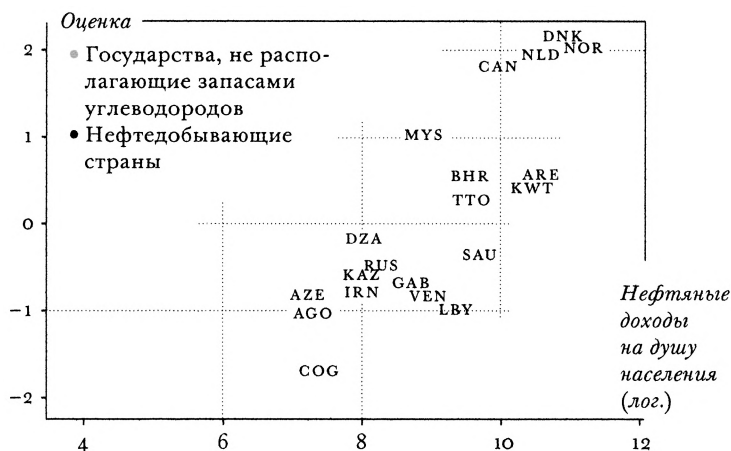

РИС. 6.9. Доходы и воспринимаемая эффективность государственного управления, 2005 г.

Оценки эффективности государственного управления. Чем больше оценка, тем выше эффективность.

Источник: Рассчитано по данным о воспринимаемой эффективности государственного управления из работы Д. Кауфмана и А. Краа (Kaufman and Kraay 2008).

нежные поступления от добычи нефти, в новую равно- статусную группу государств со средними и высокими доходами, государственные институты которых развивались и совершенствовались в течение многих лет. Неудивительно, что на их фоне нефтедобывающие государства-нувориши выглядят институционально отсталыми.

Например, на рис. 6.9 мы видим, что более богатые страны, как правило, могут похвастаться и более эффективным государственным управлением. Об этом свидетельствует сильная корреляция между доходом страны в расчете на душу населения (отображается по горизонтальной оси) и воспринимаемой эффективностью государственного управления в ней (вертикальная ось). Схо-

жие матрицы обнаруживаются и в оценках, полученных в научных исследованиях, посвященных изучению связи между доходами различных стран и эффективностью их правительств. В соответствии с полученными результатами, более высокие доходы, как правило, способствуют повышению эффективности государственного управления, а более эффективное государственное управление, чаще всего, открывает возможность увеличения богатства страны.⁴² Не напоминает ли это двустороннюю корреляцию между доходом и образованием в Беверли-Хиллз (как, впрочем, и в других городах и странах): более богатые семьи могут позволить своим членам получать образование более высокого уровня, а более образованные люди, как правило, получают и более высокие доходы.

Обратите внимание на положение стран, получающих нефтяные доходы от \$1000 в расчете на душу населения (они обозначаются аббревиатурами из трех букв). Большинство из них расположены ниже подобранной линии; следовательно, у нас есть основания предположить, что уровень эффективности государственного управления в этих странах является необычайно низким по сравнению с государствами, получающими сравнимые доходы. Если бы мы контролировали доход, то легко могли бы прийти к заключению, что добыча нефти оказывает отрицательное воздействие на эффективность государственного управления.

Впрочем, в данном случае возможна и не столь однозначная интерпретация: нефть ведет к повышению доходов стран, но не влияет на эффективность государственного управления. Резкий взлет мировых цен на нефть или ввод в эксплуатацию нового нефтяного месторождения могут сделать страну богаче без «вмешательства» государственного управления, точно так же как обнаружение нефти означало увеличение дохода Клампетов при неизменном уровне образования чле-

42. См., например: La Porta et al. 1999; Adsera, Boix, and Payne 2003.

нов семьи. В этом случае мы наблюдали бы отсутствие прямой корреляции между нефтяным доходом страны и качеством государственного управления в ней, хотя в том случае, когда мы *контролировали бы доход страны*, внешне все выглядело бы так, что нефть коррелирует с низким уровнем государственного управления, поскольку сопоставляя страны со схожими доходами, мы столкнулись бы с тем обстоятельством, что качество управления в нефтедобывающих государствах находится на аномально низком уровне. Тот факт, что нефть способна обеспечить быстрое увеличение дохода страны в отсутствие столь же быстрого повышения эффективности государственного управления, не означает, что углеводороды оказывают отрицательное воздействие на государство. Просто нефть помогла «родной стране» несколько иначе, чем наивно предполагали ученые.⁴³

Кроме того, исследователи могут быть введены в заблуждение ошибкой «незамеченного бремени». Представьте себе поднимающегося в аудиторию пожилого профессора, за которым, отставая, следует ассистент.

43. Ошибку деревенщины из Беверли-Хиллз можно рассматривать как своего рода постаналитическое смещение: в случае, когда мы контролируем доход, все выглядит так, как будто нефть отрицательно коррелирует с качеством институтов, но, поскольку нефть воздействует на доход, его включение в модель приводит к смещенной оценке истинного воздействия нефти. К схожему выводу приходят в статистическом анализе нефти и институтов Михаил Алексеев и Роберт Конрад, показывающие, что при должном учете нефтяного дохода, корреляция между нефтью и институциональным качеством отсутствует (Alexeev and Conrad 2009). Аналогичный довод приводят Ксавье Сала-и-Мартин и Арвинд Субраманиян (Sala-i-Martin and Subramanian 2003). Но, по мнению М. Алексеева и Р. Конрада, использовавшееся ими эконометрическое средство было неадекватным. Майкл Герб высказывает предположение, что схожая проблема приводит к ложному впечатлению об отрицательном воздействии нефти на развитие демократии (Herb 2005). Однако М. Алексеев и Р. Конрад обнаружили, что если учесть воздействие нефти на доход, она будет по-прежнему ассоциироваться с более низким уровнем демократии.

Из этой картины наблюдатели могли бы сделать вывод, что профессор находится в гораздо лучшей физической форме, чем его помощник. Но они не учитывают, что в рюкзаке ассистента находится тяжелый профессорский портативный компьютер, проектор и пять немалых по весу учебников. В рюкзаке же профессора нашлось место только для набора мелков. Физическая подготовка наших героев примерно равна, но ассистенту достался гораздо более тяжелый рюкзак. Поскольку наблюдатели не имеют возможности учесть разницу в весе содержимого рюкзаков, он могут прийти к ошибочному выводу, согласно которому профессор превосходит ассистента в физической форме.

Изучая эффективность государственного руководства, ученые нередко допускают ту же ошибку: мы делаем заключение, что в государствах, демонстрирующих низкие результаты, функционируют «слабые институты», не учитывая, что каждая из стран решает разные по сложности задачи. Мы забываем поинтересоваться содержимым рюкзаков на спинах правительств.

Если правительства нефтедобывающих стран плохо распоряжаются денежными поступлениями от продажи углеводородов, наблюдатели нередко упрекают их в институциональной слабости. Обвинение основывается на допущении, согласно которому управление волатильными потоками ресурсов не более обременительно, чем управление гораздо более равномерным потоком налоговых платежей. Но разве не может быть, что осуществление последовательных антициклических мер является более трудной задачей, чем мы себе ее представляем? Возможно, проблема заключается не в исключительной слабости институтов в нефтедобывающих государствах и в необходимости их замены на нормальные; возможно, в них уже существуют нормальные институты, но есть необходимость в исключительно сильных.

Трудности в осуществлении антициклической налогово-бюджетной политики испытывают даже обделенные ресурсами страны с гораздо более устойчивыми потоками

денежных поступлений. Согласно данным большого количества исследований, фискальная политика как нефтедобывающих, так и не обладающих запасами углеводородов развивающихся стран, носит скорее проциклический, чем антициклический характер. Нестабильные денежные поступления от продажи нефти еще более затрудняют осуществление антициклической политики.⁴⁴

Тайна несостоятельности экономической политики

В чем причина трудностей, с которыми сталкивается правительство государства в процессе осуществления антициклической экономической политики? Давайте вернемся к нашей базисной модели нефтяной политики, описывающей правителя, стремящегося сохранить свою власть, граждан, заинтересованных, прежде всего, в повышении уровня своего благосостояния, и поступающие в страну доходы от продажи нефти. Из главы 3 мы знаем, что правитель сталкивается с непрекращающимся давлением граждан, требующих от государства все новых и новых расходов, направленных на повышение народного благосостояния. Для того чтобы перейти к осуществлению антициклической фискальной политики,

44. Cătao and Sutton 2002; Manasse 2006; Talvi and Végh 2005; Alesina, Campante, and Tabellini 2008; Ilzetzki and Végh 2008. В некоторых исследованиях нефти и институтов допускается третья ошибка: в них утверждается, что нефть оказывает отрицательное воздействие на силу государства, но значение этой силы измеряется как количество собираемых правительством страны налогов. См., например, Chaudhry 1997; Thies 2010; Besley and Persson 2010. Как показывается в главе 2, денежные поступления от продажи нефти с необходимостью приводят к тому, что государство в меньшей степени полагается на налоговые платежи в силу увеличения неналоговых доходов. Меньшая доля налоговых поступлений в государственном бюджете нефтедобывающей страны *ipso facto* отнюдь не означает, что ее правительство является слабым или неэффективным.

правителю необходимо будет сделать межвременной выбор — ему придется вызвать недовольство граждан сегодня с целью улучшения их положения в будущем.

По мнению ученых, вероятность этого выбора определяется четырьмя группами факторов, способными воздействовать на демократии и диктатуры, мудрых и глупых правителей, на богатые и бедные государства. К сожалению в научных исследованиях недооцениваются трудности, которые могут возникать в процессе принятия подобных решений, даже если улучшение положения граждан в долгосрочной перспективе не вызывает сомнений.

*Неопределенность,
с которой сталкиваются правители*

Одним из факторов является вера правителей в то, какое по продолжительности время им суждено оставаться у власти. Представьте себе нефтедобывающее государство, возглавляемое мудрым руководителем, который хотел бы использовать антициклическую фискальную политику. Условием ее эффективности является осуществление планируемых мер в будущем так, чтобы все получаемые во время бума излишки сохранялись и оставались доступными для использования во время спада. Но наш руководитель не способен навязать выбранный курс своим преемникам; его политика и институты могут быть отвергнуты будущим правительством. Осознавая, что не столь ответственный преемник может растратить оставленные в резерве деньги на покровительство или коррупцию, мудрый правитель, возможно, предпочтет использовать их на осуществление достойных текущих проектов. Чем лучше правитель понимает, что вскоре его власть закончится, тем больше у него стимулов расходовать средства быстрее.

Схожим образом от ожиданий относительно пребывания во главе государственной власти зависят и действия корыстолюбивого правителя. Представьте себе

руководителя государства, налогово-бюджетные решения которого целиком и полностью определяются его стремлением сохранить свою власть и преумножить состояние. Он использует непредвиденные доходы исключительно для покровительства и коррупции. Предположим, что и первое, и вторая характеризуются уменьшающейся предельной отдачей; это означает, что правителю было бы выгоднее распределять блага в течение нескольких лет в будущем, чем все и сразу. Если же правитель уверен в скором отстранении от власти, у него не остается никаких стимулов «придерживать» бюджетный излишек для будущих нужд.

Эти примеры позволяют предположить, что политические руководители, воспринимающие свои позиции как относительно надежные, будут проявлять большую склонность к ограничению расходов во время экономических бумов; и наоборот, руководители, испытывающие сомнения по поводу срока пребывания у власти, будут проявлять склонность к расточительству.⁴⁵ Но из этого не следует, что авторитарные правительства с необходимостью должны осуществлять более жесткую налогово-бюджетную политику, чем демократии. Известно множество способов, которые помогают увеличить временной горизонт демократических лидеров, поощряя их к большему ограничению расходов.⁴⁶ В сборнике политических эссе «Федералист» (*The Federalist*) Александр Гамильтон так обосновывает преимущества президента, имеющего возможность бороться за переизбрание:

45. Herschman 2009. Дискуссию о факторах, влияющих на политический временной горизонт и вытекающую из него наиболее предпочтительную норму государственных расходов, см. в работе М. Леви (Levi 1988). Макартан Хамфри и Мартин Сандбу предлагают формальную модель, которая может использоваться для тщательного анализа условий, способных воздействовать на вероятность ограничения расходов (Humphreys and Sandbu 2007).

46. Alesina, Campante, and Tabellini 2008.

Алчный человек, оказавшийся на государственной должности, готовя себя к тому, что он в любом случае обязан расстаться со своими доходами, может ощутить позыв, а такому человеку трудно ему сопротивляться, наилучшим образом использовать возможности, пока они имеются, — и без угрызений совести прибегнет к самым коррумпированным уловкам, чтобы сорвать по случаю солидный куш. Но тот же самый человек при иной перспективе может удовлетвориться обычными приработками, которые дает ему должность, и даже не захотеть пойти на риск последствий в результате злоупотребления своими возможностями... Но перед перспективой приближения неизбежной утраты поста алчность, пожалуй, возьмет верх над осторожностью, тщеславием и честолюбием.⁴⁷

Уже в наше время Макартан Хамфри и Мартин Сандбю показали, что в тех случаях, когда в богатых ресурсами странах деятельность демократического правительства ограничивается сильной системой сдержек и противовесов, оно проявляет меньшую склонность к необоснованному расходованию любых излишков.⁴⁸ Альберто Алесина, Филип Кампанте и Гвидо Табеллини утверждают, что если речь идет о развивающихся странах, то демократические государства с более высоким уровнем коррупции придерживаются менее жесткой налогово-бюджетной политики, чем демократии с низким уровнем коррупции.⁴⁹ По мнению исследователей, в демократических странах решающим фактором фискальной политики является коррупция.

Отбор высших должностных лиц

Не следует забывать и о важном значении выбора руководителей государства. Представьте себе, что рассматриваемая в нашей модели страна является демократией, и накануне выборов на нее и на правительство обрушива-

47. Hamilton, Madison, and Jay [1788] 2000, no. 72.

48. Humphreys and Sandbu 2007.

49. Alesina, Campante, and Tabellini 2008.

ется бурный поток непредвиденных нефтяных доходов. Избирателям придется выбирать между мудрым, настаивающим на необходимости ограничения расходов, кандидатом и алчным претендентом, призывающим «тратить, тратить и тратить». Для того чтобы провести избирательную кампанию, каждому кандидату необходимо собрать средства. Общий объем денежных фондов определяет вероятность победы на выборах. В процессе сбора средств кандидаты обещают своим сторонникам покровительство в будущем.

В соответствии с этими простыми условиями, кандидат в большей степени склонный использовать государственные ресурсы для того, чтобы оказывать покровительство своим сторонникам, получит преимущество над оппонентом, так как он имеет возможность раздавать обещания о предоставлении выгод в будущем большему количеству избирательных блоков. Во многом аналогичная ситуация имеет место даже в странах, не знающих или забывших о практике покровительства. В них преимущество над оппонентами получают кандидаты, не скупящиеся на обещания о строительстве дорог, школ и создании новых рабочих мест. Аналогичная практика может возникать и в авторитарных государствах. Как объясняет Майкл Герб, в некоторых ближневосточных монархиях наследным принцам, стремящимся взойти на трон, приходится привлекать на свою сторону членов семьи различными посулами (предоставление денег в будущем, назначения в правительство).⁵⁰ В некоторых случаях страны, обладающие значительными запасами различных природных ресурсов, сталкиваются с проблемой *отрицательного отбора*, когда соперники, обещающие смягчение политики в конечном итоге приходят на место руководителей, осуществлявших жесткую налогово-бюджетную политику.⁵¹

50. Herb 1999.

51. Более подробный анализ этой динамики см. в: Collier and Hoefler 2009.

Наглядной иллюстрацией проблемы отрицательно-го отбора является один из крупнейших в истории США скандал, разразившийся в начале 1920-х гг. вокруг месторождения нефти Типот Дом и глубоко потрясший администрацию президента Уильяма Гардинга.⁵² В кругу ведущих нефтедобывающих стран США всегда были «белой вороной», так как большая часть наземных месторождений нефти в этой стране находилась в частной собственности, а их использование регулировалось штатами, а не федеральным правительством. Однако в 1920-х гг. наиболее ценные и пока не тронутые нефтяные месторождения страны (возможно, и всего мира) находились на землях и под юрисдикцией федерального правительства. Вайомингское месторождение нефти Типот Дом, а также несколько меньших по размерам месторождений в Калифорнии предназначались исключительно для нужд ВМФ США в случае возникновения угрозы национальной безопасности. Несмотря на то, что стоимость нефти в этих месторождениях достигала нескольких миллиардов долларов (в пересчете на современные деньги), администрации В. Вильсона, занимавшего пост президента США с 1913 г. и до начала 1921 г., удавалось противостоять давлению лоббистов нефтедобывающих компаний, настаивавших на необходимости начала разработки государственных запасов.

На всеобщих выборах 1921 г. главным фаворитом была Республиканская партия. За право быть выдвинутым от ее имени на пост президента США соперничали множество кандидатов. В числе тех, кто обладал наименьшими шансами на выдвижение, был Уоррен Гардинг, малоизвестный сенатор из Огайо, занимавший аморфные политические позиции. Единственный его политический призыв заключался в возвращении США к нормальному состоянию.⁵³ Опрос делегатов накануне партийного

52. Дальнейший рассказ основывается на описании Л. Маккартни (McCartney 2008).

53. Вот как охарактеризовал его Уильям Макэду, занимавший в пра-

съезда, на котором был бы избран кандидат в президенты, показал, что У. Гардинг идет по дистанции шестым. Если газета *The Wall Street Journal* оценивала его шансы на выдвижение как один к восьми, то спортивный репортер Ринг Ларднер — всего лишь как один к двумстам.

На съезде Республиканской партии несколько руководителей крупных нефтяных компаний обратились к ведущим претендентам с предложением о внесении значительных пожертвований в избирательные фонды в обмен на доступ в будущем к месторождениям, предназначенным для ВМФ. Большинство претендентов отказались, но У. Гардинг, отчаянно нуждавшийся в деньгах на проведение предвыборной кампании, с готовностью согласился на эту сделку. Несколько миллионов долларов позволили ему купить поддержку достаточного количества делегатов съезда, и У. Гардинг был выдвинут кандидатом в президенты США от Республиканской партии. После дополнительных денежных вливаний, обеспеченных энергичными нефтепромышленниками, он с большим преимуществом победил и на всеобщих выборах. Вступив в должность, новый президент, по указке нефтяных магнатов назначил на пост министра внутренних дел их протеже — Альберта Фолла. И вскоре финансовые покровители У. Гардинга получили из рук А. Фолла без какого-либо конкурса баснословно ценные права на разработку крупнейших нефтяных месторождений, предназначенных для американского военного флота. Таким образом, триумф У. Гардинга на выборах был обеспечен ценой продажи государственных активов, резервов на случай военной угрозы, в рамках покровительства над его финансовыми попечителями.

вительстве Вудро Вильсона пост министра финансов: «Его [Хардинга] речи производили впечатление армии напыщенных фраз, хаотично перемещавшихся в поисках идеи. Иногда этим бесцельно слонявшимся словам удавалось действительно поймать отчаянно сопротивлявшуюся мысль, а затем добавить ее к другим немногим узникам, где она и умирала в неволе от непомерного использования». Цит. по: McCartney 2008, 43.

Роль граждан

Большое значение, особенно в демократических государствах, имеют предпочтения граждан. Если они владеют необходимой информацией и осознают все выгоды антициклической налогово-бюджетной политики, правителю будет легче ввести в случае необходимости фискальные ограничения.

Но даже в том случае, когда избиратели являются хорошо информированными, в определенных условиях граждане могут выступать за увеличение расходов государства. Если население страны разделено на четко определенные конкурирующие друг с другом группы (возможно, по этническому, религиозному или классовому признакам), сторонники действующего правительства могут выступать за немедленное распределение любых непредвиденных доходов из опасения, что новые власти будут оказывать предпочтение соперничающей группировке. Тем самым в будущем они рискуют лишиться выгод, получаемых в настоящее время.⁵⁴ Но даже в том случае, если население страны едино, избиратели, скорее всего, отрицательно отнесутся к фискальным ограничениям в тех случаях, когда они воспринимают действующую власть как коррупционную или некомпетентную, опасаясь, что неиспользованный излишек будет растрачен или присвоен ее представителями, а не сохранен в интересах использования в будущем.⁵⁵

Эти опасения имеют под собой рациональную почву. Во многих странах власти действительно бездумно растрачивают непредвиденные государственные доходы. Таким образом, неэффективное использование неожиданных денежных поступлений превращается в самоисполняющееся пророчество: поскольку общественность убеждена в том, что любой излишек будет бездарно растрачен, власти вынуждены немедленно использовать

54. Humphreys and Sandbu 2007.

55. Alesina, Campante, and Tabellini 2008.

его на различные выплаты, даже в тех случаях, когда это неизбежно приводит к необоснованным тратам, что и предвидели граждане страны. В то же время разумное использование непредвиденных денежных поступлений, в случае обеспечения прозрачности принятия решений и действий, способно привести к созданию контура положительной обратной связи: в тех случаях, когда граждане уверены, что правительство страны будет разумно сберегать и инвестировать нежданно полученные средства, они могут терпеливо ожидать получения результирующих выгод.

Роль кредитных рынков

Основную часть ответственности за слишком быстрое расходование средств несет государство. Но не следует забывать и о той роли, которую играют кредитные рынки.

Как известно, когда в небе сияет солнце, банки с готовностью одолжат вам зонт, но при первых каплях дождя кредитные учреждения потребуют его обратно. Это изречение в ироничной форме описывает функционирование кредитных рынков: банкиры финансируют только таких клиентов, которые не могут пожаловаться на недостаток средств (даже если они менее всего нуждаются в деньгах), так как в данном случае существует высокая вероятность возврата долгов.

Аналогичная картина имеет место и на глобальном уровне тогда, когда заемщиком выступает государство: если его доходы идут вверх, в том же направлении движется и его способность получать деньги в долг. К сожалению, это означает, что государству проще осуществлять денежные заимствования в хорошие для экономики времена, и труднее — в плохие, что способствует проциклической налогово-бюджетной политике.⁵⁶

Обратная логика кредитных рынков усугубила экономические проблемы, с которыми столкнулись в 1980-х гг.

56. Cătao and Sutton 2002; Kaminsky, Reinhart, and Végh 2005.

многие нефтедобывающие страны. Взлет получаемых ими нефтяных доходов в 1970-х гг. означал и повышение кредитоспособности. Поскольку стоимость экспорта углеводородов быстро возрастала, международные банки не сомневались в способности этих государств обслуживать крупные кредиты и предлагали их на очень выгодных условиях. В 2008 г. в процессе исследования, проводившегося Ирфаном Нуруддином, обнаружилось, что в 1970–2000-е гг. чем больше нефти добывала та или иная страна, тем тяжелее было ее долговое бремя.

Иногда осуществляемые нефтедобывающими государствами заимствования являются полностью оправданными. Между днем открытия крупного месторождения и днем, когда извлекаемая на нем нефть начнет приносить государству огромные доходы, могут пройти годы и годы. Когда государство обращается за займом, обеспечиваемым добычей нефти в будущем, оно получает возможность обеспечить постепенное управляемое развитие экономики, а население страны — раньше воспользоваться выгодами нефтяного богатства. В самых бедных странах, испытывающих настоящую потребность в продовольствии, образовании и медицинских услугах, займы под будущие денежные поступления спасают человеческие жизни.

Однако государство не должно брать в долг больше, чем оно способно возратить кредиторам. Способность стран, в которых доходы государства во многом зависят от углеводородных денежных поступлений, расплачиваться по долгам в значительной степени определяется будущими ценами на нефть. В конце 1970-х гг. банкиры и государственные деятели были уверены, что условия, которые привели к рекордно высоким нефтяным ценам, будут сохраняться неопределенно долгое время, а значит доходы нефтедобывающих стран позволят им обслуживать крупные кредиты.

Произошедшее в 1980-е гг. обрушение цен на нефть привело к тому, что восемь ведущих экспортеров нефти — Мексика, Венесуэла, Нигерия, Габон, Республика

Конго, Тринидад, Алжир и Эквадор — лишились возможности обслуживать полученные в прошлом займы и были вынуждены обратиться за помощью к МВФ.⁵⁷ Получение доступа к дешевым кредитам открыло перед ними возможности увеличения государственных расходов в периоды высоких цен на нефть, используя кредиты, которые необходимо было отдавать в то время, когда цены на углеводороды резко снизились. Тем самым доступ к кредитам привел не к снижению волатильности экономик этих государств, а к повышению степени их изменчивости.

Теоретически демократия способна ограничить государственные заимствования, так как налогоплательщики могут быть в большей степени заинтересованы в долгосрочном финансовом здоровье страны, чем ее политические лидеры. Но в исследовании, проведенном И. Нуруддином, были получены прямо противоположные данные: демократические нефтедобывающие страны сталкиваются с гораздо более тяжелыми проблемами с задолженностью, чем недемократические поставщики углеводородов.⁵⁸ Снова и снова мы убеждаемся в том, что демократия полезна экономике в меньшей степени, чем мы могли бы надеяться.

При изучении нефти и экономического роста мы сталкиваемся с необходимостью преодоления самых разных заблуждений. Во многих книгах и статьях утверждается, что нефтяное богатство становится причиной ослабления государственных институтов, медленного экономического роста и снижения уровня человеческого развития. Впрочем, в большинстве своем эти исследования сосредоточены на анализе трудностей, возникших в 1970–1990-х гг., а их авторы пали жертвой некоторых распространенных ошибок.

57. После первого нефтяного шока в 1975 г. обеспокоенность резким ростом затрат на обслуживание долга выразила даже Индонезия, весьма осмотрительно управлявшая своими относительно скромными непредвиденными доходами (Bresnan 1993).

58. Nooruddin 2008.

Более тщательный анализ фактических данных позволяет предположить, что экономическое развитие нефтедобывающих государств происходит с точно такой же скоростью, что и во всех остальных странах. Это означает, что нефть не оказывает отрицательного воздействия на экономический рост. В то же время она не способствует его ускорению, как мы могли бы ожидать. Или, как справедливо замечает П. Коллиер, экономические трудности нефтедобывающих стран заключаются «по преимуществу в упущенных возможностях».⁵⁹

Одна из причин этого заключается в том, что во многих нефтедобывающих странах не созданы условия для участия женщин на рынке труда, следствием чего становится более быстрый рост численности населения. Еще одним препятствием становятся неудачи в осуществлении должной налогово-бюджетной политики, вызванные не только явной слабостью институтов в нефтедобывающих странах, но и очевидными трудностями, которые необходимо преодолеть для смягчения волатильности денежных поступлений от продажи нефти. Впрочем неудачи в осуществлении экономической политики обусловлены отнюдь не плохими или слабыми государственными институтами. Представляется, что в большинстве нефтедобывающих стран функционируют относительно нормальные институты. Проблема заключается в том, что они нуждаются в исключительно сильных институтах, способных справиться с управлением объемом и волатильностью денежных поступлений от продажи нефти.

59. Collier 2010, 44.

ГЛАВА 7

Нефть — хорошие и плохие известия

Между тем из всех тех дорогих и ненадежных проектов, которые приносят банкротство большинству людей, увлекающихся ими, нет, пожалуй, более разорительного и губительного, чем поиски новых серебряных и золотых рудников... Поэтому благоразумный законодатель, желающий увеличить капитал своей нации, меньше всего станет оказывать особое поощрение именно этому роду деятельности.

*Адам Смит, «Исследование о природе
и причинах богатства народов»*

ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ в этой книге результаты анализа фактических данных за примерно полувеку столетия позволяют выработать комплексную точку зрения на политику и экономику нефтяного богатства. Этот массив различных сведений едва ли годится для обоснования самых мрачных утверждений, содержащихся в литературе, посвященной ресурсному проклятию: о том, что извлечение нефти ведет к замедлению экономического роста страны, к ослаблению или снижению эффективности государственных институтов.¹ По некоторым направлениям, таким как сокращение детской смертности, типичное нефтедобывающее государство обгоняет своих, не располагающих запасами углеводородов, соседей.

Кроме того, в этой книге показывается, что с начала 1980-х гг. принадлежавшие развивающемуся миру

1. Как я уже упоминал, *теа supra*: и я выступал в поддержку такого рода заявлений в некоторых более ранних своих исследованиях.

нефтедобывающие государства страдают рядом политических недугов: по сравнению с аналогичными странами, не имевшими нефти, их правительства были менее демократическими и поддерживали более высокий уровень секретности; политическое влияние женщин было ограничено, а национальные экономики представляли им меньшее количество рабочих мест; и наконец, в нефтедобывающих государствах значительно чаще возникали конфликты с применением насилия. Нельзя не упомянуть и о том, что нефтедобывающие страны страдают еще одной экономической болезнью, признаки которой выражены менее явно. Темпы экономического роста в них примерно соответствуют аналогичным показателям государств, не располагающих запасами углеводородов, в то время как нефтедобывающие экономики должны были бы развиваться быстрее. Замедление роста обусловлено двумя факторами: неспособностью обеспечить расширение экономических возможностей для женщин, следствием чего становится необычайно быстрое увеличение численности населения; и несостоятельностью с точки зрения правильного управления объемом и изменчивостью нефтяных денежных поступлений, вызванной не столько специфической для этих стран слабостью государства, сколько высочайшей сложностью стоящей перед ним задачи.

Прежде чем задаться вопросом о возможности использования совокупности этих характеристик во благо нефтедобывающих стран, давайте сделаем шаг назад и рассмотрим некоторые из их наиболее общих последствий.

Геология и развитие

В течение столетий западные философы, включая Никколо Макиавелли, барона Монтескье, Адама Смита и Джона Стюарта Милля, обосновывали положение о том, что нация в значительной степени формируется географией занимаемых ею территорий. Согласно

утверждениям многих из них, благоприятные географические условия влекут за собой отрицательные последствия. По словам французского философа XVI столетия Жана Бодена:

Живущие на тучных плодородных землях мужчины в большинстве своем женоподобны и трусливы; и наоборот, жизнь на бесплодных территориях делает людей по необходимости умеренными, вследствие чего их отличает воздержанность, бдительность и трудолюбие.²

В последние годы социологи и обществоведы вновь проявляют немалый интерес к воздействию специфических географических характеристик (местоположение на континентах, близость к экватору, наличие возбудителей инфекций, доступ к морю и близость к крупным рынкам) на экономическое развитие различных стран.³

В этой книге показывается, что такая географическая характеристика, как углеводородные запасы страны, способна оказывать заметное влияние на ее социальную, экономическую и политическую эволюцию. По сравнению со своими соседями, страны, обладающие крупными запасами нефти, в большинстве случаев имеют более многочисленные и лучше обеспеченные ресурсами органы государственной власти. Следовательно, они располагают большими возможностями для борьбы с бедностью и инвестиций в развитие. При правильном использовании доходов от продажи нефти экономика этих государств должна расти более высокими темпами, способствуя быстрому повышению общественного благосостояния.

Впрочем, не следует забывать, что следствием добычи нефти становится и более высокая степень волатиль-

2. Bodin [1606] 1967.

3. См.: Crosby 1986; Diamond 1997; Landes 1998; Sachs and Malaney 2002; Acemoglu, Johnson, and Robinson 2001; Sachs and Warner 1997; Fujita, Krugman and Venables 2001.

ности национальных экономик, что ставит перед государством сложную задачу управления доходами, ведет к искажению рынка труда в пользу мужчин и ограничению возможностей женщин, вследствие чего происходит быстрый рост численности населения, а также к созданию условий для сохранения политиками однажды полученной ими власти в течение длительного времени. Если месторождения нефти или природного газа, открытые в странах с низкими и средними доходами, находятся на территории проживания маргинализованного населения, воспринимающего себя как ущемленную или обделенную группу, добыча углеводородов ведет к увеличению степени опасности возникновения конфликтов с применением насилия.

Возможно, все вышесказанное звучит как географический детерминизм, но это не так. География способна немало поведать нам о возможностях и препятствиях, с которыми сталкиваются богатые углеводородами страны. Однако она почти ничего не говорит о том, насколько адекватными возникающим ситуациям окажутся действия их правительств. Ответ государства имеет решающее значение. Власти страны ничего не могут поделать с ее местоположением, доступом к морю или уровнем благосостояния населения в соседних государствах. Но это они решают, будет ли осуществляться бурение скважин, какой объем нефти будет извлекаться из земли и как будут использоваться доходы от продажи углеводородов.

Нефть приносит различные доходы

Политическая экономия как наука основывается на осознании того, что политика государства в значительной степени формируется под влиянием его экономики. Например, в соответствии с научными данными, увеличение дохода страны в расчете на душу населения ока-

зывает положительное воздействие на практически все измерения ее политической сферы, включая подотчетность и эффективность государственной власти, расширение гражданских прав женщин и случаи проявления насилия по политическим мотивам.⁴

Обществоведы довольно редко проводят различия между типами доходов, исходя из допущения, что все они оказывают одни и те же полезные эффекты. Но, как я продемонстрировал в этой книге, источник доходов государства играет решающую роль: если доходы, продуцируемые в промышленности, сфере услуг и сельском хозяйстве, оказывают значительные полезные эффекты, то извлечение доходов из продажи находящихся в государственной собственности активов, влечет за собой совсем другие политические последствия.

Впрочем, используя эту аргументацию, мы можем зайти слишком далеко. В отличие от Терри Линн Карл и Майкла Шафера, я не уверен, что каждая сфера экономики оставляет отличный от других политический след — по крайней мере, приводимые ими фактические свидетельства меня совсем не убеждают.⁵ Мое утверждение является более узким: имеется значительное различие между доходами, продуцируемыми в углеводородном секторе, когда в государственную казну поступает крупный, малопрозрачный и волатильный поток денежной выручки, и доходами, порождаемыми большинством других источников (одной из черт частного сектора является их огромное разнообразие).⁶

4. La Porta et al. 1999; Adsera, Boix, and Payne 2003; Lipset 1959; Londregan and Poole 1996; Epstein et al. 2006; Inkeles and Smith 1974; Ingelhart and Norris 2003; Fearon and Laitin 2003; Hegre and Sambanis 2006.

5. Karl 1997; Shafer 1995.

6. Вероятно, аналогичные эффекты оказывают и другие типы неналоговых денежных поступлений (такие как иностранная помощь), особенно в тех случаях, когда по размерам, секретности и нестабильности они сопоставимы с углеводородными доходами. См.: Brautigam, Fjelstad, and Moore 2008; Morrison 2009.

Различие между нефтяными и не-нефтяными доходами влечет за собой два интересных следствия. Одно из них мы можем рассматривать как хорошие известия: в исследованиях, авторы которых не проводят различия между нефтяными и не-нефтяными доходами, недооцениваются политические выгоды вторых. Если *совокупные* доходы страны являются нейтральными с точки зрения их воздействия на политику, в то время как нефтяные доходы оказывают отрицательное воздействие, было бы логично предположить, что не-нефтяные доходы сопровождаются благоприятным эффектом. Последний не слишком заметен, так как его «маскируют» отрицательные воздействия нефти.

Например, далеко не все политологи согласны с положением, в соответствии с которым, чем более богатой является страна, тем выше вероятность ее перехода от авторитаризма к демократии. Согласно принципиально важному исследованию, проведенному в 2000 г. Адамом Пшеворским, Майклом Альваресом, Хосе Чейбубом и Фернандо Лимонги, более высокие доходы никак не влияют на вероятность такого перехода; они имеют значение лишь с точки зрения вероятности того, что демократическая страна останется демократией.⁷ Однако в данном случае исследователи не проводили различия между нефтяными и не-нефтяными доходами. Следовательно, антидемократические эффекты нефтяных доходов могут маскироваться продемократическими эффектами доходов, полученных из любых других источников.⁸

7. Przeworski et al. 2000.

8. Справедливости ради отметим следующее. В отчете об исследовании признается возможность того, что нефть не способствует демократии, так как авторы исключают из рассматриваемого набора данных семь, обладающих значительными запасами углеводородов, ближневосточных стран. Впрочем, в нем остаются достаточно много других нефтедобывающих государств, таких как Алжир, Ангола, Габон, Нигерия, Мексика, Венесуэла, Тринидад, Иран, Ирак, Индонезия, Малайзия и СССР, неф-

Читатели, наделенные статистическим стилем мышления, могли заметить этот маскировочный эффект в рассматривавшейся нами в приложении 3.1 логит-регрессии (см. табл. 3.7): первоначально оказывается, что совокупный доход страны (*доход (лог.)*), в полном согласии с аргументацией А. Пшеворского и его коллег, не коррелирует с вероятностью демократического перехода в ней (первый столбец); однако в том случае, когда мы контролируем антидемократические эффекты нефтяного дохода (второй столбец), выясняется, что переменная (*доход (лог.)*) оказывает сильные демократические воздействия. Схожим образом, изменения в совокупном доходе вообще не влияют или имеют незначительные эффекты в отношении участия женщин в составе рабочей силы (см. табл. 4.5, первый столбец); однако после того, как мы принимаем во внимание отрицательные эффекты нефтяного дохода (второй столбец), обнаруживается, что (*доход (лог.)*) оказывает существенное и статистически значимое воздействие на женский труд вне дома. В главе 5 мы приходим к выводу, что в том случае, когда мы контролируем эффекты нефтяных доходов, способствующих возникновению конфликтов, ограничительное воздействие на них высоких доходов является более мощным, чем первоначально представлялось (см. табл. 5.4, первый и второй столбцы).

Как представляется, плохие известия о нефтяных доходах одновременно являются хорошими новостями о доходах из других источников, таких как обрабатывающая промышленность, услуги и сельское хозяйство. Вероятно, ученые недооценивают их политически благоприятные качества.

Второе следствие — это плохое известие: «голландская болезнь» наносит экономике больший ущерб,

тяное богатство которых не контролируется. Важную критику работы А. Пшеворского и его коллег см. в: Boix and Stokes 2003; Epstein et al. 2006.

чем представлялось многим наблюдателям. Несмотря на предупреждающее название, многие экономисты придерживаются мнения, что в самой по себе «голландской болезни» нет ничего опасного.⁹ Они признают способность нефтяного богатства страны приводить к вытеснению со сцены компаний обрабатывающей промышленности и сельскохозяйственных предприятий. Но это не подразумевает, что лишенная нефти экономика будет продуцировать более высокие доходы. Имеется в виду лишь то, что открытие нефтяных месторождений может принести меньшие, по сравнению с наивно ожидавшимся нами уровнем, доходы, так как выгоды от продажи нефти будут частично компенсироваться снижением конкурентоспособности других «торгуемых» товаров.

В действительности «голландская болезнь» принимает легкую форму только тогда, когда получение доходов от продажи нефти сопровождается теми же самыми внешними эффектами, которые ассоциировались с вытесняемыми доходами от обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства. Кому-то это покажется невероятным, но в то время, как более высокие нефтяные доходы влекут за собой совершенствование политики государства, нефтяные доходы сопровождаются более низким уровнем развития демократии, меньшим уровнем гендерного равенства, большим количеством конфликтов и повышенной волатильностью.

Открытие месторождений нефти может способствовать улучшению положения страны и другими способами, например, благодаря увеличению запаса общественных благ. Многие ближневосточные страны использовали свое нефтяное богатство для того, чтобы быстро добиться прогресса в здравоохранении и образовании. И все же, сокращение обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства является гораздо более опасным следствием добычи углеводородов,

9. Krugman 1987; Matsen and Torvik 2005.

чем это представляется большинству ученых, особенно с точки зрения политики государства. «Голландская болезнь» способна перерасти в опасное заболевание.¹⁰

Нефтяное проклятие как новое явление

Обществоведам и социологам хотелось бы верить, что они заняты поиском истин о мире, способных преодолевать пространство и время. При этом наши реальные достижения являются более чем скромными: как правило, мы даже не знаем, будут ли наблюдаемые в данном месте в данное время закономерности справедливы в других местах и в другое время.

Проводившиеся в прошлом исследования позволяют предположить существование ресурсного проклятия в течение многих столетий — от Испании XVI в. до Венесуэлы XX столетия.¹¹ Наличие общих черт между современным нефтяным проклятием и ресурсными недомоганиями прошлого (таких как катастрофические действия перуанского правительства в XIX в. в период бума спроса на гуано, обсуждавшиеся в главе 6) не вызывает сомнений. Но, как глобальный феномен, политические недуги, вызванные добычей нефти и природного газа, как представляется, носили ограниченный пространственный (определенной группой стран) и временной (в период после 1980 г.) характер. До начала 1980-х гг. глобальные ассоциации между нефтяным богатством и либо более низким уровнем развития демо-

10. Во многом схожую точку зрения высказывает в своей известной работе Пол Кругман: если добывающая промышленность, в отличие от обрабатывающей, не продуцирует положительных экономических экстерналий (в форме обучения в процессе труда), то «голландская болезнь» может оказывать долгосрочные отрицательные воздействия на общественное благосостояние (Krugman 1987).

11. Karl 1997.

кратии, меньшим участием женщин в составе рабочей сила, либо более частыми мятежами, практически отсутствовали или устанавливались очень редко. К тому же нефтедобывающие страны демонстрировали впечатляющий экономический рост.

Впрочем, у нас нет оснований для романтизации нефтедобывающего мира 1940–1960-х гг., когда горстка международных компаний полностью контролировала глобальные поставки углеводородов, присваивая большую часть прибылей. Развивающиеся страны, осуществлявшие поставки нефти, практически не имели возможности определять направления ее использования и получали лишь часть ренты. По иронии судьбы, относительно небольшие и стабильные нефтяные денежные поступления облегчали государственное управление доходами.

Современные проблемы богатых нефтью развивающихся стран коренятся в трансформациях 1960–1970-х гг. Имеются в виду установление принимающими государствами контроля над национальной нефтяной и газовой промышленностью, взлет цен на нефть и крах Бреттон-Вудской валютной системы. Все эти события привели к тому, что в нефтедобывающих странах государство стало крупнее и богаче, чем когда-либо в прошлом; авторитарные властители получили возможность успешно противостоять процессам демократизации, волна которой прокатилась по всему остальному миру в 1980–1990 гг.; перед мужчинами открылся гораздо более широкий круг возможностей, чем перед женщинами; и наконец, в странах с низкими доходами взялись за оружие группы мятежников, формировавшиеся из числа ограниченных в правах жителей нефтедобывающих регионов. Национализация привела к разрушению созданного международными нефтяными компаниями механизма стабилизации цен, что означало наступление новой эры ценовой волатильности, характеризующейся непредсказуемыми взлетами и падениями государственных доходов.

Возникновение нефтяного проклятия в 1980-х гг. помогает объяснить, почему наиболее резко против самой идеи ресурсного проклятия выступают историки, изучавшие экономическое развитие, базировавшееся на использовании нефти и других полезных ископаемых, в предшествовавшие эпохи.¹² Оно также соответствует результатам важного нового исследования пяти богатых углеводородами новых государств — бывших республик СССР (России, Азербайджана, Казахстана, Туркменистана и Узбекистана), проведенного Полин Джонс Луонг и Эрикой Вайнталь. Ученые обнаружили, что в тех случаях, когда доминирующее положение в нефтяной промышленности принадлежит госкомпаниям, углеводородное богатство ведет к ослаблению государственных институтов. Если же главную роль в отрасли играют компании частного сектора (особенно иностранные инвесторы), государство, вероятно, должно позаботиться об усилении фискальных институтов, включая создание более широкой налоговой системы, а также повышение транспарентности и стабилизацию бюджета.¹³ К сожалению, начиная с 1970-х гг. в подавляющем большинстве нефтедобывающих стран главную роль в отрасли играет государство. Оно и несет значительную часть ответственности за нефтяное проклятие, которое я описывал в предшествовавших главах книги.

Если государственная собственность — часть болезни, не является ли частью курса ее лечения приватизация? К сожалению, последствия применения некоторых медицинских препаратов оказываются куда более вредными для здоровья, чем сами болезни. Ниже я объясняю, почему полная приватизация, скорее всего, не позволит излечить недуги, которыми страдают большинство нефтедобывающих стран развивающегося мира.

12. Wright and Czelusta 2004; Haber and Menaldo 2009.

13. Jones Luong and Weinthal 2010.

Различия между нефтедобывающими странами

Нефтяное богатство отнюдь не одинаково влияет на разные страны.¹⁴ В этой книге делается особый акцент на различиях между нефтедобывающими странами и государствами, не имеющими запасов углеводородов. В то же время в ней показывается, что нефтедобывающие страны различных типов подвержены разным недугам и болезням.

Если месторождения нефти были открыты в авторитарных странах, углеводороды способствуют сохранению этого политического режима, поскольку власти имеют возможность утаивать сведения об истинных размерах и направлениях использования доходов государства от продажи нефти. Данное правило распространяется на все регионы за исключением Латинской Америки. В Западном полушарии углеводородное богатство никак не влияет на сохранение власти авторитарными режимами, хотя причины этого остаются неясными. По мнению Т. Данинга, это может объясняться присущими Латинской Америке очень высокими показателями неравенства.¹⁵ Сторонники альтернативной точки зрения утверждают, что наличие опыта демократии в прошлом и сильных профсоюзов не позволяет властям ограничить распространение информации о доходах от продажи нефти.

Последствия открытия месторождений углеводородов в демократических странах в значительной степени

14. Данное утверждение едва ли можно назвать новым. Во многих важных исследованиях было показано, что «политика нефтяного богатства проходит сквозь фильтр местных политических реалий и формируется под воздействием исторического наследия» (Smith 2007, 7). Данное обстоятельство во многом и определяет восприимчивость различных стран к ресурсному проклятию. См., например: Yates 1996; Vandewalle 1998; Peluso and Watts 2001; Smith 2007; Omeje 2006; Lowi 2009.

15. Dunning 2008.

зависят от существовавших в них ограничениях для исполнительной власти. В странах с низкими и средними доходами, таких как Россия, Ирак или Венесуэла, в которых исполнительная власть занимает доминирующие позиции, сильный правитель способен демонтировать ограничительную систему сдержек и противовесов, следствием чего становится эрозия демократических институтов. В богатых странах с давними традициями демократии, увеличение нефтяных доходов может способствовать переизбранию действующих руководителей (как в США), но без угрозы для долгосрочного здоровья демократических институтов.

Углеводороды приводят к ограничению экономических и политических прав женщин в странах, в которых они лишены возможности легко получить работу в сфере услуг и государственном секторе (в богатых нефтью государствах в этих сегментах создается большая часть новых рабочих мест). К сожалению, данное условие повсеместно распространено на Ближнем Востоке и в североафриканских странах. Иммунитетом от подобного воздействия нефтяного богатства обладают страны, в которых женщинам открыт вход в растущие сферы услуг и государственный сектор или их правительства используют другие способы вовлечения женщин в состав рабочей силы (например, Мексика, Сирия и Норвегия). До тех пор пока женщины обладают достаточным политическим влиянием, необходимым для устранения барьеров на пути их участия в рабочей силе, избежать такого рода проблем позволяет установление значимых гендерных квот для выборных должностей.¹⁶

Добыча нефти и природного газа может приводить к возникновению конфликтов, связанных с насилием. Однако для этого необходимо наличие определенных условий. К ним относятся относительная бедность страны, добыча, по крайней мере, части нефти или ее переработка в регионе, население которого ущемлено в тех

16. Kang 2009.

или иных правах, или в нем действуют уголовные банды, или наличие у мятежников возможности продавать права на добычу нефти, месторождения которой они собираются захватить, в будущем (эффект трофейных фьючерсов). В то же время нефть способна оказывать противоположное, ограничивающее конфликты, воздействие. Углеводороды дают лишь первоначальный толчок к возникновению конфликта. Поэтому в том случае, когда объем нефтяных запасов позволяет «вытащить» страну из бедности, происходит снижение риска возникновения в ней гражданской войны. Наибольшей опасности подвергаются те страны с низкими доходами, в которых разведанные месторождения углеводородов делают мятеж финансово привлекательным, но их недостаточно для того, чтобы сделать в равной степени привлекательной мирную гражданскую жизнь.

Различается и воздействие нефти на экономический рост. Поскольку экономики всех нефтедобывающих стран связаны с ценами на нефть, то государства, в большей степени зависящие от экспорта углеводородов будут более зависимыми от мировых цен, а подъемы и спады в их экономике будут четко выражены. Представляется, что долгосрочный экономический успех богатых нефтью стран отчасти зависит от их способности вовлечения женщин в состав рабочей силы, что позволяет добиться сокращения норм рождаемости и спроса на труд мигрантов, а значит и замедления темпов роста численности населения; отчасти он определяется способностью органов власти осуществлять антициклическую политику, направленную на смягчение подъемов и спадов в национальной экономике. Два наиболее экономически успешных за последние 50 лет нефтедобывающих государства — Оман и Малайзия — интересны, в том числе, и тем, что в период резкого падения цен на углеводороды в 1980–1990-е гг. они осуществляли наиболее успешную антициклическую политику. К сожалению, другие страны едва ли способны легко и просто воспроизвести эти стратегии, так как для

того, чтобы смягчить последствия ценового коллапса, Оман и Малайзия резко увеличили добычу углеводородов. Данная стратегия может использоваться только относительно мелкими странами — поставщиками нефти, располагающими неиспользуемыми запасами и не входящими в ОПЕК.

Для того чтобы создать предпосылки для перехода к устойчивому росту могут использоваться и другие, получившее широкое распространение инструменты антициклической политики, такие как досрочная выплата задолженности, создание стабилизационных фондов и поощрение развития других отраслей экономики, помимо добычи нефти и природного газа.

Условием эффективного применения антициклических мер является отказ политиков от получения краткосрочных выгод увеличения текущих расходов в пользу тех, которые будут способствовать долгосрочному устойчивому росту. Проблема выбора облегчается в тех случаях, когда действующие высшие должностные лица уверены в том, что они сами или их партии будут оставаться у власти длительное время, достаточное для того, чтобы извлечь прибыль из будущих выгод; когда власть в значительной степени ограничена системой сдержек и противовесов; когда граждане страны хорошо информированы и доверяют своему правительству; и когда они не разделены на конкурирующие группы, стремящиеся ограничить доступ соперников к будущим выгодам.

В некотором смысле все сказанное выше не может не вдохновлять: нефтяное богатство способно причинить вред только при определенных условиях; при этом часть из них носит ограничительный характер. Одновременно нельзя не испытать разочарования, ведь мы сталкиваемся с феноменом, который был охарактеризован в главе 1 как «ирония нефтяного богатства»: более всего подвержены нефтяному проклятию страны, страдающие от различных социальных и экономических недостатков — низких доходов, ущемленных в тех

или иных правах меньшинств, ограниченных возможностей для женщин и относительно хрупких институтов. Там, где нефтяное богатство необходимо более всего, оно с наименьшей вероятностью придет на помощь. К сожалению, с этой досадной дилеммой сталкиваются большинство государств, находящихся на передовой углеводородного фронта, в том числе страны Африки, Каспийского бассейна и Юго-Восточной Азии, которые планируют или недавно начали добычу нефти и природного газа.

Особенности ближневосточных стран

Во многих случаях политологи, которые берутся за проведение обширных межстрановых исследований, избегают включать в них ближневосточные государства. Во многих важнейших публикациях, посвященных политическому развитию, рассматриваются все регионы мира, за исключением Ближнего Востока.¹⁷ Вероятно, это отражает убежденность ученых в том, что мусульманский Ближний Восток — *sui generis* регион, движущийся по уникальному историческому пути и несравнимый с остальным миром. Безусловно, многое из того, что мы знаем о Ближнем Востоке, является единственным в своем роде. Но исключая этот, не похожий на другие, регион из рассмотрения, социологи и обществоведы утрачивают возможность извлечь более общие уроки на тему воздействия богатства природными ресурсами на политику, экономику и социальную структуру государства.

Как представляется, Ближний Восток бросает вызов двум глобальным тенденциям: он разбогател в отсут-

17. См., например: O'Donnell, Schmitter, and Whitehead 1986; Diamond, Linz, and Lipset 1988; Przeworski et al. 2000; Acemoglu and Robinson 2001, 2002.

ствие и демократии, и сколько-нибудь заметного прогресса с точки зрения движения к гендерному равенству. По мнению многих наблюдателей, «ответственность» и за первое, и за второе несут исламские традиции региона.¹⁸

Действительно ли ислам объясняет ближневосточную аномалию? Благодаря странной географической причуде, мы имеем дело с довольно сложной задачей проведения разграничительной линии между эффектами ислама и нефти: огромная часть мировых запасов углеводородов сосредоточена в странах, в которых мусульманское население составляет подавляющее большинство или значительную часть. Это не только Ближний Восток и Северная Африка, но и африканские страны к югу от Сахары (Нигерия, Судан и Чад), государства Юго-Восточной Азии (Индонезия, Малайзия и Бруней) и Каспийского бассейна (Азербайджан, Казахстан и Туркменистан). Конечно же, некоторые мусульманские страны обладают незначительными запасами нефти или вообще не имеют месторождений углеводородов (Сомали, Турция и Афганистан), а другие государства располагают огромными месторождениями углеводородов, в то время как количество исповедующего ислам населения в них невелико (например, Ангола, Венесуэла или Норвегия). Известно, что в 2008 г. на долю стран с преимущественно мусульманским населением (примерно 23% от общего количества суверенных государств) пришлось около 51% мирового экспорта нефти и 62% запасов углеводородов. Поскольку доля запасов нефти превышает долю ее текущего экспорта, очевидно, что в ближайшие десятилетия роль стран с преимущественно мусульманским населением на мировом рынке еще более возрастет.

Недостаток демократии и гендерных прав в странах Ближнего Востока в значительной части может объясняться их нефтяным богатством. Для того чтобы оценить роль нефти, мы можем проанализировать

18. См., например: Midlarsky 1998; Fish 2002; Donno and Russett 2004.

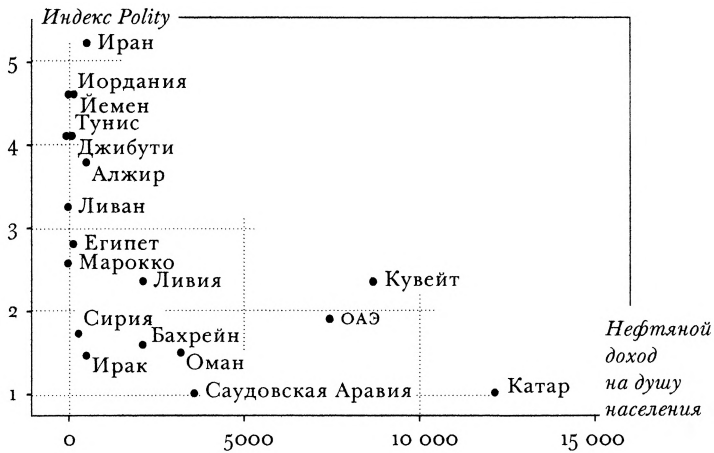

РИС. 7.1. Нефть и демократия на Ближнем Востоке в 1993–2002 гг.

Уровень демократического развития страны определяется в соответствии с ее средней оценкой по индексу Polity, преобразованной по шкале от 1 до 10. Более высокие оценки указывают на более высокий уровень развития демократии.

Источник: Рассчитано по данным из книги М. Маршалла и К. Джаггерса (Marshall and Jaggers 2007).

различия между мусульманскими странами региона. Несмотря на всю близость друг к другу этих 17 стран, нельзя не отметить и значительные отличия между ними с точки зрения демократической подотчетности и гендерных прав. Поскольку во всех государствах региона преобладает мусульманское население, эти отличия не могут объясняться только исламским фактором.

Ближневосточные страны располагают различными запасами нефти. При этом их нефтяное богатство тесно коррелирует с демократической подотчетностью и гендерными правами. На рис. 7.1 и рис. 7.2 сравниваются средние значения оценок уровня демократии и гендерных прав в странах региона за десятилетний пери-

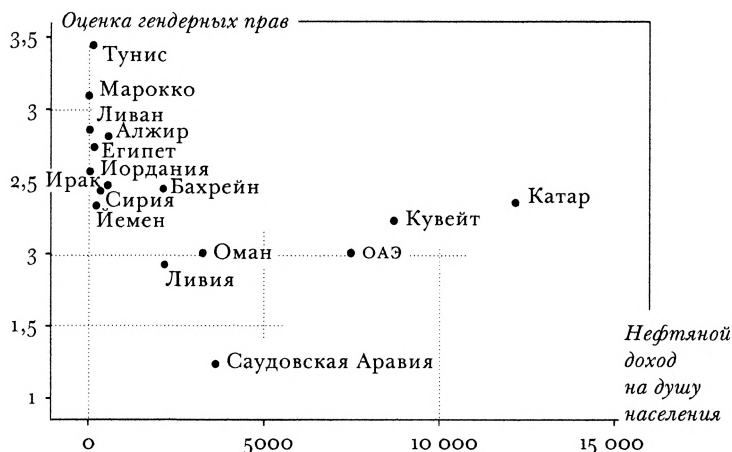

РИС. 7.2. Нефть и гендерные права на Ближнем Востоке в 2004 г.

Оценка гендерных прав представляет собой сочетание пяти ординальных показателей прав женщин, включая «отсутствие дискриминации и возможность обращения с судебным иском», «автономия, безопасность и свобода», «экономические права и равные возможности», «политические и гражданские права» и «социальные и культурные права». Каждая страна получает оценку по ординальной шкале от 1 до 5 по каждому из названных выше показателей; более высокие оценки означают более широкие права женщин. При исчислении индекса учитываются средние оценки каждой страны по всем пяти показателям.

Источник: Сгруппировано по данным из книги С. Назир и Л. Томпперт (Nazir and Tomppert 2005).

од.¹⁹ В общем, в странах с меньшими запасами нефти и природного газа граждане пользуются большими демократическими свободами и гендерными правами по срав-

19. Используются показатели демократического развития, содержащиеся в базе данных Polity; индекс гендерных прав разработан Саминой Назир и Ли Томпперт (Nazir and Tomppert 2005).

нению с государствами, располагающими значительными запасами углеводородов, но ограничивающими демократические свободы и права женщин. Перспективы расширения демократии в Египте и Тунисе (страны, обладающие наименьшими запасами нефти в регионе) делают эти тенденции более четко выраженными.

На Ближнем Востоке и в Северной Африке находятся менее половины из 39 стран мира, в которых преобладает мусульманское население. Но, как представляется, нефть оказывает замедляющее воздействие на развитие демократии во всем мусульманском мире. Согласно последним классификациям, демократиями являются, по меньшей мере, семь государств, население которых в большинстве своем исповедует ислам: Турция, Мали, Сенегал, Бангладеш, Союз Коморских Островов и Индонезия. Первые пять из них не располагают запасами нефти или добывают ее в незначительных объемах. Относительно крупные месторождения углеводородов имеются лишь в Индонезии, но во время перехода страны к демократии в 1998 г. она получала незначительные доходы от продажи нефти — около \$69 в расчете на душу населения.

Обращение к доходам от продажи углеводородов помогает объяснить причины того, почему Ближний Восток столь не похож на остальной мир. Это отнюдь не означает, что исламские традиции не имеют значения. Даже с учетом нефтяных доходов страны с преобладающим мусульманским населением остаются менее демократичными по сравнению со схожими немусульманскими странами; к тому же они предоставляют женщинам значительно более ограниченные возможности.²⁰ До тех пор пока мы не примем во внимание, что основой экономики многих мусульманских стран Ближнего Востока и остального мира является добыча и продажа нефти (в свою очередь, базирующиеся на мировой потребности в природных ресурсах этих стран), мы будем переоценивать влияние ислама на проводимую ими политику.

20. См. приложения 3.1 и 4.1.

Это отнюдь не означает, что демократические движения в ближневосточных государствах заранее обречены на провал. Однако не следует и недооценивать трудности, которые им предстоит преодолеть. Страна с крупными запасами нефти, таким как Ливия, Бахрейн, Оман, Алжир или Ирак, никогда не удавалось успешно перейти от авторитарного правления к демократическому. В некоторых из них, по крайней мере, предпринимались попытки изменения режима правления: в 1960-х гг. в результате военных переворотов были упразднены монархии в Ираке и Ливии, а в 1979 г. иранская революция привела к бегству из страны шаха Мохаммеда Реза Пехлеви. Но во всех этих случаях об установлении демократии не было и речи. Нефтяные доллары способствовали усилению власти ближневосточных автократов и одновременно ослабляли организации гражданского общества и частный сектор. Но, как нам известно из изучения примеров других демократических переходов (в Индонезии, Мексике и Центральной Европе), и первая, и вторая группы играют решающую роль в успехе преобразований.

Исключением из общего правила все еще может стать Ирак: в стране действуют политические партии, пресса пользуется достаточной свободой, и проходят выборы. Однако парламенту Ирака после продолжавшейся четыре года дискуссии так и не удалось принять новый закон о нефти. Сегодня эта проблема является более важной, чем даже постоянно изменяющийся и все еще ждущий ответа вопрос о курдской автономии. Премьер-министру Ирака Нури Аль-Малики удалось сохранить свой пост, несмотря на поражение его партии на выборах в марте 2010 г., и продолжить централизацию государственной власти. В демократических движениях в странах Ближнего Востока участвуют отважные мужчины и женщины; им понадобится немало мужества и находчивости, чтобы преодолеть трудности, источником которых является нефтяное богатство.

Что делать?

Нефтяное проклятие в значительной степени обусловлено необычными свойствами денежных поступлений от продажи углеводородов. Если к началу добычи нефти страна не обладала достаточным богатством и сильными институтами (такими как, например, в Канаде или Норвегии), она неизбежно столкнется с трудными политическими и экономическими проблемами. К счастью, нам известно, что может быть сделано для изменения этих свойств нефтяных доходов — от ограничения объема денежных поступлений, повышения степени их устойчивости и транспарентности до изменения источника. Наиболее важные реформы могут быть проведены только правительством страны, получающей крупные нефтяные доходы. В то же время важнейшие роли в процессе преобразований могут сыграть и международные акторы, такие как правительства зарубежных стран, энергетические компании, международные институты и неправительственные организации.

Реформа государственных доходов предполагает, что разные страны должны будут выработать свои собственные политики осуществления преобразований. Некоторые инструменты эффективны только в определенных условиях и бесполезны в других обстоятельствах. Поэтому я предлагаю не универсальное решение всех проблем, а комплексный набор способов, используя которые нефтедобывающие страны получают возможность изменить объемы, устойчивость, уровень секретности и даже источник своих нефтяных доходов. Некоторые из них пользуются популярностью в течение вот уже многих лет, а другие — совсем новые и пока не прошли должной проверки. Ни один из способов не является панацеей. Но подбор правильных их сочетаний и приспособление к местным условиям помогут различным странам находить более эффективные направления использования природных богатств.

Помимо минимизации отрицательных политических последствий добычи природных ресурсов, страна должна попытаться максимизировать положительные экономические последствия этой деятельности. Данная проблема подвергается пристальному анализу в недавних выдающихся произведениях П. Коллиера, а также М. Хамфриса, Дж. Сакса и Дж. Стиглица. Содержащиеся в трудах этих ученых предложения и наше последующее обсуждение вопроса позволяют создать подробную карту трудных проблем, с которыми сталкиваются нефтедобывающие государства, а также открывающихся перед ними возможностей.²¹

Сокращение размера доходов от продажи углеводородов

Крупные денежные поступления от продажи нефти помогают автократам оставаться у власти, поощряют мятежи и во многих случаях безрассудно растрачиваются непомерно разросшейся бюрократией. Поэтому первым делом реформаторам необходимо задуматься над тем, нельзя ли сократить размер нефтяных доходов? Они могут решить эту задачу, по крайней мере, четырьмя способами. Первые два из них наиболее подходят странам с низкими доходами и слабыми бюрократиями, а последние два, скорее всего, окажутся действенными в странах со средними и высокими доходами и развитыми бюрократическими системами.

Прежде всего, страны с низкими доходами могут просто оставить нефть там, где она и находилась испокон веков — под землей. Или замедлить темпы ее добычи так, чтобы денежные поступления не превосходили способности властей эффективно расходовать доходы, или возможности гражданского общества отслеживать

21. Collier 2010; Humphreys, Sachs, and Stiglitz 2007.

различные виды деятельности своего быстро увеличивающегося в размерах государства.

Поскольку богатство полезными ископаемыми представляет собой невозобновляемый актив, добыча тех или иных ресурсов продуцирует единовременный приток непредвиденных денежных поступлений. В случае разумного инвестирования полученных средств, государство получает возможность обеспечить повышение уровня жизни будущих поколений. Бездумные же траты означают безвозвратную потерю. Остающиеся под землей запасы подобны хранящимся в банке сбережениям; они даже приносят «процент», поскольку со временем, по мере истощения мировых запасов углеводородов, стоимость нефти возрастает.²²

Впрочем, по общему признанию, отсрочка в получении денежных средств сопровождается высокими альтернативными издержками, особенно в странах с низкими доходами, жители которых испытывают настоятельную нужду в пище, медицинских услугах и образовании. Как подчеркивает П. Коллиер, в беднейших странах мира, в которых проживает «отстающий миллиард» населения Земли, добыча природных ресурсов открывает исторически уникальную возможность перехода к быстрому экономическому росту; неспособность этих государств использовать природные активы означает, что они «упускают единственную важнейшую возможность экономического развития».²³

Мы вновь сталкиваемся с иронией нефтяного богатства: чем сильнее бедная страна с неразвитой экономикой нуждается в дополнительных доходах, тем более вероятно, что ее нефтяное богатство будет использоваться не по назначению или растрачиваться. В странах с низкими доходами риски, создаваемые добычей нефти,

22. Как подчеркивает Гарольд Хотеллинг, стоимость неразрабатываемых ископаемых активов должна увеличиваться на ту же самую величину, что и рыночная ставка процента (Hotelling 1931).

23. Collier 2007; 2010, 37.

весьма высоки. Но не менее высоки в них и издержки ее «подземного хранения». Ограничение темпов добычи поможет ограничить опасность «наложения» нефтяного проклятия. Но это должно быть не простое и легкое, а тщательно продуманное решение.

Второй подход основывается на использовании бартерных контрактов. Вместо того чтобы продавать нефть за деньги, страны с низкими доходами имеют возможность непосредственно обменивать ее на общественные блага, которые они с высокой степенью вероятности приобретали бы за нефтедоллары. Это положение может показаться слишком оригинальным, но некоторые страны, включая Анголу, Нигерию, Замбию и Зимбабве уже продают права на добычу нефти и других полезных ископаемых китайскому консорциуму, используя бартерные сделки. Вместо роялти и налогов эти государства получили обещания о том, что их партнер будет инвестировать немалые средства в развитие инфраструктуры и сферы услуг.

В соответствии с общепринятой практикой нефтяные компании в течение многих лет создавали в принимающих странах вспомогательные объекты (жилье для рабочих, автомобильные и железные дороги и даже порты), необходимые для осуществления добычи углеводородов. Бартерные контракты означают еще один шаг вперед, поскольку принимающие государства будут получать от компаний плату за принадлежащие им природные ресурсы не столько деньгами, сколько *не связанными* с добычей ископаемых и углеводородов проектами и услугами. В 2006 г. Нигерия заключила с китайскими компаниями контракты, согласно которым, в обмен на предоставление права на ведение морской геологической разведки на четырех участках она должна была получить инвестиции в размере \$4 млрд, включая строительство новой гидроэлектростанции, реконструкцию давно устаревшей железной дороги и разработку программ по борьбе с малярией и птичьим гриппом. Бартерные нефтяные контракты Анголы предусматривали

строительство новых автомобильных и железных дорог, мостов, школ, больниц и оптоволоконной сети.²⁴ Пионерами бартерных контрактов с африканскими странами стали китайские компании, вслед за которыми аналогичные сделки начали заключать фирмы из Индии, Малайзии и Южной Кореи.²⁵

Экономисты весьма скептически относятся к контрактам, предусматривающим осуществление процесса, который обычно называют «увязкой» или «пакетированием», когда одна транзакция (приобретение прав на геологическую разведку или добычу полезных ископаемых) увязывается со второй сделкой (строительство дорог и мостов). В некоторых случаях компании используют пакетирование как инструмент завоевания преимущества над конкурентами. Например, в 1998 г. Министерство юстиции США подало иск в суд на корпорацию *Microsoft*, принуждавшую покупателей операционной системы Windows одновременно приобретать и другие, предоставлявшиеся в одном пакете, но не слишком нужные пользователям программы.

Однако в тех случаях, когда затраты на осуществление отдельных транзакций являются запретительно высокими, пакетирование может принести покупателям немалые выгоды. Бартерные контракты позволяют ограниченным в своих возможностях государствам избегать процесса сбора налогов (когда коррупция приводит к значительному недобору платежей), передачи ответственности за него различным ведомствам (что ведет к еще большим потерям) и переназначения доходов на осуществление государственных проектов (коррупция, патронаж и неэффективность еще более усугубляют потери). К числу других преимуществ бартерных контрактов относятся возможность сглаживания колебаний получаемых государством доходов, поскольку ответственность за их величину и ритмичность передается в частные руки,

24. Vines, Weimer, and Campos 2009.

25. Chan-Fishel and Lawson 2007.

и привлечение иностранных инфраструктурных компаний в страны с низкими доходами, поскольку устраняются опасения относительно оплаты предоставляемых услуг. Кроме того, такие контракты затрудняют отказ государства от ранее принятых обязательств по осуществлению долгосрочных проектов, которые в противном случае могли остаться незавершенными.

В углеводородном мире бартерные контракты являются новой практикой. Их история только пишется, но имеющиеся данные пока не производят сильного впечатления. Вот что говорится в одном из отчетов о нигерийском опыте:

Очевидно, что за 2–3 года до истечения срока щедрые обещания азиатских государственных нефтяных компаний, данные в рамках бартерных контрактов, далеки от выполнения. Заморожены практически все проекты. Весьма высока вероятность того, что все сделки будут полностью аннулированы... Правительство У. Яр-Адуа пришло к выводу, что достигнутые договоренности были изначально поставлены под сомнение, чему способствовали сопровождавшие процесс коррупция и отсутствие транспарентности.²⁶

Возможно, что в ближайшее время будут найдены новые способы организации бартерных контрактов. Например, такие контракты могут заключаться по итогам конкурсных торгов, когда компании должны будут предлагать сравнимые проекты, что упростит определение наилучшего предложения. Ответственность за соблюдение за исполнением контрактов может быть возложена на представителей надежных третьих сторон. Обязательными условиями являются жесткие антикоррупционные меры, полная прозрачность и пристальное внимание к качеству проектов. Пока бартерные контракты носят характер единичных экспериментов, и мы не знаем, насколько хорошо они могут работать.

26. Wong 2008, 5.

Третья стратегия состоит в распределении нефтяных доходов непосредственно гражданам. Практика прямого распределения используется в американском штате Аляска и в канадской провинции Альберта. «Старшей» из этих двух программ является американская. Перманентный фонд штата Аляска был учрежден в 1977 г., и его успех не подвергается сомнению. Фонд получает в свое распоряжение примерно одну пятую всех нефтяных доходов штата, а также другие трансферы из его бюджета, ежегодно перечисляя населению накопленные проценты. В 2009 г. на долю каждого из постоянных жителей Аляски пришлось дивиденды в размере \$1300. Нефтяные дивиденды приобрели столь широкую популярность, что политикам «приходится бороться друг с другом, чтобы каждый мог продемонстрировать общественности свои усилия, направленные на защиту этой программы».²⁷

По мнению некоторых ученых, фонды прямого распределения могли бы помочь развивающимся странам избежать, по крайней мере, некоторых отрицательных последствий нефтяного проклятия. Действующий фонд не допускает политиков хотя бы к части денежных доходов государства от продажи углеводородов. Тем самым они лишаются возможности переложить их в собственные карманы или использовать для завоевания политических преимуществ. Фонд может оказаться весьма полезным и с точки зрения смягчения последствий ценовых колебаний (особенно в тех случаях, когда граждане справляются с планированием на будущее лучше, чем государство). И наконец, выплаты из фонда прямого распределения побуждают граждан к наблюдению за тем, как государство использует доходы от продажи ресурсов, а также к противодействию коррупции и к поощрению разумного управления экономическим развитием. Очевидно, что первоначально создание такого фонда приведет к сокращению денежных средств, кото-

27. Goldsmith 2001, 5.

рые могли бы использоваться для осуществления потенциально полезных государственных программ. Не вызывает сомнений и то, что государство всегда имеет возможность вернуть часть распределяемых фондом средств посредством налогов. Граждане, в свою очередь, получают дополнительный стимул настаивать на большей подотчетности правительства.²⁸

Прямое распределение хорошо зарекомендовало себя на Аляске. Но будет ли оно столь же эффективным в странах с более низкими доходами и подверженными коррупции государственными институтами? В странах с низкими доходами государство может столкнуться с проблемой надежной, не допускающей мошенничеств, идентификации граждан, имеющих право на получение трансферов. Впрочем, современные биометрические технологии и возможности электронного перечисления денег позволяют преодолеть такого рода трудности.²⁹ Еще одной проблемой может стать неразвитость финансовой системы, не позволяющей гражданам обеспечить сохранность получаемых дивидендов и их накопление с целью использования в будущем. Вызывает вопросы и способность распределительного фонда смягчать региональные претензии, так как жители районов, расположенных ближе к месторождениям нефти могут потребовать более высоких дивидендов. Увеличение региональных выплат, в свою очередь, может привести к «волне» избыточной миграции, поднятой теми, кто начнет «гоняться» за дивидендами.³⁰

28. См.: Birdsall and Subramanian 2004; Sala-i-Martin and Subramanian 2003; Palley 2003; Sandbu 2006; Moss and Young 2009. Точка зрения скептиков представлена в: Hjort 2006; Morrison 2007.

29. О перспективах новых технологий см.: Gelb and Decker 2011.

30. Аляска избавлена от проблемы миграции, отчасти потому, что ежегодные дивидендные выплаты не слишком велики (они составляют около 6% совокупного дохода среднего домашнего хозяйства). К тому же потенциальных иммигрантов отпугивают суровые зимы и географическая удаленность региона. Столь же высокая эффективность прямого распределения в Калифорнии вызывает большие сомнения.

Обоснованный скептицизм вызывают и политические программы, основанные на создании специализированных фондов, включая фонды прямого распределения, поскольку их привлекательность во многих случаях основывается на убеждении в том, что они, в отличие от других государственных органов, способны предотвратить неправильное использование доходов, полученных от продажи ресурсов. Едва ли. Неужели фонд прямого распределения будет менее подвержен коррупции и будет лучше управляться, чем другие государственные организации и учреждения? Что если и в нем будут иметь место мошенничества и злоупотребления? Как подчеркивается в главе 6, в теории специализированные ресурсные фонды демонстрируют гораздо более высокие результаты, чем на практике — по крайней мере так было до наших дней.

Четвертый способ сокращения государственных нефтяных доходов состоит в прямых перечислениях денежных средств региональным или местным органам власти. Большинство богатых нефтью ближневосточных стран являются унитарными государствами, в которых созданы полностью централизованные системы доходов.³¹ В то же время за пределами Ближнего Востока все большее количество экспортеров нефти и других полезных ископаемых, независимо от того, идет ли речь об унитарных (Колумбия, Эквадор и Казахстан) или федеративных (Мексика, Нигерия, Россия, Венесуэла и Индонезия) государствах, делят полученные доходы между центральным правительством и региональными и местными органами власти.³²

Территориальным органам власти должно быть предоставлено право на получение денежных средств, которые компенсировали бы социальные, экологические и инфраструктурные затраты, связанные с осуществле-

31. Единственное известное исключение — ОАЭ.

32. Ahmad and Mottu 2003.

нием нефтегазовых проектов.³³ В то же время децентрализация доходов никак не связана с уменьшением *издержек*. Она предполагает лишь обобществление финансовых *выгод* от извлечения ресурсов между центральным правительством и региональными, а также местными, органами власти.

Данная задача может быть решена двумя способами: либо центральное правительство передаст право на взимание налогов, которыми облагаются предприятия нефте- и газодобычи, на нижние уровни государственной власти, либо региональные и местные власти получают часть доходов центрального правительства. Величина этих доходов определяется по специальной формуле с учетом ежегодных колебаний нефтяных денежных поступлений.

Децентрализация нефтяных поступлений может оказаться не только эффективным способом сокращения размеров дискретных непредвиденных доходов центрального правительства, но и действенным инструментом снижения опасности возникновения сепаратистских движений в добывающем регионе. Впрочем, у нас нет ни малейших оснований *a priori* ожидать, что местные органы власти будут использовать эти денежные средства лучше, чем центральное правительство. Очевидно, что местные чиновники могут оказаться такими же коррумпированными, некомпетентными и не желающими информировать общественность о своих действиях, как и бюрократия в центре. Более того, во многих случаях чиновники в регионах и на местах менее компетентны, не имеют квалификации, необходимой для управления изменчивыми денежными поступлениями, и не являются приверженцами строгой налогово-бюджетной дисциплины.³⁴ Нефтяные доходы могут оказы-

33. Особого внимания заслуживают жители и коренное население добывающих регионов. Прежде чем начинать любой новый проект, необходимо ответить на все возникающие у жителей региона вопросы.

34. См.: Ahmad and Mottu 2003; Brosio 2003; Bahl 2001. По мнению

вать на местные органы власти такие же антидемократические воздействия, как и на центральное правительство (о чем свидетельствует хотя бы пример губернатора Луизианы Х. Лонга, описывавшийся в главе 3). В Аргентине и Бразилии следствием налогово-бюджетной децентрализации стало снижение уровня подотчетности органов власти, а в России — замедление экономических реформ и уменьшение инвестиционных расходов.³⁵

Вероятно, децентрализация нефтяных доходов в большей степени подходит странам, региональные и местные органы власти которых являются относительно демократическими, транспарентными и эффективно управляют своими бюджетами. Успех или несостоятельность децентрализации зависит и от того, как она осуществляется. Политики могут разработать и начать внедрение такой системы доходов, которая сглаживает размах колебаний доходов на региональном и местном уровнях. Нередко они настаивают на том, чтобы местные органы власти использовали нефтяные доходы как дополнение, а не в качестве полной замены существующей налоговой базы. Во многих случаях центр настаивает на том, чтобы новые доходы обязательно дополнялись обязательствами относительно расходов, связанных с предоставлением общественных благ. И наконец, как правило, условием децентрализации становится обеспечение полной транспарентности и регулярного аудита всех подлежащих обобществлению денежных поступлений.³⁶

Д. Трейсмана, во многих случаях предполагаемые выгоды децентрализации очень сильно преувеличиваются (Treisman 2007).

35. Об Аргентине см.: Gervasoni 2010; о Бразилии — Brollo et al. 2010; о России — Desai, Freinkman, and Goldberg 2005. С точки зрения окончания локальных конфликтов обобществление нефтяных доходов играет в лучшем случае неоднозначную роль. См.: Le Billon and Nicholls 2007.

36. О дополнительных рекомендациях см.: Brosio 2003; Ahmad and Mottu 2003; Ross 2007.

Изменение источника углеводородных доходов

Если история ключевых элементов нефтяного проклятия прослеживается вплоть до волны национализации, поднявшейся в 1960-е гг., нельзя ли избавиться от них посредством приватизации? Передача нефтедобывающей отрасли в частные руки означала бы изменение источника углеводородных доходов государства, поскольку на смену неналоговым денежным поступлениям от национальных нефтяных компаний пришли бы налоговые поступления от нефтяных компаний частного сектора. Что означала бы эта перемена?

В 1980–1990-е гг. в самых разных странах мира были приватизированы множество самых разных государственных предприятий. Но в углеводородном мире полная приватизация была, скорее, исключением. Государство полностью распродало активы организаций, известных в прошлом как национальные нефтяные компании, только в Великобритании (1985), Румынии (1992), Польше (1999) и Аргентине (1999). Впрочем, через некоторое время аргентинское правительство возвратило часть углеводородных активов в государственную собственность.

Адвокаты приватизации делают акцент на существовании огромного количества свидетельств экономической неэффективности принадлежащих государству предприятий.³⁷ Скептически настроенные исследователи полагают, что национальные нефтяные компании значительно отличаются от государственных предприятий других видов, что затрудняет приватизацию первых.³⁸ По мнению ученых, размеры и сложность финан-

37. См., например: Boardman and Vining 1989; Dewenter and Malatesta 2001; Eller, Hartley, and Medlock 2010. По мнению Джона Джеймса Куинна, государственная собственность была одной из основных причин провальной торговой политики многих стран Африки (Quinn 2002).

38. Aharoni and Ascher 1998.

сового устройства международных нефтяных компаний делают задачу налогообложения и регулирования их деятельности правительствами принимающих стран чрезвычайно сложной (особенно для государств с низкими доходами).³⁹

В некоторых случаях с этой задачей не справляется даже правительство США. В частности в 2010 г., после серии скандалов связанных с сексом и наркотиками, а также взрыва и пожара на нефтяной платформе *Deepwater Horizon* компании BP, повлекших за собой катастрофический разлив нефти в Мексиканском заливе, было принято решение о реорганизации Службы управления полезными ископаемыми Министерства внутренних дел США. Ни у кого не вызывало сомнений, что государственное агентство не справилось с задачей контроля над соблюдением основных правил безопасного ведения работ и охраной окружающей среды. Весьма вероятно, что в результате приватизации произойдет единственное изменение, когда на смену крупным, поддерживающим режим секретности и никому не подотчетным государственным компаниям, придут огромные, засекречивающие все и вся и никому не подотчетные частные компании.

Вероятно, приватизация окажет умеренно продемократическое воздействие. Но нам, в первую очередь, необходимо установить, какие задачи наверняка останутся *нерешенными*. Приватизация не способна вернуть нас в эпоху скромных постоянных доходов, закончившуюся в 1970-х гг. В то время относительно небольшие доходы от продажи нефти объяснялись низкими по историческим меркам ценами, обусловленными тем, что открытие новых месторождений опережало умеренный мировой спрос на углеводороды, а также присвоением большей части прибылей международными нефтяными компаниями. С тех пор изменились оба условия, и приватизация никак не способна повлиять на них. Если

39. Stiglitz 2007.

она приведет к повышению эффективности, а значит, и прибыльности добычи нефти и природного газа, это будет означать лишь рост углеводородных доходов государств.

Приватизация не позволит и стабилизировать цены на нефть. Они оставались на удивление устойчивыми в период после окончания Второй мировой войны и до начала 1970-х гг. благодаря ценовой олигополии «Семи сестер» и Бреттон-Вудской системе постоянных обменных курсов валют. В 1960-х и в начале 1970-х гг. потерпели крах и олигополия, и валютная система. Очевидно, что приватизация не способна вернуть их к жизни.

И наконец, приватизации не по силам заставить богатые нефтью страны перейти на такие формы налогообложения, которые способствовали бы упрочению демократии. Во многих нефтедобывающих странах с низкими доходами единственным ее следствием становится умеренное увеличение доли налоговых поступлений в бюджете. В большинстве из них имеются национальные нефтяные компании, тесно взаимодействующие с международными нефтяными компаниями в рамках совместных предприятий или соглашений о разделе продукции. Поэтому государство уже получает от них значительную часть нефтяных доходов в форме уплачиваемых компаниями налогов, роялти и других видов платежей.

Национальные нефтяные компании некоторых стран со средними доходами, таких как Ливия, Мексика и Саудовская Аравия, имеют собственные мощности; поэтому они в гораздо меньшей степени полагаются на сотрудничество с международными компаниями. В случае приватизации национальных компаний этих стран, в них произошел бы гораздо более значительный сдвиг в сторону нефтяных доходов, основывающихся на сборе налогов. Однако вспомним, что, как уже упоминалось в главе 3, налоги становятся фактором демократизации только в том случае, когда они способствуют повышению степени общественного признания

государственных доходов. Возможно, что приватизация в нефтяном секторе приведет лишь к замещению неналоговых денежных поступлений платежами, взимаемыми с нескольких крупных, во многих случаях многонациональных, корпораций. Следовательно, граждане будут по-прежнему ограничены в доступе к непосредственной информации о размерах доходов государства.

Но в некоторых случаях полная или частичная приватизация будет способствовать повышению степени подотчетности правительства, так как она затрудняет сокрытие данных о нефтяных доходах государства. В главе 2 объясняется механизм, с помощью которого правительства различных стран и национальные нефтяные компании скрывают направления использования (и неправильного использования) денежных поступлений от продажи углеводородов. Полная или частичная приватизация способны помочь приоткрыть завесу секретности в том случае, *если* деятельность частных компаний станет более транспарентной. Например, если акции этих компании будут котируются на фондовых биржах, в результате чего они будут вынуждены раскрыть данные балансовых отчетов и перейти на международные стандарты бухгалтерского учета. Даже в тех случаях, когда государство остается мажоритарным акционером частично приватизированных нефтяных компаний (как в Бразилии, Колумбии, Малайзии и Норвегии), открытое размещение их акций на фондовой бирже может стать значительным шагом вперед на пути повышения транспарентности денежных поступлений от продажи углеводородов.

Некоторые государства обязательно найдут другие способы сокрытия информации о нефтяных доходах, но им едва ли удастся свести на нет все выгоды открытого размещения акций нефтяных компаний. Мышеловка — полезная штука, несмотря на то, что некоторым мышкам удастся ее избегать.

Повышение устойчивости углеводородных доходов

Нестабильность углеводородных доходов нефтедобывающих стран затрудняет осуществление инвестиций со стороны частного сектора, проведение продуманной налогово-бюджетной политики и в конечном счете обуславливает замедление экономического роста. Для того чтобы избавиться от этих проблем, во многих государствах создаются стабилизационные фонды. В периоды высоких цен на нефть в этих фондах аккумулируются избыточные доходы государства, используемые во время снижения цен на углеводороды. В главе 6 отмечается, что «послужной список» подобных фондов не слишком впечатляет. Как известно, правительства нефтедобывающих стран слишком часто нарушают собственные правила относительно формирования и использования резервных средств, что сводит на нет выгоды создания стабилизационных фондов. Существуют ли другие, более эффективные способы повышения степени устойчивости нефтяных доходов государства?

В этой главе упоминалось о некоторых возможностях стабилизации. Ограничение темпов добычи означало бы, что у правительства страны уже нет оснований всецело полагаться на нефтяные доходы. Следовательно, колебания цен на нефть не столь сильно влияли бы на государственный бюджет. Должным образом составленные бартерные контракты позволяют избавить государство от рисков ценовых флуктуаций, которые принимают на себя частные компании, как правило, более эффективно справляющиеся с ними. Прямое распределение способно помочь переложить часть ответственности за сглаживание потока доходов на домашние хозяйства. Последствия децентрализации и приватизации не столь очевидны, они во многом зависят от способов и результатов структурирования.

Обязательными составляющими стабилизационного плана являются способы сокращения государственных расходов в периоды высоких цен на углеводороды, способы увеличения расходов в периоды низких цен и механизм обеспечения связи между ними, предназначенный для достижения соответствия объема денежных средств, изымаемых из бюджета во время бума цен, и объема денежных средств, привлекаемых в бюджет во время ценовых спадов.

Стабилизационные фонды сочетают в себе все три перечисленных выше элемента экономически разумным, но неадекватным с точки зрения осуществления политики способом. Само их создание зависит от политического альтруизма с признаками суицидального поведения. Ведь политики должны будут убедить граждан в необходимости сокращения расходов во время ценовых бумов, когда экономика чувствует себя просто прекрасно, а население во многих случаях не осознает необходимости жертвовать своим благосостоянием. Но даже в том случае, если в период подъема политикам удалось сформировать стабилизационный фонд, единственным условием его сохранения является политическая мудрость правителей, способных бескорыстно придерживаться ограничений, используя резервы только в том случае, когда в них действительно возникает необходимость, то есть время падения цен на углеводороды. Такой фонд должен управляться номинально независимым государственным агентством, для которого законодательно установлены строгие правила хранения и использования денежных средств. Однако политики, особенно в тех случаях, когда они очень заинтересованы в результатах своих усилий, как правило, находят способы незаконного использования избыточных средств, либо внося коррективы в правила деятельности фонда, либо заменяя людей, призванных надзирать за его операциями, либо делая займы, объем которых превосходит сбережения.⁴⁰ Самые

40. Eifert, Gelb, and Tallroth 2003. Классическое описание того, как ана-

дальновидные правители лишь в редких случаях связывают своих преемников обещаниями сохранять приверженность курсу налогово-бюджетных ограничений.

В определенных условиях вероятность того, что стабилизационные фонды принесут реальную пользу, существенно повышается. Имеются в виду ситуации, когда во главе государства стоит мудрый, политически независимый автократ — или наоборот, когда политика демократически избранного руководителя ограничивается действенно системой сдержек и противовесов — способной обеспечить снижение уровня коррупции. Следует также упомянуть о необходимости доступа общественности к информации и доверии населения к политике властей. В демократических государствах одним из требований является относительное безразличие избирателей к расходам на предвыборные кампании. Однако все эти условия относятся к числу трудновыполнимых.⁴¹

В качестве альтернативы мы можем попытаться создать стабилизационный механизм, в большей степени соответствующий краткосрочным стимулам, направляющим действия политиков. Последним выгодно увеличение расходов. И наоборот, ситуации, в которых политикам приходится принимать решение о сокращении государственных расходов, наносят ущерб их имиджу. Неудачи в использовании стабилизационных фондов вызваны, прежде всего, тем, что политически болезненная часть процесса стабилизации, как добровольное и необходимое условие, с неизбежностью предше-

логичные действия осуществлялись в отношении африканских сельскохозяйственных маркетинговых советов, см. в: Bates 1981.

41. Более подробно эти условия обсуждаются в главе 6. Уильям Эшер в своей замечательной работе *Bringing in the Future* («По дороге в будущее») предлагает перечень детально проработанных стратегий, направленных на поощрение долгосрочной политики в политически сложной внешней среде (Ascher 2009). Глубокий анализ международных измерений колебаний нефтяного рынка см. в: Jaffee and El-Gamal 2010.

ствуется политически выгодной его части (увеличению расходов). Одно из решений проблемы заключается в изменении очередности частей, когда процесс начинается с политически выгодной преамбулы, что впоследствии позволяет объявить политически болезненную часть обязательной или, по крайней мере, попытки избежать ее становятся более дорогостоящими. Поскольку увеличение расходов должно предшествовать более высоким сбережениям, эти две части процесса невозможно соединить с помощью стабилизационного фонда (поскольку его средства формируются из профицита, а не из дефицита). Решить эту задачу позволяет обращение к займам.

Рассмотрим один из возможных вариантов развертывания процесса. В случае, когда цены на нефть находятся на низком уровне, правительства нефтедобывающих стран могли бы обратиться за кредитами к зарубежным банкам, другим государствам или международным финансовым институтам. Заемные средства позволили бы им стабилизировать бюджеты, а также осуществить меры по стимулированию экономик. В главе 6 объясняется, что в прошлом нефтедобывающие страны придерживались проциклической политики заимствований, обращаясь за кредитами в периоды высоких, а не низких цен. В результате волатильность их экономик не уменьшалась, а возрастала. Для того чтобы поощрить нефтедобывающие государства к контрциклическим заимствованиям, Всемирный банк или другие международные финансовые институты могли бы предоставлять ресурсно-зависимым странам специальные льготные кредиты (доступ к ним открывается только в том случае, когда глобальные цены падают ниже заранее определенной отметки).

Ключевая особенность этих кредитов заключается в способе их погашения, который зависел бы от уровня текущих цен на нефть. В рамках выплаты долга государства-заемщики должны были бы ежемесячно перечислять займодавцам денежную сумму от продажи за ранее установленного постоянного количества баррелей

нефти до тех пор, пока кредиты не будут полностью погашены. В данном случае изменялась бы не стоимость кредита, а скорость его возвращения. Если бы цены на нефть оставались низкими, кредит погашался бы медленно, что означало бы снижение его стоимости для государства-заемщика с точки зрения упущенных доходов; увеличение цен на нефть сопровождалось бы ростом стоимости ежемесячно направляемой на погашение кредита выручки от продажи постоянного количества баррелей, а значит, и повышением скорости возмещения задолженности. «Номинированные в нефти займы», предоставляемые только в периоды снижения цен на углеводороды, открывают государству возможность увеличивать расходы в случае уменьшения нефтяных денежных поступлений и сокращать их в периоды изобилия.

В отличие от стабилизационного фонда, средства которого могут быть в любой момент изъяты государством-учредителем, деньги, полученные благодаря иностранным займам, принадлежат зарубежным банкам и правительствам, что делает отказ от исполнения соответствующих обязательств слишком дорогим. В действительности, номинированные в нефти займы без лишней шумихи давно, в течение нескольких десятилетий, используются правительством Анголы.⁴² Хотя правительство платит довольно умеренную премию за то, что кредитор берет на себя управление волатильностью цен на нефть, тем не менее Анголе удалось найти коммерческие банки и правительства зарубежных стран, которых устраивают условия предоставления таких займов.⁴³

42. Vines, Weimer, and Campos 2009.

43. Для того чтобы обезопасить себя от ценовой волатильности, государство может использовать и другие инструменты. В 2008 г. мексиканское правительство застраховалось от падения цен на нефть на сумму в \$1,5 млрд. Поэтому снижение цен на углеводороды в 2009 г. принесло Министерству финансов Мексики непредвиденные доходы в размере \$5 млрд. Однако приобре-

Если бы у кормила власти в стране стояли доброжелательные бухгалтеры, решить проблему устойчивости было бы легко и просто. В реальном мире большинство стабилизационных планов проваливаются вследствие эгоистичного поведения политических деятелей. Улучшения в институциональном проектировании могли бы привести к большей политической устойчивости стабилизационных стратегий и в конечном счете к повышению их эффективности.

Как приподнять завесу секретности над углеводородными доходами

Большая часть нефтяного мира остается скрытой от взоров общественности. Во многих странах ограничивается информация о контрактах, подписываемых нефтяными компаниями, о подписных бонусах, налогах, роялти, сборах и других платежах в пользу государства, об операциях национальных нефтяных компаний и о направлениях конечного использования нефтяных доходов.⁴⁴ Режим секретности способствует сохранению власти авторитарными правителями, препятствует прекращению «подпитываемых» нефтью гражданских войн и затрудняет борьбу с коррупцией. Транспарентность сама по себе едва ли позволит устранить все эти проблемы. Но прозрачность должна помочь тем, кто пытается избавиться от них.

Политические круги относительно недавно заинтересовались вопросами транспарентности, хотя защитники демократии давно признали их важное значение. В 1822 г. Джеймс Мэдисон писал в частном письме:

тение такого «страхового полиса» влечет за собой новые расходы во время бума цен, что может сопровождаться политическими осложнениями. Дискуссию о долговых обязательствах, «привязанных» к ценам на сырьевые товары, см. также в работе Дж. Френкеля (Frankel 2010).

44. Gillies 2010.

...народное Правление без общедоступной информации или возможности ее получения есть не что иное, как Пролог к Фарсу или Трагедии или к ним обоим. Знание всегда будет управлять невежеством: поэтому люди, намеревающиеся стать Хозяевами собственной жизни, должны взять в свои руки власть, которую дает знание.⁴⁵

В недавних исследованиях высказывается предположение, что более транспарентным государствам, вероятно, будут присущи такие желательные качества, как низкий уровень коррупции, высокий уровень человеческого развития, жесткая налогово-бюджетная дисциплина и многие др.⁴⁶ Определить роль транспарентности во всех этих результатах довольно трудно, но, по мнению большинства наблюдателей, прозрачность в конечном счете способствует повышению уровня государственного руководства.⁴⁷

Несмотря на трудности с измерением выгод транспарентности, она обладает одним огромным преимуществом. Большинство рассматривавшихся нами направлений государственной политики — от бартерных контрактов до использования номинированных в нефти займов — действительно могли бы улучшить положение нефтедобывающих стран. Однако осуществление этих мер сопряжено со значительными затратами, а также риском, что они принесут результаты, обратные желаемым. Транспарентность обходится недорого и едва ли способна повредить гражданам и государству.

Прозрачность начинается с раскрытия информации, но не заканчивается на этом. Исходящие от органов власти сведения должны быть полными и точными. Отсюда следует потребность в независимом публичном аудите.

45. Цит. по.: Piotrowski 2010, 31.

46. Bellver and Kaufmann 2005; Hameed 2005.

47. Fung, Graham, and Weil 2007; Piotrowski 2010. Сторонники более скептической точки зрения справедливо добавляют, что транспарентность обязательно должна дополняться другими мерами, см.: Kolstad and Wiig 2009.

Государственная информация должна быть широко доступной, что предполагает низкие затраты на ее получение или бесплатное распространение, и предоставляться в формате, доступном для понимания обычных людей.

С точки зрения превращения раскрытой для общественности информации в действенный инструмент рационального использования природных ресурсов важную роль играют свободная пресса и хорошо информированное гражданское общество (даже в том случае, если в процессе оценки документов и политики государства эти группы столкнутся с немалыми трудностями). Многие технические аспекты управления ресурсами известны только участникам отрасли, но не широкой общественности. Следовательно, важной составляющей транспарентности является просвещение населения.

В 2009 г. международная группа экспертов в сфере политики выступила с инициативой принятия «Хартии о природных ресурсах», представляющей собой руководство для граждан и государств, стремящихся к максимизации выгод от использования природных ресурсов страны. «Хартия» никого ни к чему не обязывает. Скорее, она предлагает вдохновляющий образец всем — и бедным, и богатым — странам мира. В «Хартии» формулируются 12 основных принципов, которые могут быть применены к самому широкому кругу вопросов, включая принятие решения о добыче ресурсов или отказе от нее, ведение переговоров о заключении контрактов, уменьшение социальных и экологических издержек и разумное использование доходов. Отбирая и пропагандируя лучшее, что мы знаем, «Хартия» призвана информировать политических деятелей и оказать помощь гражданам в оценке деятельности государства с точки зрения ее соответствия признанных мировой общественностью принципов. В отсутствие последнего «Хартия» подскажет возможные способы исправления положения.⁴⁸

48. «Хартия» была подготовлена независимой группой ученых, юристов и практиков. Ведущую роль в ее принятии сыграли эконо-

Нельзя не отметить, что начиная с 2000 г. в десятках стран мира, благодаря прекрасной деятельности неправительственных организаций (НПО), был достигнут огромный прогресс с точки зрения повышения прозрачности нефтедобывающего сектора. Прежде всего, следует отметить заслуги лондонской НПО «Глобальный свидетель» (Global Witness), начиная с 1990 г. привлекавшей внимание общественности к роли природных ресурсов в конфликтах и коррупции по всему миру. Необходимо назвать и глобальную сеть НПО, организовавших кампанию под девизом «Обнародуй, сколько заплатил». Предполагается, что фирмы добывающего сектора раскроют информации о своих платежах правительствам различных стран, а правительства обнародуют сведения о полученных от этих компаний средствах. И наконец, нельзя не упомянуть об Институте «Наблюдение за доходами» (Revenue Watch Institute), учрежденном в 2002 г. неправительственным исследовательском и грантообразующем институте, пропагандирующем использование в общественных интересах нефти, природного газа и других полезных ископаемых. В 2002 г. премьер-министр Великобритании Тони Блэр выступил с «Инициативой по обеспечению прозрачности в добывающих отраслях» (Extractive Industries Transparency Initiative, EITI), направленной на поощрение богатых природными ресурсами стран к полной прозрачности доходов. В 2007 г. данная организация получила статус независимой и переместила свою штаб-квартиру. К 2010 г. в нее вступили 30 государств.⁴⁹

мисты Пол Коллиер, Энтони Венейблс и Майкл Спенс. Я участвовал в работе технической группы, которой была поручена подготовка ее проекта. Более подробно о «Хартии» см.: <http://www.naturalresourcecharter.org>.

49. Более подробно об этих группах см.: <http://www.globalwitness.org>; <http://www.publishwhatyoupay.org>; <http://www.revenuewatch.org>; <http://www.citi.org>. Как упоминалось в предисловии, какое-то время я входил в комиссию экспертов Института «Наблюдение

Несмотря на эти и другие аналогичные инициативы большая часть углеводородного мира по-прежнему окутана завесой секретности. Из тридцати стран, вступивших к 2010 г. в EITI, только три (Азербайджан, Восточный Тимор и Либерия) были сертифицированы как «полностью соответствующие» стандартам транспарентности организации. Еще шесть (Ангола, Боливия, Чад, Экваториальная Гвинея, Сан-Томе и Тринидад) были исключены из EITI за несоответствие стандартам, или их членство было приостановлено. Согласно данным проведенного в 2010 г. Институтом «Наблюдение за доходами» исследования с участием 41-й богатой природными ресурсами страны (часть из них входила в EITI), три четверти государств публиковали только частичную или ограниченную информацию о денежных поступлениях от продажи полезных ископаемых и углеводородов.⁵⁰

Участникам движения за транспарентность предстоит большая работа. Прозрачность не способна волшебным образом решить все проблемы богатых ресурсами стран. Однако это, пожалуй, самый безопасный и простой путь преодоления барьеров на пути их развития.

Разумное расходование денежных поступлений от продажи нефти

Необходимость принятия решений о расходовании денежных поступлений от продажи нефти сохраняется и в тех случаях, если правительства стран-экспортеров будут получать меньшие по объему, более стабильные и транспарентные доходы. В случае разумного выбора направлений расходов они помогут добиться устойчивого повышения общественного благосостояния; иначе,

ние за доходами» и получил от него грант на завершение работы над этой книгой.

50. Revenue Watch Institute 2010.

весьма вероятно, деньги просто исчезнут в облаке бессмысленных трат и коррупции.

Со схожими проблемами государственных расходов сталкиваются все страны, независимо от того, обладают они ресурсным богатством или нет. Большая часть знаний о разумной налогово-бюджетной политике, накопленных в странах, не располагающих запасами углеводородов, полностью применима и в нефтедобывающих государствах.⁵¹ В то же время богатые ресурсами страны сталкиваются с рядом дополнительных трудностей: активное присутствие государства в экономике, менее стабильные доходы, следствием чего становятся колебания расходов, и постепенное усыхание источника денежных поступлений. Все эти факторы означают, что правильная политика государственных расходов имеет для нефтедобывающих стран более важное значение, чем для многих других государств.

Вопрос о государственных расходах в богатых ресурсами экономиках является сложным и выходит за рамки моих профессиональных знаний.⁵² Позвольте мне лишь обозначить ключевые решения, принимаемые нефтедобывающими странами, и поделиться некоторыми критическими соображениями.

Нефтедобывающие страны должны будут принять два общих решения относительно направлений использования государственных доходов. В первую очередь, необходимо определить, какой объем доступных денежных средств будет ежегодно поступать в бюджет и какое количество денег будет откладываться для использования в будущем. Оба решения направлены на стабилизацию экономики в краткосрочном периоде и компенсацию истощения месторождений углеводородов

51. Полезнейшая «выжимка» из этих уроков содержится в публикации: Commission on Growth and Development 2008.

52. Обзор современной дискуссии по этим важнейшим вопросам см. в: Humphreys, Sachs, and Stiglitz 2007; Collier 2010; Gelb and Gramman 2010; текст «Хартии о природных ресурсах» см. по адресу: <http://www.naturalresourcecharter.org>.

в долгосрочной перспективе.⁵³ Решение затрагивает и практические (способность экономики абсорбировать определенное количество денег в каждый данный период времени и недопущения чрезмерной бюрократизации, растрат и коррупции), и моральные вопросы, включая проблему достижения равновесия между потребностями ныне живущих граждан страны и правами будущих поколений.

Эксперты предлагают различные рекомендации. Исходя из результатов исследования положения нефтедобывающих стран в период бума 1973–1981 гг., А. Гельб приходит к выводу о необходимости резервирования около 80% инкрементальных доходов; по его мнению, катастрофический экономический спад в этих государствах, последовавший за снижением цен на нефть после 1980 г. объясняется их неспособностью сберечь полученные средства.⁵⁴ По мнению других специалистов, чрезмерные сбережения могут отрицательно сказаться на экономическом развитии стран с низкими доходами, поскольку наилучшим выбором с точки зрения долгосрочных инвестиций были бы вложения в их собственные экономики — в здравоохранение и образование граждан, а также в инфраструктуру, которая способствовала бы росту других, не-нефтяных сфер народного хозяйства.⁵⁵

Второе решение предполагает выбор между направлениями использования бюджетных средств — о величине расходов на потребление и об объеме инвестиций в материальный и человеческий капитал. Чем беднее страна, тем больше могут выиграть ее граждане от повышения уровня потребления: если людям нечего есть, нет смысла откладывать деньги на будущее. Впрочем, планируя расширение потребления, государство дол-

53. Вопрос о том, где будут сберегаться деньги — внутри страны или за рубежом, также имеет огромное значение.

54. Gelb and Associates 1988.

55. Collier 2010.

жно быть очень осторожным. Тем более что два наиболее популярных в нефтедобывающих странах метода сопряжены с отрицательными побочными эффектами. Сокращение налогов приведет к повышению доходов домашних хозяйств; одновременно возрастает зависимость государственных финансов от нефти, а значит и их волатильность и степень непрозрачности. В свою очередь, увеличение субсидий на топливо приносит непропорционально большие выгоды среднему и высшему классам, а также ведет к увеличению углеродных выбросов.

Независимо от размеров нефтяного богатства высокие уровни инвестиций имеют существенно важное значение для долгосрочного развития. Согласно докладу Комиссии по росту и развитию: «Ни одной стране не удалось сохранить высокие темпы роста в отсутствие крупных государственных инвестиций в инфраструктуру, образование и здравоохранение».⁵⁶ Если нефтедобывающая страна стремится к тому, чтобы годами от добычи ресурсов пользовались и будущие поколения, она должна направлять на инвестиции большую, по сравнению с другими государствами, долю государственных доходов.

Принимаемые государством инвестиционные решения могут оказывать очень сильное воздействие на гендерное неравенство. В главе 4 объясняется, что типичными для богатых нефтью стран являются инвестиции в создание новой инфраструктуры, в результате чего создаются новые рабочие места для мужчин, но не для женщин; в случае, когда экономика подвержена «голландской болезни», компании, в которых работали преимущественно женщины (особенно ориентированные на экспорт промышленные фирмы), начнут нести убытки. Однако если в быстро растущей нефтяной экономике создаются рабочие места другого типа для женщин,

56. Commission on Growth and Development 2008, 5. См. также: Hausmann, Pritchett, and Rodrik 2005.

это никак не повлияет на общее положение: мужчинам могут предоставляться новые рабочие места в строительстве и нефтяной промышленности, в то время как женщинам — новые рабочие места в других сферах экономики.

Но, как было продемонстрировано в главе 4, во многих странах мира, особенно на Ближнем Востоке, женщины лишены возможности трудиться в быстро растущей сфере услуг, что оставляет их вне рядов рабочей силы. Национальные правительства могли бы решить эту проблему, осуществляя инвестиции в такие сектора, которые позволяют привлечь женщин к труду вне дома (например, в большинстве случаев в образовании и здравоохранении работают большое количество женщин), а также активно нанимают их на различные должности в государственных организациях и учреждениях.

Большое значение имеет и поддержание определенного уровня расходов на строительство. Одним из приоритетов должны быть инвестиции, позволяющие устранить имеющиеся в настоящее время «узкие места», что позволит добиться повышения эффективности последующих вложений. П. Коллиер настаивает, что эта стратегия «инвестирования в инвестирование» должна быть сосредоточена на проектах, помогающих сократить издержки и повысить эффективность будущих капиталовложений. Соответственно, в процессе разработки она должна быть нацелена на устранение как инфраструктурных, так и бюрократических узких мест. К числу последних относятся недостатки органов власти с точки зрения оценки и надзора за осуществлением новых проектов, а также канцелярская волокита, которая является барьером на пути инвестиций частных компаний. Во время быстрого роста денежных поступлений осуществить такого рода реформы весьма непросто, так как политики будут слишком заняты расходами, «вытекающими» из непредвиденных доходов от продажи ресурсов. Разумная стратегия государства заключается в том, чтобы провести необходимые преобразования до начала добычи или во время резкого

падения цен так, чтобы обеспечить более лучшее использование непредвиденных доходов в будущем.

Я уже описывал некоторые виды экономической политики, направленной на ограничение расходов. Замедление темпов добычи полезных ископаемых или прямое распределение доходов между гражданами позволит «забрать» из рук государства часть денег, что ограничит его возможности с точки зрения чрезмерных расходов, независимо от объема непредвиденных доходов. Бартерные контракты позволяют властям «браться» за проекты, осуществлению которых препятствовали неустойчивое финансовое положение, ограниченные административные возможности или отсутствие политической воли. Ограничению чрезмерных расходов в периоды роста цен на углеводороды способствовали бы стабилизационные займы, номинированные в баррелях нефти, которые государство могло бы получать в периоды спада цен.

Весьма полезной может быть транспарентность государственных расходов. Большинство инициатив, направленных на обеспечение прозрачности бюджетов нефтедобывающих стран, связаны со сбором денежных поступлений, в то время как вопрос о направлении и объеме расходов остается в стороне. К сожалению, некоторые страны, например, Азербайджан, являются образцом транспарентности доходов, но данные об осуществляемых ими расходах остаются под покровом секретности. Согласно данным проведенного в 2010 г. исследования, в котором приняли участие 94 страны мира, государственные бюджеты 74-х из них не соответствуют основным стандартам прозрачности и подотчетности. В числе наиболее непрозрачных государств оказались многие нефтедобывающие страны. Практически полностью отсутствует информация о государственных бюджетах Алжира, Камеруна, Чада, Экваториальной Гвинеи, Ирака и Саудовской Аравии.⁵⁷

57. International Budget Partnership 2010. См. также доклад, доступный по адресу: <http://www.internationalbudget.org>.

Однако прозрачность расходов, вероятно, имеет большее значение, чем транспарентность доходов: чем больше граждане страны будут знать о направлениях использования денег, тем ниже вероятность, что они будут расхищены коррупционерами. Отметим, что вопросы бюджета и транспарентности расходов интересуют все большее количество неправительственных организаций развивающегося мира. Согласно данным Международного бюджетного партнерства (International Budget Partnership):

В Индии Ассоциация борьбы за расширение прав рабочих и крестьян (Mazdoor Kisan Shikart Sangathan) использует бюджетную информацию для выявления различных случаев коррупции (например, фальсификации данных об оплате труда и платежей за никогда не выполнявшиеся работы).

Под давлением Угандийской долговой сети (Uganda Debt Network), члены которой отслеживают расходы на местах, власти страны выявили множество случаев коррупции провинциальных чиновников и несоблюдения нормативов при строительстве школ.

На Филиппинах неправительственная организация «Страж государства» (Government Watch) использовала бюджетную информацию для отслеживания поставок школьных учебников, строительства новых школ и других объектов инфраструктуры, а также распределения помощи, предназначенной пострадавшим от стихийных бедствий. Совместно с другими общественными организациями ей удалось добиться резкого сокращения затрат на печать школьных учебников, улучшения их качества и соблюдения сроков поставок.⁵⁸

Несмотря на всю сложность вопроса о бюджетных расходах, некоторые простые шаги, такие как определение гендерных целей, инвестирование в инвестирование и обеспечение более высокой степени прозрачности, по-

58. International Budget Partnership 2008. См. также: Reinikka and Svensson 2004.

зволюют значительно повысить качество государственных программ.

Что делать импортерам нефти?

Ресурсное проклятие коренится в странах-потребителях углеводородов, ведь это их деньги «проливаются водопадом» на нефтедобывающие страны. Впрочем, они едва ли могут изменить неналоговую природу нефтяных денежных поступлений. Точно так же им вряд ли удастся оказать значимое воздействие на стабильность доходов, которые получают поставщики углеводородов. Предпринимавшиеся в 1960–1970-е гг. под эгидой Конференции ООН по торговле и развитию многосторонние усилия, направленные на стабилизацию сырьевых цен, полностью провалились, и маловероятно, что кто-либо попытается повторить их в ближайшем будущем. Страна-импортерам тем более трудно воздействовать на расходование нефтедобывающими странами денежных поступлений от продажи углеводородов. Неудивительно, что полным провалом закончились и усилия Всемирного банка, пытавшегося в 2000–2008 гг. принудить правительство Чада к более транспарентному управлению нефтяными доходами и использованию их в рамках программ, направленных на борьбу с бедностью.⁵⁹

Тем не менее страны-потребители располагают определенными рычагами воздействия на объем денежных потоков, поступающих в нефтедобывающие страны, и окутывающую их завесу секретности. В данном случае приоритет должен отдаваться ограничению потребления углеводородов и их импорта. На глобальном уровне эта задача является отнюдь не самой простой: если текущие политика и законы останутся неизменными, то глобальный рынок нефти и других видов жидкого топлива возрастет с 86,1 млн баррелей в день в 2007 г. до 110 млн

59. Frank and Guesnet 2010.

баррелей в день в 2035 г.; соответственно, рынок природного газа расширится со 108 трлн кубических футов до 156 трлн кубических футов. Как ожидается, 84% увеличившегося спроса на углеводороды придется на страны, расположенные вне пределов Европы и Северной Америки, прежде всего, на Китай и Индию.⁶⁰ Впрочем, эти долгосрочные прогнозы могут существенно измениться под влиянием перемен в политике, новых технологических решений или непредвиденных подъемов и спадов в мировой экономике. Но даже самые настойчивые усилия по внедрению альтернативных энергетических технологий приведут к положительным изменениям в объеме потребления углеводородов не раньше, чем через несколько десятилетий.

Альтернативным решением может быть ограничение потребителями нефти доходов нефтедобывающих стран, действия которых осуждаются мировым сообществом, посредством более избирательных закупок нефти и природного газа. Как подчеркивает философ Лейф Венар, в странах с высоким уровнем коррупции и недемократическими режимами правления политическое руководство участвует в расхищении доходов от продажи ресурсов, принадлежащих всем гражданам. Приобретая у них нефть, Запад участвует в скупке краденого. Л. Венар убежден в том, что:

...эти блага поступают в систему глобальной торговли в соответствии с правилами, лишь немного прикрывающими воровство... Международная система торговли нарушает первое правило капитализма, так как используется для крупномасштабных перемещений похищенных благ. Первоочередная задача глобальных реформ в этой сфере заключается не в том, чтобы на смену «свободной торговле» пришла «честная торговля». Приоритетом должно быть создание системы торговли там, где сегодня царит воровство.⁶¹

60. Energy Information Administration 2010.

61. Wenar 2008, 2.

Приведет ли введение экономических санкций к положительным изменениям в государственном руководстве в нефтедобывающих странах? Удивительно эффективной оказалась, например, кампания по борьбе с торговлей так называемыми конфликтными алмазами, т. е. использовавшимися для финансирования гражданских войн. В середине 1990-х гг. на конфликтные алмазы приходилось около 15% мирового оборота, а вырученные от их продажи средства использовались для финансирования войн в шести африканских странах. К 2006 г. их доля в мировой торговле алмазами снизилась до немого более 1%, а все шесть конфликтов были урегулированы. Важную роль в завершении войн сыграли санкции Совета безопасности ООН, а также усилия, предпринятые необычной коалицией правительств различных стран мира, неправительственных организаций и крупнейших торговцев алмазами (в рамках Кимберлийского процесса).

Санкции, применявшиеся в отношении нефтедобывающих стран, оказались гораздо менее эффективными. Объявлявшиеся в 1980–1990-х гг. странами-изгоями Иран, Судан, Бирма и Ливия продавали на мировом рынке достаточное количество углеводородов, чтобы правящие в них режимы оставались у кормила власти. Неэффективными могут быть даже санкции, налагаемые Советом безопасности ООН. Как представляется, применявшиеся в 1990–2003 гг. жесткие ограничения на поставки нефти Ираком, лишь незначительно повлияли на политику С. Хуссейна и на сохранение диктатором власти над страной. Высокий спрос на новые источники углеводородов превращает целевые санкции в относительно слабый политический инструмент.⁶²

62. Л. Венар предлагает заманчивый способ повышения эффективности санкций: страны — импортеры нефти могли бы отказаться от закупок ресурсов в странах с наиболее недемократическими режимами; одновременно они должны ввести пошлины на импорт товаров из государств, продолжающих приобре-

Импортёры нефти должны как минимум остановить финансирование конфликтов, объявив вне закона закупки гражданами своих стран, осуществляемые посредством приобретения концессий, предлагаемых мятежниками или их агентами. И мятеж в Конго-Браззавиле в 1997 г., и попытка переворота в Экваториальной Гвинее в 2004 г. финансировались инвесторами, которые рассчитывали на заключение нефтяных контрактов, в случае осуществления планов по свержению законной власти. Сегодня мятежники и бандиты, действующие в дельте Нигера, ежедневно в огромных количествах похищают нефть, а затем продают ее в зарубежные страны. Введение запрета на подобные закупки помогло бы предотвратить конфликты с применением насилия.

Возможно, немалых изменений позволили бы добиться усилия стран — импортёров нефти, направленные на повышение прозрачности. Перечисляемые странами-потребителями деньги способствуют упрочению положения правительств нефтедобывающих стран; раскрытие информации об этих денежных поступлениях способствовало бы расширению возможностей граждан. В большинстве стран Запада потребители, взглянув на товарные ярлыки или руководства пользователей, могут узнать, где были произведены их одежда, автомобили и компьютеры. Если они приобретают дорогие, произведенные за рубежом товары, такие как кофе или вино, покупателям доступна информация о том, в какой провинции был выращен виноград или на ка-

тать ресурсы в недемократических странах (Wenar 2008). Деньги, полученные благодаря сбору пошлин, помещаются в доверительный фонд, средства из которого впоследствии поступают демократически избранным властям, пришедшим на смену подвергшихся санкциям режимам. Напротив, по мнению Уильяма Кэмпфера, Антона Ловенберга и Уильяма Мертенса, введение экономических санкций может привести к обратным результатам, способствуя сохранению автократической власти (Kampfer, Lowenberg, and Mertens 2004).

ком склоне горы находились виноградники. Но им ничего не известно об источнике происхождения бензина в баках автомобилей. Энергетические компании могли бы изменить ситуацию, «публикуя сведения о том, что они заливают», то есть раскрывая данные о стране происхождения нефти, из которой был произведен бензин. Это помогло бы проинформировать потребителей о последствиях покупок. Одновременно энергетические компании получили бы стимул к более избирательным транзакциям, и возможно, к тому, чтобы направить свои усилия на улучшение положения в странах, с которыми они поддерживают деловые отношения.

Кроме того, международные компании должны раскрыть всю информацию о платежах, осуществляемых ими в адрес правительств нефтедобывающих стран. До настоящего времени они имели возможность избегать предоставления подобных сведений, что позволяло богатым нефтью государствам надежно хранить свои финансовые секреты. В июле 2010 г. важный шаг в направлении повышения транспарентности был сделан в США. Американский конгресс в рамках принятия Закона о реформировании Уолл-стрит и защите потребителей Додда-Франка обязал компании, акции которых обращаются на Нью-Йоркской фондовой бирже, публиковать информацию о такого рода платежах⁶³. Примеру американских властей должны последовать и правительства других стран.

Власти нефтедобывающих стран, желающие оставаться под покровом финансовой тайны, могут продавать свою нефть компаниям из менее транспарентных государств, таких как Китай, Малайзия и Россия. Но преобразования возможны даже в этих странах. Глобальные стандарты бухгалтерского учета устанавливает Совет по Международным стандартам финансовой отчетности, штаб-квартира которого находится в Лондоне. Сегодня 120 стран мира требуют или разрешают ком-

63. Юридический анализ нового закона см.: Firger 2010.

паниям, осуществляющих операции на их территории, предоставлять отчетность по международным стандартам. В настоящее время эти стандарты позволяют нефтедобывающим и горнорудным компаниям уклоняться от раскрытия информации о платежах, получаемых правительствами отдельных государств. Осуществление реформ, направленных на повышение степени прозрачности нефтяного бизнеса, имело бы далеко идущие последствия.

Со времен потрясений, происходивших на мировых энергетических рынках в 1970-х гг., в нефтедобывающих государствах стало меньше демократии и возможностей для женщин, чем в остальном мире, особенно в развивающихся странах. К тому же в них чаще вспыхивали гражданские войны, а экономический рост происходил рывками. Но геология — это не предназначение свыше. Нефть стала проклятием только потому, что она позволяет нефтедобывающим государствам без особых усилий получать аномально крупные, непредсказуемо изменяющиеся доходы, которые легко можно укрыть от внимания общественности. При этом государству даже не приходится прилагать особых усилий, как, например, при сборе налогов. Но все эти черты, обуславливающие нефтяное проклятие, могут быть изменены гражданами, государствами, международными институтами и даже потребителями, живущими в странах-импортерах. В наши дни нефтяное богатство сопровождается иными, чем в прошлом последствиями. Кто знает, возможно, они изменятся и в будущем. Хотелось бы надеяться — к лучшему.

Библиография

- Abidin, Mahani Zainal. 2001. "Competitive Industrialization with Natural Resource Abundance: Malaysia". In *Resource Abundance and Economic Development*, edited by Richard M. Auty, 147–164. Oxford: Oxford University Press.
- Acemoglu, Daron, Simon Johnson, and James A. Robinson. 2001. "The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation". *American Economic Review* (5): 1369–1401.
- Acemoglu, Daron, Simon Johnson, and James A. Robinson. 2002. "Reversal of Fortune: Geography and Institutions in the Making of the Modern World Income Distribution". *Quarterly Journal of Economics* 117 (4): 1231–1294.
- Acemoglu, Daron, Simon Johnson, James A. Robinson, and Yunyong Thatcharoen. 2003. "Institutional Causes, Macroeconomic Symptoms: Volatility, Crises, and Growth". *Journal of Monetary Economics* 50 (1): 49–123.
- Acemoglu, Daron, Simon Johnson, James A. Robinson, and Pierre Yared. 2008. "Income and Democracy". *American Economic Review* 98 (3): 808–842.
- Acemoglu, Daron, and James A. Robinson. 2005. *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. New York: Cambridge University Press.
- Achen, Christopher H. 2002. "Toward a New Political Methodology: Micro-foundations and Art". *Annual Review of Political Science* 5:423–450.
- Achen, Christopher H., and Larry Bartels. 2004. "Blind Retrospection: Electoral Responses to Drought, Flu, and Shark Attacks". Unpublished paper, Princeton University, Princeton, NJ.
- Adsera, Alicia, Carles Boix, and Mark Payne. 2003. "Are You Being Served? Political Accountability and Quality of Government". *Journal of Law, Economics, and Organization* 19 (2): 445–490.
- Aharoni, Yair, and William Ascher. 1998. "Restructuring the Arrangements between Government and State Enterprises in the Oil and Mining Sectors". *Natural Resources Forum* 22 (3): 201–213.
- Ahmad, Ehtisham, and Eric Mottu. 2003. "Oil Revenue Assignments: Country Experiences and Issues". In *Fiscal Policy Formulation and Implementation in Oil-Producing Countries*, edited by Jeffrey Davis, Rolando Ossowski, and Annalisa Fedelino, 216–242. Washington, DC: International Monetary Fund.

- Alesina, Alberto, Filipe Campante, and Guido Tabellini. 2008. "Why Is Fiscal Policy Often Procyclical?" *Journal of the European Economic Association* 6 (5): 1006–1036.
- Alesina, Alberto, Nouriel Roubini, and Gerald Cohen. 1997. *Political Cycles and the Macroeconomy*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Alesina, Alberto, and Enrico Spolaore. 1997. "On the Number and Size of Nations". *Quarterly Journal of Economics* 112 (4): 1027–1056.
- Alexeev, Michael, and Robert Conrad. 2009. "The Elusive Curse of Oil". *Review of Economics and Statistics* 91 (3): 586–598.
- Alnasrawi, Abbas. 1994. *The Economy of Iraq*. Westport, CT: Greenwood Press.
- Ames, Barry. 1987. *Political Survival: Politicians and Public Policy in Latin America*. Berkeley: University of California Press.
- Amin, Sajeda, Ian Diamond, Ruchira T. Naved, and Margaret Newby. 1998. "Transition to Adulthood of Female Garment-Factory Workers in Bangladesh". *Studies in Family Planning* 29 (2): 185–200.
- Amnesty International. 2000. "Oil in Sudan: Deteriorating Human Rights". Report AFR 54/01/00ERR. London: Amnesty International.
- Anderson, G. Norman. 1999. *Sudan in Crisis*. Gainesville: University Press of Florida.
- Anderson, Lisa. 1995. "Democracy in the Arab World: A Critique of the Political Culture Approach". In *Political Liberalization and Democratization in the Arab World; Volume One, Theoretical Perspectives*, edited by Rex Brynen, Bahgat Korany, and Paul Noble, 77–92. Boulder, CO: Lynne Rienner.
- Anderson, Siwan, and Mukesh Eswaran. 2005. "What Determines Female Autonomy? Evidence from Bangladesh". BREAD Working Paper No. 101. Department of Economics, University of British Columbia, Vancouver.
- Anker, Richard. 1997. "Theories of Occupational Segregation by Sex: An Overview". *International Labour Review* 136 (3): 315–339.
- Arellano, Manuel, and Stephen Bond. 1991. "Some Tests of Specification for Panel Data: Monte Carlo Evidence and an Application to Employment Equations". *Review of Economic Studies* 58 (2): 277–297.
- Arezki, Rabah, and Markus Bruckner. 2010. "Oil Rents, Corruption, and State Stability: Evidence from Panel Data Regressions". Unpublished paper, International Monetary Fund, Washington, DC.
- Ascher, William. 1999. *Why Governments Waste Natural Resources: Policy Failures in Developing Countries*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Ascher, William. 2009. *Bringing in the Future: Strategies for Farsightedness and Sustainability in Developing Countries*. Chicago: University of Chicago Press.
- Aslaksen, Silje. 2010. "Oil as Sand in the Democratic Machine?" *Journal of Peace Research* 47 (4): 421–431.
- Aspinall, Edward. 2007. "The Construction of Grievance: Natural Resources and Identity in a Separatist Conflict". *Journal of Conflict Resolution* 51 (6): 950.

- Assaad, Ragui. 2004. "Why Did Economic Liberalization Lead to Feminization of the Labor Force in Morocco and De-Feminization in Egypt?" Unpublished paper, University of Minnesota, Twin Cities.
- Assaad, Ragui, and Melanie Arntz. 2005. "Constrained Geographical Mobility and Gendered Labor Market Outcomes under Structural Adjustment: Evidence from Egypt". *World Development* 33 (3): 431-454.
- Auty, Richard M. 1990. *Resource-Based Industrialization: Sowing the Oil in Eight Developing Countries*. Oxford: Clarendon Press.
- Auty, Richard M. 2003. "Third Time Lucky for Algeria? Integrating an Industrializing Oil-Rich Country into the Global Economy". *Resources Policy* 29 (1): 37-47.
- Bahl, Roy. 2001. "Equitable Vertical Sharing and Decentralizing Government Finance in South Africa". International Studies Program Working Paper Series. Georgia State University, Atlanta.
- Bailyn, Bernard. 1967. *The Ideological Origins of the American Revolution*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Baldez, Lisa. 2004. "Elected Bodies: The Adoption of Gender Quota Laws for Legislative Candidates in Mexico". *Legislative Studies Quarterly* 29 (2): 231-258.
- Balzer, Harley. 2009. "Vladimir Putin's Academic Writings and Russian Natural Resource Policy". *Problems of Post-Communism* 53 (1): 48-54.
- Barma, Naazneen, Kai-Alexander Kaiser, Tuan Min Le, and Lorena Vinuela. 2011. *Rents to Riches? The Political Economy of Natural Resource-Led Development*. Washington, DC: World Bank.
- Barnett, Anthony, Martin Bright, and Patrick Smith. 2004. "How Much Did Straw Know and When Did He Know It?" *Observer*, November 28.
- Barrett, David B., George Kurian, and Todd Johnson. 2001. *World Christian Encyclopedia: A Comparative Survey of Churches and Religions in the Modern World*. New York: Oxford University Press.
- Barro, Robert J. 1997. *Determinants of Economic Growth: A Cross-country Empirical Study*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Basedau, Matthias, and Jann Lay. 2009. "Resource Curse or Rentier Peace? The Ambiguous Effects of Oil Wealth and Oil Dependence on Violent Conflict". *Journal of Peace Research* 46 (6): 757-776.
- Bates, Robert H. 1981. *Markets and States in Tropical Africa*. Berkeley: University of California Press.
- Bates, Robert H., and Da-Hsiang Donald Lien. 1985. "A Note on Taxation, Development, and Representative Government". *Politics and Society* 14 (2): 53-70.
- Baud, Isa. 1977. "Jobs and Values: Social Effects of Export-Oriented Industrialization in Tunisia". In *Industrial Re-adjustment and the International Division of Labour*. Tilburg, Netherlands: Development Research Institute.
- Beblawi, Hazem, and Giacomo Luciani. 1987. *The Rentier State in the Arab World. Vol. 2, Nation, State, and Integration in the Arab World*. London: Croom Helm.

- Beck, Nathaniel, Jonathan N. Katz, and Richard Tucker. 1998. "Taking Time Seriously in Binary Time-Series Cross Section Analysis". *American Journal of Political Science* 42 (4): 1260–1288.
- Bellver, Ana, and Daniel Kaufmann. 2005. "Transparenting Transparency". Washington, DC: World Bank.
- Besley, Timothy, and Torsten Persson. 2010. "State Capacity, Conflict, and Development". *Econometrica* 78 (1): 1–34.
- Bevan, David L., Paul Collier, and Jan Willem Gunning. 1999. *Nigeria and Indonesia*. New York: Oxford University Press.
- Bhattacharya, Rina, and Dhaneshwar Ghura. 2006. "Oil and Growth in the Republic of Congo". Washington, DC: International Monetary Fund.
- Bhavnani, Rikhil R. 2009. "Do Electoral Quotas Work after They Are Withdrawn? Evidence from a Natural Experiment in India". *American Political Science Review* 103 (1): 23–35.
- Birdsall, Nancy, and Arvind Subramanian. 2004. "Saving Iraq from Its Oil". *Foreign Affairs* 83 (4): 77–89.
- Blattman, Christopher, Jason Hwang, and Jeffrey Williamson. 2007. "Winners and Losers in the Commodity Lottery: The Impact of Terms of Trade Growth and Volatility in the Periphery, 1870–1939". *Journal of Development Economics* 82 (1): 156–179.
- Blattman, Christopher, and Edward Miguel. 2008. "Civil Wars". *Journal of Economic Literature* 48 (1): 3–57.
- Blaydes, Lisa. 2006. "Electoral Budget Cycles under Authoritarianism: Economic Opportunism in Mubarak's Egypt". Paper presented at the annual meeting of the Midwest Political Science Association, Chicago.
- Blaydes, Lisa, and Drew A Linzer. 2008. "The Political Economy of Women's Support for Fundamentalist Islam". *World Politics* 60 (4): 576–609.
- Block, Steven A. 2002. "Political Business Cycles, Democratization, and Economic Reform: The Case of Africa". *Journal of Development Economics* 67 (1): 205–228.
- Blundell, Richard, and Stephen Bond. 1998. "Initial Conditions and Moment Restrictions in Dynamic Panel Data Models". *Journal of Econometrics* 87 (1): 115–143.
- Boardman, Anthony, and Aidan Vining. 1989. "Ownership and Performance in Competitive Environments: A Comparison of the Performance of Private, Mixed, and State-Owned Enterprises". *Journal of Law and Economics* 32 (1): 1–33.
- Bodin, Jean. [1606] 1967. *Six Books of a Commonwealth*. New York: Barnes and Noble.
- Boix, Carles. 2003. *Democracy and Redistribution*. New York: Cambridge University Press.
- Boix, Carles, and Susan Stokes. 2003. "Endogenous Democracy". *World Politics* 55 (4): 517–549.
- Bolton, Patrick, and Gerard Roland. 1997. "The Breakup of Nations: A Political Economy Analysis". *Quarterly Journal of Economics* 112 (4): 1057–1090.

- Bordo, Michael David. 1975. "John E. Cairnes on the Effects of the Australian Gold Discoveries, 1851–73: An Early Application of the Methodology of Positive Economics". *History of Political Economy* 7 (3): 337–359.
- Bornhorst, Fabian, Sanjeev Gupta, and John Thornton. 2009. "Natural Resource Endowments and the Domestic Revenue Effort". *European Journal of Political Economy* 25 (4): 439–446.
- BP. 2010. "BP Statistical Review of World Energy". London: British Petroleum.
- Brady, Henry, and David Collier, eds. 2004. *Rethinking Social Inquiry*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield.
- Brand, Laurie A. 1992. "Economic and Political Liberalization in a Rentier Economy: The Case of the Hashemite Kingdom of Jordan". In *Privatization and Liberalization in the Middle East*, edited by Iliya Harik and Denis J. Sullivan, 167–188. Bloomington: Indiana University Press.
- Brand, Laurie A. 1998. *Women, the State, and Political Liberalization*. New York: Columbia University Press.
- Brautigam, Deborah, Odd-Helge Fjeldstad, and Mick Moore, eds. 2008. *Taxation and State-Building in Developing Countries: Capacity and Consent*. New York: Cambridge University Press.
- Brennan, Geoffrey, and James M. Buchanan. 1980. *The Power to Tax: Analytical Foundations of a Fiscal Constitution*. New York: Cambridge University Press.
- Bresnan, John. 1993. *Managing Indonesia: The Modern Political Economy*. New York: Columbia University Press.
- Brewster, Karin, and Ronald Rindfuss. 2000. "Fertility and Women's Employment in Industrialized Nations". *Annual Review of Sociology* 26:271–296.
- Brollo, Fernanda, Tommaso Nannicini, Roberto Perotti, and Guido Tabellini. 2010. "The Political Resource Curse". London: Centre for Economic Policy Research.
- Brosio, Giorgio. 2003. "Oil Revenue and Fiscal Federalism". In *Fiscal Policy Formulation and Implementation in Oil-Producing Countries*, edited by Jeffrey Davis, Rolando Ossowski, and Annalisa Fedelino, 243–272. Washington, DC: International Monetary Fund.
- Brumberg, Daniel, and Ariel Ahram. 2007. "The National Iranian Oil Company in Iranian Politics". Unpublished paper, Baker Institute for Public Policy, Rice University, Houston.
- Brunnschweiler, Christa, and Erwin Bulte. 2008. "The Resource Curse Revisited and Revised: A Tale of Paradoxes and Red Herrings". *Journal of Environmental Economics and Management* 55 (3): 248–264.
- Buchanan, James M., and Roger L. Faith. 1987. "Secession and the Limits of Taxation: Toward a Theory of Internal Exit". *American Economic Review* 77 (5):1023–1031.

- Buchanan, James M., Robert Tollison, and Gordon Tullock. 1980. *Toward a Theory of the Rent-Seeking Society*. College Station: Texas A&M University Press.
- Bueno de Mesquita, Bruce, Alastair Smith, Randolph M. Siverson, and James D. Morrow. 2003. *The Logic of Political Survival*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Buhaug, Halvard, Scott Gates, and Paivi Lujala. 2002. "Lootable Natural Resources and the Duration of Armed Civil Conflict, 1946–2001". Paper presented at the thirty-sixth annual Peace Science Society meeting, Tucson, AZ, November.
- Bulte, Erwin, Richard Damania, and Robert T. Deacon. 2005. "Resource Intensity, Institutions, and Development". *World Development* 33 (7): 1029–1044.
- Bunyanunda, Mac. 2005. "A Comparative Study of Mining Laws". Unpublished paper, University of California at Los Angeles.
- Burns, John F., and Kirk Semple. 2006. "US Finds Iraq Insurgency Has Funds to Sustain Itself". *New York Times*, November 26.
- Burns, Nancy, Kay Lehman Schlozman, and Sidney Verba. 2001. *The Private Roots of Public Action: Gender, Equality, and Political Participation*. Cambridge, CA: Harvard University Press.
- Cashin, Paul, and C. John McDermott. 2002. "The Long-run Behavior of Commodity Prices: Small Trends and Big Variability". *IMF Staff Papers* 49 (2): (2002): 175–199.
- Catão, Luis, and Bennett Sutton. 2002. "Sovereign Defaults". Washington, DC: International Monetary Fund.
- Caul, Miki. 2001. "Political Parties and the Adoption of Candidate Gender Quotas: A Cross-national Analysis". *Journal of Politics* 63 (4): 1214–1229.
- Cederman, Lars Erik, Simon Hug, and Lutz F. Krebs. 2010. "Democratization and Civil War: Empirical Evidence". *Journal of Peace Research* 47 (4): 377–394.
- Cederman, Lars Erik, Andreas Wimmer, and Brian Min. 2010. "Why Do Ethnic Groups Rebel?" *World Politics* 62 (1): 87–119.
- Chan-Fishel, Michelle, and Roxanne Lawson. 2007. "Quid Pro Quo? China's Investment-for-Resource Swaps in Africa". *Development* 50 (3): 63–68.
- Charrad, Mounira. 2001. *States and Women's Rights: The Making of Postcolonial Tunisia, Algeria, and Morocco*. Berkeley: University of California Press.
- Chattopadhyay, Raghavendra, and Ester Duflo. 2004. "Women as Policy Makers: Evidence from a Randomized Policy Experiment in India". *Econometrica* 72 (5): 1409–1443.
- Chaudhry, Kiren Aziz. 1989. "The Price of Wealth: Business and State in Labor Remittance and Oil Economies". *International Organization* 43 (1): 101–145.
- Chaudhry, Kiren Aziz. 1997. *The Price of Wealth: Economies and Institutions in the Middle East*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

- Cheibub, José Antonio, Jennifer Gandhi, and James R. Vreeland. 2010. "Democracy and Dictatorship Revisited". *Public Choice* 143 (1–2): 1–35.
- Chernick, Marc. 2005. "Economic Resources and Internal Armed Conflicts: Lessons from the Colombian Case". In *Rethinking the Economics of War*, edited by Cynthia J. Arnson and I. William Zartman, 178–205. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press.
- Chhibber, Pradeep. 2003. "Why Are Some Women Politically Active? The Household, Public Space, and Political Participation in India". In *Islam, Gender, Culture, and Democracy*, edited by Ronald Inglehart, 186–206. Willowlake, ON: de Sitter.
- Choucri, Nazli. 1986. "The Hidden Economy: A New View of Remittances in the Arab World". *World Development* 14 (6): 697–712.
- Christian Aid. 2001. "The Scorched Earth: Oil and War in Sudan". London: Christian Aid.
- Cingranelli, David L., and David L. Richards. 2008. "Cingranelli-Richards (Ciri) Human Rights Dataset". Available at <http://www.humanrightsdata.org>.
- Colander, David C. 1984. *Neoclassical Political Economy: The Analysis of Rent-Seeking and Dup Activities*. Cambridge, MA: Ballinger Publishing Company.
- Colgan, Jeffrey. 2010a. "Changing Oil Income, Persistent Authoritarianism". Unpublished paper, American University, Washington, DC.
- Colgan, Jeffrey. 2010b. "Oil and Revolutionary Governments: Fuel for International Conflicts". *International Organization* 64 (4): 661–694.
- Collier, Paul. 2007. *The Bottom Billion*. New York: Oxford University Press.
- Collier, Paul. 2010. *The Plundered Planet*. New York: Oxford University Press.
- Collier, Paul, V. L. Elliot, Havard Hegre, Anke Hoeffler, Marta Reynal-Querol, and Nicholas Sambanis. 2003. *Breaking the Conflict Trap: Civil War and Development Policy*. Washington, DC: World Bank.
- Collier, Paul, and Benedikt Goderis. 2009. "Commodity Prices, Growth, and the Natural Resource Curse: Reconciling a Conundrum". Unpublished paper, Center for the Study of African Economies, Oxford.
- Collier, Paul, and Anke Hoeffler. 1998. "On Economic Causes of Civil War". *Oxford Economic Papers* 50: 563–573.
- Collier, Paul, and Anke Hoeffler. 2004. "Greed and Grievance in Civil War". *Oxford Economic Papers* 56: 663–695.
- Collier, Paul, and Anke Hoeffler. 2009. "Testing the Neocon Agenda: Democracy in Resource-Rich Societies". *European Economic Review* 53 (3): 293–308.
- Collier, Paul, Anke Hoeffler, and Mans Soderbom. 2004. "On the Duration of Civil War". *Journal of Peace Research* 41 (3): 253–273.
- Collier, Paul, Frederick van der Ploeg, Michael Spence, and Anthony Venables. 2009. "Managing Resource Revenues in Developing Economies". Oxcarre Research Papers. Oxford: Oxford: Department of Economics, Oxford University.
- Commission on Growth and Development. 2008. *The Growth Report: Strategies for Sustained Growth and Inclusive Development*. Washington, DC: World Bank.

- Corden, W. Max, and J. Peter Neary. 1982. "Booming Sector and De-Industrialization in a Small Open Economy". *Economic Journal* 92: 825-848.
- Cotet, Anca, and Kevin K. Tsui. 2010. "Resource Curse or Malthusian Trap? Evidence from Oil Discoveries and Extractions". Unpublished paper, Muncie, IN.
- Coughlin, Con. 2002. *Saddam: His Rise and Fall*. New York: HarperCollins.
- Crosby, Alfred. 1986. *Ecological Imperialism: The Biological Expansion of Europe, 900-1900*. New York: Cambridge University Press.
- Crouch, Harold. 1978. *The Army and Politics in Indonesia*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Crystal, Jill. 1990. *Oil and Politics in the Gulf: Rulers and Merchants in Kuwait and Qatar*. New York: Cambridge University Press.
- Daude, Christian, and Ernesto Stein. 2007. "The Quality of Institutions and Foreign Direct Investment". *Economics and Politics* 19 (3): 317-344.
- Davis, Jeffrey, Rolando Ossowski, James Daniel, and Steven Barnett. 2003. "Stabilization and Savings Funds for Nonrenewable Resources: Experience and Fiscal Policy Implications". In *Fiscal Policy Formulation and Implementation in Oil-Producing Countries*, edited by Jeffrey Davis, Rolando Ossowski, and Annalisa Fedelino, 273-315. Washington, DC: International Monetary Fund.
- de Soysa, Indra. 2002. "Ecoviolence: Shrinking Pie or Honey Pot?" *Global Environmental Politics* 2 (4): 1-34.
- de Soysa, Indra, Erik Gartzke, and Tove Grete Lin. 2009. "Oil, Blood, and Strategy: How Petroleum Influences Interstate Disputes". Unpublished paper, University of California at San Diego, La Jolla.
- de Soysa, Indra, and Eric Neumayer. 2005. "Natural Resources and Civil War: Another Look with New Data". *Conflict Management and Peace Science* 24 (3): 201-218.
- Desai, Raj, Lev Freinkman, and Itzhak Goldberg. 2005. "Fiscal Federalism in Rentier Regions: Evidence from Russia". *Journal of Comparative Economics* 33 (4): 814-834.
- Dewenter, Kathryn, and Paul Malatesta. 2001. "State-Owned and Privately Owned Firms: An Empirical Analysis of Profitability, Leverage, and Labor Intensity". *American Economic Review* 91 (1): 320-334.
- Diamond, Jared. 1997. *Guns, Germs, and Steel*. New York: W. W. Norton.
- Diamond, Larry. 2008. *The Spirit of Democracy: The Struggle to Build Free Societies throughout the World*. New York: Times Books.
- Diamond, Larry, Juan J. Linz, and Seymour Martin Lipset. 1988. *Democracy in Developing Countries*. Boulder, CO: Lynne Rienner.
- Donno, Daniela, and Bruce Russett. 2004. "Islam, Authoritarianism, and Female Empowerment". *World Politics* 56 (4): 582-607.
- Dube, Oeindrila, and Juan Vargas. 2009. "Commodity Price Shocks and Civil Conflict: Evidence from Colombia". Unpublished paper, Harvard University, Cambridge, MA.
- Duncan, Roderick. 2006. "Price or Politics? An Investigation of the Causes of Expropriation". *Australian Journal of Agricultural and Resource Economics* 50 (1): 85-101.

- Dunning, Thad. 2008. *Crude Democracy: Natural Resource Wealth and Political Regimes*. New York: Cambridge University Press.
- Egorov, Georgy, Sergei Guriev, and Konstantin Sonin. 2009. "Why Resource-Poor Dictators Allow Freer Media". *American Political Science Review* 103 (4): 645–668.
- Eifert, Benn, Alan Gelb, and Nils Borje Tallroth. 2003. "The Political Economy of Fiscal Policy and Economic Management in Oil-Exporting Countries". In *Fiscal Policy Formulation and Implementation in Oil-Producing Countries*, edited by Jeffrey Davis, Rolando Ossowski, and Annalisa Fedelino, 82–122. Washington, DC: International Monetary Fund.
- Elian, Gheorghe. 1979. *The Principle of Sovereignty over Natural Resources*. Amsterdam: Sijthoff and Noordhoof International Publishers.
- Eller, Stacy, Peter Hartley, and Kenneth Medlock. 2010. "Empirical Evidence on the Operational Efficiency of National Oil Companies". *Empirical Economics* 39 (3).
- Energy Information Administration. 2010. "International Energy Outlook". Washington, DC: Energy Information Administration.
- Engel, Eduardo, and Rodrigo Valdes. 2000. "Optimal Fiscal Strategy for Oil-Exporting Countries". IMF Working Paper. Washington, DC: International Monetary Fund.
- Engels, Friedrich. [1884] 1978. "The Origin of the Family, Private Property, and the State". In *The Marx-Engels Reader*, edited by Robert C. Tucker. New York: W. W. Norton.
- Englebert, Pierre. 2009. *Africa: Unity, Sovereignty, and Sorrow*. Boulder, CO: Lynne Rienner.
- Englebert, Pierre, and James Ron. 2004. "Primary Commodities and War: Congo-Brazzaville's Ambivalent Resource Curse". *Comparative Politics* 37 (1): 61–81.
- Entelis, John P. 1976. "Oil Wealth and the Prospects for Democratization in the Arabian Peninsula: The Case of Saudi Arabia". In *Arab Oil: Impact on the Arab Countries and Global Implications*, edited by Naïem A. Sherbiny and Mark A. Tessler, 77–111. New York: Praeger Publishers.
- Epstein, David L., Robert Bates, Jack Goldstone, Ida Kristensen, and Sharlyn O'Halloran. 2006. "Democratic Transitions". *American Journal of Political Science* 50 (3): 551–569.
- Fearon, James D. 2004. "Why Do Some Civil Wars Last So Much Longer Than Others?" *Journal of Peace Research* 41 (3): 275–303.
- Fearon, James D. 2005. "Primary Commodity Exports and Civil War". *Journal of Conflict Resolution* 49 (4): 483–507.
- Fearon, James D., and David D. Laitin. 2003. "Ethnicity, Insurgency, and Civil War". *American Political Science Review* 97 (1): 75–90.
- Firger, Daniel. 2010. "Transparency and the Natural Resource Curse: Examining the New Extraterritorial Information Forcing Rules in the Dodd-Frank Wall Street Reform Act of 2010". *Georgetown Journal of International Law* 41 (4): 1043–1095.

- First, Ruth. 1980. "Libya: Class and State in an Oil Economy". In *Oil and Class Struggle*, edited by Petter Nore and Terisa Turner, 119–142. London: Zed Press.
- Fish, M. Stephen. 2002. "Islam and Authoritarianism". *World Politics* 55:4–37.
- Fish, M. Stephen. 2005. *Democracy Derailed in Russia*. New York: Cambridge University Press.
- Frank, Claudia, and Lena Guesnet. 2010. "We Were Promised Development and All We Got Is Misery: The Influence of Petroleum on Conflict Dynamics in Chad". Bonn: Bonn International Center for Conversion.
- Frankel, Jeffrey A. 2010. "The Natural Resource Curse: A Survey". NBER Working Paper. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research.
- Frankel, Paul. 1989. "Essentials of Petroleum: A Key to Oil Economics". In *Paul Frankel: Common Carrier of Common Sense*, edited by Ian Skeet, 1–71. Oxford: Oxford University Press.
- Frederikssen, Elisabeth Hermann. 2007. "Labor Mobility, Household Production, and the Dutch Disease". Unpublished paper, University of Copenhagen.
- Freedom House. 2007. "Freedom of the Press". Available at <http://www.freedomhouse.org/template.cfm?page=16>.
- Freeman, Richard B., and Remco H. Oostendorp. 2009. "Occupational Wages around the World Database". Available at <http://www.nber.org/oww/>.
- Friedman, Thomas. 2006. "The First Law of Petropolitics". *Foreign Policy* 154: 28–39.
- Fujita, Masahisa, Paul Krugman, and Anthony Venables. 2001. *The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Fung, Archon, Mary Graham, and David Weil. 2007. *Full Disclosure: The Perils and Promise of Transparency*. New York: Cambridge University Press.
- Gaddy, Clifford G., and Barry W. Ickes. 2005. "Resource Rents and the Russian Economy". *Eurasian Geography and Economics* 46 (8): 559–583.
- Gaidar, Yegor. 2008. *Collapse of an Empire: Lessons for Modern Russia*. Translated by Antonina W. Bouis. Washington, DC: Brookings Institution Press.
- Gallo, Martine-Renée, and Marc-Éric Gruénai. 1997. "Fighting for Power in the Congo". *Le Monde Diplomatique*, November.
- Gandhi, Jennifer, and Ellen Lust-Okar. 2009. "Elections under Authoritarianism". *Annual Review of Political Science* 12: 403–422.
- Gassebner, Martin, Michael J. Lamla, and James R. Vreeland. 2008. "Extreme Bounds of Democracy". Unpublished paper.
- Gause, F. Gregory, III. 1995. "Regional Influences on Experiments in Political Liberalization in the Arab World". In *Political Liberalization in the Arab World*, edited by Rex Brynen, Bahgat Korany, and Paul Noble, 283–306. Boulder, CO: Lynne Rienner.

- Gauthier, Bernard, and Albert Zeufack. 2009. "Governance and Oil Revenues in Cameroon". Oxcarre Research Papers. Oxford: Oxford: Department of Economics, Oxford University.
- Gelb, Alan, and Associates. 1988. *Oil Windfalls Blessing or Curse?* New York: Oxford University Press.
- Gelb, Alan, and Caroline Decker. 2011. "Cash at Your Fingertips: Technology for Transfers in Resource-Rich Countries". Center for Global Development, Washington, DC.
- Gelb, Alan, and Sina Grasman. 2010. "How Should Oil Exporters Spend Their Rents?" Working Paper. Washington, DC: Center for Global Development.
- Gerring, John, Strom C. Thacker, and Rodrigo Alfaro. 2005. "Democracy and Human Development". Unpublished paper, Boston University.
- Gervasoni, Carlos. 2010. "A Rentier Theory of Subnational Regimes". *World Politics* 62 (2): 302–340.
- Gesellschaft fur Technische Zusammenarbeit. 2007. "International Fuel Prices 2007". Eschborn, Germany: Federal Ministry for Economic Cooperation and Development.
- Gillies, Alexandra. 2010. "Reputational Concerns and the Emergence of Oil Sector Transparency as an International Norm". *International Studies Quarterly* 54 (1): 103–126.
- Gleditsch, Kristian Skrede. 2002. *All International Politics Is Local: The Diffusion of Conflict, Integration, and Democratization*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Gleditsch, Kristian Skrede, and Michael D Ward. 2006. "Diffusion and the International Context of Democratization". *International Organization* 60: 911–933.
- Gleditsch, Nils Petter, Peter Wallensteen, Mikael Eriksson, Margareta Soltenberg, and Harvard Strand. 2002. "Armed Conflict, 1946–2001: A New Data-set". *Journal of Peace Research* 39 (5): 615–637.
- Goldberg, Ellis, Erik Wibbels, and Eric Mvukiyehe. 2009. "Lessons from Strange Cases: Democracy, Development, and the Resource Curse in the U. S. States". *Comparative Political Studies* 41 (4–5): 477–514.
- Goldman, Marshall I. 2004. "Putin and the Oligarchs". *Foreign Affairs* 83 (6): 33–44.
- Goldman, Marshall I. 2008. *Petrostate: Putin, Power, and the New Russia*. New York: Oxford University Press.
- Goldsmith, Scott. 2001. "The Alaska Permanent Fund Dividend Program". Unpublished paper, Anchorage.
- Gould, Eric D., Bruce A. Weinberg, and David B. Mustard. 2002. "Crime Rates and Local Labor Market Opportunities in the United States: 1979–1997". *Review of Economics and Statistics* 84 (1): 45–61.
- Greene, Kenneth. 2010. "The Political Economy of Authoritarian Single-Party Dominance". *Comparative Political Studies* 43 (7): 807–834.
- Grogger, Jeff. 1998. "Market Wages and Youth Crime". *Journal of Labor Economics* 16 (4): 756–791.

- Guriey, Sergei, Anton Kolotilin, and Konstantin Sonin. 2010. "Determinants of Nationalization in the Oil Sector: A Theory and Evidence from Panel Data". *Journal of Law, Economics, and Organization*.
- Guriey, Sergei, and William Megginson. 2007. "Privatization: What Have We Learned". In *Annual World Bank Conference on Development Economics: Beyond Transition*, edited by Francois Bourguignon and Boris Pleskovic, 249–296. Washington, DC: World Bank.
- Haber, Stephen, and Victor Menaldo. 2009. "Do Natural Resources Fuel Authoritarianism?" Unpublished paper, Stanford University, Palo Alto, CA.
- Haggard, Stephan, and Robert R. Kaufman. 1995. *The Political Economy of Democratic Transitions*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Halperin, Morton H., Joseph T. Siegle, and Michael W. Weinstein. 2005. *The Democracy Advantage*. New York: Routledge.
- Hameed, Farhan. 2005. "Fiscal Transparency and Economic Outcomes". IMF Working Paper. Washington, DC: International Monetary Fund.
- Hamilton, Alexander, James Madison, and John Jay. [1788] 2000. *The Federalist Papers*. New York: Signet.
- Hamilton, James. "Understanding Crude Oil Prices". 2008. *Energy Journal* 30 (2): 179–206.
- Hamilton, Kirk, and Michael Clemens. 1999. "Genuine Savings Rates in Developing Countries". *World Bank Economic Review* 13 (2): 333–356.
- Hamilton, Kirk, Giovanni Ruta, and Liaila Tajibaeva. 2005. "Capital Accumulation and Resource Depletion: A Hartwick Rule Counterfactual". World Bank Policy Research Working Papers. Washington, DC: World Bank.
- Hansen, Susan B. 1997. "Talking about Politics: Gender and Contextual Effects on Political Proselytizing". *Journal of Politics* 59 (1): 73–103.
- Harbom, Lotta, Stina Höglbladh, and Peter Wallensteen. 2006. "Armed Conflict and Peace Agreements". *Journal of Peace Research* 43 (5): 617–631.
- Hartshorn, Jack E. 1962. *Oil Companies and Governments*. London: Faber and Faber.
- Hartwick, John M. 1977. "Intergenerational Equity and the Investing of Rents from Exhaustible Resources". *American Economic Review* 67 (5): 972–974.
- Hassmann, Heinrich. 1953. *Oil in the Soviet Union: History, Geography, Problems*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Hausmann, Ricardo, Lant Pritchett, and Dani Rodrik. 2005. "Growth Accelerations". *Journal of Economic Growth* 10 (4): 303–329.
- Heal, Geoffrey. 2007. "Are Oil Producers Rich?" In *Escaping the Resource Curse*, edited by Macartan Humphreys, Jeffrey Sachs, and Joseph E. Stiglitz, 155–172. New York: Columbia University Press.
- Hegre, Håvard, Tanja Ellingsen, Scott Gates, and Nils Peter Gleditsch. 2001. "Toward a Democratic Civil Peace? Democracy, Political Change, and Civil War, 1816–1992". *American Political Science Review* 95 (1): 33–48.
- Hegre, Håvard, and Nicholas Sambanis. 2006. "Sensitivity Analysis of Empirical Results on Civil War Onset". *Journal of Conflict Resolution* 50 (4): 508–533.

- Heilbrunn, John. 2005. "Oil and Water? Elite Politicians and Corruption in France". *Comparative Politics* 37 (3): 277–296.
- Herb, Michael. 1999. *All in the Family: Absolutism, Revolution, and Democracy in the Middle East*. Albany: State University of New York Press.
- Herb, Michael. 2005. "No Representation without Taxation? Rents, Development, and Democracy". *Comparative Politics* 37 (3): 297–317.
- Herschman, Andrea. 2009. "The Politics of Oil Wealth Management: Lessons from the Caspian and Beyond". Unpublished paper, University of California at Los Angeles.
- Hertog, Steffen. 2007. "Shaping the Saudi State: Human Agency's Shifting Role in Rentier-State Formation". *International Journal of Middle East Studies* 39: 539–563.
- Hertog, Steffen. 2010. *Princes, Brokers, and Bureaucrats: Oil and the State in Saudi Arabia*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Heston, Alan, Robert Summers, and Bettina Aten. n. d. "Penn World Table Version 6.1". Philadelphia: Center for International Comparisons, University of Pennsylvania.
- Heuty, Antoine, and Ruth Carlitz. "Resource Dependence and Budget Transparency". New York: Revenue Watch Institute.
- Hibbs, Douglas. 1987. *The American Political Economy*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Hiorth, Finngeir. 1986. "Free Aceh: An Impossible Dream?" *Kabar Seberang* 17: 182–194.
- Hirschman, Albert O. 1958. *The Strategy of Economic Development*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Hjort, Jonas. 2006. "Citizen Funds and Dutch Disease in Developing Countries". *Resources Policy* 31 (3): 183–191.
- Hoffman, Philip T., and Kathryn Norberg, eds. 1994. *Fiscal Crises, Liberty, and Representative Government, 1450–1789*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Horton, Susan. 1999. "Marginalization Revisited: Women's Market Work and Pay, and Economic Development". *World Development* 27 (3): 571–582.
- Hotelling, Harold. 1931. "The Economics of Exhaustible Resources". *Journal of Political Economy* 39 (2): 137–175.
- Hudson, Michael. 1995. "The Political Culture Approach to Arab Democratization: The Case for Bringing It Back in, Carefully". In *Political Liberalization and Democratization in the Arab World; Volume One, Theoretical Perspectives*, edited by Rex Brynen, Bahgat Korany, and Paul Noble, 61–76. Boulder, CO: Lynne Rienner.
- Human Rights Watch. 2004. "Some Transparency, No Accountability: The Use of Oil Revenue in Angola and Its Impact on Human Rights". Human Rights Watch, New York.
- Humphreys, Macartan. 2005. "Natural Resources, Conflict, and Conflict Resolution: Uncovering the Mechanisms". *Journal of Conflict Resolution* 49 (4): 508–537.
- Humphreys, Macartan, Jeffrey Sachs, and Joseph E. Stiglitz. 2007. *Escaping the Resource Curse*. New York: Columbia University Press.

- Humphreys, Macartan, and Martin E. Sandbu. 2007. "The Political Economy of Natural Resource Funds". In *Escaping the Resource Curse*, edited by Macartan Humphreys, Jeffrey Sachs and Joseph E. Stiglitz, 194–234. New York: Columbia University Press, 2007.
- Humphreys, Macartan, and Jeremy Weinstein. 2006. "Handling and Mandoing Civilians in Civil War". *American Political Science Review* 100 (93): 429–477.
- Hunt, Shane J. 1985. "Growth and Guano in Nineteenth-Century Peru". In *The Latin American Economies*, edited by Roberto Cortes Conde and Shane J. Hunt, 255–318. New York: Holmes and Meier.
- Huntington, Samuel P. 1991. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman: University of Oklahoma Press.
- Ilzetzki, Ethan, and Carlos A. Vegh. 2008. "Procyclical Fiscal Policy in Developing Countries: Truth or Fiction?" Unpublished paper.
- Inglehart, Ronald. 1997. *Modernization and Postmodernization*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Inglehart, Ronald, and Pippa Norris. 2003. *Rising Tide*. New York: Cambridge University Press.
- Inkeles, Alex, and David H. Smith. 1974. *Becoming Modern*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- International Budget Partnership. 2008. "Open Budget Survey 2008". Washington, DC: International Budget Partnership.
- International Budget Partnership. 2010. "Open Budget Survey 2010". Washington, DC: International Budget Partnership.
- International Crisis Group. 2001. "Aceh: Why Military Force Won't Bring Lasting Peace". Brussels: International Crisis Group.
- International Crisis Group. 2006a. "Fuelling the Niger Delta Crisis". Brussels: International Crisis Group.
- International Crisis Group. 2006b. "The Swamps of Insurgency: Nigeria's Delta Unrest". Brussels: International Crisis Group.
- International Crisis Group. 2007. "Venezuela: Hugo Chavez's Revolution". Brussels: International Crisis Group.
- International Labor Organization. 2007. "Data on Saudi Arabian Labor Force". Available at <http://laborsta.ilo.org/>.
- International Monetary Fund. 2007. "Russian Federation: 2007 Article IV Consultation". Washington, DC: International Monetary Fund.
- International Monetary Fund. 2008. "Islamic Republic of Iran: Selected Issues". IMF Country Report. Washington, DC: International Monetary Fund.
- Isham, Jonathan, Michael Woolcock, Lant Pritchett, and Gwen Busby. 2005. "The Varieties of the Rentier Experience: How Natural Resource Export Structures Affect the Political Economy of Growth". *World Bank Economic Review* 19 (2): 141–174.
- Iversen, Torben, and Frances Rosenbluth. 2006. "The Political Economy of Gender: Explaining Cross-national Variation in the Gender Division of Labor and the Gender Voting Gap". *American Journal of Political Science* 50 (1): 1–19.

- Iversen, Torben, and Frances Rosenbluth. 2008. "Work and Power: The Connection between Female Labor Force Participation and Female Political Representation". *Annual Review of Political Science* 11: 479–495.
- Jaffee, Amy Myers, and Robert Manning. 2000. "The Shocks of a World of Cheap Oil". *Foreign Affairs* 79 (1): 16–29.
- Jaffee, Amy Myers, and Mahmoud El-Gamal. 2010. *Oil, Dollars, Debt, and Crises: The Global Curse of Black Gold*. New York: Cambridge University Press.
- Jamal, Amaney, Irfan Nooruddin, Michael L. Ross, and Michael Hoffman. 2010. "Fertility and Economic Development in the Muslim World". Unpublished paper, Princeton University, Princeton, NJ.
- Javorcik, Beata Smarzynska. 2004. "Does Foreign Direct Investment Increase the Productivity of Domestic Firms? In Search of Spillovers through Backward Linkages". *American Economic Review* 94 (3): 605–627.
- Jensen, Nathan, and Leonard Wantchekon. 2004. "Resource Wealth and Political Regimes in Africa". *Comparative Political Studies* 37 (9): 816–841.
- Jodice, David A. 1980. "Sources of Change in Third World Regimes for Foreign Direct Investment, 1968–1976". *International Organization* 34 (2): 177–206.
- Joekes, Susan P. 1982. "Female-Led Industrialization: Women's Jobs in Third World Export Manufacturing — the Case of the Moroccan Clothing Industry". Unpublished paper, Institute for Development Studies, Sussex, UK.
- Johnston, David. 2007. "How to Evaluate Fiscal Terms". In *Escaping the Resource Curse*, edited by Macartan Humphreys, Jeffrey Sachs, and Joseph E. Stiglitz, 56–95. New York: Columbia University Press.
- Jones, Bryan, and Walter Williams. 2008. *The Politics of Bad Ideas: The Great Tax Delusion and the Decline of Good Government in America*. New York: Pearson Longman.
- Jones Luong, Pauline, and Erika Weinthal. 2010. *Oil Is Not a Curse: Ownership Structure and Institutions in Soviet Successor States*. New York: Cambridge University Press.
- Kabeer, Naila, and Simeen Mahmud. 2004. "Globalization, Gender, and Poverty: Bangladeshi Women Workers in Export and Local Markets". *Journal of International Development* 16:93–109.
- Kaempfer, William, Anton Lowenberg, and William Mertens. 2004. "International Economic Sanctions against a Dictator". *Economics and Politics* 16 (1): 29–51.
- Kaiser, Kai. 2010. *Rents to Riches*. Washington, DC: World Bank.
- Kalyvas, Stathis. 2007. "Civil Wars". In *Handbook of Political Science*, edited by Susan Stokes and Carles Boix, 416–434. New York: Oxford University Press.
- Kalyvas, Stathis, and Laia Balcells. 2010. "International System and Technologies of Rebellion: How the End of the Cold War Shaped Internal Conflict". *American Political Science Review* 104 (3): 415–429.
- Kaminsky, Graciela, Carmen Reinhart, and Carlos A. Vegh. 2004. "When It

- Rains, It Pours: Procyclical Capital Flows and Macroeconomic Policies". *NBER Macroeconomics Annual* 19: 11–53.
- Kang, Alice. 2009. "Studying Oil, Islam, and Women as If Political Institutions Mattered". *Politics and Gender* 5 (4): 560–568.
- Karl, Terry Lynn. 1997. *The Paradox of Plenty: Oil Booms and Petro-States*. Berkeley: University of California Press.
- Kaufmann, Daniel, and Aart Kraay. 2008. "Governance Indicators: Where Are We, Where Should We Be Going?" *World Bank Research Observer* 23 (1): 1–30.
- Keen, David. 1998. "The Economic Functions of Violence in Civil Wars". Adelphi Paper. London: International Institute of Strategic Studies.
- Kell, Tim. 1995. *The Roots of Acehnese Rebellion, 1989–1992*. Ithaca, NY: Cornell Modern Indonesia Project.
- Key, Valdimer O. 1949. *Southern Politics in State and Nation*. New York: Knopf.
- Kilian, Lutz. 2008. "The Economic Effects of Energy Price Shocks". *Journal of Economic Literature* 46 (4): 871–909.
- King, Gary, and Langche Zeng. 2001. "Logistic Regression in Rare Events Data". *Political Analysis* 9 (2): 137–163.
- King, Gary, and Langche Zeng. 2006. "The Danger of Extreme Counterfactuals". *Political Analysis* 14 (2): 131–159.
- Klare, Michael. 2006. "America, China, and the Scramble for Africa's Oil". *Review of African Political Economy* 33 (108): 297–309.
- Kobrin, Stephen J. 1980. "Foreign Enterprise and Forced Divestment in LDCs". *International Organization* 34 (1): 65–88.
- Kolstad, Ivar, and Arne Wiig. 2009. "Is Transparency the Key to Reducing Corruption in Resource-Rich Countries?" *World Development* 37 (3): 521–532.
- Kotkin, Stephen. 2001. *Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970–2000*. New York: Oxford University Press.
- Krasner, Stephen D. 1978. *Defending the National Interest: Raw Materials Investments and U.S. Foreign Policy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Kretzschmar, Gavin, Axel Kirchner, and Liliya Sharifzyanova. 2010. "Resource Nationalism: Limits to Foreign Direct Investment". *Energy Journal* 31 (2): 27–52.
- Krueger, Anne O. 1974. "The Political Economy of the Rent-Seeking Society". *American Economic Review* 64: 291–303.
- Krugman, Paul. 1987. "The Narrow Moving Band, the Dutch Disease, and the Competitive Consequences of Mrs. Thatcher: Notes on Trade in the Presence of Dynamic Scale Economies". *Journal of Development Economics* 27: 41–55.
- La Porta, Rafael, Florencio Lopez-de-Silanes, Andrei Shleifer, and Robert W. Vishny. 1999. "The Quality of Government". *Journal of Law, Economics, and Organization* 15 (1): 222–279.
- Lake, David A., and Matthew Baum. 2001. "The Invisible Hand of Democracy: Political Control and the Provision of Public Services". *Comparative Political Studies* 34 (6): 587–621.

- Lallemand, Alain. 2001. "June 1997 Civil War: Lissouba Needs Weapons and Money". *Le Soir*, July 7.
- Landes, David S. 1998. *The Wealth and Poverty of Nations*. New York: W. W. Norton.
- Le Billon, Philippe. 2001. "The Political Ecology of War: Natural Resources and Armed Conflicts". *Political Geography* 20: 561–584.
- Le Billon, Philippe. 2005. *Fuelling War: Natural Resources and Armed Conflicts*. New York: Routledge, 2005.
- Le Billon, Philippe, and Eric Nicholls. 2007. "Ending 'Resource Wars': Revenue Sharing, Economic Sanctions, or Military Intervention?" *International Peacekeeping* 14 (5): 613–632.
- Leite, Carlos, and Jens Weidmann. 1999. "Does Mother Nature Corrupt? Natural Resources, Corruption, and Economic Growth". IMF Working Paper. Washington, DC: International Monetary Fund.
- Lerner, Daniel. 1958. *The Passing of Traditional Society*. New York: Free Press.
- Levi, Margaret. 1988. *Of Rule and Revenue*. Berkeley: University of California Press.
- Levin, Jonathan V. 1960. *The Export Economies: Their Pattern of Development in Historical Perspective*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Levy, Brian. 1982. "World Oil Marketing in Transition". *International Organization* 36 (1): 113–133.
- Lewis, John P. 1974. "Oil, Other Scarcities, and the Poor Countries". *World Politics* 27 (1): 63–86.
- Lewis, Peter. 2007. *Growing Apart: Oil, Politics, and Economic Change in Indonesia and Nigeria*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Lewis, W. Arthur. 1955. *The Theory of Economic Growth*. Homewood, IL: R. D. Irwin.
- Libecap, Gary D. 1989. *Contracting for Property Rights*. New York: Cambridge University Press.
- Lipset, Seymour Martin. 1959. "Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy". *American Political Science Review* 53 (1): 69–105.
- Livani, Talajeh. 2007. "Middle East and North Africa: Gender Overview". Washington, DC: World Bank.
- Loayza, Norman V., Romain Ranciere, Luis Servén, and Jaime Ventura. 2007. "Macroeconomic Volatility and Welfare in Developing Countries: An Introduction". *World Bank Economic Review* 21 (3): 343–357.
- Londregan, John B., and Keith T. Poole. 1996. "Does High Income Promote Democracy?" *World Politics* 49:1–30.
- Lowi, Miriam R. 2009. *Oil Wealth and the Poverty of Politics: Algeria Compared*. New York: Cambridge University Press.
- Lubeck, Paul, Michael Watts, and Ronnie Lipschutz. 2007. "Convergent Interests: U. S. Energy Security and the 'Securing' of Nigerian Democracy". International Policy Report. Washington, DC: Center for International Policy.
- Lujala, Päivi. 2009. "Deadly Combat over Natural Resources: Gems, Petroleum, Drugs, and the Severity of Armed Civil Conflict". *Journal of Conflict Resolution* 53 (1): 50.

- Lujala, Päivi. 2010. "The Spoils of Nature: Armed Civil Conflict and Rebel Access to Natural Resources". *Journal of Peace Research* 47 (1): 15–28.
- Lujala, Päivi, Nils Petter Gleditsch, and Elisabeth Gilmore. 2005. "A Diamond Curse? Civil War and a Lootable Resource". *Journal of Conflict Resolution* 49 (4): 538–562.
- Lujala, Päivi, Jan Ketil Rød, and Nadja Thieme. 2007. "Fighting over Oil: Introducing a New Dataset". *Conflict Management and Peace Science* 24 (3): 239–256.
- Maass, Peter. 2009. *Crude World: The Violent Twilight of Oil*. New York: Knopf.
- Maddison, Angus. 2009. "Historical Statistics of the World Economy, 1–2008". Unpublished paper, Groeningen, Netherlands.
- Magaloni, Beatriz. 2006. *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and Its Demise in Mexico*. New York: Cambridge University Press.
- Mahdavi, Paasha. 2011. "Oil, Monarchy, Revolution, and Theocracy: A Study on the National Iranian Oil Company". In *Oil and Governance: State-Owned Enterprises and the World Energy Supply*, edited by David G. Victor, David Hults, and Mark Thurber. New York: Cambridge University Press.
- Mahdavy, Hussein. 1970. "The Patterns and Problems of Economic Development in Rentier States: The Case of Iran". In *Studies in Economic History of the Middle East*, edited by M. A. Cook, 428–467. London: Oxford University Press.
- Mammen, Kristin, and Christina Paxson. 2000. "Women's Work and Economic Development". *Journal of Economic Perspectives* 14 (4): 141–164.
- Manasse, Paolo. 2006. "Procyclical Fiscal Policy: Shocks, Rules, and Institutions — a View from Mars". Washington, DC: International Monetary Fund.
- Manzano, Osmel, and Roberto Rigobon. 2007. "Resource Curse or Debt Overhang?" In *Natural Resources: Neither Curse nor Destiny*, edited by Daniel Lederman and William F. Maloney, 41–70. Washington, DC: World Bank.
- Mares, David, and Nelson Altamirano. 2007. "Venezuela's PDVSA and World Energy Markets". Unpublished paper, Baker Institute for Public Policy, Rice University, Houston.
- Marshall, Monty, and Keith Jagers. 2007. "Polity IV Project, Political Regime Characteristics 1800–2004". Available at <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm> (accessed March 1, 2008).
- Matland, Richard E. 1998. "Women's Representation in National Legislatures: Developed and Developing Countries". *Legislative Studies Quarterly* 23 (1): 109–125.
- Matsen, Egil, and Ragnar Torvik. 2005. "Optimal Dutch Disease". *Journal of Development Economics* 78 (2): 494–515.
- Maugeri, Leonardo. 2006. *The Age of Oil: The Mythology, History, and Future of the World's Most Controversial Resource*. Westport, CT: Praeger.
- McCartney, Laton. 2008. *The Teapot Dome Scandal*. New York: Random House.
- McCullough, David. 2001. *John Adams*. New York: Simon and Schuster.

- McFaul, Michael, and Kathryn Stoner-Weiss. 2008. "The Myth of the Authoritarian Model". *Foreign Affairs* 87 (1): 68–84.
- McGuirk, Eoin. 2010. "The Illusory Leader: Natural Resources, Taxation, and Accountability". Unpublished paper, Trinity College, Dublin.
- McPherson, Charles. 2003. "National Oil Companies: Evolution, Issues, Outlook". In *Fiscal Policy Formulation and Implementation in Oil-Producing Countries*, edited by Jeffrey Davis, Rolando Ossowski, and Annalisa Fedelino, 204–215. Washington, DC: International Monetary Fund.
- Meadows, Donella H., Dennis L. Meadows, Jorgen Randers, and William W. Behrens III. 1972. *The Limits to Growth*. New York: Universe Books.
- Melhum, Halvor, Karl Moene, and Ragnar Torvik. 2006. "Institutions and the Resource Curse". *Economic Journal* 116 (1): 1–20.
- Metcalf, Gilbert, and Catherine Wolfram. 2010. "Cursed Resources? Political Conditions and Oil Market Volatility". Unpublished paper, Tufts University, Boston.
- Michael, Robert T. 1985. "Consequences of the Rise in Female Labor Force Participation Rates: Questions and Probes". *Journal of Labor Economics* 3 (1): S117–146.
- Midlarsky, Manus. 1998. "Democracy and Islam: Implications for Civilizational Conflict and the Democratic Peace". *International Studies Quarterly* 42: 485–511.
- Miguel, Edward, Shanker Satyanath, and Ernest Sergenti. 2004. "Economic Shocks and Civil Conflict: An Instrumental Variables Approach". *Journal of Political Economy* 112 (4): 725–754.
- Mill, John Stuart. [1848] 1987. *Principles of Political Economy*. Fairfield, NJ: Augustus M. Kelley Publishers.
- Minor, Michael S. 1994. "The Demise of Expropriation as an Instrument of LDC Policy, 1980–92". *Journal of International Business Studies* 25 (1): 177–188.
- Moghadam, Valentine. 1999. "Gender and Globalization: Female Labor and Women's Movements". *Journal of World-Systems Research* 5 (2): 367–388.
- Mommer, Bernard. 2002. *Global Oil and the Nation State*. New York: Oxford University Press.
- Montaner, Carlos Alberto. 2008. "Why Did Venezuela Surrender to Chavez?" *Miami Herald*, January 8.
- Moon, Seungsook. 2002. "Women and Democratization in the Republic of Korea". *Good Society* 11 (3): 36–42.
- Moran, Theodore. 2007. *Harnessing Foreign Direct Investment: Policies for Developed and Developing Countries*. Washington, DC: Center for Global Development.
- Moreno, Alejandro. 2007. "The 2006 Mexican Presidential Election: The Economy, Oil Revenues, and Ideology". *PS: Political Science and Politics* 40 (1): 15–19.

- Morgan, Edmund S., and Helen M. Morgan. 1953. *The Stamp Act Crisis: Prologue to Revolution*. New York: Collier Books.
- Morrison, Kevin. 2007. "Natural Resources, Aid, and Democratization: A Best-case Scenario". *Public Choice* 131 (3-4): 365-386.
- Morrison, Kevin. 2009. "Oil, Nontax Revenue, and Regime Stability". *International Organization* 63: 107-138.
- Moss, Todd, and Lauren Young. 2009. "Saving Ghana from Its Oil: The Case for Direct Cash Distribution". Working Paper. Washington, DC: Center for Global Development.
- Myers, Steven Lee, and Andrew E. Kramer. 2007. "From Ashes of Yukos, New Russian Oil Giant Emerges". *New York Times*, March 27.
- Nam, Jeong-Lim. 2000. "Gender Politics in the Korean Transition to Democracy". *Korean Studies* 24: 94-113.
- Nazir, Sameena, and Leigh Tomppert. 2005. *Women's Rights in the Middle East and North Africa: Citizenship and Justice*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield Publishers.
- Neary, J. Peter, and Sweder van Wijnbergen. 1986. *Natural Resources and the Macroeconomy*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Nooruddin, Irfan. 2008. "The Political Economy of National Debt Burdens, 1970-2000". *International Interactions* 34 (2): 156-185.
- North, Douglass C. 1955. "Location Theory and Regional Economic Growth". *Journal of Political Economy* 63 (2): 243-258.
- North, Douglass C. 1990. *Institutions, Institutional Change, and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Nurske, Ragnar. 1958. "Trade Fluctuations and Buffer Policies of Low-Income Countries". *Kyklos* 11: 141-154.
- O'Ballance, Edgar. 2000. *Sudan, Civil War, and Terrorism, 1956-1999*. New York: St. Martin's Press.
- O'Donnell, Guillermo, Philippe C. Schmitter, and Lawrence Whitehead. 1986. *Transitions from Authoritarian Rule: Prospects for Democracy*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- O'Loughlin, John, Michael D. Ward, Corey L. Lofdahl, Jordin S. Cohen, David S. Brown, David Reilly, Kristian Skrede Gleditsch, and Michael Shin. 1998. "The Diffusion of Democracy". *Annals of the Association of American Geographers* 88 (4): 545-574.
- Oakes, Ann, and Elizabeth Almquist. "Women in National Legislatures". *Population Research and Policy Review* 12 (1): 71-81.
- Okruhlik, Gwenn. 1999. "Rentier Wealth, Unruly Law, and the Rise of the Opposition". *Comparative Politics* 31 (3): 295-315.
- Olken, Benjamin. 2009. "Corruption Perceptions vs. Corruption Reality". *Journal of Public Economics* 93 (7-8): 950-964.
- Olson, Mancur. 1993. "Dictatorship, Democracy, and Development". *American Political Science Review* 87 (3): 567-576.
- Omeje, Kenneth. 2006. "Petrobusiness and Security Threats in the Niger Delta, Nigeria". *Current Sociology* 54 (3): 477-499.

- Osaghae, Eghosa. 1994. "The Ogoni Uprising: Oil Politics, Minority Agitation, and the Future of the Nigerian State". *African Affairs* 94: 325–344.
- Østby, Gudrun, Ragnhild Nordås, and Jan Ketil Rød. 2009. "Regional Inequalities and Civil Conflict in sub-Saharan Africa". *International Studies Quarterly* 53 (2): 301–324.
- Özler, Sule. 2000. "Export Orientation and Female Share of Employment: Evidence from Turkey". *World Development* 28 (7): 1239–1248.
- Palley, Marian Lief. 1990. "Women's Status in South Korea: Tradition and Change". *Asian Survey* 30 (12): 1136–1153.
- Palley, Thomas. 2003. "Combating the Natural Resource Curse with Citizen Revenue Distribution Funds". Unpublished paper, Washington, DC.
- Papyrakis, Elissaios, and Reyer Gerlagh. 2004. "The Resource Curse Hypothesis and Its Transmission Channels". *Journal of Comparative Economics* 32 (1): 181–193.
- Park, Jihang. 1990. "Trailblazers in a Traditional World: Korea's First Women College Graduates, 1910–45". *Social Science History* 14 (4): 533–558.
- Park, Kyung Ae. 1993. "Women and Development: The Case of South Korea". *Comparative Politics* 25 (2): 127–145.
- Pax Christi Netherlands. 2001. *The Kidnap Industry in Colombia: Our Business?* Utrecht: Pax Christi Netherlands.
- Pearce, Jenny. 2005. "Policy Failure and Petroleum Predation: The Economics of Civil War Debate Viewed 'from the War-Zone'". *Government and Opposition* 40 (2): 152–180.
- Peluso, Nancy, and Michael Watts. 2001. *Violent Environments*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Penrose, Edith. 1976. *The Large International Firm in Developing Countries*. Westport, CT: Greenwood Press.
- Piotrowski, Suzanne, ed. 2010. *Transparency and Secrecy*. Lanham, MD: Lexington Books.
- Posner, Daniel N., and Daniel Young. 2007. "The Institutionalization of Political Power in Africa". *Journal of Democracy* 18 (3): 126–140.
- Prebisch, Raul. 1950. *The Economic Development of Latin America and Its Principal Problems*. Lake Success, NY: United Nations.
- Przeworski, Adam. 2007. "Is the Science of Comparative Politics Possible?" In *The Oxford Handbook of Comparative Politics*, edited by Carles Boix and Susan Stokes, 147–171. New York: Oxford University Press.
- Przeworski, Adam, Michael E. Alvarez, Jose Antonio Cheibub, and Fernando Limongi. 2000. *Democracy and Development: Political Institutions and Well-being in the World, 1950–1990*. New York: Cambridge University Press.
- Quinn, John James. 2002. *The Road Oft Traveled: Development Policies and Majority State Ownership of Industry in Africa*. Westport, CT: Praeger.
- Radon, Jenik. 2007. "How to Negotiate Your Oil Agreement". In *Escaping the Resource Curse*, edited by Macartan Humphreys, Jeffrey Sachs, and Joseph E. Stiglitz, 89–113. New York: Columbia University Press.

- Ramey, Garey, and Valerie Ramey. 1995. "Cross-country Evidence on the Link between Volatility and Growth". *American Economic Review* 85 (5): 1138–1151.
- Ramsay, Kristopher. 2009. "Natural Disasters, the Price of Oil, and Democracy". Unpublished paper, Princeton University, Princeton, NJ.
- Razafindrakoto, Mireille, and Francois Roubaud. 2010. "Are International Databases on Corruption Reliable? A Comparison of Expert Opinion Surveys and Household Surveys in sub-Saharan Africa". *World Development* 38 (8): 1057–1069.
- Regnier, Eva. 2007. "Oil and Energy Price Volatility". *Energy Economics* 29 (3): 405–427.
- Reinikka, Ritva, and Jakob Svensson. 2004. "Local Capture: Evidence from a Central Government Transfer Program in Uganda". *Quarterly Journal of Economics* 119 (2): 679–705.
- Revenue Watch Institute. 2010. "2010 Revenue Watch Index". New York: Revenue Watch Institute.
- Reynolds, Andrew. 1999. "Women in the Legislatures and Executives of the World". *World Politics* 51 (4): 547–572.
- Risen, James, and Eric Lichtblau. "Hoard of Cash Lets Qaddafi Extend Fight against Rebels". *New York Times*, March 9, 2011, 1.
- Roberts, Adam. 2006. *The Wonga Coup*. London: Profile Books.
- Robinson, Geoffrey. 1998. "Rawan Is as Rawan Does: The Origins of Disorder in New Order Aceh". *Indonesia* 66:127–156.
- Robinson, James A., and Ragnar Torvik. 2005. "White Elephants". *Journal of Public Economics* 89:197–210.
- Robinson, James A., Ragnar Torvik, and Thierry Verdier. 2006. "Political Foundations of the Resource Curse". *Journal of Development Economics* 79 (2): 447–468.
- Rosenblum, Peter, and Susan Maples. 2009. "Contracts Confidential: Ending Secret Deals in the Extractive Industries". New York: Revenue Watch Institute.
- Rosendorf, B. Peter, and James R. Vreeland. 2006. "Democracy and Data Dissemination: The Effect of Political Regime on Transparency". Unpublished paper, Yale University, New Haven, CT.
- Ross, Michael L. 1999. "The Political Economy of the Resource Curse". *World Politics* 51 (2): 297–322.
- Ross, Michael L. 2001a. "Does Oil Hinder Democracy?" *World Politics* 53 (3): 325–361.
- Ross, Michael L. 2001b. *Timber Booms and Institutional Breakdown in Southeast Asia*. New York: Cambridge University Press.
- Ross, Michael L. 2003. "Oil, Drugs and Diamonds: The Varying Roles of Natural Resources in Civil War". In *The Political Economy of Armed Conflict*, edited by Karen Ballentine and Jake Sherman, 47–72. Boulder, CO: Lynne Rienner.
- Ross, Michael L. 2004a. "Does Taxation Lead to Representation?" *British Journal of Political Science* 34: 229–249.

- Ross, Michael L. 2004b. "What Do We Know about Natural Resources and Civil War?" *Journal of Peace Research* 41 (3): 337–356.
- Ross, Michael L. 2004c. "How Do Natural Resources Influence Civil War? Evidence from 13 Cases". *International Organization* 58: 35–67.
- Ross, Michael L. 2005a. "Booty Futures". Unpublished paper, University of California at Los Angeles.
- Ross, Michael L. 2005b. "Resources and Rebellion in Aceh, Indonesia". In *Understanding Civil War: Evidence and Analysis*, edited by Paul Collier and Nicholas Sambanis, 35–58. Washington, DC: World Bank.
- Ross, Michael L. 2006a. "A Closer Look at Oil, Diamonds, and Civil War". *Annual Review of Political Science* 9: 265–300.
- Ross, Michael L. 2006b. "Is Democracy Good for the Poor?" *American Journal of Political Science* 50 (4): 860–874.
- Ross, Michael L. 2007. "How Mineral-Rich States Can Reduce Inequality". In *Escaping the Resource Curse*, edited by Macartan Humphreys, Jeffrey Sachs, and Joseph E. Stiglitz, 237–255. New York: Columbia University Press.
- Ross, Michael L. 2008. "Oil, Islam, and Women". *American Political Science Review* 102 (1): 107–123.
- Ross, Michael L. 2010. "Latin America's Missing Oil Wars". Unpublished paper, University of California at Los Angeles.
- Rosser, Andrew. 2007. "Escaping the Resource Curse: The Case of Indonesia". *Journal of Contemporary Asia* 37 (1): 38–58.
- Rutland, Peter. 2006. "Oil and Politics in Russia". Unpublished paper, Wesleyan University, Middletown, CT.
- Sachs, Jeffrey, and Pia Malaney. 2002. "The Economic and Social Burden of Malaria". *Nature* 415: 680–685.
- Sachs, Jeffrey D., and Andrew M. Warner. 1995. "Natural Resource Abundance and Economic Growth". Development Discussion Paper 517a. Cambridge, MA: Harvard Institute for International Development.
- Sachs, Jeffrey D., and Andrew M. Warner. 1997. "Fundamental Sources of Long-run Growth". *American Economic Review* 87 (2): 184–188.
- Sala-i-Martin, Xavier, and Arvind Subramanian. 2003. "Addressing the Natural Resource Curse: An Illustration from Nigeria". IMF Working Paper. Washington, DC: International Monetary Fund.
- Salamé Ghassan. 1994. *Democracy without Democrats? The Renewal of Politics in the Muslim World*. London: I. B. Tauris Publishers.
- Sambanis, Nicholas. 2001. "Do Ethnic and Non-Ethnic Civil Wars Have the Same Causes?" *Journal of Conflict Resolution* 45 (3): 259–282.
- Sambanis, Nicholas. 2004. "What Is Civil War? Conceptual and Empirical Complexities of an Operational Definition". *Journal of Conflict Resolution* 48 (6): 814–858.
- Sandbu, Martin E. 2006. "Natural Wealth Accounts: A Proposal for Alleviating the Natural Resource Curse". *World Development* 34 (7): 1153–1170.
- Sapiro, Virginia. 1983. *The Political Integration of Women*. Urbana: University of Illinois Press.

- Sarbahi, Anoop. 2005. "Major States, Neighbors, and Civil Wars: A Dyadic Analysis of Third-party Intervention in Intra-State Wars". Unpublished paper, University of California at Los Angeles.
- Schroeder, Jana. 2002. "Oil, Politics, and Scandal in Mexico". *World Press Review*, February 21.
- Schultz, Heiner. 2006. "Political Institutions and Foreign Direct Investment in Developing Countries: Does the Sector Matter?" Unpublished paper, University of Pennsylvania, Philadelphia.
- Schumpeter, Joseph A. [1918] 1954. "The Crisis of the Tax State". *International Economic Papers* 4: 5–38.
- Scott, James C. 1976. *The Moral Economy of the Peasant*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Shafer, D. Michael. 1983. "Capturing the Mineral Multinationals: Advantage or Disadvantage?" *International Organization* 37 (1): 93–119.
- Shafer, D. Michael. 1994. *Winners and Losers: How Sectors Shape the Developmental Prospects of States*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Shapiro, Ian. 2005. *The Flight from Reality in the Human Sciences*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Shaxson, Nicholas. 2005. "New Approaches to Volatility: Dealing with the 'Resource Curse' in Sub-Saharan Africa". *International Affairs* 81 (2): 311–324.
- Singer, Hans W. 1950. "The Distribution of Gains between Investing and Borrowing Countries". *American Economic Review* 40: 473–485.
- Sjamsuddin, Nazaruddin. 1984. "Issues and Politics of Regionalism in Indonesia: Evaluating the Acehese Experience". In *Armed Separatism in Southeast Asia*, edited by Joo-Jock Lim and S. Vani, 111–28. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies.
- Skocpol, Theda. 1982. "Rentier State and Shi'a Islam in the Iranian Revolution". *Theory and Society* 11: 265–283.
- Smith, Adam. [1776] 1991. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. New York: Prometheus Books.
- Smith, Benjamin. 2007. *Hard Times in the Land of Plenty*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Smith, James. 2009. "World Oil: Market or Mayhem?" *Journal of Economic Perspectives* 23 (3): 145–164.
- Snyder, Richard. 1992. "Explaining Transitions from Neopatrimonial Dictatorships". *Comparative Politics* 24 (4): 379–400.
- Spengler, Joseph J. 1960. *Natural Resources and Growth*. Washington, DC: Resources for the Future.
- Stern, Jonathan P. 1980. *Soviet Natural Gas Developments to 1990*. Lexington, MA: Lexington Books.
- Stevens, Paul. 2008. "National Oil Companies and International Oil Companies in the Middle East: Under the Shadow of Government and the Resource Nationalism Cycle". *Journal of World Energy Law and Business* 1 (1): 5–30.

- Stevens, Paul, and Evelyn Dietsche. 2008. "Resource Curse: An Analysis of Causes, Experiences, and Possible Ways Forward". *Energy Policy* 36 (1): 56–65.
- Stiglitz, Joseph E. 2007. "What Is the Role of the State?" In *Escaping the Resource Curse*, edited by Macartan Humphreys, Jeffrey Sachs, and Joseph E. Stiglitz, 23–52. New York: Columbia University Press.
- Suni, Paavo. 2007. "Oil Prices and the Russian Economy: Some Simulation Studies with Nigem". Helsinki: ETLA, Research Institute of the Finnish Economy.
- Talvi, Ernesto, and Carlos A. Vegh. 2005. "Tax Base Variability and Pro-cyclical Fiscal Policy in Developing Countries". *Journal of Development Economics* 78 (1): 156–190.
- Tarbell, Ida. 1911. *The Tariff in Our Times*. New York: Macmillan Company.
- Tavares, José, and Romain Wacziarg. 2001. "How Democracy Affects Growth". *European Economic Review* 45:1341–1378.
- Tetreault, Mary Ann. 1985. *Revolution in the World Petroleum Market*. Westport, CT: Quorum Books.
- Thies, Cameron G. 2010. "Of Rulers, Rebels, and Revenue: State Capacity, Civil War Onset, and Primary Commodities". *Journal of Peace Research* 47 (3): 321–332.
- Thomas, Duncan, Dante Contreras, and Elizabeth Frankenberg. 2002. "Distribution of Power within the Household and Child Health". Unpublished paper, University of California at Los Angeles.
- Tornell, Aaron, and Philip R. Lane. 1999. "The Voracity Effect". *American Economic Review* 89 (1): 22–46.
- Transparency International. 2008. "Promoting Revenue Transparency: 2008 Report on Revenue Transparency of Oil and Gas Companies". Berlin: Transparency International.
- Treisman, Daniel. 2007. *The Architecture of Government: Rethinking Political Decentralization*. New York: Cambridge University Press.
- Treisman, Daniel. 2010. "Is Russia Cursed by Oil?" *Journal of International Affairs* 63 (2): 85–102.
- Tripp, Aili Mari, and Alice Kang. 2008. "The Global Impact of Quotas: On the Fast Track to Increased Female Legislative Representation". *Comparative Political Studies* 41 (3): 338–361.
- Tsui, Kevin K. 2011. "More Oil, Less Democracy? Evidence from Worldwide Crude Oil Discoveries". *Economic Journal* 121 (551): 89–115.
- Tufte, Edward R. 1978. *Political Control of the Economy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Ulfelder, Jay. 2007. "Natural Resource Wealth and the Survival of Autocracies". *Comparative Political Studies* 40 (8): 995–1018.
- United Nations. 1991. *The World's Women: Trends and Statistics, 1970–1990*. New York: United Nations.
- United Nations Conference on Trade and Development. 2009. "World Investment Report". New York: United Nations Conference on Trade and Development.

- United Nations Development Program. 2002. *Arab Human Development Report*. New York: United Nations Development Program.
- US Geological Survey. n. d. *Minerals Yearbook*. Washington, DC: US Department of the Interior.
- van der Ploeg, Frederick, and Steven Phaelhekke. 2009. "Volatility and the Natural Resource Curse". Oxcarre Research Papers. Oxford: Oxford: Department of Economics, Oxford University.
- Vandewalle, Dirk. 1998. *Libya since Independence: Oil and State-Building*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Vernon, Raymond. 1971. *Sovereignty at Bay: The Spread of U. S. Enterprises*. New York: Basic Books.
- Victor, David, David Hults, and Mark Thurber. 2011. *Oil and Governance: State-Owned Enterprises and the World Energy Supply*. New York: Cambridge University Press.
- Viner, Jacob. 1952. *International Trade and Economic Development*. Glencoe, IL: Free Press.
- Vines, Alex, Markus Weimer, and Indira Campos. 2009. *Angola and Asian Oil Strategies*. London: Chatham House.
- Walter, Barbara. 2002. *Committing to Peace: The Successful Settlement of Civil Wars*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Watkins, Melville H. 1963. "A Staple Theory of Economic Growth". *Canadian Journal of Economics and Political Science* 29 (2): 142–158.
- Watts, Michael. 1997. "Black Gold, White Heat". In *Geographies of Resistance*, edited by Steve Pile and Michael Keith, 33–67. New York: Routledge.
- Watts, Michael. 2007. "Anatomy of an Oil Insurgency: Violence and Militants in the Niger Delta, Nigeria". In *Extractive Economies and Conflicts in the Global South: Multi-Regional Perspectives on Rentier Politics*, edited by Kenneth Omeje, 5174. London: Ashgate.
- Wehrey, Frederic, Jerrod Green, Brian Nichiporuk, Alireza Nader, Lydia Hansell, Rasool Nafisi, and S. R. Bohandy. *The Rise of the Pasdaran: Assessing the Domestic Roles of Iran's Islamic Revolutionary Guards Corps*. Santa Monica: RAND.
- Weinstein, Jeremy M. 2007. *Inside Rebellion: The Politics of Insurgent Violence*. New York: Cambridge University Press.
- Wenar, Leif. 2008. "Property Rights and the Resource Curse". *Philosophy and Public Affairs* 36 (1): 2–32.
- Werger, Charlotte. 2009. "The Effect of Oil and Diamonds on Democracy: Is There Really a Resource Curse?" OxCarre Research Papers. Oxford: Department of Economics, Oxford University.
- White, Gregory. 2001. *A Comparative Political Economy of Tunisia and Morocco: On the Outside Looking In*. Albany: State University of New York Press.
- Wick, Katharina, and Erwin Bulte. 2009. "The Curse of Natural Resources". *Annual Review of Resource Economics* 1: 139–156.
- Williams, Peggy. 2006. "Deep Water Delivers". *Oil and Gas Investor* (May): 2–12.
- Williams, T. Harry. 1969. *Huey Long*. New York: Knopf.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Wintrobe, Ronald. 2007. "Dictatorship: Analytical Approaches". In *The Oxford Handbook of Comparative Politics*, edited by Carles Boix and Susan Stokes, 363-94. New York: Oxford University Press.
- Wolfers, Justin. 2009. "Are Voters Rational? Evidence from Gubernatorial Elections". Working paper, Wharton School of Business, Philadelphia.
- Wong, Lillian. 2008. *The Impact of Asian National Oil Companies in Nigeria, or "Things Fall Apart"*. London: Chatham House.
- World Bank. 2001. *Engendering Development*. New York: Oxford University Press.
- World Bank. 2004. *Gender and Development in the Middle East and North Africa*. Washington, DC: World Bank.
- World Bank. 2005. "The Status and Progress of Women in the Middle East and North Africa". Washington, DC: World Bank Middle East and North Africa Social and Economic Development Group.
- World Bank. n. d. "World Development Indicators". Available at <http://data.worldbank.org/>.
- Wright, Gavin, and Jesse Czelusta. 2004. "The Myth of the Resource Curse". *Challenge* 47 (2): 6-38.
- Wuerth, Oriana. 2005. "The Reform of the Moudawana: The Role of Women's Civil Society Organizations in Changing the Personal Status Code in Morocco". *Hawwa* 3 (3): 309-333.
- Yates, Douglas A. 1996. *The Rentier State in Africa: Oil Rent Dependency and Neocolonialism in the Republic of Gabon*. Trenton, NJ: Africa World Press.
- Yergin, Daniel. 1991. *The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power*. New York: Simon and Schuster.
- Yoon, Bang-Soon L. 2003. "Gender Politics in South Korea: Putting Women on the Political Map". In *Confrontation and Innovation on the Korean Peninsula*, edited by Korea Economic Institute. Washington, DC: Korea Economic Institute.
- York, Robert, and Zaijin Zhan. 2009. "Fiscal Vulnerability and Sustainability in Oil-Producing sub-Saharan African Countries". IMF Working Paper. Washington, DC: International Monetary Fund.
- Youssef, Nadia. 1971. "Social Structure and the Female Labor Force: The Case of Women Workers in Muslim Middle Eastern Countries". *Demography* 8 (4): 427-439.

Научное издание

МАЙКЛ РОСС

НЕФТЯНОЕ ПРОКЛЯТИЕ

Как богатые запасы углеводородного сырья
задают направление развития государств

Главный редактор издательства ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Научный редактор издательства АРТЕМ СМЕРНОВ

Выпускающий редактор ЕЛЕНА ПОПОВА

Корректор НАТАЛИЯ СЕЛИНА

Художник серии ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка СЕРГЕЯ ЗИНОВЬЕВА

Издательство Института Гайдара

125009, Москва, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1

Подписано в печать 4.10.2015.

Тираж 1000 экз. Формат 60×90/16. Заказ 5591

Отпечатано в филиале «Чеховский печатный двор»

АО «Первая образцовая типография»

www.chpd.ru. Факс (496) 726-54-10, (495) 988-63-87

142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, 1

Институт экономической политики имени Егора Тимуровича Гайдара — крупнейший российский научно-исследовательский и учебно-методический центр.

Институт экономической политики был учрежден Академией народного хозяйства в 1990 году. С 1992 по 2009 год был известен как Институт экономики переходного периода, бессменным руководителем которого был Е. Т. Гайдар.

В 2010 году по инициативе коллектива в соответствии с Указом Президента РФ от 14 мая 2010 г. № 601 институт вернулся к исходному наименованию, и ему было присвоено имя Е. Т. Гайдара.

Издательство Института Гайдара основано в 2010 году. Задачей издательства является публикация отечественных и зарубежных исследований в области экономических, социальных и гуманитарных наук, трудов классиков и современников.

Майкл Росс — профессор политических наук и директор Центра по изучению Юго-Восточной Азии в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. Автор научных и публицистических статей, посвященных странам, богатым природными ресурсами, которые публиковались, среди прочего, в *Foreign Affairs*, *Foreign Policy*, *New York Times*, *Washington Post* и *Newsweek*. В 2009 году он получил премию им. Хайнца Юлау от Американской ассоциации политических наук.

Лучшее и самое полное на сегодняшний день исследование причин и последствий нефтяного богатства для стран с плохим управлением <...> Стоящее чтение.

Стивен Краснер, профессор политических наук Стэнфордского университета

Времена поменялись? Станет ли нефть основой для глубоких преобразований, или повторится старая история грабежа? Новая работа Росса написана доступным языком. Прочтите ее, ведь понимание — основа для перемен.

Пол Коллиер, профессор экономики и государственной политики Оксфордского университета

«Нефтяное проклятие» обязательно к прочтению для исследователей и участников общественных дебатов. Очень важная книга.

Роберт Бейтс, профессор государственного управления Гарвардского университета

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА